

М Е Р Я

И

6836

РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РОСТОВСКО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Д. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1872.

По опредѣленію Историко - филологическаго факультета печатать въ
Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета дозволяется.

Деканъ *Н. Омрсков.*

П Р И Л О Ж Е Н І Е

Къ Ученыхъ Запискамъ Императорскаго Казанскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе	I—VIII.

I.

Чудское, или Финское племя и его вѣтви.—Его названіе, происхожденіе и историческое значеніе.—Извѣстія о сѣверо-востокѣ Европы у Грековъ и Римлянъ.—Свѣдѣнія о Финнахъ у Римлянъ, Нѣмцевъ, Скандинавовъ и Арабовъ.—Свидѣтельства Нестора и другихъ нашихъ лѣтописцевъ и былинъ.—Чудской народецъ Мери и его распространеніе.—Данныя для возстановленія Мери: а) изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ письменныхъ источниковъ.— б) изъ рассмотрѣнія особенности теперешняго великорусскаго населенія губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской,—с) изъ аналогій съ Мордвою и Черемисами,—d) изъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ.—Нѣсколько предположеній о языкѣ, религіи и бытѣ Мери.—Сосѣди ея Чудскаго и Славянскаго племени и Литовскій народецъ Голядь.—Колонизація Славянъ среди Мери и главнѣйшіе ея виды.— Древнѣйшая колонизація.— Возникновеніе Ростова.

4 — 62

II.

Ростовско-Суздальская земля

съ 862 по 1157 г.

Значеніе этого періода для Ростовско-Суздальской земли.—Характеристика колонизаціи княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой.—Ростовъ при Рюрикѣ и Олегѣ.—

II

Стран.

Начало Суздаля.—Зависимость Ростовско-Суздальской земли от южных князей.—Владимиръ Мономахъ.—Юрій Долгорукий, его характеристика и его колонизационная деятельность въ Ростовско-Суздальской землѣ, значеніе построенныхъ имъ городовъ.—Водвореніе въ Ростовѣ Христіанства и его борьба съ язычествомъ.—Св. св. Леонтій, Исаія и Авраамій.—Первые монастыри.—Границы Ростовско-Суздальской земли къ концу періода.—Отношенія къ Новгороду.—Начало промышленно-торговой деятельности.—Начало столкновеній съ Болгарами . 63—104.

III.

Ростовско-Суздальская земля

съ 1157 по 1237 г.

Значеніе эпохи Андрея Боголюбскаго.—Характеристика Андрея.—Распределеніе городовъ послѣ его убіенія и роль Ростова въ этой распрѣ.—Всеволодъ Юрьевичъ и Юрій Всеволодовичъ.—Нѣсколько словъ о характерѣ власти князя въ Ростовско-Суздальской землѣ.—Обособленіе княженій.—Дальнѣйшее движеніе княжеско-военной колонизаціи.—Отношеніе къ Болгарамъ и Мордвѣ — Татары — Дѣла церковныя — Промышленность и торговля.—Границы Ростовско-Суздальской земли при нашествіи Татаръ.—Отношенія къ Новгороду, Смоленску и Рязани. 105—149.

IV.

Ростовское княжество и его удѣлы.

Ростовское княжество — Характеристика перваго Ростовскаго князя Константина Всеволодовича.—Его сыновья: Василько, Всеволодъ и Владимиръ и ихъ удѣлы.—Ростовскій удѣлъ и Устюгъ-Великій.—Ярославское княжество.—Бѣлоозеро—Угличь-Поле.—Кострома и Галичъ-Мерскій.—Татары въ Ростовскомъ княжествѣ.—Общая судьба удѣловъ Ростовскаго княжества. 150—193.

III

V.

Внутреннее состояніе Ростовскаго княжества отъ начала XIII в. до подчиненія удѣловъ этого княжества Москвѣ.

Стран.

Границы Ростовскаго княжества и его удѣловъ.—Города: Ростовъ, Ярославль и Угличе-Поле.—Общій обзоръ колонизаціи въ предѣлахъ Ростовскаго княжества съ XIII в.—Вновь построенные города.—Колонизація монастырская, монастыри и подвижники.—Жалованныя и льготныя грамоты монастырямъ.—Замѣчательныя личности изъ епископовъ.—Церковная письменность и мѣстная литература.—Училища.—Промышленность и торговля.—Характеристика общественнаго строя Ростовскаго княжества 194—246.

1917

1917

Спеціальная исторія Ростовско-Суздальской земли занимаетъ очень видное мѣсто во всеобщей исторіи Россіи, имѣеть весьма важное значеніе для уясненія нашей исторической жизни.

Въ землѣ Ростовско - Суздальской образовалось и окрѣпло младшее изъ трехъ племенъ нашего народа, племя Великорусское, — племя, собравшее и сплотившее Русскую землю и создавшее могущественное Русское государство, единственную самобытную въ настоящее время Славянскую державу.

Въ землѣ Ростовско - Суздальской сложилось и развилось начало единовластія, послужившее основаніемъ нашего государственнаго строя.

Въ землѣ Ростовско-Суздальской, наконецъ, явилось нѣсколько самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга княжествъ. Одно изъ этихъ княжествъ, самое незначительное, — княжество Московское становится *этнографическимъ* и *политическимъ* центромъ земли Русской: всея Великія и Малыя и Бѣлыя Руси. Москва является выразительницей стремленій племени Великорусскаго. Посредствомъ Москвы это племя получаетъ первенство въ Русской землѣ, посредствомъ Москвы начало единовластія укореняется на Руси и объединяетъ ея разрозненныя области.

II

Такимъ образомъ, исторія Ростовско - Суздальской земли составляетъ прологъ къ исторіи Московскаго государства.

Изученіе корней, зародышей всѣхъ историческихъ явленій сопряжено съ большими затрудненіями. Затрудненія эти усложняются еще больше при анализѣ этнографическихъ и политическихъ элементовъ Великорусскаго племени, историческая фізіономія котораго до сихъ поръ еще не выработалась въ опредѣленный типъ.

Вполнѣ понимая эти затрудненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая недостаточность нашихъ собственныхъ силъ для всесторонней разработки исторіи Ростовско - Суздальской земли, — мы ограничиваемся на первый разъ представленіемъ вниманію читателей „очерковъ изъ исторіи этой земли“.

Предлагаемая работа, согласно тремъ главнѣйшимъ явленіямъ исторической жизни Ростовско-Суздальской земли, выставленнымъ выше, — распадается на три части:

Въ первой части, состоящей изъ первой главы, мы сгруппировываемъ матеріалъ, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, возможно будетъ впоследствии возстановить исчезнувшій народецъ Мерю. Этотъ народецъ, который причисляется учеными къ обширному Чудскому, или Финнскому племени, заселявшему съ давнихъ поръ сѣверо-востокъ Европы, — обиталъ въ верховьяхъ Волги. Путемъ колонизаціи Славянъ среди Мери мало по малу стала образовываться та ячейка, которая съ теченіемъ времени выросла въ племя Великорусское.

III

Вторая часть (главы II и III) рассматривает зарождение элементов гражданственности в Ростовско-Суздальской землѣ: *власти князя и Христианства*, и дальнѣйшее колонизаціонное распространение Велико-русскаго племени на востокъ. Часть эта обнимаетъ собою всю Ростовско-Суздальскую землю, съ утвержденія въ ней „музей“ перваго князя Рюрика до нашествія Татаръ,—эпохи, около которой обособился старѣйшій городъ земли Ростовъ въ отдѣльное княжество. Въ этой части мы старались обратить наше вниманіе преимущественно на условія, при которыхъ зачалось и развилось начало единовластія.

Въ третьей части (главы IV и V) излагается внѣшняя и внутренняя исторія Ростовскаго княжества и его удѣловъ. Мы старались изложить эту исторію настолько подробно, насколько позволили намъ источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи.

Задача нашей работы, т. обр., можетъ быть формулирована въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Дать группировку матеріала для возстановленія Мери.

2. Представить попытку на посильное уясненіе элементовъ гражданственности Ростовско-Суздальской земли до обособленія въ этой землѣ отдѣльныхъ княжествъ.

3. Изложить, по возможности подробно, исторію старѣйшаго изъ этихъ княжествъ, княжества Ростовскаго.

Какъ мы выполнили нашу задачу—судить не намъ; но мы желаемъ надѣяться, что ученые спеціалисты про-

стать намъ невольные промахи и что критика укажетъ на наши ошибки.

Въ-заключеніе, для облегченія тѣхъ изъ читателей, которые пожелали бы провѣрить цитаты въ нашихъ очеркахъ, представляемъ списокъ главнѣйшихъ источниковъ и пособій, послужившихъ матеріаломъ при нашей работѣ. Въ этотъ списокъ внесены только отдѣльныя изданія; перечисленіе же всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, которыми мы пользовались—мы опустили, считая его за излишнее повтореніе примѣчаній.

I. Источники и пособія по этнографіи и археологіи:

1. Русскія народныя сказки, изд. А. Н. Леонасьевымъ. М. 1861.
2. Н. Барсова. Матеріалы для историко-географическаго Словаря Россіи. Вильно 1865.
3. Географическій атласъ Россійской имперіи на 70-ти листахъ. Изд. 1821 г.
4. Почтовая карта Россійской имперіи. Спб. 1842.
5. А. Castren. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren. 1845—1849. Spb. 1856.
6. А. Castren. Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker. Spb. 1857.
7. А. Lerberg. Untersuchungen zur Erläuter. der älteren Geschichte Russlands. Spb. 1816.
8. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранн. офицерами генеральнаго штаба. Костромская губ., сост. Н. Крживоблоцкій. Спб. 1861.
9. F. H. Müller. Der Ugrische Volksstamm. 1-е Abt. 2 B-d. Berl. 1837.
10. А. Ф. Риттиха. Казанская губернія. Казань 1870. 2 т.
11. Н. П. Сахарова. Сказанія Русскаго народа. т. 1-й Спб. 1841.
12. И. М. Снегирева. Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837.—1838 4 т.

13. Списки населенных мѣстъ Россійской имперіи, сост. и изд. центр. статист. комитетомъ мн. вн. дѣлъ 1) *Ярославская* губ., редакт. А. Артемьевъ. Спб. 1865. — 2) *Владимірская* губ., редакт. О. Раевскій. Спб. 1863. — 3) *Нижегородская* губ., редакт. Е. Огородниковъ. Спб. 1863. — 4) *Московская* губ., редакт. онъ-же. Спб. 1862. — 5) *Тверская* губ., редакт. Н. Вильсонъ. Спб. 1862.

14. П. І. Шафарика. Славянскія древности. Перев. О. М. Бодянского. 1-е изд. М. 1837—1848. 2 т. въ 6-ти кн.

15. Шеннигъ. Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ. М. 1862.

II. Историческіе письменные источники:

16. Русская лѣтопись по Никоновскому списку, изд. Акад. наукъ. Спб. 1789 8 том..

17. A. L. Schlözer. Несторъ, *Russische Annalen Götting.* 1803—1809. 3 Bnd.

18. Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, издани. археографической комисс. Спб. 1846—1863. т. I—IX, XV.

19. Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, изд. кн. М. А. Оболенскимъ. М. 1851.

20. Степенная книга, изд. Миллеромъ. Спб. 1775. 2 т.

21. Памятники старинной Русской литературы. Изд. Гр. Г. А. Кушелева-Безбородко подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина. Спб. 1860—1863. 4-й в.

22. Памятники Россійской словесности XII в., изд. К. Калайдовичемъ. М. 1824.

23. Житія св. св.: Бориса и Глѣба, епископовъ Ростовскихъ: Леонтія и Исаи и сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, напечатаны въ Правосл. Собес. 1858 и 1859.

24. Акты, собранн. въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою экспедиціею Императорской Академіи наукъ. т. 1-й Спб. 1836.

25. Акты историческіе, собр и издани. археографическою комиссіею. т. 1-й Спб. 1844.

26. Дополненія къ актамъ историческимъ, собр. и изд. Археографическою Комиссіею. т. 1-й Спб. 1846.

27. Судебникъ государя, царя и в. кн. Іоанна Васильевича, изъясненный Татищевымъ. Москва 1768.

28. Собрание Государственных грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государств. коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Т. I-й. М. 1813.
29. Сказанія князя Курбскаго. Изд. Устрялова. (3-е изд.) Спб. 1868.
30. А. Гаркази. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (съ полов. VII в. до конца X в. по р. Хр.) Спб. 1870.
31. Frähn. Ibn-Foszlau's und andere Araber Berichte. Spb. 1823.
32. Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи. Изд. Семенова. Т. 1-й Спб. 1836.
33. Герберштейнъ. Записки о Московіи. Переводъ И. Анонимова. Спб. 1866.
34. А. Олсариі. Путешествіе въ Москву. Переводъ Н. Барсова. Въ Чтен. М. общ. Ист. и древн. 1869—1870.
35. G. Fletcher. La Russie` au XVI siecle. Trad. par Ch. du-Bouzet. Paris 1864.
36. Востокова. Описаніе рукописей Румянцевскаго музея. Спб. 1842.
37. Ростовскій автописецъ. Рукоп. Моск. архива министерства иностр. дѣлъ № 5.
38. Сборникъ житій Ростовскихъ святыхъ. Рукоп. Публ. Библ., № 640.
39. Рукоп. Публ. Библиотеки № 1576.
40. Миней XVI в.. мѣсяць май Рукопись каз. дух. академіи, № 514.
41. Рукописный сборникъ библиотеки Казанской духовной академіи. № 229.

III. Пособія историческія:

42. Архіепископа Амвросія Исторія Россійской Іерархіи, Т I—VI. М. 1811.
43. Ф. Булгарина. Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отнош. Исторія ч. 1 я. Спб. 1838.
44. Ф. Н. Буслева Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства. Спб. 1861. Т II
45. Н. Д. Вѣльева. Разказы изъ Русской исторіи, М. 1861—1867 —3 т.
46. Д. Н. Иловайскаго. Исторія Рязанскаго княжества. М. 1857.
47. Карамзина. Исторія Госуд. Росс. 2-е изд. Спб. 1818. т. I—V.
48. Н. Н. Костомарова. I, Историческія монографіи и изслѣдованія Спб. 1863; 2, Сѣверно-Русскія народоправства. 2 т. Спб. 1863.

VII

49. **Архієписк. Макарія.** Исторія Русской церкви. т. III и IV. Спб. 1866.

50. **В. Макушева.** Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. Спб. 1861.

51. **М. Н. Погодина.** Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи по Русской исторіи. М. 1847—1855. 7 том.

52. **А. Ратнина.** Полн. собр. истор. свѣденій о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ и церквахъ въ Россіи. М. 1852.

53. **В. Н. Сергѣевича.** Вѣче и князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей. М. 1868.

54. **С. М. Соловьева.** Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома. М. 1847.

55. **Соловьева.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. I—IV.

56. **П. М. Строева.** Ключъ къ ист. гос. Россійск. Карамзина. Изд. Эйнерлинга. Спб. 1844.

57. **В. Н. Татищева.** Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ М. 1774 г. 4 т.

58. **Филарета, архієпископа черниговскаго.** Русскіе святые, чтимые всю церковью или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Черниг. 1861—1863. 12 кн.

59. **Филарета, архієпископа черниговскаго.** Исторія Русской церкви. Изд. 2-е Черниговъ 1862.

60. **Н. А. Фирсова.** Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань 1866.

Кромѣ перечисленныхъ книгъ, источниками и пособиями служили намъ статьи, помѣщенные въ „Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ (1842 — 1865), которыя мы просмотрѣли въ Императорской публичной библіотекѣ, во время короткаго пребыванія нашего въ Петербургъ зимой 1866—67 года, а также въ слѣдующихъ мѣстныхъ сборникахъ и исторіяхъ городовъ Ростовскаго княжества:

VIII

61. К. Тихонова. Владимирскій сборникъ М. 1857.
62. Труды Владимирскаго статистическаго комитета, изд. подъ редакц. К. Тихонова за 1864 г.—4 в.
63. Гр. М. Толстаго. Древнія святыни Ростова-великаго. въ Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847 г., кн. 2.
64. Ан. Феодорова. Историч. собр. о богоспасеиномъ градѣ Суждалѣ. Временн. М. общ. ист. и др., кн. 22,
65. Протоіер. І. Троицкаго. Исторія губ. города Ярославля. Яросл. 1853.
66. Ф. Киселя. Исторія г. Углича. Яросл. 1844.
67. Н. Дмитриевскаго. О началѣ Владиміра, что на Клязьмѣ. Спб. 1802.
68. В. Доброхотова. Древній Боголюбъвъ городъ. М. 1852.
69. Н. Н. Васькова. Очеркъ исторіи Костромы. Спб. 1797.
70. Н. М. Гомилевскаго. Описаніе г. Рыбинска. Спб. 1837.
71. Кн. А. Козловскаго. Взглядъ на исторію Костромы. М. 1840.
72. П. Островскаго. Историч. описаніе Костромскаго Успенскаго кафедральн. собора. М. 1855,
73. Е. Лаговскаго. Описаніе Большихъ солей, посада Костромск. губ., Кострома 1861.
74. Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы лавры. М. 1842.
75. Графа А. Н. Мушина-Пушкина. Историч. замѣчанія о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, т, наз., Холопья города. М. 1810.
76. С. П. Шевырева. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850. 2 ч.

Д. К.

Казань.

10 Января 1872.

I.

Чудское, или Финское племя и его вѣтви.—Его названіе, происхожденіе и историческое значеніе.—Извѣстіе о сѣверо-востокѣ Европы у Грековъ и Римлянъ—Свѣдѣнія о Финнахъ у Римлянъ, Нѣмцевъ, Скандинавовъ и Арабовъ.—Свѣдѣтельства Нестора и другихъ нашихъ лѣтописцевъ и былинъ.—Чудской народецъ Мера и его распространеніе.—Данныя для возстановленія Мери: а) изъ свѣдѣтельств позднѣйшихъ письменныхъ источниковъ.—b) изъ разсмотрѣнія особенностей тепершняго Великорусскаго населенія губерній Ярославской, Костромской, Владимирской и Московской,—с) изъ аналогій съ Мордвою и Черемисами,—d) изъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ.—Нѣсколько предположеній о языкѣ, религіи и бытѣ Мери.—Сосѣди ея Чудскаго и Славянскаго племени и Литовскій народецъ Голядь.—Колонизація Славянъ среди Мери и главнѣйшія ея виды—Древнѣйшая колонизація.—Возникновеніе Ростова.

Первыи насельници въ Ростовѣ Мери, въ Бѣлозерѣ—Весь²,—говоритъ Несторъ, опредѣляя такимъ образомъ аборигеновъ Ростовско-Суздальской земли (¹). Мери и Весь, по изслѣдованію ученыхъ, принадлежали къ значительному Чудскому, или Финскому племени, съиздавна населявшему сѣверо-востокъ Европы. Оба эти народца, и Мери, и Весь—не существуютъ теперь, и намъ, для того, чтобы придти относительно ихъ къ какому нибудь результату, необходимо прежде всего взглянуть вообще на племя Чудское, въ его совокупности.

Чудское племя, бывшее нѣкогда однимъ изъ элементовъ формации Великорусской народности и сохранившееся въ на-

(¹) П. С. Р. Лѣт. изд. Арх. Комис. т. I, с. 8.

стоящее время въ разбросанныхъ и разобщенныхъ другъ съ другомъ народцахъ—представляетъ еще почти непочатое поле для изслѣдователя. Остается желать въ будущемъ болѣе и болѣе точныхъ изысканій, наблюдений и изслѣдованій для того чтобы наука могла окончательно уяснить историческую судьбу Чудскаго племени. До сихъ поръ, не смотря на многое, что уже сдѣлано учеными финнологами, какою то непроницаемымъ туманъ лежитъ на всемъ финскомъ вопросѣ, густая мгла скрываетъ отъ пытливаго взора изслѣдователя истинное значеніе Финновъ въ исторіи нашего народа, истинную роль Чудскаго племени въ развитіи новѣйшей Европейской культуры. За недостаткомъ положительныхъ данныхъ, непреложныхъ фактовъ, мы поневолѣ должны довольствоваться гипотезами, предположеніями; за отсутствіемъ прямаго отвѣта на вопросы весьма важнаго свойства, возстающіе предъ нами, мы должны удовлетворяться гаданіями. Отъ чего же происходитъ этотъ туманъ, отъ чего является эта мгла? Отвѣты на эти вопросы слѣдуетъ искать въ трудности историко-этнографическихъ изслѣдованій вообще и въ трудности такихъ изслѣдованій на Русской почвѣ въ особенности.

Самая главная, непреоборимая трудность для историко-этнографическаго изслѣдованія Россіи, для распознанія и анализа всѣхъ различныхъ народностей, когда то жившихъ и теперь живущихъ на нашей территоріи—заключается въ природныхъ условіяхъ Русской земли: „На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы“, говоритъ С. В. Ешевскій, „сталивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ въ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія,—тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожителство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ со всѣми особенностями языка и быта“^(*). Толстымъ слоемъ легли на этой равнинѣ племена другъ на друга, сплелись, срослись одно съ другимъ такими причудливыми

(*) Вѣстн. Евр. 1866 г. т. I, отд. I, с. 246. ст. «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края».

путами, что опредѣлить строго и точно грань между ними, прослѣдить сплетенія этихъ путей—нѣтъ никакой возможности. Эти этнографическія формации не поддаются точному анализу и строгой научной систематизаціи также, какъ не поддаются этому анализу и этой систематизаціи напластанія и формации геологическія.

Другое затрудненіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, являющееся, съ одной стороны неизбѣжнымъ результатомъ перваго затрудненія, а съ другой объясняющееся многими иными причинами,—заключается въ недостаточности и неточности предварительныхъ ученыхъ работъ археологическихъ и лингвистическихъ и наблюденій надъ современнымъ намъ бытомъ народа: надъ обычаями, праздниками, обрядами, повѣрьями. Наша археологія ступаетъ еще невѣрными шагами, какъ ребенокъ только начинающій ходить, изученіе племенныхъ нарѣчій и мѣстныхъ говоровъ едва только начинается; а давно ли обращено серьезное вниманіе на изученіе народнаго быта, этого наилучшаго комментарія археологіи, на собираиье пѣсней, сказокъ, повѣрій? Между тѣмъ это изученіе съ каждымъ годомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе: обычаи мрутъ, пѣсни и сказки мѣняются, повѣрья забываются.

Чудское племя, представители котораго въ настоящее время разбросаны по широкому пространству отъ Балтійскаго моря до Енисея и отъ Сѣверной Двины до Оби и Суры,—распадается на двѣ главныя вѣтви: западную и восточную, различныя по внѣшнему виду, нравамъ и обычаямъ, но сходныя по языку. Трудно уловить общія черты у теперешняго жителя Финляндіи и Эстоніи съ полудикимъ Черемисомъ и совершенно дикимъ Вогуломъ,—но эти общія черты, доказывающія общее происхожденіе Чудскихъ народцевъ, опредѣлены учеными финнологами изъ анализа языка, древнѣйшаго и надежнѣйшаго показателя народности. Къ западной вѣтви причисляютъ обыкновенно Финновъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. Финлядцевъ и финскіе племена теперешнихъ губерній: Эстляндской, Петербургской и частью Олонецкой и Тверской. Восточная вѣтвь заключаетъ въ себѣ народцы, живущіе по Волгѣ и Камѣ и за Ураломъ, по притокамъ Оби. Кастрень, одинъ изъ ревностнѣйшихъ и точнѣйшихъ финнологовъ, подраздѣляетъ восточныхъ Финновъ на группы: *Волжскую, Камскую и Уральскую*. Къ 1-й онъ относитъ обширное, почти уже совсѣмъ обрусѣвшее племя

Мордвы и Черемисы; ко 2-й Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ, къ 3-й Вогуловъ и такъ наз. Уральскихъ Остяковъ (*). С. В. Ешевскій, въ статьѣ своей: „Русская колонизація сѣверо-восточнаго края“, считаетъ это подраздѣленіе далеко не точнымъ. Онъ видитъ въ немъ только попытку „систематизировать, намѣтить, хотя вѣшнимъ, поверхностнымъ образомъ, раздѣльныя линіи между племенами, родственными по языку и происхожденію, какъ нибудь сгруппировать многочисленныя вѣтви, идущія, очевидно, отъ одного корня, но разошедшіяся уже весьма далеко другъ отъ друга, принадлежащія къ одной семьѣ, но во многомъ уже различныя“ (*). Сами Финны не называютъ себя этимъ именемъ. Они зовутъ себя *Суомалайненъ* т. е. житель болотной, низменной мѣстности. „*Финъ*“ есть переводъ этого названія и объясняется изъ старо-нѣмецкаго слова: *Fönn*—болото; подъ этимъ именемъ знали Финновъ ихъ германскіе сосѣди. Славяне называютъ Финновъ Чудью, т. есть народомъ *чужимъ*, не своимъ. Въ самопозваніи отдѣльныхъ Финскихъ, или Чудскихъ народцевъ ученые также видятъ вездѣ присутствіе корня, означающаго болото, воду, влажное мѣсто (*суо, ва, вад, вена* на западныхъ Финскихъ нарѣчіяхъ, и *неръ, нюръ* на нарѣчіяхъ восточныхъ). Въ звукахъ: *Мор, Мар, Мер, Мур*, слышвхъ во многихъ самопозваніяхъ восточныхъ чудскихъ народцевъ, ученые желаютъ видѣть значеніе *человѣка*, выводя это значеніе изъ черемисскаго *Мара*—человѣкъ. Такъ объясняютъ они происхожденіе названій: *Мордвы, Муromы, Мари* (такъ зовутъ себя Черемисы), *Мортъ-Коми* (самопозваніе Зырянъ), *Удъ-Мортъ* (самопозваніе Вотяковъ) (*).

(*) A. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus d. Jahren 1845—1849. Sph. 1856. S. 13. *Kю-же* Ethnologische Vorlesungen üb. die Altaischen Völker. Sph. 1857. S. 91. Сравни:—Bulletin de la classe des sciences histor., philologiques et politiques de l'acad. imp. des sciences de St. Petersb. t. IV. p. 17—42. A. Costrén's. Bericht an die K. Akad. der Wissenschaften.

(*) В. Е. 1866 г. т. I, отд. I, с. 222.

(*) О происхожденіи этнографическихъ названій Чуди и Финновъ см. у Шафарика Слав. древности. Пер. Бодянскаго. т. I, кп. 2, стр. 229—240. (1-е изданіе 1837 г.)—Ср. также: Ф. Сума: о Финнахъ, перев. съ Датскаго свящ. Сабзинна въ Чг. М. Общ. Ист. 1847 кн. IX, отд. 3, стр. 14—12. Надеждина. Оп. Истор. Географіи русскаго міра Б. д. Чг. 1837

Долго пытались ученые антропологи уяснить происхождение Финновъ, на основаніи строя ихъ черепа, долго не соглашались они между собою, въ которой расѣ отнести Финновъ, въ Кавказской или Монгольской, — пока на помощь въ естествознанію не пришла сравнительная филологія. На основаніи этой науки Кастренъ признаетъ особую группу племень, называемую имъ *Алтайскою*, въ которой относятъ: Тунгузовъ, Монголовъ, Турокъ, Самоѣдовъ, Енисейскихъ Остяковъ и Финновъ. Финны, живя съ этими соплеменными имъ пародами на горахъ Алтайскихъ, двинулись въ Европу, по предположенію многихъ ученыхъ, чрезъ Уральскія горы, почему ихъ долгое время называли Уральскимъ племенемъ. О распространеніи Чудскаго, Финскаго племени тоже не согласны между собою ученые. Иные распространяютъ его по всей Европѣ, видя слѣды его и въ Британіи, и въ Испаніи; другіе же ограничиваютъ его предѣлами сѣверо-востока Европы (*).

Историческая роль Финновъ понимается учеными также весьма различно. Иные считаютъ эту роль очень ничтожною, другіе, напротивъ, приписываютъ Финнамъ слишкомъ большое участіе въ исторической судьбѣ новѣйшихъ Европейскихъ народностей. А. Л. Шлѣцеръ, въ свой „Allgemeine Nördische Geschichte“, первый высказалъ мысль о ничтожности исторической роли Финновъ. „Ни одинъ изъ народовъ этого об-

т. XXII, отд. III, с. 55 въ примѣч., Россію въ Ист. статистич., географич. и литерат. отп. изд. О. Булгарина. Спб. 1838 г. т. I, стр. 138—140 и Castrén'a: Reiseber. u. Briefe a. d. J. 1845—49, S. 15. «Gegenwärtig haben sie (die finnische Völkerschaften) freilich einen specifischen Namen, говоритъ Кастренъ—doch bei einigen derselben kann die Benennung Mensch noch jetzt keinem anderen als nur eingeborenen zuertheilt werden. So bedeutet im Syriantischen das Wort *mort* zugleich *«Mensch»* und *«eingeborener Syriane»*, die Individuen eines andern Stamm's werden *jös*, oder *jös-mort* und in Plural *wojtyr* oder *wojtyrias*—Fremdlinge, im Gegensatz zu *mortjäs*, Menschen, oder Syrianten benannt. Ebenso nennen die Tscheremissen sich selbst *Mara*—Mensch, der Ausländer wird aber *edem* (von dem Tatarischen *adam*) benannt». Reiseber. u. Briefe a. d. J. 1845—49. S. 16.

(*) Castrén, «Ethnolog. Vorlesung». S. 14. Подробности несогласій между учеными о причисленіи Финнскихъ народовъ къ той или др. чловѣч. расѣ см. тамъ-же 13, 88—90.

ширнаго племени, говоритъ онъ, кромѣ Мадыаровъ,—не игралъ видной роли въ исторіи, ни одинъ изъ нихъ не достигъ продолжительнаго самостоятельнаго существованія, ни одинъ не заявилъ себя завоевателемъ сосѣднихъ народовъ, но, совершенно напротивъ, всѣ они стали добычей своихъ сильныхъ сосѣдей. По этому, заключаетъ Шлѣцгеръ, исторія Финновъ читается въ лѣтописяхъ ихъ побѣдителей⁽¹⁾. Но если исторія Финновъ и читается въ лѣтописяхъ ихъ побѣдителей, то историческая роль ихъ далеко не ничтожна и не безслѣдно прошли они по исторической аренѣ. На сѣверо-востокѣ Европы существовала когда то, теперь забытая цивилизація, слѣды которой доходятъ до насъ черезъ неясныя сказанія Скандинавскихъ сагъ о богатомъ и цвѣтущемъ государствѣ Біарми. Мюллеръ, извѣстный историкъ и этнографъ Финнскаго племени, считаетъ Финновъ за пробудителей того движенія, намѣнившаго всѣ условія Европейской цивилизаціи, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ⁽²⁾. Кастренъ полагаетъ, что Финны явились въ Европѣ до эпохи великаго переселенія народовъ, хотя и говоритъ, что точное опредѣленія времени, когда Финны, отдѣлившись отъ родственныхъ имъ племенъ въ нагорной Азій, утвердились въ Европѣ—очень трудно⁽³⁾. Всѣ первоначальныя свѣденія о Финнахъ, о сѣверо-востокѣ Европы, гдѣ застаютъ ихъ исторія—покрыты непроницаемымъ мракомъ.

Для представителей древняго міра, Грековъ и Римлянъ сѣверо-востокъ Европы былъ „украиной міра, страной, которую повинуютъ люди и боги“. Эта крайна являлась въ ихъ сказаніяхъ сказочной, баснословной страной, обширнымъ полемъ для разныхъ вымысловъ и фантастическихъ разсказовъ. За понтомъ Эвксинскимъ съ колоніями по его сѣверному берегу, за землею Скивовъ—обитали какіе то невѣдомые народы: Исседоны, одноглазые Аримаспы, Грифы, стерегущіе золото и блаженные Гипербореи, жившіе у хребта Рифейскаго (Уральскихъ горъ). Такова первоначальная

⁽¹⁾ F. H. Müller. Der Ugrische Volksstamm. Berl. 1837. 1-e Abt. I. Bd. S. 3.

⁽²⁾ Ibid. S. 3.

⁽³⁾ Castrén. Ethnol. Vorles. s. 89 u. flg.

этнографія полуночныхъ странъ у Аристеля. Не болѣе свѣта находимъ мы и въ свидѣтельствѣ Геродота о народахъ, жившихъ на сѣверъ отъ Скивовъ. Его Невры, обращавшіеся въ волковъ, Андроаги, Меланхлены, Оиссагеты—все это какія то мионическія расы, лишенныя естественныхъ этнографическихкихъ признаковъ.

Въ такомъ же неясномъ, неопредѣленномъ видѣ перешли свѣденія о сѣверо-востокѣ Европы отъ Грековъ въ Римлянамъ. Страбонъ прямо отказывается передавать точныя свѣденія объ этихъ странахъ, потому что „по Танаису“, говоритъ онъ, „мало что можно узнать по причинѣ холода и бѣдности страны. Туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріятный климатъ, но иностранцы не въ состояніи. При томъ туземцы, прибавляетъ Страбонъ, не общительны, свирѣпы и дикы, и не пускаютъ въ себѣ иностранцевъ“. Каталогъ народовъ, живущихъ между Дономъ и Волгой, представленный Плиніемъ до такой степени неясенъ, что Шафарикъ, приводя его, не рѣшается сдѣлать изъ него никакихъ выводовъ⁽¹⁰⁾. У Тацита впервые нѣсколько проясняется этотъ кракъ. Онъ первый приводитъ Германское названіе Чуди—*Финновъ* (Fenni) и сообщаетъ нѣкоторыя свѣденія о наружности и бытѣ этого

⁽¹⁰⁾ Шафарика. Слав. Древн. въ перев. Бодянскаго. М. 1834 г. т. I, кн. 2, с. 210.—Вотъ каталогъ этихъ народовъ; Phatarei, Herticeï, Spondolici, Synhietæ, Amassi, Issi, Catazæti, Tagori, Catoni, Neripi, Agandei, Mandarei, Satarchei, Spræi. Знаменитый славянскій ученый полагаетъ, что въ этихъ искаженныхъ именахъ можно предполагать нѣкоторыя известныя намъ народы Чудскаго, Турецкаго и Сарматскаго племенъ, и только последнее имя «*Spræi*», сопоставляя его съ позднѣйшимъ свидѣтельствомъ Юрианда и съ славянскимъ словомъ: сполнъ — великанъ, обръ, насмѣльникъ, — считаетъ возможнымъ отнести къ исторически известнымъ Обрамъ.

Первоначальныя свидѣтельства греческихъ и римскихъ писателей о древнѣйшихъ народахъ сѣверо-восточной Европы подробно рассмотрѣны у Шафарика (см. Слав. Древн. въ перев. Бодянскаго. М. 1837 г. т. I, кн. 2-я стр. 192—226).—Карамзина (Ист. Гос. Росс. изд. 2—Сиб. 1818. т. I, гл. II, с. 3—18 и примѣчан. 1—41. стр. 1—18) и Соловьева. Ист. Росс. 3-е изд. М. 1857, т. I, гл. II, стр. 25—38). См. также «Россію въ истор. статист. географич. и литерат. отнош.» изд. Булгарина т. I, с. 56—67.

племени. По его словамъ, Финны—народъ чрезвычайно дикій и очень бѣдный; степень его культуры весьма низка: это примитивный бытъ номадо-звѣроловный⁽¹¹⁾. Птоломей упоминаетъ весьма смутно о Финнахъ, и изъ его свидѣтельства нельзя придти ни къ какимъ положительнымъ выводамъ⁽¹²⁾.

Затѣмъ, до VI вѣка по Р. Хр. въ письменныхъ источникахъ нѣтъ свѣденій о Финнахъ. Готскій писатель VI в. Иорнандъ, оставившій намъ въ своемъ сочиненіи: „De Getarum sive Gothorum origine“—хронику событій Ост-готскаго государства, одного изъ самыхъ могущественнѣйшихъ государствъ, основанныхъ „новыми народами“,—первый изъ средневѣковыхъ историковъ упоминаетъ о Финнахъ. Остготское государство Германриха въ IV в. по Р. Хр. занимало обширное пространство древней Скандіи и Сарматіи, теперешней Россіи. Въ числѣ народовъ, обитавшихъ на этомъ пространствѣ въ IV в. и подвластныхъ Германриху, Иорнандъ называетъ: Вель, Мерю, Морду, Черемису и Пермавовъ⁽¹³⁾. Такимъ образомъ выступаютъ передъ нами впервые спеціальныя названія народцевъ Чудскаго, или Финнскаго племени. Изъ западныхъ лѣтописцевъ, кромѣ Иорнанда, упоминаетъ о Мери—Адамъ Бременскій; о Мордвѣ говорить Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный⁽¹⁴⁾.

(11) Fennis mira feritas, foeda paupertas: non arma, non equi, non penates; victui herba, vestitui pelles, cubile humus; sola in sagittis spes, quas, inopia ferri, ossibus asperant. Idemque venatus viros pariter ac feminas alit: passim enim comitantur partemque praedae petunt. Nec aliud infantibus ferarum imbriumque suffugium, quam ut in aliquo ramorum nexu contendantur; huc redeunt juvenes, hoc senum receptaculum; sed beatius arbitrantur, quam ingemere agris, illaborare domibus, suas alienasque fortunas spe metuque versare.—Tacitus. *Cerman. cap. 46.* Лербергъ видитъ въ Тацитовскомъ изображеніи Лопарей —(См. его *Untersuchung. üb. ält. Gesh. Russl. S. 204—203.*)

(12) У Шафарика. *Сл. Др. т. I. кн. II, с. 212—217.*

(13) Iornandis: „De Getarum sive Gothorum origine et reb, gestis.—*Сар. 22,* у Шафарика *Слав. Дрв. въ IX-мъ приложеніи къ 3-й кн. II т. стр. 32 и 36.*

(14) M. Adami. *Historia ecclesiastica. ibid. стр. 94—99.* О Константинѣ Багрянородномъ у Шафарика т. I. кн. II 216.

Скандинавы знают также Финновъ. Въ ихъ сагахъ, съ исхода IX до начала XII в., идутъ положительныя свѣденія о торговой и богатой странѣ *Біарми*, занимавшей, по изслѣдованію ученыхъ, пространство отъ Сѣверной Двины до верховьевъ Камы и Уральскихъ горъ. Вся сѣверовосточная сторона Россіи носить въ этихъ сагахъ имя *Гардарики*, т. е. страны городовъ. Если вѣрить этимъ сагамъ, то у Финновъ существовала какая то довольно сильная, въ настоящее время погибшая цивилизація. Западные Финны, ближе знакомые Скандинавамъ, являются въ ихъ сагахъ искусными кузнецами и мечи ихъ славятся въ цѣломъ свѣтѣ. Западная вѣтвь Финновъ говоритъ сама о характерѣ своей народности въ своихъ заунывныхъ, тихогрустныхъ пѣсняхъ, въ своемъ богатомъ религіозно-героическомъ эпосѣ: „Калевала“⁽¹⁵⁾.

Арабы, бывшіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгаріей, оставили намъ также нѣсколько свидѣтельствъ о Чудскомъ племени. Они знаютъ *Артанію*, въ которой нѣкоторые ученые желаютъ видѣть Мордву - Эрзу, *Виссу* (Весь) и *Югру* (16).

(15) См. въ ст. Бшевскаго: «Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. В. Е. 1866. т. I, с. 323—Castren'a. Vorlesungen ub. die finnische Mythologie.

(16) Еще колѣно называется Артанія, а царь его находится въ Артѣ. Люди отправляются торговать съ ними въ Куябу; что же касается Артаны, то я не слышалъ, чтобы кто нибудь рассказывалъ, что онъ былъ тамъ съ другими иностранцами, ибо они убиваютъ всякаго иностранца, вступающаго въ ихъ землю. Но они спускаются по водѣ и ведутъ торговлю, ничего не рассказывая про свои дѣла и товары и не допуская никого провожать ихъ и входить въ ихъ страну. Изъ Арты вывозятся черные соболя, черныя лисицы и свинець.—Ибнъ-Хаукаль, пис. X-го в. у А. Гаркави, въ «Сказаніяхъ Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ (съ пол. VII в. до конца X в. по Р. Хр.)» Спб. 1870. стр. 220—221. О Веси упоминаетъ Бакуви, арабскій географъ XV в., пользовавшійся старинными арабскими извѣстіями. Ибнъ-Батута, бывшій въ Болгарѣ на Волгѣ XIV в. говоритъ о Югрѣ. (см. Frähn'a: «Ibn-Foszlân's u. andere Araber Berichte» SS. 218, folg. 230). Мордву Арабы знаютъ, но называютъ ее русскими. Френъ говоритъ, что Мордва, по отзывамъ Арабскихъ писателей, была очень дика и что Арабы знаютъ три племени: Эрзу, Мокшу и Каратаевъ. (См. Ibn-Foszlân's u. and. Arab. Ber. SS. 167, 169, 163, 165 u. 161).

Нашъ первоначальный славянскій лѣтописецъ Несторъ помѣщаетъ Чудскіе народцы „свой языкъ имуще“ въ „странахъ полуночныхъ“, въ „Афетовой части“. Онъ перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: Мера, Мурома, Весь, Мордва Заволочская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра. Далѣе онъ говоритъ о нихъ опредѣленнѣе, показывая мѣстности, занятія нѣкоторыми изъ нихъ: „на Бѣлѣ озерѣ сѣдять Веси, а на Ростовскомъ озерѣ Мери, на Клещинѣ озерѣ—Мери же: по Оцѣ-рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемиси языкъ свой, Мордва свой языкъ“ (17).—Этнографическія данныя о Чудскомъ племени у Нестора самыя опредѣленныя изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше. Очевидно, что въ эпоху Нестора Чудское племя обособилось уже въ нѣсколько видовыхъ типовъ, достаточно различавшихся другъ отъ друга по языку и жившихъ на извѣстныхъ мѣстностяхъ, хорошо знакомыхъ Нестору.

Новгородцы находились въ давнишнихъ сношеніяхъ, и съ западными, и съ сѣверо-восточными народцами Чудскаго племени. Начиная съ XI в., мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства лѣтописей и актовъ, доказывающія знакомство Новгородцевъ съ Водью, Ижорой, Чудью (подъ которой г. Костомаровъ разумѣетъ Ливовъ и Эстовъ), Емью, Корѣлюю, Чудью Заволочскою, и крайними чудскими сѣверо-восточными народцами: Пермью, Печорой и Югрой (18). Въ лѣтописяхъ земля „Чуди“ является страной волшебства, волхвовъ и вудесниковъ. Наши былины также знаютъ „Чудь-бѣлоглазую“, а сѣверо-востокъ Россіи, издавна заселенной этой Чудью—представляется и въ былинахъ той-же мифической страной чудесь.

Мера помѣщается Несторомъ при двухъ озерахъ: Ростовскомъ и Клещинѣ, а Веси—на Бѣлоозерѣ. Изъ послѣдующаго нашего изложенія будетъ видно, что населеніе у озеръ Ростовскаго и Переяславскаго (Клещина) стало центромъ заселенія земли Ростовской, стало основнымъ ядромъ образованія этой

(17) П. С. Р. Л. т. I, стр. 2 и 5

(18) Сводъ сношеній Новгородцевъ съ Чудскими племенами см. у Н. И. Костомарова. Сѣв.—Русск. народопр. т. I, с. 397—419 и у И. Д. Бѣляева. Разск. изъ Русск. Ист. т. II. Истор. Новгорода В.—с. 39—43 и ин. др.

земли, и что Бѣлоозеро было сперва только однимъ изъ главнѣйшихъ водныхъ путей для проникновенія въ землю Ростовскую славянской колонизаціи и уже позднѣе вошло въ составъ Ростовской земли. По этому мы считаемъ необходимымъ остановиться теперь подробнѣе на разсмотрѣніи Мери.

Распространеніе народа Мери, границы его поселеній съ точностію опредѣлить невозможно. Но многіе ученые и изслѣдователи мѣстной старины пытаются провести эти границы, основываясь на археологическихъ раскопкахъ и на мѣстныхъ названіяхъ урочищъ и поселеній, изъ которыхъ многіе до сихъ поръ звучатъ не по-русски, а инны сохраняютъ въ своемъ названіи имя Мери⁽¹⁹⁾ Такъ Графъ А. С. Уваровъ опредѣляетъ границы Мери слѣдующимъ образомъ: отъ Волги до Клязьмы, въ губерніяхъ Ярославской, Владимірской, въ западной части Нижегородской и въ Московской до Звенигородскаго уѣзда⁽²⁰⁾. О. Діевъ, въ своей статьѣ: „какой народъ населялъ въ древнія времена Костромскую сторону?“⁽²¹⁾, полагаетъ, что поселенія Мери шли далѣе на сѣверъ, захватывая часть теперешней Вологодской губерніи⁽²²⁾. Того же мнѣнія мѣстный ярославскій историкъ г. Серебряниковъ и неизвѣстный авторъ „историческаго очерка Ярославской губерніи“. Основываясь на сходствѣ названій урочищъ въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ, они оба полагаютъ, что поселенія Мери шли на сѣверо-востокъ до самаго Уральскаго хребта⁽²³⁾. Г. Артемьевъ, въ предисловіи къ

(19) Въ Переяславскомъ уѣздѣ Влад. губ. нѣсколько селеній напоминаютъ своими названіями *Мерю* (См. списокъ насел. мѣстъ Влад. губ. № 3840, 3963, 4000, 4019).—Въ Богородскомъ уѣздѣ Моск. губ. есть село *Мера* (См. насел. мѣст. Москов. губ. № 609).—Въ Бронницкомъ у. рѣчка *Мерская*, или *Нерская* (Ibid. № 1128, 1129, 1131—1137).—Ср. Эйхвальда: „Чудскія копи“, въ Зап. Арх. общ. 1856. IX. 350. Въ Кивешемскомъ у. Костромской губерніи протекаетъ рѣчка *Мера*, впадающая въ Волгу. (См. Ходаловскаго: Донес. о путеш. по Россіи. Ист. Слѣб. т. VII въ концѣ, въ словарѣ на букву М).—Обращики названій урочищъ и поселеній въ Ярославской и Владимірской губерніи, звучащихъ не по-русски мы приводимъ ниже (См. наше примѣчаніе 36-е). Въ Московской губерніи финскихъ названій сохранилось вообще очень мало. Для такихъ названій въ Костромской губерніи мы не имѣли источника.

(20) Изв. о кург. Влад. губ. Зап. Арх. Общ. 1857. VIII. 102.

(21) Чт. М. О. Ист. и др. 1865. кн. IV. отд. V. с. 167.

(22) Яросл. губ. вѣд. 1850 №№ 2 и 3. 1859 № 40.

списку населенных мѣстъ Ярославской губерніи, ставить границами Мери на сѣверо-западѣ устья Мологи и Шексны, а на востокѣ р. Унжу⁽²³⁾. Гг. Раевскій и Огородниковъ, въ введеніи въ спискамъ населенныхъ мѣстъ Владимірской и Московской губерній, считаютъ возможнымъ продлить поселенія Мери на в. до г. Мурома, гдѣ обиталъ уже другой Чудской народецъ, Мурома, а на ю. и юго-западѣ ограничиваютъ эти поселенія лѣвымъ берегомъ Москвы-рѣки, до самаго ея истока⁽²⁴⁾.

Изъ представленныхъ нами мнѣній ученыхъ и изслѣдователей мѣстной старины можно усмотрѣть, что главнымъ образомъ Мери жила въ теперешнихъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской (до Клязьмы) и сѣверной части Московской губерніи.

Какъ ни желательно было бы въ интересахъ науки восстановить исчезнувшую фізіономію Мери, какъ ни желательно было бы исполнѣ реставрировать этотъ народецъ, теперь не существующій,—но мы не можемъ этого сдѣлать въ настоящее время, или, лучше сказать, мы не рѣшаемся взять на себя этой задачи. Мы видѣли какимъ неяснымъ свѣтомъ освѣщено для изслѣдователя все Чудское племя вообще, мы видѣли ту неустойчивость, которой до сихъ поръ отличаются воззрѣнія ученыхъ на происхожденіе, распространеніе и историческую роль этого племени. Относительно отдѣльнаго чудскаго народца Мери представляется еще болѣе неясности, еще болѣе неустойчивости въ воззрѣніяхъ. Даже самый матеріалъ, изъ котораго можно извлечь нѣкоторыя данныя о Мери, не приведенъ въ порядокъ, не сгруппированъ должнымъ образомъ, не провѣренъ критически. Между тѣмъ, матеріалъ этотъ въ настоящее время, какъ намъ кажется, достигъ уже достаточной полноты для научной обработки.

Мы далеки отъ мысли представить именно эту научную обработку матеріала, мы не рѣшаемся привести его въ строгую систему, сгруппировать должнымъ образомъ и освѣтить, т. сказ., свѣточемъ науки. Такая задача перевысила бы наши силы, наши знанія. Мы поставляемъ себѣ болѣе

⁽²³⁾ Сп. нас. мѣсть Яросл. губ. *вед.* с. 23.

⁽²⁴⁾ Сп. нас. м. Влад. губ. *вед.* с. 39 и 41 и Моск. губ. *вед.* с. 19.

скромную задачу. Она ограничивается попыткой наметить главнѣйшія, по нашему мнѣнію, рубрики группъ матеріала, принявъ за основаніе при этомъ степень важности и достовѣрности извлекаемыхъ изъ той или другой группы данныхъ, и затѣмъ указать на важнѣйшія изъ этихъ данныхъ.

Матеріалъ, изъ котораго могутъ быть извлечены нѣкоторыя этнографическія данныя о Мери, можетъ быть раздѣленъ на слѣдующія *четыре* группы: *Первая*—состоитъ изъ свидѣтельствъ письменныхъ источниковъ: лѣтописей, житій святыхъ и актовъ; ко *второй* группѣ относится разсмотрѣніе языка, быта, нравовъ и обычаевъ теперешняго Великорусскаго населенія губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской и сѣверной части Московской; *третья* группа заключается въ разсмотрѣніи языка, быта и религіозныхъ вѣрованій Мордвы и Черемисъ, могущихъ имѣть нѣкоторое отношеніе къ языку, быту и религіознымъ вѣрованіямъ Мери; наконецъ, *четвертая* группа состоитъ изъ результатовъ бурганскихъ раскопокъ и археологическихъ находокъ въ выше-названныхъ губерніяхъ.

Самой достовѣрной, конечно, должна быть почтена первая группа письменныхъ свидѣтельствъ. Но данныя, извлекаемыя изъ этой группы весьма скудны; они касаются только географическаго распространенія Мери и нѣкоторыхъ указаній на ея религію. Вторая группа, со временемъ, при болѣе точномъ ея изученіи, можетъ представить много важныхъ данныхъ, но при настоящей ея необработанности изъ нея можно извлечь только нѣсколько предположеній, лишённыхъ, впрочемъ, интереса и значенія. Особенности свойства говора теперешняго Великорусскаго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, племенной характеръ этого населенія, его бытъ, нравы, простонародные праздники, обряды и повѣрья, въ которыхъ находится много чертъ, отличающихъ населеніе этой мѣстности отъ другихъ мѣстностей Россіи—даютъ право предполагать, что когда то обитавшій въ предѣлахъ этихъ губерній чудской народецъ Мери проналъ не безслѣдно; даютъ право предполагать, что остатки этого народца живутъ въ теперешнемъ населеніи края.... Данныя изъ третьей группы, если не вполне еще достовѣрны, то по крайней мѣрѣ вѣроятны. Эти данныя даютъ возможность, при сопоставленіи этнографическихъ особенностей Мордвы и Черемисъ, заключить, на

основаніи этого сопоставленія, по аналогіи — о нѣкоторыхъ этнографическихъ чертахъ Мери. Чтоже касается до послѣдней, четвертой группы, то данныя изъ результатовъ курганныхъ раскоповъ и археологическихъ находокъ представляются намъ еще слишкомъ шаткими для того, чтобы основывать на нихъ какіе нибудь выводы.

Переходимъ теперь къ указанію важнѣйшихъ данныхъ, которыя можно извлечь изъ выставленныхъ нами четырехъ группъ.

Первая группа. Пондѣйшія свидѣтельства лѣтописей и актовъ даютъ намъ возможность провѣрить повѣзаніе Нестора о томъ, что Мера жила у Ростовскаго озера Неро и Клещина озера и, кромѣ того, убѣждаютъ насъ, что Мера распространялась своими поселеніями дальше, чѣмъ предполагалъ Несторъ.

Переяславскій уѣздъ еще въ XVI в. назывался *Мерскимъ станомъ* ⁽²⁵⁾. У Рязанскихъ предѣловъ лѣтописи указываютъ рѣчку *Мерску*, на которой стоялъ съ „войми“ кн. Изяславъ Владиміровичъ въ 1209 году, при нападеніи на Ростовско-Суздальскую область Рязанскихъ князей ⁽²⁶⁾. Въ обѣихъ духовныхъ грамотахъ Московскаго В. кн. Іоанна Калиты, XIV в. упоминается село *Усть-Мерское*, лежавшее около Коломны ⁽²⁷⁾. Въ XIII в. Галичъ - Костромской назывался, въ отличіе отъ южнаго Галича, — *Мерскимъ*. Такъ называетъ его лѣтописецъ подъ 1238 годомъ; описывая татарскій погромъ, онъ говоритъ, что Татары „поплѣнниа все по Волзѣ и до Галича Мерскаго“ ⁽²⁸⁾. Изъ житія св. Исаіи, епископа ростовскаго XI в., мы видимъ, что у туземцевъ Ростовской области были идолы ⁽²⁹⁾. Камень Велеса, которому поклонялись въ Ростовѣ въ „Чудскомъ концѣ“, тоже около XI в. былъ разрушенъ св. Аврааміемъ Ростовскимъ ⁽³⁰⁾. Священное значеніе камней у Мери подтверждается извѣстіемъ житія св. Иринарха Ростовскаго, который уже въ XVII в.

⁽²⁵⁾ См. нас. мѣсть Влад. губ. *вед.* с. 40.

⁽²⁶⁾ П. С. Л. VII, 116.

⁽²⁷⁾ Собр. Гос. Гр. и догов. т. I. №№ 21 и 22.

⁽²⁸⁾ П. С. Л. VII, 141.

⁽²⁹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1858 кн. III. с. 459.

⁽³⁰⁾ Пам. Стар. Русск. Литер. изд. Гр. Кушелевннхъ - Безбо-родко подъ редакц. Н. И. Костомарова. в. I. с. 221.

свергъ въ р. Трубежъ камень, лежавшій около Переяславля и, по понятію жителей этого города, имѣвшій цѣлебную силу противъ разныхъ болѣзней⁽²¹⁾. Припомнимъ здѣсь, что камнямъ вообще приписывалось священное значеніе на всемъ финскомъ сѣверо-востокѣ⁽²²⁾. Лѣтописныя свидѣтельства говорятъ намъ также о волхвахъ, появившихся въ Ростовской области, въ которыхъ можно видѣть слѣды жрецовъ у Мери. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи извѣстіе Нестора подъ 1072 годомъ⁽²³⁾.

Вторая группа. Главная особенность теперешняго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской заключается въ особомъ свойствѣ говора. Это свойство характеризуется полногласіемъ и нѣкоторыми чуждыми словами, находящимися до сихъ поръ въ употребленіи. Филологи признаютъ этотъ говоръ за отдѣльную вѣтвь Велико-русскаго нарѣчія, называя ее Суздальской, а И. П. Сахаровъ, извѣстный знатокъ русской народной жизни, кромѣ того, находитъ въ Суздальской вѣтви еще 5 отдѣльнѣе: Суздальскій, Ярославскій, Костромской, Галицкій и Муромскій⁽²⁴⁾.

Мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ филологическія разсужденія о характерѣ этой вѣтви Велико-русскаго нарѣчія со всѣми ея отдѣльнѣе, и по некомпетентности нашей въ этомъ дѣлѣ, и по неразработанности самаго предмета; но считаемъ возможнымъ замѣтить здѣсь, что, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ отдѣлкахъ говора Велико-руссовъ вышеназванныхъ губерній роль Мери далеко не маловажна и что при тщательномъ изученіи нашихъ областныхъ нарѣчій представится со временемъ воз-

(21) Сигирева. Русск. простонар. праздн. и суевѣрн. обряды I, 45 и Діева: «какой народъ населялъ въ древн. времена Костром. стор.»? Чт. М. О. Ист. и др. 1865. VI, V. 171.

(22) См. ниже наше примѣч. 65.

(23) П. С. Л. I, 75 и 76.

На всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ мы еще разъ остановимся при разсмотрѣніи распространенія Христіанства въ Ростовской области.

(24) Сахарова. Сказаніе Русскаго народа т. I, Сиб. 1841; общаго оглавленія листъ 2-й. Говоръ Тверской губерніи Сахаровъ относитъ къ Новгородской вѣтви Велико-русскаго нарѣчія, а Московскій говоръ составляетъ отдѣльную вѣтвь. — По этому мы ихъ и не касаемся.

возможность, быть можетъ, вполне возстановить забытый, но не пропавшій языкъ Мери⁽⁸⁵⁾. Остатки этого языка, кромѣ того, могутъ находиться въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ и поселеній губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, которыя, звуча дико для русскаго уха, являются намъ совершенно непонятными словами⁽⁸⁶⁾.

(⁸⁵) На особенности Суздальскаго нарѣчія обращалъ вниманіе еще Карамзинъ. «Въ Суздальскомъ нарѣчіи, говоритъ онъ, много *чуждыхъ* неизвѣстныхъ словъ; напримѣръ: Богъ называется *Стодь*, отецъ *Хрутинъ*, сестра *Миндра*, жена *Элтона*, дѣва *Шиктора*. (Карамзинъ ист. Гос. Россійск. Изд. 2-е т. I, примѣч. 240, с. 88).—Опытъ областного словаря Ярославской губ. П. Шестернинова началъ печататься въ Ярославскихъ губ. вѣдом. Напечатаны слова только на двѣ первыя буквы алфавита. (См. Ярослав. губ. вѣд. 1853 г. №№ 2, 3 и 9).

(⁸⁶) Названія нѣкоторыхъ озеръ и рѣкъ, въ губ. Ярославской, Костромской, Владимірской и южн. части Вологодской губ.

Озера: Карашъ, Рюинно, Гадень, Сурмоє, Ягорба, Видино.

Рѣки: Нерль, Пулахма, Гда, Печегда, Сара, Воржа, Шула, Сулость, Векса, Ишна, Вашка, Ухтома, Лохость, Сухода, Шопша, Мокза, Шерлна, Курба, Пахла, Тунашма, Волга, Толга, Нора, Толгобола, Вокшера, Урдома, Войга, Марма, Нахта, Инопахъ, Ухра, Редьма, Югъ, Юга, Лушма, Юда, Юхоть, Уткошь, Кукмика, Конгора, Улейма, Воржехоть, Молокша, Кисьма, Ильма, Ворема, Ворга, Молога, Жабня, Сить, Сутка, Верекса, Яна, Удрусъ Ягорба, Кудаша, Пушма, Сога, Согожа, Иловна, Мылъ, Енгмень, Кдарь, Лама, Себла, Шексна, Корожична, Пукша, Ильтъ, Кострома, Обнора, Соть, Уча, Шарна, Пескольдышь, Корма, Кульза, Кастъ, Келноть, Сахманда, Шачеболка, Соекша, Ешка, Доманка, Кошпа, Пеленда, Берелевна, Коргатка, Кероша, Шельша, Музга, Мякса, Кештома, Шаготь, Сегжа, Тулша, Пертома, Конгласъ, Салмазь, Цына, Шелекма, Патра, Ушлома, Сохоть, Мусора, Пурковна, Надокша, Кухолка, Моса, Маровка, Эга, Ладейга, Кема, Почеболка, Коржа, Итъ, Шушоровна, Едома, Матланъ, Шиглость, Чемузье, Вая, Вонгиръ, Лать, Лехта, Шула, Лехоть, Кутьма, Кучубежь, Угара, Ширейта, Пера, Согма, Лута, Вонгила, Вонгиль, Сундоба, Ушлома, Рума, Пеносуа, Шуйга, Саха, Сонгоба, Вага—и мн. др. (См. пам. др. обитателей Ярослав. губ. до Рюрика—Яросл. губ. вѣд. 1859. с. 40).

Названія рѣкъ и поселеній въ Ростовскомъ уѣздѣ, звучащія не по русски;

7083. Никола погость на *Печидь*, 7084—Созоль, 7097—Важрушево, 7103—Сулость, 7109—Исаевское при рѣч. *Кичма*, 7117—

Еще болѣе непонятно встрѣчаемъ мы въ отдѣльныхъ, специальныхъ говорахъ Ярославской, Владимірской и Костромской губерній, въ такъ-называемыхъ *тайныхъ языкахъ*. Откуда, напримѣръ, взялся языкъ Офеней, этихъ пресловутыхъ ходобщниковъ - продавцевъ Владимірской губерніи, извѣстныхъ по всей Россіи? Офени сами себя называютъ *Мясыками* и производятъ и это названіе, и свой языкъ отъ Мясковъ, народа когда то, по ихъ мнѣнію, кочевавшаго по Волгѣ. Языкъ Офеней, основанный на аналогіи, подобіи и иносказательномъ значеніи словъ, представляется на первый взглядъ просто тарбарщиной, случайнымъ изращеніемъ и перевираніемъ русскихъ словъ. Но нельзя поручиться, что въ составъ, если не въ основу, этого языка не легли-бы слова забытаго языка Мери^(*). Въ Угличскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи существуютъ мелкіе скупщики холста, нитокъ и другихъ льняныхъ издѣлій на сельскихъ базарахъ, называемые *Ма-яками*, которые тоже употребляютъ между собою условный,

Юржа, 7120—Чучеры, 7123—Цадерино, 7125—Вѣксицы, 7135—Куреткино, 7140—Тохтино, 7148—Деревеньки при рѣч. *Сохтъ*, 7263—Шондоры, 7266—Кетось, 7272—Воехта, 7284—Почепалово, 7317—Бакань, 7351—Ошмара, 7396—Тарвыга, 7403—Ченцы, 7426—Инеры, 7436—Дебалы, 7447—Пужбаль, 7449—Шурскаль, 7453—Кустерь, 7551—Ивановское на *Лехтъ*, 7553—Чухолоза, 7566 и 7567—Шугарь, 7614—Воскресенск. пог. на *Пуръ*, 7617 и 18—Кедеково, Закедь, 7660—Запуры, 7671—Пукесово, 7701—Носырево, 7703—Инальцово.

Названія селеній и рѣкъ звучащія не по руски въ Переяславск. уѣздѣ, Влад. губ.

3676—Вашка, 3700 и 3757—Брембола, 3702—рч. *Гнеза*, 3703—рч. *Тошма*, 3704—рч. *Исаля*, 3705—рч. *Мумошъ*, 3723—рч. *Кипса*, 3743—Киучерь при рч. *Рюхмъ*, 5747—рч. *Рокиа*, 3753—Бѣхтышево, 3763—Сотьма, 3766—рч. *Нерль*, 3813—рч. *Курешна*, 3867—рч. *Кысьма*, 3885—рч. *Кубря*, 3953—рч. *Илемка*, 3997—Никольскій погостъ, что въ *Кижель*, 4001—рч. *Кижилка*, 4012 и 51—Ченцы.

(Цыфры передъ названіями означаютъ № №, по спискамъ на еленныхъ мѣстъ Ярославской и Владимірской губ.).

(*) Объ Офеняхъ см. Владимірскій сборникъ К. Тихонравова. М. 1837 г.—с. 22—27.—Въ этомъ сборникѣ помѣщенъ краткій словарь офенскаго языка въ 268 словъ. Кромѣ этого словаря, существуютъ еще рукописные словари офенскаго языка, составленные чиновниками Владимірской удѣльной конторы, Бѣляевымъ и Ржевскимъ. Въ Словарѣ 1-го нах. 1020 словъ, а у втораго—643 слова.—См. также объ Офеняхъ статью М. А. Трехимовскаго, въ Р. В. 1866 г. кн. 6.

тайный языкъ; языкъ этотъ, впрочемъ, состоитъ, преимущественно изъ словъ, означающихъ денежный счетъ⁽³⁸⁾. Подобный же, странно звучащій, денежный счетъ существуетъ въ г. Нерехтѣ, Костромской губерніи⁽³⁹⁾. Въ Нерехтѣ же есть особый тайный языкъ, называемый *Елтонскимъ*, тоже принадлежащій мѣстнымъ торговцамъ. (Отъ слова: елтышь—безмѣнъ на этомъ языкѣ; зн. языкъ безмѣнниковъ). О. Діевъ приводитъ любопытные образцы этого языка, объясняющіе нѣкоторыя названія мѣстъ Костромской губерніи, совершенно необъяснимыя изъ языка русскаго. Такъ напр., *костръ*, *кострыга* значить на елтонскомъ языкѣ городъ, *масть*, по мордовски—красивый; отсюда Кострома, — красивый городъ. *Киншеть* по-елтонски — приставать, спокойно стоять; отсюда Кинешма, въ соединеніи съ мордовскимъ *масть*, означаетъ красивую пристань. Елтонскіе слова: *галь* — многолюдно, *лохъ* — сосѣдній, *олонно* — давно, *шунге* — пѣсенникъ, по мнѣнію о. Діева, дали названія: Галичу, Луху (городъ и рѣка Костромской губ.), Олонцу и селу около Костромы, Шунгѣ⁽⁴⁰⁾. Въ Галичѣ существуетъ тоже тайный языкъ *Елманскій*, который П. П. Свиныинъ считаетъ за остатокъ языка Мери⁽⁴¹⁾.

(38) Списки населен. мѣстъ Яросл. губ.—*введеніе* стр. 67. — Вотъ нѣсколько словъ этого языка: полкопѣйка—*бирляга*; 1 к.—*скама*, 2 к.—*дортага*, 3 к.—*бирь*, 4 к.—*секаля*, 5 к.—*оноха*. Многіе изъ этихъ словъ напоминаютъ татарскій счетъ.—Тоже слѣдуетъ замѣтить относительно словъ въ примѣч. 39-мъ.

(39) И. М. Снегиревъ сообщаетъ этотъ денежный счетъ въ Нерехтѣ до 100,000. Странно звучать слова его. Приводимъ нѣкоторыя въ обращеніи: полушка—*лотуха*; деньга—*сара*; копѣйка—*икань*, *иканя*, *стивоха*; грошь—*башъ*, *башыма*, *икася*; алтынъ—*бачка*, *бирь*, *бушень*, *бекренъ*; 4 к.—*бакра*, 5 к.—*оноха*; 6 к.—*бокра-бирей*, *бушень-стивохъ*; 7 к.—*кулемъ-стивохъ*; 8 к.—*вомера-стивохъ* и т. д. (Русск. Истор. Сборникъ Погодина т. I, кн. I стр. 106—112).

(40) Прот. М. Діева. «Какой народъ въ древ. врем. населялъ Костромскую сторону?»—Чт. М. О. Истор. 1865. кн. IV, отд. V. с. 174. На многихъ финскихъ нарѣчіяхъ *ма* — земля. По этому, намъ кажется, что окончаніе *ма* въ названіяхъ: «Кострома» и «Кинешма» ближе было бы переводить словомъ: *земля*, чѣмъ словомъ: *масть*—красивый. По такому переводу Кострома значила бы—городъ, поселеніе на землѣ, а Кинешма—пристань на землѣ.

(41) См. Р. Ист. Сборн. т. I, кн. I. с. 103.

Переходя къ племенному характеру населенія, мы позволимъ себѣ указать, въ видѣ примѣра, на два особенныхъ типа населенія Ярославской губерніи, являющихся въ себѣ очень много загадочнаго: *Пошехонцевъ* и *Сицкарей*.

О Пошехоньѣ, означавшемъ прежде цѣлую страну по Шекснѣ, называвшейся, по мѣстному говору, Шехонью, ничего не пишутъ лѣтописцы, за то много рассказываютъ сказки. Нивакой грамотѣй не сѣумѣеть объяснить откуда взялись Пошехонцы: вывелись ли они въ туземномъ лѣсу, прибыли ли изъ за моря, сами ли бивали другихъ, или были биты другими въ старыя времена;—за то и безграмотные знаютъ, какъ Пошехонцы „въ трехъ соснахъ заблудились“, какъ „искали комара за семь верстъ, а комаръ сидѣлъ у нихъ на носу“, какъ они „лазили на сосну Москву смотрѣть“, какъ „ходили покупать Ивана - Великаго“—и т. под. Обычай и нравы Пошехонцевъ во многомъ различны отъ окрестной массы Великорусскаго населенія (*). Сицкари, живя въ мѣстности лѣсистой и болотистой по р. Сити, въ Моложскомъ у.,—отличаются отъ остальнаго окрестнаго населенія, и лицомъ, и фигурой, и одеждой, и говоромъ, и обычаями. Неувлюжій, небольшого роста, съ выдавшимися скулами, одутловатымъ лицомъ и рѣдкой, клочковатой бородею—Сицкаръ отличается домосѣдствомъ, прилежаніемъ и честностію. Окрестные жители говорятъ про человѣка неловкаго въ обращеніи, не умѣющаго щеголевато одѣваться: „экой ты Сицкаръ“, или „вокора Сицкая“. Откуда взялись Пошехонцы и Сицкари? Положительныхъ отвѣтовъ на это мы не имѣемъ (**).

Различіе въ складѣ религіознаго возрѣнія у Великоруссовъ и Южноруссовъ, преобладаніе въ первомъ возрѣніи вѣщности, обрада и прагматичности надъ внутреннимъ содержаніемъ, догмой—и большее развитіе поэтической сторо-

(*) См. ст. «Промышленность и торговля въ Пошехоньѣ» — Ж. М. Вв. Д. 1844. Іюль с. 437—439.

(**) Св. ящ. Преображенскаго: «Волость Покровско - Сицкая Моложскаго у.»—Тринадцать статей въ Яросл. губ. вѣд. 1854.—Г. Артемьевъ полагаетъ, что Сицкари произошли отъ Кореловъ, водворявшихся въ этихъ мѣстахъ съ XVII ст.—(См. введеніе къ списку насел. м. Яросл. губ. стр. 68).

ны религіи во второмъ—давно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователей нашего быта, нашей исторіи. Многие изъ изслѣдователей пришли къ заключенію, что причину этого различія слѣдуетъ искать въ неизбежномъ присутствіи чуждаго, финскаго элемента въ Великорусской народности. Эту мысль высказывалъ еще въ 30-хъ годахъ Снегиревъ ⁽⁴⁴⁾, а въ послѣднее время гораздо опредѣленнѣе выражена она г-мъ Мельниковымъ, какъ мы увидимъ ниже.

Вслѣдствіе чего, въ самомъ дѣлѣ, произошли эти особенности сравнительно съ югомъ Россіи, которыя мы видимъ въ нѣкоторыхъ праздникахъ Костромской и Ярославской губерній; напримѣръ въ праздникѣ Коляды и Таусена, въ праздникѣ Семива, въ который сожигается вула Костромы?.... Откуда это чествованіе камней, неизвѣстное на югѣ и бывшее сильно распространеннымъ на финскомъ сѣверо-востоцѣ, и долго сохранявшееся въ вышеназванныхъ губерніяхъ?—Наконецъ происхожденіе самаго Велеса, „схотыаго бога“, не разъяснено должнымъ образомъ, и многие желаютъ въ немъ видѣть бога Мери ⁽⁴⁵⁾. Въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ

⁽⁴⁴⁾ См. Снегирева. Р. прост. праздники. I, 230 — 234, II, 30, 42.

И. И. Мельниковъ относитъ даже происхожденіе нашихъ Хлыстовъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ и видитъ связь этой секты съ Богумилами и финскимъ язычествомъ сѣверо-востока. Замѣчательно, что о первомъ изъ Хлыстовъ Хлыстовской секты, Аверьянѣ, явившемся при Дмитріи Донскомъ, въ пѣсни Хлыстовъ Воронежской губерніи поется:

Распинали же его,
Христа, Бога моего,
Какъ на полѣ Куликовскомъ,
Во наездіи Ростовскомъ.

По преданію, Аверьянъ убитъ на Куликовскомъ полѣ при походѣ Дмитрія Донскаго на Мамаю (см. Мельникова: «Тайныя секты» Р. В. 1868. кн. V. с. 15, 22—24). Снес. этой главы нашихъ очерковъ примѣч. 68, 69 и 70 и ниже во 2-й главѣ примѣчанія 84 и 85 и соответств. имъ страницы текста.

⁽⁴⁵⁾ Снегиревъ (Р. прост. праздн. I. 15, 187 и 242)—прямо признаетъ Велеса за «Мерянскаго бога».—Одна изъ древнѣйшихъ армарокъ въ сѣверо-восточной Россіи—Ростовская приходится около Власьева дня, «по всему вѣроятію, замѣчаетъ г. Снегиревъ, ведя свое начало отъ празднованія въ честь Велеса.» (Ibid. III. 157).—Онъ же полагаетъ, что камень

Ярославской, Костромской и Владимирской губерній навѣрное найдется также много отличій отъ южно-русскихъ (⁴⁶).

Какая доля участія въ образованіи всѣхъ этихъ особенностей языка, характера и обычаевъ народа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ оно время обитала Мера—принадлежитъ собственно Мери, какая доля падаетъ на другія народцы и племена, оставившіе свой слѣдъ на великой равнинѣ сѣверо-восточной Европы, въ какомъ отношеніи находится вліяніе Мери къ другимъ вліяніямъ?—На всѣ эти вопросы пока не можетъ быть отвѣта.

• *Третья группа.* Есть предположеніе, что въ глубокой древности существовала отдѣльная и обширная вѣтвь Чудскаго племени,—племя Мордовское, обитавшее въ областяхъ Оки и

Велеса, сокрушенный св. Авразіемъ Ростовскимъ былъ камнемъ бога Мери (ibid. 157).—Снес. Пам. стар. Р. Лры. Изд. Гр. Кушелева-Безбородко, в. I, с. 221. Діевъ также считаетъ Велеса богомъ Мери и праздникъ Мордвы-Мокшанъ *Вель-Оскъ* за остатокъ поклоненія Велесу, принесенному туда Мерею (Чт. М. О. Ист. 1865. кн. IV, отд. V. стр. 172 и 173).—Шепингъ считаетъ Велеса туземнымъ славянскимъ богомъ («Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ» М. 1862 с. 204). О Колядѣ, Таусенѣ и кулѣ Костромы см. Снегирева Р. праздники, 2-й выш., преимуществ. с. 29, 103—110. в. I. 183, 184, 234. III. 116, 134, 135, 140, 209. IV. 117.

(⁴⁶) Позволимъ себѣ привести здѣсь извѣстныя намъ указанія на народные обычаи и праздники въ Ярославской и Владимирск. губ., описъ которыхъ помѣщены въ мѣстныхъ губ. вѣд.—Въ Ярославскихъ губ. вѣдомостяхъ помѣщены: 1) Буй, наз. игра въ Ярославлѣ. 1843 г. № 50.—2) Село Крестобогородское. 1849. № 24 и 25.—3) Народные обычаи въ Даниловскомъ у. 1849. № 26 и 27.—4) А. Артынова: Село Угодичи, бл. Ростова. 1850. № № 20 и 21 и 1851. № № 2, 3 и 4.—5) Сводъ народн. примѣтъ о поствѣ и уборкѣ хлѣба и сѣна, о пашнѣ и удобрен. землѣ. 1851. № № 15—18.—6) Село Большое, бл. Углича. 1851. № 33.—7) Свадебные обычаи въ Ростовскомъ у. 1852. № 4, 5 и 15.—8) Обычаи при свадьбахъ въ Пошеховскомъ у. 1853 стр. 256, 270, 280, 289, 298 и 313.—Изъ Владимирскихъ губери. вѣдомостей перепечатаны г. Тихонравовымъ въ Влад. Сборникѣ (стр. 36—42): 1) Свадебные обряды и плачи въ Переяславскомъ у. 2) Свадеб. плачи у крестьянъ Влад. у.—3—5) Коляда во Владимирскомъ у., въ селѣ Добромъ этого уѣзда и въ Переяславск. у. 6) Юнны, народн. обычаи во Владимир. губ. 7) Народная пѣсня въ с. Бремболѣ, Переяслав. у. 8) Ильинская пустошь въ Судогодскомъ у.

верхняго теченія Волги. Г. Иловайскій, въ „своей Исторіи Рязанскаго княжества“, полагаетъ, что Мордовское племя когда то занимало огромное пространство отъ Уральскихъ горъ до самаго Днѣпра, что, вслѣдствіе движенія кочевыхъ ордъ изъ-за Урала, оно было отрѣзано отъ южной своей части—Хозарь и отодвинуто далѣе на сѣверъ, гдѣ потомъ утратило родовое названіе,—и въ IX в. появилось въ исторіи раздробленнымъ, подъ именами разныхъ отдѣльныхъ народцевъ ⁽⁴⁷⁾.

Дѣйствительно, можно предположить, что теперешніе поволжскіе чудскіе народцы—Мордва и Черемисы составляли въ одно время одно цѣлое съ несуществующими теперь народцами Мерею и Муромою: *Мордва*, по изъясненію Кастрена, означаетъ *людей на водѣ* (Мор—человѣкъ; ва—вода), а *Мурома*—людей на—землѣ (Ма—земля). Кастрень, по атому, считаетъ Мордву съ Муромой за одно поколѣніе, впоследствии распавшееся на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна осталась при водѣ (Мордва) а другая была отрѣснена далѣе отъ воды, на землю (Мурома) ⁽⁴⁸⁾.

Обращиковъ языка Муромы, кромѣ ея самоназванія, до насъ не дошло; но мы имѣемъ любопытное извѣстіе о религиозныхъ обрядахъ Муромцевъ XI в., представляющихъ большое сходство съ нѣкоторыми обрядами Мещеряковъ, которые признаются этнографами за видоизмѣненное названіе Мордвы-Мокши ⁽⁴⁹⁾.—Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ о Муромѣ XI в.: „очныя ради немощи въ владыкахъ умывающеса и сребреницы на ня повергающе,... дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и сямъ повлоняющеса,... кони завлающе и по мертвыхъ ременныя плетенія и древолазная съ ними въ землю погребавоще, и битвы, и кроеніе и лицъ настрѣканія и дранія творяще“ ⁽⁵⁰⁾. Мещеряки до сихъ поръ, при погребеніи мертвыхъ, „творятъ лицъ наст-

⁽⁴⁷⁾ Иловайскаго. Исторія Ряз. кн. стр. 3 и 4 (примѣч.).—См. памятники Мордовской старины въ Ж. М. Вн. Д. 1851. Мартъ.

⁽⁴⁸⁾ Castren. Reiseb. u. Briefe. a. d. J. 1845—49, s. 17.

⁽⁴⁹⁾ См статью Ауновскаго о Мещерѣ.—П. И. Мельникова: «Очерки Мордвы» Р. В. 1867 кн. 6, с. 504.—Кн. Курбскій прямо свидѣтельствуетъ, что въ землѣ Мещерской былъ языкъ Мордовскій. (Сказ. кн. Курбскаю. с. 15). Сличи: Георга: «Опис. народ.» с. 186 и слѣд. и А. L. Schlözer'a: «Мещоръ». 1-е Th. Gött. 1802, I. 108.

⁽⁵⁰⁾ У Иловайскаго. Ист. Ряз. кн. с. 7.

рѣванія и драгнѣя“. Г. Ауновскій, въ своемъ „этнографическомъ очеркѣ Мещеры“, говоритъ, что женщины, когда опустятъ покойника въ могилу, поднимаютъ вой, *жестоко царапая себѣ лицо ногтями*. Тоже дѣлаетъ невѣста при снаряженіи ея въ церковь и благословеніи родителями; при этомъ она неистово кричитъ и визжитъ для выраженія печали ^(²¹). Лѣсъ, какъ извѣстно, въ большомъ почитаніи до сихъ поръ у Мордвы, Черемисъ и вообще у всѣхъ сѣверовосточныхъ чудскихъ народовъ. Принесеніе въ жертву лошадей прекратилось у Мордвы только съ того времени, какъ она перестала употреблять ихъ въ пищу ^(²²). Г. Иловайскій полагаетъ, что „Мещера“ есть видоизмененіе слова „Меся“ ^(²³). Снегиревъ и Діевъ также предполагаютъ что, Мордва-Мокша (Мещера) есть Меся ^(²⁴).

Мордовскій народъ, раздѣляющійся на двѣ главныя вѣтви: *Эрзу* (сѣверо-западную) и *Мокшу* (юго-восточную) и населяющій лѣсную сторону по Волгѣ и Окѣ—былъ издавна народомъ воинственнымъ и вошелъ во враждебныя столкновенія съ Славянорусскимъ племенемъ весьма давно: при самомъ началѣ его поступательнаго движенія на востокъ.— Отличительная черта Мордовскаго народа заключается въ его способности къ слиянію съ другими народами: такъ онъ подвергся сильному влиянію Татаръ, послѣ завоеванія ими Болгарскаго царства, въ улусы котораго входила земля Мордовская, а затѣмъ, послѣ поворенія царства Казанскаго Московскимъ государствомъ, — началъ сильно русифицироваться. На востокъ и на югъ отъ р. Мокши, говоритъ Герберштейнъ о Мордвѣ-Мокшѣ XVI в. (объ Эрзѣ онъ не упоминаетъ), встрѣчаются огромные лѣса, въ которыхъ живетъ народъ Мордва, который имѣетъ свой собственный

(²¹) Статья г. Ауновскаго, если не ошибаемся, напечатана въ „Этнографическомъ сборникѣ“, но мы ею пользовались по рукописи, обязательно намъ сообщенной еще въ 1867 году секретаремъ этнографическаго отдѣленія И. Р. Георг. о—ва, Л. Н. Майковичъ.

(²²) См. «Очерки Мордвы» П. И. Мельникова Р. В. 1867 кн. 6.

(²³) Ист. Ряз. кн. с. 7.

(²⁴) Снегиревъ. Русск. простонародн. праздники и суевѣрн. обряды. I, 18 и 187.—Діевъ: какой народъ въ др. вр. населялъ Костромскую сторону?—Чт. М. О. вст. 1865. кн. IV отд. V. 173—176 —Діевъ говоритъ, что обычай и повѣрья Мордвы-Мокши похожи на обычай и повѣрья крестьянъ Костромской губ.

языкъ и состоитъ подъ властію Московскаго князя. Одна часть Мордвы пребываетъ въ идолопоклонствѣ, другая часть исповѣдуетъ исламъ. Мордвины живутъ разсѣянно по деревнямъ, обрабатываютъ поля, питаются дичиною и медомъ, имѣютъ въ изобиліи драгоцѣнные мѣха; это люди въ высшей степени свирѣпые, потому что не разъ храбро отражали даже татарскихъ разбойниковъ. Почти всѣ они пѣшіе, отличаются продолговатыми луками и искусствомъ метать стрѣлы (**). Теперешній бытъ Мордвы не представляетъ особенностей отъ быта Великорусскаго. Но охота и пчеловодство до сихъ поръ составляютъ главнѣйшіе промыслы Мордвина. Въстѣ съ способностію къ слиянію съ чуждыми народностями, Мордовскій народъ выказалъ неимоверную стойкость въ отстаиваніи неприкосновенности своей религіи, изъ-за нарушенія которой онъ весьма часто съ ожесточеніемъ возставалъ противъ Московской власти, бывшей проводникомъ Христіанства среди Мордвы (**).

Общій строй Мордовскихъ религіозныхъ вѣрованій определяется *дуализмомъ*, подробности котораго видоизмѣняются по племеннымъ вѣтвямъ. Верховный богъ, богъ добра и свѣта, *Чамъ-Пасъ* у Эрзы и *Шкай* у Мокшанъ,— и *Шайтанъ*, сотворенный верховнымъ богомъ, представитель зла и мрака—стоятъ во главѣ божественной іерархіи Мордвы. Родоначальницей генеалогической іерархіи божествъ является *Анге-Патяй*, дочь Чамъ-Паса, отъ которой произошли всѣ остальные боги—*Пасы* и богини—*Патяи*, которыхъ всѣхъ вмѣстѣ г. Мельниковъ насчитываетъ 14-ть. Три сына Анге-Патяй: *Нйишки-Пасъ*, *Велень-Пасъ* и *Наздромъ-Пасъ*—являются богами неба, земли и царства мертвыхъ, которое по мордовскимъ представленіямъ, согласно ихъ быту и промыслу, характеристически воображается подъ видомъ темнаго и обширнаго пчельника. Къ низшему разряду божественной іерархіи относятся боги—охранители и покровители лѣсовъ, охоты и звѣроловства. Около боговъ и богинь группируются добрые духи (*бзаисъ* у

(**) Герберштейнъ. Записки о Московіи. Переводъ И. Анонимова. Сиб. 1866. с. 100.

(**) Для изложенія религіозныхъ вѣрованій Мордвы мы пользовались статью П. И. Мельникова: «Черки Мордвы». Р. В. 1866. кн. 7, 9 и 10.

Эрвы и бжсъ у Мокши), сотворенные, но не рожденные, Ангел-Патяй. Около Шайтана находится сонм сотворенныхъ имъ злыхъ духовъ. У Мордвы очень много легендъ и сказаній о сотвореніи міра и Шайтана, о происхожденіи бзайсовъ, о судьбѣ первыхъ людей, о близкихъ сношеніяхъ боговъ съ людьми. Ни идоловъ, ни храмовъ у Мордвы не было. Обрядовый культъ Мордвы заключается въ *моленіяхъ* и *жертвоприношеніяхъ*. Огороженные мѣста, на которыхъ они приносятся, обыкновенно въ лѣсахъ,—называются *кереметями*. (Керемети въ деревняхъ—обсаживаются березами). Моленія и жертвоприношенія въ совокупности называются *молянми*, которые раздѣляются на *домашніе* и *общественные* (велевъ-молянъ). Кромѣ молянъ въ кереметяхъ, совершались молянъ на кладбищахъ въ честь умершихъ предковъ (*атяня-молянъ*), сопровождавшіеся обрядами, весьма похожими на русскія поминки. У Эрвы были жрецы, у Мовшанъ ихъ не было; моленія и жертвоприношенія у нихъ совершалъ глава семейства. Вообще, какъ самыя религіозныя вѣрованія, такъ и обрядовый культъ, болѣе развиты у Эрвы чѣмъ у Мокши. Жреческія обязанности сложились у Эрвы въ правильную іерархію. Во главѣ ея стоитъ *пярятъ*, собственно не жрецъ, а главный распорядитель молянъ. Верховной жрецъ—*возатя* и 12 его помощниковъ, раздѣляющіеся на 4 чина, каждый съ специальными обязанностями при жертвоприношеніяхъ: *париндяитовъ*, *ялбедъ*, *кашангородовъ* и *туросторовъ*—составляютъ іерархію жрецовъ; кромѣ ихъ на молянахъ играютъ роль *позанбунаведы*—служители при жертвоприношеніяхъ, подчиненные непосредственно ярвту. Предметы жертвоприношеній Мордвы суть: *домашнія животныя*, преимущественно быки и бараны, *хлѣбъ*, *яичница*, *медъ* и *пиво*, называемое *мурѣ*. Орудіями жертвоприношенія являются *штатолы* (восковые свѣчи), *паржа* (священная бадва), *священные ковши* и *ножи* и *горящій уголь*. Большую роль въ молянахъ играетъ *камень—кардо-сярко*, который непременно находится на дворѣ каждаго дома и въ каждой керемети. Общественное моленіе—Велевъ-молянъ совершается у Мордвы съ большою торжественностію и съ стройнымъ порядкомъ богослуженія. Кромѣ моленій, съ возглашеніями возати и жертвоприношеній, совершаемыхъ имъ же,—они сопровождаются музыкой на дудахъ и пѣніемъ дѣвушекъ. У г. Мельникова описанъ подробно этотъ Велевъ-молянъ. Подробности испол-

нены глубокаго интереса, но мы не считаемъ возможнымъ приводить ихъ здѣсь вполнѣ: это вывело бы насъ за предѣлы общаго очерка мордовскихъ вѣрованій, который намъ нужно было представить. Мы остановимся только на одномъ обрядѣ богослуженія Велень-молянъ, именно на сборѣ необходимыхъ для жертвоприношеній припасовъ. Этимъ обрядомъ, по весьма справедливому мнѣнью г. Мельникова, можетъ быть объяснено одно, до сихъ поръ мало понятное и для насъ весьма важное, мѣсто Несторовой лѣтописи о появленіи волхвовъ въ Ростовско-Суздальской области въ 1071 году. По глубокому интересу самаго обряда относительно сближенія его съ рассказомъ Нестора, мы приводимъ его въ подробномъ извлеченіи.

Характеристическія особенности этого обряда заключаются, главнымъ образомъ, въ способѣ приготовленія къ моляну муки, меда, масла, яицъ и денегъ *замужними женщинами*, въ томъ способѣ, которымъ онѣ передаютъ приготовленное сборщикамъ жертвенныхъ припасовъ: париндяиту и янебду,—въ домашнемъ жертвоприношеніи, производимомъ женщинами по уходѣ сборщиковъ, и въ роли, которую играютъ во всемъ этомъ обрядѣ дѣвушки. „Мужчины не только не принимаютъ въ приготовленіяхъ никакого участія, но не могутъ ихъ даже видѣть, для чего съ ранняго утра того дня, когда въ деревню должны пріѣхать сборщики (а это извѣстно заранѣе) уходятъ, на работу въ поле, въ овины, или же прячутся въ хлѣва, какъ скоро узнаютъ что париндяитъ съ янебдомъ пріѣхали. Даже мальчики прячутся съ отцами; при матеряхъ могутъ оставаться только грудные и неумѣющіе ходить дѣти мужескаго пола“. „Наканунѣ того дня, когда должны пріѣхать въ деревню сборщики, женщины дѣлаютъ приготовленія. Онѣ шьютъ три, четыре и болѣе холщевыя мѣшечка и въ нимъ пришиваютъ по двѣ длинныя тесемки или веревочки. *Въ одинъ мѣшечекъ хозяйка насыпаетъ фунтъ, два, или болѣе муки, смотря потому сколько предполагается моельщиковъ на предстоящемъ молянѣ, въ другой кладетъ бурачекъ съ медомъ, въ третій нѣсколько гривенъ денегъ, въ четвертый—бурачекъ съ масломъ, въ пятый—бурачекъ съ яйцами* и т. д. Потомъ накрываетъ столъ чистымъ рядномъ и раскладываетъ на немъ назначенные для сборщика мѣшки“. „Подѣхавъ къ деревнѣ, сборщики останавливаются у околицы и нѣсколько времени медлятъ, что-

бы дать женщинамъ время сдѣлать нужныя приготовления къ ихъ приему. За тѣмъ, когда бѣгающія по улицѣ дѣвочки скажутъ матерямъ, что париндянтъ и янбедъ прибыли, послѣдніе съ разными мѣстическими приемами и молитвами, входятъ въ избу“. „При входѣ янбеда въ избу, въ ней горитъ штатолъ на шествѣ печи, передъ которою стоитъ столъ съ мѣшками. Передъ нимъ становятся замужнія женщины семьи задомъ къ двери; плечи и грудь у нихъ обнажены по поясъ. Дѣвушки стоятъ подлѣ нихъ также задомъ къ двери, но не обнажены (57). Париндянтъ съ янбедомъ, войдя въ избу, останавливаются у самой двери, одинъ держа парку, другой жертвенный ножъ и читаютъ громко молитву Чамъ-Пасу, Анге-Патяй и Юртова-Ѧзасу (духу покровителю дома). Тогда старшая замужняя женщина беретъ обѣими руками за тесемки мѣшекъ съ мукой, закидываетъ ея черезъ голову назадъ на юмля свои плеча, и, не оглядываясь, потому что не должно женщинамъ видѣть лицо сборщикавъ, пѣтитъ задомъ къ дверямъ. Когда, такимъ образомъ, она подходитъ къ сборщикамъ, париндянтъ подставляетъ къ спинѣ ея священную парку, а янбедъ, взявъ въ одну руку мѣшокъ, другою рукою пять разъ слегка колетъ подошедшую священнымъ ножемъ въ обнаженныя плеча и въ спину, читая молитву, обращенную къ Анге-Патяй, и потомъ перерѣзываетъ тесемки; мѣшекъ падаетъ въ парку, а концы тесемокъ остаются въ рукахъ женщины. Она отходитъ къ столу, не оглядываясь; за нею другая такимъ же образомъ подходитъ къ сборщикамъ съ другимъ мѣшкомъ, третья съ третьимъ и т. д. Если же въ семьѣ находится одна замужняя женщина, то она одна относитъ къ сборщикамъ описаннымъ порядкомъ приготовленные мѣшки одинъ за другимъ. Дѣвушки остаются

(57) Здѣсь г. Мельниковъ дѣлаетъ замѣтку объ устройствѣ мордовской избы, отличной отъ великорусской. Считаю нужнымъ, для ясности разсказа, привести цѣлкомъ его замѣтку. «Встарину, говоритъ онъ, мордовскія избы строились не совсѣмъ такъ какъ русскія. Печь ставилась въ переднемъ лѣвомъ углу, прямо противъ входа; т. обр. Мордовки, стоя передъ печкой, стояли задомъ къ двери. Такія избы съ печью, устье которой обращено къ двери, до сихъ поръ можно встрѣтить въ степныхъ мѣстахъ губерній Пензенской, Тамбовской и Рязанской, не только у Мордвы обрусѣлой и не обрусѣлой, но даже и у Русскихъ (Очерки Мордов. гл. V. Р. В. 1867. № 9, с. 246 и 247 и примѣч. къ послѣд.).

у стола: онѣ не могутъ трогать приготовленныхъ мѣшковъ. Принявъ назначенные для жертвоприношенія припасы, сборщики уходятъ, не затворяя ни дверей избы, ни воротъ, складываютъ все полученное на возъ и отправляются въ слѣдующій домъ. По удаленіи сборщиковъ, женщины разводятъ на шесткъ огонь, зажигая его горящими штатоломъ, и сожигаютъ на немъ остатки тесежокъ. Пепелъ ихъ, вмѣстѣ съ углями, кладутъ въ заимѣтку съ молитвой къ Юртова-бѣзису (духу покровителю дома), которую произноситъ старшая въ домѣ⁽⁵⁸⁾. Любопытный рассказъ Нестора о волхвахъ въ Ростовской области мы приведемъ ниже, а здѣсь припомнимъ только, что во время голода въ Ростовской области, волхвы были убѣждены, что причина этого голода заключается въ томъ, что замужнія женщины „обиліе держать“ у себя за плечами, за что они и убивали ихъ, прорѣзывая имъ „въ мечтѣ“, какъ говоритъ лѣтописецъ, за плечами и вынимая оттуда „жито, рыбу, медъ и скору“.

Священнымъ днемъ у Мордвы считается Пятница. Праздники Мордвы и сопровождающіе ихъ обряды весьма схожи съ Великорусскими. Конечно, много изъ этихъ обрядовъ перешло къ теперешней Мордвѣ отъ русскихъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ настоящее время большая часть Мордовскаго народа, забывъ свой языкъ, употребляетъ русскій даже и въ языческихъ своихъ молитвахъ. „Но нельзя также отвергать, говоритъ г. Мельниковъ, чтобы нѣкоторые старинные мордовскіе религиозные обряды не перешли къ Русскимъ“. Такъ напр. г. Мельниковъ полагаетъ, что *Коляда* и *Ассень*, или *Таусень* заимствованы Великоруссами у Мордвы, или у другаго какого либо финнскаго племени, на что указываютъ самыя названія того и другаго свѣточнаго обряда. Въ русскихъ деревняхъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ зовется *зелеными свѣтками*. Здѣсь видно тождество праздниковъ семика и свѣтокъ, которое вполне объясняется празднованіемъ Мордвы въ оба праздника *Аме-Патяй* и березовымъ богамъ: лѣсному *Кѣлу-бѣзису* и домашнему, *Кѣлядѣ*.⁽⁵⁹⁾

(58) Очерки Мордвы. *ibid.*, стр. 245—247. Не желая перефразировать ясный рассказъ г. Мельникова и тѣмъ, быть можетъ, его исказить, мы позволили себѣ только сократить его, оставляя въ большинствѣ случаевъ подлинныя слова автора, которые мы, для огражденія себя, сочли необходимымъ поставить въ выносныхъ знакахъ.

(59) *ibidem.* Р. В. 1867. Окт. стр. 429.—Слово *Коляда*, вмѣсто латинскаго *Calendae* и славянскаго *Коло* можетъ быть произведено отъ

Сопоставляя за тѣмъ и другіе праздники и обычаи мордовскіе съ Великорусскими, г. Мельниковъ заканчиваетъ свои статьи о мордовскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ слѣдующими словами: „Вообще древняя мордовская вѣра, кажется, имѣла большое сходство съ языческою вѣрою русскихъ Славянъ, если не была одна и таже. У Русскихъ, уже девять сотъ лѣтъ принявшихъ Христіанство, она совершенно забылась, но остатки ея сохранились въ разныхъ обрядахъ, изъ которыхъ многіе трудно, или вовсе невозможно объяснить. Мордва крещена не такъ давно и еще помнитъ старинную свою вѣру. По сохранившимся у Мордвы религіознымъ обрядамъ и по преданіямъ о ея религіи можно объяснить многіе русскіе обычаи и обряды“ (**). Въ другомъ мѣстѣ своихъ исполненныхъ глубокаго интереса статьяхъ о Мордвѣ, въ сожалѣнію неовонченныхъ, г. Мельниковъ говоритъ по поводу сходства многихъ мифическо-восмогоническихъ легендъ и сказаній мордовскихъ съ такими же русскими: „на подобныя сказанія нельзя смотрѣть иначе, какъ на остатки вѣрованій русскаго народа еще во времена язычества. Кто отъ кого заимствовалъ эти вѣрованія, *Славяне ли отъ Финновъ, или Финны отъ Славянъ*—рѣшить трудно, но, кажется вѣрнѣе предположить, что вѣрованія эти были общи обоимъ сосѣднимъ племенамъ, Славянскому и Финнскому“ (*').

Предположеніе о связи Мери съ Черемисами имѣетъ въ свою пользу болѣе вѣроятности, чѣмъ предположеніе о сродствѣ Мери съ Мордвою. Черемисы называютъ себя *Мари*—люди. Кастренъ полагаетъ, что названіе *Мери*—есть славянское измѣненіе слова „Мари“ и считаетъ, вслѣдствіе этого, возмож-

мордовскаго *Кѣль*—береза. Праздникъ *Кѣлда* совершается у Мордвы въ честь березоваго бога Кѣлды (Id. стр. 414)—*Таунсли* по мордовски—свиной; *Таунс-оламъ*—богъ свиней. Русскій Авсень, или Таусень, обряды котораго очень сходны съ мордовскимъ Таунсѣй,—сказывается только въ тѣхъ мѣстностяхъ Великороссіи, гдѣ издревль обитала Мордва, т. е. въ губерніяхъ: Рязанской, Владимирской, Сибирской, Тамбовской, частію Пензенской и въ сѣв. части Саратовской (ibid. ст. 423).—Слес. Снегирева. Русскіе престолярныя праздники и суевѣрные обряды. в. II, с. 103, Снегиревъ производитъ названіе праздника: «Авсень» отъ *обсызать*.

(**) Очерки Мордвы. Р. В. 1867. Окт. с. 430.

(*') Ibid. Сент. 231.

нымъ „заключить по справедливости, что Меря или состояла изъ Черемись, или представляла поколѣние близко родственное съ ними“ (**). Въ Ростовѣ до сихъ поръ существуетъ преданіе, что часть жителей Ростовской области, при распространеніи тамъ Христіанства, выселилась въ поволжскія страны. Это преданіе занесено въ одну Космографію XVII в. и, кромѣ того, находится въ „Исторіи о Казанскомъ Царствѣ“ (**).

(**) Castren. Reiseber. u. Briefe a. d. J. 1845—49. s. 16 u. 17.—Замѣтимъ здѣсь кстатіи происхожденіе слова: *Черемисъ*. По Татарски Черемисъ—негодный, гнилой (Риттиха. Каз. губ. II. 129).— По Чувашски, согласно объясненію Н. И. Золотницкаго, *Чар*, *Чэр*, *Чарем*—недопускать, а *Чаремышъ*—недопускающій (ibid. II. 159.).—Щекаловъ полагаетъ, что слово «Черемисъ» Мордовское и значить «Восточный» т. е. племя, живущее на востокъ отъ Мордвы (Геогр. слов. рос. гос. VII. 63.).—Ср. Castren'a Ethnolog. Vorles. üb. die Alt. Völker. s. 133.

Ростовское озеро называлось *Неро*. Оно отличается болотистымъ дномъ. Изъ него течетъ р. *Нерль*, на которой лежитъ Суздаль. *Нерехта* городъ Костромской губ.; по зырянски *Нюра*—болото. На друг. финскихъ яз. *Нерь*—сырой. Известно, что въ русскомъ языкѣ, при произношеніи, звуки *Н* и *М* часто чередуются, переходя др. въ др. (напр. *Миколай* вмѣсто *Николай*, *Недвѣдъ* вм. *Медвѣдъ*, *Мурманы*, вм. *Норманы*, *Сибирскъ* вм. *Симбирскъ*). Отсюда ясно, что слово *Меря* могло произойти отъ слова *Нер*, *Неро*, *Нюр*—болото, низменное мѣсто. (См. пам. др обит. Яр. губ. до Рюрика.—Яр. губ. вѣд. 1859. с. 47.—Эйхвальда. О чудскихъ коняхъ, въ Зап. Арх. Общ. 1857. IX. 351).—Доказательство тому, что первоначальныя племена называются по характеру той мѣстности, гдѣ они поселяются, или по названію рѣкъ и урочищъ—виднѣтъ мы у Нестора, который говоритъ прямо, что Древлянами назвались Славяне, «зане сѣдоша въ лѣсѣхъ», Морованами по р. Моравѣ, Полочанами по р. Пологѣ. (П. С. Л. I. 3.). Сравни. стр. 4 эт. главы и наше 5-е примѣч.

(**) Космографія, сирѣчь всемірное описаніе земли въ единопробываніи и знаменованіи степеней въ округахъ небесныхъ. Послѣ выписки изъ Герберштейна о географическомъ положеніи Московскаго государства, помѣщена здѣсь статья: о російскомъ государствѣ пространнѣе, въ которую вошли описанія царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго. Описаніе Царства Казанскаго оканчивается слѣдующими словами: «Подъ тоужь областію земли поволжскіе, государства Казанскаго, державы Россійскія именуемые улусы Тотарскія.... жители великія рѣки Камскія и Уель и прочихъ великихъ рѣкъ разноязычествія: Козары и Балымы, и Болгары, ижъ

Черемисы, живущіе на правой (горной) и лѣвой (луговой) сторонахъ Волги, раздѣляются въ настоящее время на двѣ вѣтви: *горныхъ* и *луговыхъ*. Черемисы, выросшіе и воспитавшіеся среди лѣсовъ, стрѣмились на луговую сторону Волги болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ горная сторона мало, по малу, обезлѣсивалась. Въ настоящее время чище всего сохранился примитивный типъ Черемисовъ у луговой отрасли, а горная, подверженная привосновенію другихъ народностей, теряетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе этотъ типъ, робкій и бояливый по природѣ, крайне несообщительный, но способный, вслѣдствіе этой несообщительности, дать сильный отпоръ чужеземцамъ, являющимся непрошенными гостями въ лѣсную сторону: это луговые Черемисы доказали упорнымъ своимъ сопротивленіемъ Русскимъ, послѣ занятія ими Казанскаго царства. Религіозныя вѣрованія Черемисъ до сихъ поръ еще не вполне разработаны. Въ луговой отрасли они сохранились, безъ сомнѣнія, полнѣе и чище чѣмъ въ горной, но, мы не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа достовѣрныхъ свидѣтельствъ о религіи луговыхъ Черемисъ, принуждены ограничиться характеристикой религіи Черемисъ горныхъ. Мы воспользуемся для этой характеристики превосходной статьей профессора Казанской духовной академіи, П. В. Знаменскаго, источникомъ для которой служили личныя наблюденія автора и рассказы самихъ Черемисъ (*).

и ушлецы языка словенскаго (*), земли Ростовскія, ушедше бо отъ св. крещенія во идолопоклонение, и тамо кочевное житіе тотарское, въры безсерменскія изволиша.—См. *Сборн. И. Публ. Библ. № ркн. 1576.*—Козмографія писана скорописью XVII в.—«Черемисы, зовомая Отяки, то же глаголются Ростовская чернь, забѣниихъ тоже отъ русскаго крещенія и вселившимъ нѣ въ Болгарскихъ жилищѣ. *Ист. о Казанск. Ц.—вѣ. Изд. 1791.* с. 3. Снес. также Лызлова. *Скиская исторія* с. 83.

(*) В. Е. 1867: т. IV. П. В. Знаменскаго: Горные Черемисы Казанскаго края (изъ наблюденій очевидца).—Книга Г-жи Фуксъ о Черемисахъ и Чувашахъ не отличается строгою наблюдательностію и грѣшитъ вѣдностью выводовъ и произвольностію толкованій—См. также статьи

(*) Подъ этимъ можно разумѣть именно Мерю, которая скоро ослаблянировалась. См. подробности ниже въ этой главѣ примѣчаніе 85-е и соотвѣствующую ему страницу текста.

Въ основаніи религиозныхъ вѣрованій Черемись, какъ и у Мордвы, лежитъ *дуализмъ*, который не развился вполне, не опредѣлился окончательно. Вся мѣология Черемись вообще лишена опредѣленности и строгой системы, что зависитъ не отъ молодости этой мѣологии, а отъ народнаго характера Черемись, склада ихъ міросозерцанія. Міросозерцаніе Черемись отличается отсутствіемъ идеализма и поэзіи и господствомъ сухаго практицизма, далекаго отъ всего не относящагося къ обыденной жизни. Такимъ сухимъ практицизмомъ проникнута у Черемись и мѣология—это первоначальное выраженіе народнаго духа. Догматизмъ занимаетъ въ ней послѣднее мѣсто, на первомъ планѣ стоятъ обрядъ, жертва, какъ средство получить отъ божества то или другое благо, защиту отъ той или другой бѣды. Въ настоящемъ своемъ развитіи религія Черемись представляетъ политеизмъ, при смутномъ представленіи божествъ и ихъ іерархической зависимости другъ отъ друга и при утилитарномъ въ нимъ отношеніи. Періодъ первоначальнаго фетишизма уже миновалъ, но слѣды его видны въ священномъ значеніи лѣса вообще и березы и рябины въ частности.

Во главѣ дуалистической религіи Черемись стоятъ два божества, представители добраго и злаго начала: *Кого-Юма* и *Кереметъ*. Представленіе о 1-мъ крайне смутно и грубо, о 2-мъ гораздо опредѣленнѣе и, такъ сказать, развитѣе, потому что Кереметь, какъ представитель злаго начала, гораздо популярнѣе добраго божества у полудикаго Черемиса, для котораго горе и нужда въ жизни встрѣчаются чаще, чѣмъ радость и наслажденіе. Представленіе Кого - Юмы, по справедливому замѣчанію П. В. Знаменскаго, явилось только какъ неизбежный результатъ обобщенія, при сопоставленіи разныхъ отдѣльныхъ божествъ. Этихъ божествъ мужскаго и женскаго рода, *Юмъ* и *Аваяланъ* (матерей) группируется около Кого - Юмы—значительное количество: первыхъ болѣе двадцати, вторыхъ до дюжины. Большинство

о Черемисахъ и ихъ религіи: Неизвѣстнаго, о религіи некрещенныхъ Черемисъ каз. губ. въ Этногр. сборн. 1858. кн. IV.—Нурминскаго:—Очеркъ религіозн. вѣров. Черемисъ. Прав. Собес. 1862, кн. 12.—Черемшанскаго: Описаніе Оренб. губ.—Уфа 1859.—Яблонскаго: о горныхъ Черемисахъ Каз. края.—Совр. лист. 1866, № 50.

Юмъ и Авялянгъ является богами - покровителями лѣсовъ, хлѣбовъ, пчеловодства и скотоводства, — самыхъ необходимыхъ предметовъ существованія и довольства полудикаго человѣка; весьма небольшая часть приходится на силы и явленія физическія вообще, и только два божества имѣютъ своей спеціальностью охраненіе собственно человѣка: одно божество судьбы и одно спасающее отъ повлеповъ, напраслинь и доносовъ. Кереметей тоже нѣсколько. Они не имѣютъ, какъ Юмы, спеціальныхъ областей своего вѣденія, а приурочены въ опредѣленнымъ мѣстностямъ: оврагу, камню, лѣсу, озеру, болоту, въ которыхъ и ходятъ на моленія имъ⁽⁸⁸⁾. Около Юмъ и Кереметей группируются сонмы *духовъ* добрыхъ (*Сакчи*) и злыхъ (*Шайтаны* и *Вадыши*). Особеннымъ почитаніемъ пользуются *Вадыши*, имѣющіе значеніе мѣстныхъ героев - злодѣевъ, въ которыхъ обращаются люди послѣ смерти, желая сдѣлать своимъ братьямъ что нибудь недоброе.

Существенная сторона обрядоваго культа заключается въ *жертвоприношеніяхъ*, которыя раздѣляются на *частныя* и *общественныя*. Совершаетъ жертвоприношеніе въ 1-мъ случаѣ глава семейства, или кто либо изъ его родственниковъ и друзей, а во 2-мъ *мужанъ* (ворожей, знахарь), сохранившій у луговыхъ Черемисъ значеніе жреца — *карта*. Въ жертву приносятся *домашнія животныя* (преимущественно коровы), мучныя *лепешки* и *пиво*; мѣстомъ жертвоприношенія бываетъ *лѣсъ*. Жертвоприношеніе у Черемисъ не есть выраженіе благоговѣйнаго чувства передъ божествомъ, а приносится изъ прагматическаго разчета, для полученія необходимыхъ благъ, или отогнанія бѣдъ и напастей; жертва нужна божеству въ смыслѣ ѣды; оно, какъ и человѣкъ, не

⁽⁸⁸⁾ Существующіе въ разныхъ мѣстахъ нашего финскаго сѣверо востока *камни*, которые попадаются и въ Черемисской землѣ Казанской губерніи, — очевидно показываютъ, что они имѣли нѣкогда священное значеніе — (См. Эйхвальда: «Чудскія копи», въ Зап. Археол. О-ва 1857. кн. IX. — Риттиха. Описаніе змѣева камня въ Чисоп. у., въ его «Каз. губ.» II, с. 161—163). — У Мордвы, какъ мы видѣли, пользуется священнымъ значеніемъ камень *кардо-слрко*. — О Н. Глинка видѣлъ въ Тверской Кареліи камни, которые представлялись ему «положенными съ нѣкоторымъ умысломъ» (См. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 2. М. 1837. с. 5).

могетъ существовать безъ пищи. По этому отъ всѣхъ приносимыхъ въ жертву животныхъ и яствъ часть идетъ бо-жеству; эта часть или *бросается* въ чистое мѣсто, или *сжигается на огнь*.

Мужанъ, имѣвшій прежде значеніе жреца, сохранилъ въ настоящее время только характеръ ворожника, знахара. Онъ пользуется большимъ почетомъ у Черемисъ, и вѣщая его сила проявляется, главнымъ образомъ, въ двухъ видахъ: въ снахъ его, имѣющихъ пророческое значеніе, и въ ѣснованіи, которому онъ подвергается въ каждое новолуніе. Обязанности мужаана, кромѣ совершенія жертвоприношенія, заключаются: въ назначеніи времени и мѣстности для общественнаго богослуженія, въ леченіи людей и животныхъ, въ гаданіяхъ (преимущественно по иглѣ и по деньгамъ), въ соединеніи брачующихся и въ нарѣченіи имени новорожденному младенцу.

Праздники, въ которыхъ несомнѣнно кроются слѣды глубокаго язычества, у горныхъ Черемисъ мало по малу забываются и приурочиваются къ праздникамъ православно-христіанскимъ. Священнымъ днемъ считается Пятница, также какъ и у Мордвы. Земледѣльческіе праздники, еще сохранившіеся у луговыхъ Черемисъ, какъ, напримѣръ, праздни-ки пашни и празднество послѣ уваженія полей,—не существуютъ больше у Черемисъ горныхъ; у нихъ сохра-нился только одинъ изъ этихъ праздниковъ—осенній: *Шичи-гамъ-Эизъ*, существующій у луговыхъ Черемисъ подъ именемъ *Кишлянъ Паремъ*, въ честь окончанія полевыхъ работъ, празднуемый 8 ноября. Остальные праздники горныхъ Черемисъ приурочены къ нашимъ. Праздникъ *овецъ* совершается между Новымъ годомъ и Крещеніемъ; праздникъ *урожая льна* на Масляницѣ. Три такъ называемые *Канма* совершаются Черемисами въ концѣ Великаго поста. 1-й канмъ, состоящій въ изгнаніи шайтановъ, совпадаетъ съ нашей Лазаревой Субботой, а два другіе, въ воспоминаніе умершихъ родителей, совершаются въ среду и четвергъ на страстной недѣлѣ. Родителей Черемисы вспоминаютъ только для того, чтобы умилостивить ихъ и оградить себя отъ посѣщенія покойни-ковъ, которыхъ они страшно боятся. Кромѣ родителей ни-какихъ родственниковъ, болѣе дальнихъ—они не поминуютъ. Представленія о *загробной жизни* у Черемисъ развиты весьма слабо. Она представляется имъ подобіемъ, или, лучше сказать,

повтореніемъ настоящей. Существуетъ у нихъ, правда, смутное понятіе о различіи *рая* отъ *ада*, но 1-й есть земная жизнь въ полномъ довольствѣ, а 2-й является въ видѣ котла съ кипящей смолой. Черезъ котелъ положена жердь, по которой адскій судья проводитъ умершихъ. Грѣшникъ сваливается въ кипящую смолу, а праведникъ проходитъ по жерди благополучно. Но смерть есть дѣло Керемети, поэтому Черемисы чувствуютъ страхъ передъ покойникомъ и не посѣщаютъ могилъ.

Не смотря на такую неопредѣленность религиозныхъ вѣрованій, Черемисинъ сильно привязанъ къ своей религіи. „*Нашу стру кончатъ—насъ кончатъ*“ говоритъ онъ, какъ бы предчувствуя, что съ вырубкою лѣсовъ и съ поселеніемъ среди ихъ русскихъ, чудское-черемиское язычество уничтожается вмѣстѣ съ самою народностью, уступая мѣсто болѣе развитому племени Великорусскому.

Что касается до быта Черемисъ, то онъ и въ настоящее время не возвышается надъ примитивнымъ бытомъ *зѣрловнымъ*. Этотъ бытъ преобладаетъ у Черемисы луговой, тогда какъ у горной развиваются болѣе высокія бытовыя фазы—земледѣльческая и промышленная. Тихій, загнанный и боязливый Черемисъ луговой стороны Волги идеаломъ жизни считаетъ спокойное пребываніе въ своемъ дорогомъ лѣсу, охоту на медвѣдя и волка, занятіе пчеловодствомъ и рыболовствомъ. Даже крѣпкій семейный бытъ у него не сложился. Положеніе женщины весьма низко, а отношеніе ея къ мужчинамъ не опредѣляется строгими границами супружеской вѣрности, такъ что сожителство черемисской женщины съ посторонними въ отсутствіе мужа считается какъ бы за необходимый обычай (**).

Почти такими же чертами рисуется намъ религію и бытъ Черемисъ наблюдательный иностранный путешественникъ Олеарій, проѣхавшій по Волгѣ въ первой половинѣ XVII вѣка. Примитивно-грубой, не развитой является эта религія, съ слабыми представленіями о верховномъ существѣ, вся заключенная въ обрядово-жертвенную форму (Олеарій говоритъ, что Черемисы не вѣрятъ въ загробную жизнь). О бытѣ ихъ онъ говоритъ: „живутъ Черемисы по обѣимъ сто-

(**) Риттша. «Каз. губ.» Каз. 1870 г. II, с. 151—154.

ропамъ Волги, большею частію не въ домахъ, а въ дрянныхъ лачужкахъ, питаются своимъ скотомъ, медомъ и дичью, отлично стрѣляютъ изъ лука и приучаютъ къ тому дѣтей съ малолѣтства. Это коварный, хищническій и колдовству преданный народъ“—заключаетъ Олеарій⁽⁸⁷⁾.

Не зная ни Мордовскаго, ни Черемискаго языка, мы, къ сожалѣнію, ничего не можемъ сказать о степени соотношенія этихъ языковъ съ языкомъ Мери, которое, по всей вѣроятности, существовало. Языкъ есть главнѣйшее и самое определенное выраженіе народности, и болѣе точное изученіе языковъ Мордовскаго и Черемискаго и сравнительное изученіе финскихъ нарѣчій вообще несомнѣнно приведутъ къ любопытнымъ выводамъ относительно языка Мери.

Принявши предположенія о возможности ближайшаго сродства и связи Мордвы и Черемисъ съ Мерею—за достовѣрныя,—мы можемъ допустить аналогію относительно быта и религіи этихъ существующихъ народовъ съ бытомъ и религіей не существующаго въ настоящее время народа—Мери. Какія же данныя даютъ намъ для этой аналогіи выводы изъ совокупнаго разсмотрѣнія Мордвы и Черемисъ? Данныя эти сводятся къ слѣдующимъ: 1) Мордва и Черемисы преимущественно занимались охотой, звѣроловствомъ и пчеловодствомъ, промыслами самыми естественными въ ихъ лѣсистой мѣстности. 2) Мордва и Черемисы долго были племенами воинственными и стойко отражали вторженія въ себя чужеземцевъ. Этотъ воинственный духъ замѣчаютъ въ нихъ свидѣтельства XVI и XVII в. 3) Мордва и Черемисы съ теченіемъ времени подпали подъ вліяніе Великорусскаго племени и теряютъ постепенно свой племенной типъ. 4) Мордва и Черемисы очень привержены къ своей религіи, которая, не смотря на ихъ руссификацію въ настоящее вре-

⁽⁸⁷⁾ Путеш. Адама Олеарія въ Москву. Перев. Н. Барсова. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1869 г. кн. I, отд. III, с. 407—410. Остальные иностранцы упоминаютъ о Черемисахъ вскользь: Горнандъ VI в., Кампензе, XVI в. (См. Семенова: Библ. иностр. писателей о Россіи Т. I, с. 15 и 26) и Герберштейнъ, XVI в.—(См. перев. Аноммова (Спб. 1866 г. с. 99).—Забитость Черемисъ произошла впоследствии; воинственность ихъ пропадаетъ уже въ XVIII в. (См. Георг. Опис. Народовъ. I, 25).

ми, можетъ быть восстановлена въ главныххъ чертахъ. 5) Религія эта основаніемъ своимъ имѣетъ дуализмъ. 6) Иерархія боговъ не отличается стройностью и ясностью, и персонификація божествъ не достигаетъ строгой опредѣленности. 7) Религіозныя вѣрованія вообще, бѣдныя поэтическими представленіями, отличаются практицизмомъ, преобладаніемъ обряда надъ догмой. Главнѣйшимъ проявленіемъ обрядоваго культа является жертвоприношеніе. 8) Въ теперешнихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ Мордвы и Черемисъ замѣтны слѣды фетишизма, первоначальный періодъ котораго уже для нихъ миновалъ. 9) Многія религіозныя преданія и обряды Мордвы очень близки съ Великорусскими. 10) У Мордвы и Черемисъ были жрецы. 11) Идоловъ и храмовъ ни у той, ни у другихъ не было. 12) Священнымъ значеніемъ въ особенности пользовались лѣса, роци и камни.

Четвертая группа. Курганнымъ раскопкамъ особенно посчастливилось во Владимірской губерніи. Многочисленные курганы въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Переяславскомъ изслѣдованы извѣстными нашими археологами: Гр. А. С. Уваровымъ въ 1851 и 1852 гг., и П. С. Савельевымъ въ 1853 и 1854 гг.

Гр. Уваровъ раздѣляетъ всѣ курганы Владимірской губерніи на 3 разряда: на курганы Норманскіе, Мерянскіе и боевые. „Чѣмъ болѣе разрывали курганы, говоритъ Гр. Уваровъ, тѣмъ ярче опредѣлялись могилы Мерянскія, *принадлежащія племени воинственному.* Возлѣ всякаго Мерянина лежатъ его боевой топоръ, длинное копье и ножъ; даже возлѣ женскихъ остововъ встрѣчаемы были топоры, но меньшаго размѣра. Мерянинъ высоко цѣнилъ коня, товарища своего въ походахъ и битвахъ, и носилъ изображеніе его на поясахъ и на многихъ другихъ украшеніяхъ. Изслѣдовавъ болѣе 8000 кургановъ, можно себѣ составить понятіе даже о развитіи религіи у этого народа. Въ курганахъ IX и X вѣковъ нашли идола изъ глины, грубой отдѣлки, изображенія змѣй, напоминающихъ о змѣиномъ поклоненіи, господствовавшемъ на берегахъ Волги, сожженные кости разныхъ звѣрей и птицъ, показывающихъ изъ чего состояли жертвоприношенія. Меряне, какъ близкіе сосѣди Волжскихъ Болгаръ, имѣли много восточныхъ монетъ и много болгарскихъ подражаній восточнымъ монетамъ; монеты западныя встрѣчаются, напротивъ, рѣдко, потому что заносимы были къ

нимъ одними Норманами. Въ курганахъ, въ которыхъ встрѣчаются монеты XI или начала XII в., находятся также тѣльные кресты и разныя привѣски съ изображеніемъ крестовъ. Видно, что около этого времени Христіанство просвѣтило землю Мерянскую (**).

П. С. Савельевъ, разрывшій и изслѣдовавшій лѣтомъ 1853 г. 3000 кургановъ въ Юрьевскомъ и Переяславскомъ уѣздахъ (изъ этого числа 2000 близъ Плещеева озера), сообщаетъ объ этихъ курганахъ слѣдующія данныя. 1) Они раздѣляются на *могильные* и *боевые*; первыхъ больше, чѣмъ вторыхъ. 2) Всѣ курганы относятся ко времени отъ VIII до XI в., принадлежа большею частію къ періоду языческому. 3) Могильные курганы заключаютъ въ себѣ или остовы, или слѣды остововъ, или же сожженные кости; очевидно существовало обыкновеніе сжигать трупы при погребеніи. 4) Вообще въ курганахъ находятся вещи, по которымъ можно заключить объ одеждѣ и занятіяхъ умершаго племени: амулеты, металлическія привѣски, бляхи, ложки, ключи, ножицы, ножи, точильные камни. Въ ногахъ у умершаго ставили глиняный горшокъ съ яствами, или жертвоприношеніями. Древніе обитатели Переяславскаго и Юрьевскаго уѣздовъ хоронились съ любимыми вещами умершаго: воинъ—съ събиромъ, топоромъ, копьемъ, стрѣлами; всадникъ—съ конемъ, сѣдломъ, уздою; торговый человѣкъ—съ вѣсами и гирею; женщины—съ серьгами, бусами, кольцами, разными привѣсками. 5) Монеты, находимыя въ курганахъ, показываютъ, что населеніе края еще до обрусенія его имѣло сношенія съ западомъ черезъ Норманновъ и съ востокомъ посредствомъ Волжскихъ Болгаръ. 6) Разное оружіе и вещи для одежды и женскихъ украшеній, находимыя въ курганахъ, могутъ быть также восточнаго происхожденія, а вѣсы и гири могли быть занесены съ запада (такіе вѣсы и гири находятся въ Скандинавіи). 7) Вліяніе Византіи проявляется въ формѣ тѣльныхъ крестовъ христіанской эпохи. 8) Могильные курганы принадлежатъ Мери (**).

(**) Гр. А. С. Уварова. Извѣстіе о курганахъ Влад. губ. — Зап. Археологич. Общ. 1856. VIII, 102—103.

(**) П. С. Савельева. Археологическія розысканія, въ Изв. Археолог. Общ. т. I (Сиб. 1859) с. 12—15. — См. также объ этихъ розысканіяхъ Савельева, во Владимірскомъ Сборникѣ Тихонова с. 60.

Г. Тихонравовъ, секретарь Владимірскаго статистическаго комитета, участвовавшій въ курганныхъ раскопкахъ Гр. Уварова и Савельева, въ своей статьѣ „объ археологическихъ изысканіяхъ во Владимірской губерніи“, приводитъ любопытный дневникъ своихъ работъ. Въ этой же статьѣ онъ повторяетъ выводы Гр. Уварова и Савельева—относительно кургановъ, принадлежавшихъ Мери⁽¹⁰⁾.

Курганные раскопки въ Ярославской губерніи не были столь удачны, какъ во Владимірской, или, лучше сказать, были просто неудачны. Только курганы въ Ростовскомъ уѣздѣ, близъ оз. Неро, раскопаны Савельевымъ⁽¹¹⁾. Остальные раскопки производились въ разное время, безъ всякаго плана и ученыхъ приемовъ, губернаторскими чиновниками, — и вещи, находимыя ими, или пропадали неизвѣстно какимъ образомъ, или растаскивались крестьянами⁽¹²⁾. Позволимъ себѣ привести одинъ характеристическій случай изъ такого административнаго отношенія къ археологіи, передаваемый мѣстной газетой. Г. редакторъ неофициальной части Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей, вѣхавшій по дѣламъ службы по Угличскому уѣзду въ 1860 году, нечаянно попалъ на курганы, которыми такъ богаты берега р. Юхоти, въ Угличскомъ и Романовскомъ уѣздахъ. За недостаткомъ времени, онъ разрылъ довольно небрежно, безъ всякихъ ученыхъ

⁽¹⁰⁾ Труды Влад. Статист. К-та 1864. в. II. с. 113—150 —Во Влад. Сборникѣ (с. 59—61) г. Тихонравовъ представилъ подробное описаніе кургановъ Влад. губерніи, указавъ на результаты раскопокъ въ изслѣдованныхъ курганахъ и на число и положеніе кургановъ неизслѣдованныхъ. Главная цѣль кургановъ во Влад. губ., по его словамъ, начинаясь выше Владиміра, тянется къ Ярославской губерніи, представляя особенную густоту въ уѣздахъ: Владимірскомъ, Суздальскомъ, Шуйскомъ, Ковровскомъ, Юрьевскомъ и Переяславскомъ. Другая цѣль кургановъ начинается въ Муромскомъ у. и черезъ Гороховецкій уѣздъ идетъ въ Нижегородскую губернію. Многие курганы изъ тѣхъ, которые Гр. Уваровъ называетъ боевыми, относятся къ позднѣйшему историческому періоду.

⁽¹¹⁾ См. ст., «Памятники древнихъ обитателей Ярославской губ. до Рюрика» Яр. губ. вѣд. 1859 с. 70 и ст. «о кург. по р. Юхоти». Ibid. 1860. с. 236.

⁽¹²⁾ Ст. Лѣствица на: «О раскопкѣ кургановъ», въ Ярослав. губ. вѣд. 1864. с. 208.—*Ею-же*: Курганы бл. с. Блохова, Рыб. у. Ibid. 1865. № 15.

приемовъ, три кургана. Въ курганахъ найдены: одинъ скелетъ, съ протянутыми вдоль руками,—что показывало, что это не христiанинъ,—глиняный горшокъ и разныя мелкія вещи, похожія на тѣ, которыя находились во Владимiрскихъ курганахъ; нѣкоторыя же изъ этихъ вещей, по словамъ неизвѣстнаго автора, описавшаго ихъ, очень похожи на употребляющіяся до сихъ поръ въ одеждѣ Черемись. На скелетъ не было обращено никакого вниманія, мелкія вещи были представлены губернатору, но куда послѣ дѣвались—неизвѣстно; а глиняный горшокъ, оставленный *сторонахъ* г. редакторомъ на мѣстѣ его находенія, былъ уграденъ при наступленіи ночи, „вѣроятно зрителями, сошедшимися поглядѣть на невидаль“, по наивному предположенію автора статьи „о Юхотскихъ курганахъ“. А между тѣмъ горшокъ, найденный въ курганѣ—вещь очень любопытная. Горшокъ этотъ красной глины съ рѣзкой красиваго рисунка, въ 20 ф. вѣсу, по словамъ одного Бурята, живущаго въ Ярославской губерніи и основательно знающаго обычаи своего племени,—очень похожъ на горшки, доселѣ употребляемые Бурятами на храненіе домашнихъ вещей⁽¹⁾.

Что касается до Костромской губерніи, то были ли, или нѣтъ тамъ раскопки кургановъ—мы не знаемъ. Намъ известна только одна случайная археологическая находка въ Галичскомъ уѣздѣ, которая можетъ служить образцомъ уже не административнаго, а хозяйственно-домашняго отношенія къ русской археологіи. Осенью 1835 г. крестьяне Г-жи Челеевой въ селѣ Туровскомъ, близъ Галича, поправляли мельничную гать на рѣчкѣ Лыкшинѣ, впадающей въ Галичское озеро. Ломъ землекопъ ударилъ о что-то твердое, оказавшееся большимъ глинянымъ сосудомъ, который былъ наполненъ разными металлическими вещами; сосудъ былъ разбитъ желѣзнымъ ломомъ, нѣсколько вещей, выпавшихъ изъ него, пошли ко дну рѣчки, а остальные были принесены крестьянами къ помѣщцѣ. Г-жа Челеева приказала значительнѣйшія изъ нихъ положить въ квасную гущу, а потомъ вычистить пескомъ и бирничемъ на уксусѣ. Большинство изъ этихъ „значительнѣйшихъ“ вещей Д. С.

(1) См. ст. о курганахъ по р. Юхоти въ Угличскомъ уѣздѣ. Ibid. 1860. с. 209, 235 и слѣд.

Бестужевъ, племянникъ Г-жи Челеевой, отослалъ въ роднымъ въ Москву и 8 штукъ подарилъ Костромскому епископу Павлу, при объѣздѣ имъ епархіи въ 1836 году, а епископъ Павелъ переслалъ эти 8 вещицъ въ Московское общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. П. П. Свиньинъ, въ своей замѣткѣ объ нихъ, считаетъ ихъ принадлежащими Мери⁽⁷⁴⁾.

Въ Московской губерніи также случайно раскопано нѣсколько кургановъ: четыре въ Звенигородскомъ уѣздѣ и десять въ Бронницкомъ. Вещи, въ нихъ найденныя, схожи съ вещами, находившимися въ курганахъ Владимірской губерніи и найденными въ имѣніи Г-жи Челеевой⁽⁷⁵⁾. Московская губернія была изслѣдована въ курганномъ отношеніи двумя учеными: Гг. Гатцукомъ и Богдановымъ. Но изслѣдованія Г. Гатцука касаются только части Московской губерніи, гдѣ не было Мери, а изслѣдованія Богданова, по словамъ г. Гатцука, одностороннія и не ведущія къ правильнымъ резуль-

⁽⁷⁴⁾ Р. Ист. Сб. т. I. кн. 1.—Письмо еп. Павла. с 101—102 и замѣтка П. П. Свиньина, с. 103—104. Изъ вещей, доставленныхъ еп. Павломъ, замѣчательны: небольшой язычскій идолъ изъ красной мѣди и мѣдная голова идола.

⁽⁷⁵⁾ Вблизи села Верхояззка, имѣнія г. Толстаго въ Звенигородск. у. Моск. губ., находится 16-ть кургановъ, расположенныхъ на 250 саж. въ окружности. Въ 1838 г. г. Толстой, желая увеличить свои хозяйственныя постройки, приказалъ срыть нѣкоторые изъ этихъ кургановъ, всл. чего и было ихъ разрыто 4. (См. Р. Ист. Сб. т. III, с. 284—292).— Въ Бронницкомъ у. разрыли въ 1854 г. 10 кургановъ при селѣ Тихвинскомъ-Авдотьино, принадлежавшемъ некогда Н. И. Новикову.—(См. сообщеніе С. Д. Нечаева, во Врем. М. Общ. Ист. и др. 1855, XXII).—Въ курганахъ въ имѣніи г. Толстаго, кромѣ остововъ, найдены: головныя украшенія, ожерелья изъ красныхъ и бѣлыхъ бусинокъ, мѣдные браслеты, витые изъ толстой проволоки, мѣдные перстни, мѣдныя серьги, поясныя мѣдныя пряжки съ насѣчкою, мѣдное кольцо, снятое съ большого пальца правой ноги, бубеньчикъ мѣдный, служившій, вѣроятно, украшеніемъ пояса, и *маленькіе юрчки* съ углями внутри, въ головахъ у остововъ. Къ описанію этихъ вещей приложены рисунки. Судя по этимъ рисункамъ серьги, поясная пряжка и бубеньчикъ, служившій пояснымъ украшеніемъ, весьма похожи на такія же вещи, употребляемыя до нынѣ луговыми Черемисами Царевококшайскаго у. Казанской губерніи. Вещи, найденныя въ Бронницкомъ у., также весьма схожи съ этими.

татамъ, клонятся въ доказательству, что первоначальными насельниками, аборигенами Московской губерніи не были и не могли быть Чудскія племена. Мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе работъ Г. Богданова, имѣющихъ специально антропологическую цѣль изслѣдованія.

Графъ Уваровъ, какъ мы видѣли, пытается возстановить этнографическую физиономію Мери по археологическимъ результатамъ курганныхъ раскопокъ Владимірской губерніи. Черты его бытоваго изображенія сгнувшаго народца весьма опредѣленны. Такая опредѣленность, разумѣется, очень желательна, но представляетъ, по нашему глубокому убѣжденію, только идеаль выводовъ изъ археологическихъ розысканій, едва ли возможный въ настоящее время. Изъ раскопокъ и находокъ въ родѣ тѣхъ, которыя мы видѣли въ Угличскомъ и Галичскомъ уѣздахъ, наврядъ ли можно извлечь строго научныя данныя. Повторимъ сказанное нами въ началѣ этой главы: Толстымъ слоемъ легли на сѣверо-восточной равнинѣ Европы племена другъ на друга, сплелись, срослись одно съ другимъ такими причудливыми путями, что опредѣлить строго и точно грань между ними, прослѣдить сплетенія этихъ путей—нѣтъ никакой возможности. Эти этнографическія формаціи не поддаются точному анализу и строгой научной систематизаціи также, какъ не поддаются этому анализу и этой систематизаціи напластанія и формаціи геологическія. „Большинство кургановъ“, говоритъ г. Гатцукъ, „заключаетъ въ себѣ теперь два и даже три наслоенія костей совершенно различныхъ племенъ, такъ какъ не рѣдко, въ позднѣйшія времена нашей исторіи, въ древніе курганы погребались новые покойники“⁽⁷⁶⁾.

Изъ всего вышесказаннаго трудно придти къ какимъ нибудь положительнымъ выводамъ относительно Мери. При той неясности, которая господствуетъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ

⁽⁷⁶⁾ А. А. Гатцука. О курганахъ, господствующихъ въ Московской губ.—Чт. М. О. Ист. и др. 1869 кн. IV. отд. V. с. 150.—См. *Вю-жес*. Изслѣдованія кургановъ Моск. губ. въ 1863 и 1864 гт. М. 1865. (Приложеніе къ 1-му т. «Древностей», трудовъ Моск. Археолог. О-ва).—А. Богданова. Курганное племя въ Московской губ. Моск. Унив. Изв. 1865. № 3.

о Чудскомъ племени вообще, о существующихъ его представителяхъ, нельзя ожидать чего либо опредѣленнаго о вѣтви этого племени давно угасшей и растворившейся въ Велико-русскомъ населеніи. Славянскія нарѣчія и древности разработаны болѣе Чудскихъ, и то какія непреодолимая трудности представляютъ для попытокъ возстановленія частныхъ, видовыхъ отличій несуществующихъ теперь Славянскихъ племенъ: Полянъ, Древлянъ, Кривичей, Радимичей, Вятчей и друг. Сознаемся, что дальше гипотезъ нельзя идти изъ всего того матеріала, который мы представили о Мери, но намъ кажется, что самое указаніе на возможность этихъ гипотезъ не лишено нѣкотораго значенія.

Оглянемся же назадъ. Посмотримъ, что можно извлечь гипотетическаго изъ всего представленнаго нами о Мери: изъ свидѣтельствъ письменныхъ источниковъ, изъ разсмотрѣнія особенностей теперешняго населенія той мѣстности, гдѣ жила въ одно время Мери, изъ аналогическихъ заключеній о Мери по теперешнему быту и религіи Мордвы и Черемисъ—и, наконецъ, изъ результатовъ курганныхъ раскопокъ и археологическихъ находокъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской, Московской.

Во первыхъ, мы имѣемъ приблизительный районъ распространенія Мери, общій контуръ ея крайнихъ поселеній, данныя для котораго мы привели выше. *Во вторыхъ*, мы можемъ заключить, что слѣды языка Мери, очень близкаго съ языкомъ Мордвы и Черемисъ, сохранились въ говорѣ теперешняго населенія губерній Ярославской, Костромской и Владимірской, въ мѣстныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ и поселеній и въ такъ-называемыхъ „тайныхъ языкахъ“ этихъ губерній. *Въ третьихъ*, мы имѣемъ нѣкоторую возможность уловить религію Мери. Религія эта могла быть близка къ религіи Мордвы и Черемисъ. Первоначально, по всей вѣроятности, она ограничивалась грубымъ фетишизмомъ и не имѣла возможности доразвиться до того неяснаго дуализма и той неопредѣленной персонификаціи божествъ, которые являются у Мордвы и Черемисъ. По этому, наврядъ ли, могли быть у Мери идолы, которыхъ нѣтъ ни у Мордвы, ни у Черемисъ. У Мери пользовались священнымъ значеніемъ камни, которые въ житіяхъ святыхъ Исаи и Авраамія называются идолами только по обще-принятой христіанско-благочестивой терминологіи. Въ лѣсистой странѣ, въ

которой обитала Мера, лѣсъ, безъ сомнѣнія, также почитался, какъ почитается онъ доселѣ у Мордвы и Черемись. У Мери были жрецы, или, по крайней мѣрѣ, главные совершители и распорядители жертвоприношеній, въ родѣ правтъ и вожатей Мордвы и вартъ и мужанъ Черемись. Слѣды этихъ жрецовъ сохранились въ волхвахъ, появившихся въ Ростовско-Суздальской землѣ и имѣвшихъ тамъ большое значеніе. Вообще религіозныя вѣрованія и обряды Мери не безслѣдно пропали. Еще не успѣвъ окончательно развиться и оформиться, они столкнулись сперва съ религіозными языческими вѣрованіями Славянъ, а потомъ съ христіанскими ихъ представленіями. Вслѣдствіе этого столкновения религіозныя вѣрованія Славянъ и Мери такъ переплелись и перепутались, что трудно и почти невозможно добраться до точнаго опредѣленія: что принадлежитъ въ нихъ Чудскому народу что Славянамъ. Религія Мери оказала большую живучесть при распространеніи Христіанства въ Ростовско-Суздальской области,—что мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Судя по этой живучести и, принимая въ соображеніе, съ одной стороны выводы Гр. Уварова изъ погребальныхъ обычаевъ Мери, а съ другой — привязанность къ своей религіи Мордвы и Черемись, мы можемъ почесть за вѣроятное, что Мера, при столкновеніи съ Славянами-Христіанами, отстаивала свои религіозныя вѣрованія съ оружіемъ въ рукахъ. *Въ четвертыхъ*, бытъ Мери, не представляя особенныхъ отличій отъ состоянія вообще дикаго племени, — можетъ быть характеризованъ такъ: живя въ лѣсистой, дикой мѣстности, Мера занималась звѣроловствомъ и охотой и, бытъ можетъ, распадалась на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ своихъ племенныхъ князьковъ, въ родѣ тѣхъ, которые въ позднѣйшее время являются у Мордвы.

Въ такихъ только чертахъ кажется намъ возможнымъ представить гипотетическое изображеніе Мери. Далѣе въ своихъ выводахъ мы идти не рѣшаемся. Такимъ могъ быть этотъ исчезнувшій народецъ въ то время, когда стали среди его появляться впервые славянскіе поселенцы. Мало по малу эти поселенцы берутъ верхъ надъ Мерею, которая пропадаетъ, или, лучше сказать, *претворяется* посредствомъ Славянъ въ особый типъ—Великорусскій.

Но прежде чѣмъ мы начнемъ слѣдить за тѣмъ, какъ явились славянскіе поселенцы въ землю Мери, осмотримся

кругомъ, взглянемъ на сосѣдей Мери, окружавшихъ ее. Сосѣди эти принадлежали къ тремъ племенамъ: Чудскому, Славянскому и Литовскому.

Чудскіе сосѣди Мери, одноплеменные ей, охватывали ее съ востока, сѣвера и сѣверозапада. Съ восточными ея сосѣдями: Муромой, Мордвой и Черемисой мы уже достаточно знакомы изъ предшествующаго изложенія, изъ котораго мы видѣли, что эти племена, весьма вѣроятно, составляли нѣкогда одинъ народъ съ Мерею. Сѣвернымъ Чудскимъ сосѣдомъ была Пермь, съ которой находились въ давнихъ сношеніяхъ Новгородскіе Славяне. Наконецъ къ сѣверо-западу отъ Мери сидѣло Чудское племя Веси—по Бѣлоозеру. О Веси мы ничего не можемъ сообщить, кромѣ ея имени и поверхностнаго знакомства съ нею Арабовъ, о чемъ мы упомянули выше⁽⁷⁷⁾. Къ каковой отрасли Чудскаго племени принадлежала Весь, къ западной, или восточной—и этого нельзя рѣшить. Она слишкомъ рано подпала славянизации, какъ ближайшій изъ народцевъ Чудскаго племени къ владѣніямъ Новгородцевъ, изъ которыхъ шло главное колонизаціонное движеніе Славянъ на сѣверо-востокъ. Память о Веси сохранилась доселѣ въ имени уѣднаго города Тверской губерніи, Весегонска и въ нѣсколькихъ названіяхъ селеній и урочищъ близъ этого города и во Владимірской губерніи, гдѣ Весь, по предположенію нѣкоторыхъ, прежде также обитала⁽⁷⁸⁾.

На западъ, юго-западъ и югъ отъ Мери шли поселенія трехъ славянскихъ племенъ: Новгородцевъ, Кривичей и Вятичей. Какъ ни трудно представлять частную характеристику каждаго отдѣльнаго племени въ ту отдаленную эпоху, когда вообще однородныя племена близки другъ къ другу и не успѣли еще вполне выразить своихъ видовыхъ особенностей,—тѣмъ не менѣе это до нѣкоторой степени все таки возможно.

Изъ свидѣтельствъ Нестора мы можемъ заключить, что племя Новгородскихъ Славянъ было одно изъ самыхъ развитыхъ въ культурномъ отношеніи племенъ Славянскихъ. Изъ приводимыхъ имъ перечисленій постепеннаго расселенія

⁽⁷⁷⁾ См. выше наше примѣч. 16-е.

⁽⁷⁸⁾ Списки насел. мѣстъ *Тверск. губ.* №№ 3236, 5551, 6935, 7648, 8968 и 8969. Тоже *Влад. губ. Введ.* с. 40 и №№ 3764, 746, 3683, 3808, 6242, 6279, 6311, 747, 5167 и 3811.

Славянь по русской землѣ мы видимъ, что Новгородскіе Славяне были самыми поздними славянскими выходцами съ юга и самымъ крайнимъ, передовымъ ихъ постомъ за западъ и сѣверовостокъ; поэтому-то Новгородцы неизбежно должны были войти въ борьбу съ двумя сосѣдними племенами: Литовскимъ и Чудскимъ. Эта постоянная борьба и счастливое географическое положеніе вблизи моря, на почвѣ бесплодной, но преисполненной водными сообщеніями, этими единственными путями для передвиженія въ эпоху историческаго младенчества народовъ, — были причиной дальнѣйшаго самостоятельнаго торговаго и политическаго значенія Новгорода и постепенно развивали въ Новгородцахъ тотъ духъ независимости, свободы и неустрашимости, которымъ запечатлѣна ихъ послѣдующая историческая дѣятельность (79).

Кривичи — было племя дикое, не имѣвшее задатковъ къ самостоятельному развитію по своему невыгодному географическому положенію, сдавившему его въ лѣсистой мѣстности среди Литовскихъ народцевъ. Это племя, развивши въ себѣ преимущественно суровую религію, рано подпадаетъ вліянію Литовцевъ и смѣшивается съ ними. Соединенное сначала федераціей съ Новгородскими Славянами, Кривское племя въ дальнѣйшей своей исторической жизни выдѣляетъ два княжества: Полоцкое и Смоленское, — по системамъ рѣкъ Западной Двины и Днѣпра. Вслѣдствіе направленія этихъ рѣкъ — Двины на западъ и Днѣпра на югъ, теченіе исторической жизни обоихъ княжествъ направляется къ западу и югу, оставаясь совершенно чуждой сѣверо-востоку Россіи (80).

Вятичи — самые поздніе выселенцы Славянскіе. О выходѣ ихъ изъ Польши вмѣстѣ съ Радимичами было живо преданіе еще въ XI в. — Вятичи отличались дикостью даже во времена Нестора. Онъ говоритъ о нихъ: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, адуше все нечисто, срамословье въ

(79) Снес. 4 гл. I-го т. Ист. Россіи С. М. Соловьева: «Природа Русской государств. области и ея вліяніе на исторію». — Н. И. Костомарова: «Двѣ русскія народности» и «О значеніи великаго Новгорода». (Ист. Моногр. т. I). — И. Д. Бѣляева: Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ (Вр. М. Общ. Ист. 1850 кн. VIII).

(80) Снес. тѣже статьи.

нихъ предъ отци и предъ снохами; браци небываху въ нихъ, но играща межи сѣлы“⁽⁸¹⁾.

Среди Вятичей жилъ Литовскій народецъ Голядь, по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ. Объ этомъ народцѣ ничего неизвѣстно опредѣленнаго и онъ до сихъ поръ представляется какою то загадкой⁽⁸²⁾.

Разселеніе Славянъ среди Финнскаго племени началось весьма рано. Невозможно опредѣлить—когда именно, но безъ сомнѣнія гораздо раньше не только призванія Рюрика, Синеуса и Трувора, но даже раньше изгнанія Варяговъ, бравшихъ до Рюрика дань съ Новгородцевъ, Кривичей и Мери. Колонизація Славянъ началась съ запада, изъ земли Новгородской въ земли Веси и Мери. Такое предположеніе легко основывается на удобствѣ воднаго сообщенія между Новгородомъ, Бѣлоозеромъ и верховьями Волги. Лучшимъ показателемъ для опредѣленія давности колонизаціи можетъ служить извѣстный фактъ существованія общественнаго союза у Новгородскихъ Славянъ, Кривичей и Мери. Союзъ этотъ, обложенный данью Варягами, изгоняетъ ихъ, и за тѣмъ призываетъ къ себѣ князей для установленія въ землѣ своей „наряда“, т. е. государственнаго устройства. Вопросъ о Варягахъ сдѣлался такимъ общимъ мѣстомъ въ Русской исторіи, такъ бесплоденъ и неваженъ кажется онъ многимъ, что говорить о немъ вновь дѣйствительно затруднительно. Но мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ въ виду разъясненія занимающаго насъ вопроса о давности Славянской колонизаціи среди Мери. Въ этомъ отношеніи для насъ очень важно свидѣтельство II-й Псковской Лѣтописи, на которое до сихъ поръ не было обращено, какъ намъ кажется, особаго вниманія. Подъ 854 годомъ въ Лѣтописи этой говорится: „Новгородцы свою власть имъаху, а Кривичи свою, а Меря свою, а Чудь своими владѣху и дань даваху Варя-

(81) То же.—Кр. того, см. П. С. Л. I, 6.

Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говорить, что онъ ѣздилъ въ Ростовъ *сквозь Вятичи*. Это выраженіе указываетъ на то, что проѣздъ черезъ землю Вятичей былъ довольно затруднителен. (ibid., с. 103).

(82) Соловьева. Ист. Росс. т. I, с. 81 и примѣч. 129 и 130. Ходаковскаго: Пути соощ. въ др. Россіи. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 4, с. 35.—*Ею же*. Истор. смѣтана. ibid. т. I, кн. 3. стр. 28.

гомъ; а иже живяху у коихъ Варязи, или даньщии тѣхъ, тѣи насиліа велика дѣяху Новгородцемъ, и Кривичемъ, и Меряномъ, и Чуди. Вѣсташа же Новгородци, и Кривичи, и Меря, и Чудь на Варягы и изгнаша ихъ за море и начаша владѣти сами себѣ и *города ставити*; и бысть межю ими рать, *градъ на градъ*, и не баше правды“. Далѣе говорится о призваніи трехъ братьевъ. Замѣчательны слова, которыя влагаеть лѣтописецъ въ уста призывавшихъ; слова эти достаточно указываютъ на мотивы призванія. „Земля наша велика есть, сказали призывавшіе Варягамъ, и *умножися людей*, и нѣсть вто бы владѣль нами и *по праву радиль*“ (**).

Анализируя это свидѣтельство, мы приходимъ въ слѣдующимъ выводамъ: 1) Единство „власти“ у Новгородцевъ, Кривичей и Мери очевидно указываетъ на единство общественныхъ элементовъ у нихъ. Изъ разсмотрѣнія Мери мы видѣли, что общественные элементы этого племени должны были быть, такъ сказать, въ зачаточномъ состояніи, такомъ состояніи, при которомъ, конечно, невозможно было сознать необходимости призванія князя для „рады по праву“. Славянская культура Новгородцевъ была далеко выше первобытной племенной дикости Мерянъ. Слѣдовательно, единство общественныхъ элементовъ у Новгородскихъ Славянъ и Мери, являющееся изъ свидѣтельства лѣтописи, должно быть объяснено чѣмъ нибудь инымъ. 2) Появленіе городовъ у Новгородцевъ, Кривичей и Мери поставляется въ зависимость отъ умноженія народонаселенія; отъ этого то умноженія, когда семья разрасталась въ родъ, когда чуялась потребность въ общинномъ устройствѣ,—являлись исконныя славянскія усобицы, возставалъ „родъ на родъ“. Тѣсно, безпокойно становилось жить въ старомъ огороженномъ мѣстѣ—и вотъ начинаютъ Славяне выселяться въ другія, новыя, огороженныя мѣста—появляются новыя города. Вражда городовъ, рать города противъ города, поселенія противъ поселенія—есть явленіе, присущее Славянскому племени. Эта вражда сохранилась въ памяти народной: города и селенія до сихъ поръ обзываютъ другъ друга насмѣшливыми прозвищами и слагаютъ другъ о другѣ проническія присловья. Изъ сопоставленія этихъ двухъ, выводовъ мы можемъ заключить, что славянскій элементъ

(**) П. С. Л. т. V. Псковск. II. стр. 4.

укрѣпился во 2-й полов. IX в. въ землѣ Мери, что города, построенные тамъ были славянскіе, что это были славянскія колоніи, потому что городъ есть основной признакъ осѣдлости, присущій Славянскому племени; ни у одного изъ народцевъ Чудскаго племени мы не видимъ городовъ⁽⁸⁴⁾. Поэтому, намъ представляется совершенно справедливою мысль, высказанная Н. И. Костомаровымъ: что въ лѣтописномъ свидѣтельствѣ Мери является только этнографическимъ терминомъ, какъ, напримѣръ, въ наше время Кавказъ, и что подъ этимъ терминомъ нельзя разумѣть исключительно только чудскихъ „населенниковъ“, аборигеновъ земли, а слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, славянскихъ „находниковъ“⁽⁸⁵⁾.

Притокъ славянскихъ „находниковъ“, въ область верхней Волги, сначала заселенную Мерю, а потомъ образовавшую изъ себя землю Ростовско-Суздальскую—шелъ, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ: съ запада, изъ области Новгородскихъ Славянъ, и съ юга, изъ приднѣпровья, черезъ земли Кривичей и Вятичей. Но, какъ уже мы сказали выше, колонизаціонное движеніе изъ Новгорода было самое древнее, самое первоначальное. Какъ извѣстно, Славяне двигались всегда по рѣкамъ, этимъ единственно-удобнымъ путямъ сообщеній въ древнѣйшія эпохи человѣческой культуры. Волга, великая рус-

⁽⁸⁴⁾ О первоначальномъ значеніи славянскаго города см. ниже на стр. 58—60. Карамзинъ (Ист. Росс. гос. II, 37.) и Селовьевъ (Ист. Росс. I, 77) полагаютъ, что Финны имѣли города и заключаютъ это изъ свидѣтельства лѣтописи объ изгнаніи Варяговъ. Но, на основаніи вышеназванныхъ соображеній, мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ Поль Чудью въ разсказѣ лѣтописи слѣдуетъ разумѣть не особое какое либо Финское племя, которое тщетно искали нѣкоторые историки, а тѣ изъ Финскихъ племенъ, среди которыхъ славянскій элементъ не успѣлъ еще въ то время укорениться. Часть этихъ Финскихъ племенъ была еще Чудью, т. е. чуждою Славянамъ; она только «своими владѣху», т. е. въ ней не было еще славянскихъ поселеній, городовъ. Эти города возникаютъ у Чуди во время востанія противъ Варяговъ.

⁽⁸⁵⁾ См. Ист. новогр. Костомарова, т. I, с. 369.—Ею же: Сѣверн.-Русск. Народопр. I, 15.—Ходаковскій считаетъ Мерю и Весь за Славянскія племена (Р. ист. сб. т. I, кн. 1, с. 23; т. VII, с. 88 и 89). Это мнѣніе, само по себѣ невѣрное, можетъ однако служить къ указанію, что славянская колонизація началась среди Мери очень рано.

ская рѣка и ея многочисленныя притоки—являются главными водными артеріями въ землѣ Мери. По этимъ то артеріямъ: Волгѣ, Тверцѣ, Мологѣ, Шевнѣ, Костромѣ, Унжѣ, Которосли, Окѣ, Клязьмѣ и Москвѣ-рѣкѣ, съ значительнымъ числомъ малыхъ рѣкъ, и рѣчекъ, впадающихъ въ нихъ—связавна сновали „ушкуи“ и „уструги“ славянскіе, связавна выходили на берега этихъ рѣкъ и рѣчекъ переселенцы съ Волхова и съ Днѣпра, и ихъ топоръ звучалъ въ дикихъ, непроходимыхъ лѣсахъ: звукъ этотъ пугалъ людей и звѣрей. Мера убѣгала въ глубь страны, а „звѣри дивні“ — прятались въ чащѣ лѣса. Являлись „починки“, „городки“, „посѣлки“—эти первичныя, зачаточныя проявленія осѣдой жизни Славянъ.

Волга вела въ богатныя страны: въ Болгарію и далѣе, до самаго моря Хвалынскаго. По этому, она съ давнихъ поръ привлекала „охочихъ людей“, которымъ трудно бывало жить у себя, которые искали простора, искали упражненія для своей „силушки богатырской“. Такими „охочими людьми“ преизобилуетъ Русь съ самой своей волыбели; и въ Новгородѣ, и на югѣ, въ приднѣпровьи, ихъ всегда было вдоволь. Новгородскіе „повольники“ и Кіевскіе сотоварищи Владиміра, „краснаго-солнышка“, богатыри нашихъ былинъ—являются типическими представителями этихъ первоначальныхъ охочихъ русскихъ людей. Припомнимъ борьбу вѣчевыхъ народныхъ партій въ Новгородѣ, припомнимъ эти вѣчевыя усобицы, эти бои концевъ, которые являются на первыхъ страницахъ Несторовой лѣтописи въ выраженіи: „воста родъ на родъ“; припомнимъ Новгородскихъ „повольниковъ“—и намъ будетъ весьма ясна причина, почему вольныя выселенія изъ Новгорода въ повожье начались такъ давно и продолжались такъ долго. На Волгѣ открывалось для всѣхъ Новгородцевъ, недовольныхъ своими домашними, вѣчевыми распорядками, „широкое раздолье“,—и путь „внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ былъ давно имъ извѣстенъ. Гдѣ лучше? Этотъ исконный вопросъ всего человѣчества вообще и русскаго человѣка въ особенности, заставившій его впоследствии бѣгать и „брести ровно“, въ надеждѣ на лучшую долю,—этотъ вопросъ возникалъ и у Новгородскихъ „повольниковъ“; во имя его они выходили изъ своей земли. На Волгѣ они заставали непчатой край, и иные изъ нихъ, болѣе умѣренныя, оставались здѣсь, въ убѣжденіи что имъ здѣсь будетъ лучше, чѣмъ было дома; а

другіе, болѣе предприимчивые, какъ на примѣръ Василій Бу-слаевичъ, неслись все дальше внизъ, надѣясь найти вдали еще болѣе привольную жизнь, еще больше свободы.

Съ юга заставляли двигаться людей другія „нестрое-нія“. Печенѣги и Половцы, Торки и Берендеи и другіе бо-чевники вродѣ Обровъ, примучившихъ Дулебовъ, — не да-вали тамъ Славянамъ покою. Степняки запрагали женъ славянскихъ въ сохи, насиловали ихъ дочерей, угоняли ихъ скоть, жгли ихъ посѣлки, грабили ихъ дома, — и толпы Славянъ тянулись туда, гдѣ лучше! А лучшее имъ легко представлялось въ невоздѣланномъ, непочатомъ сѣверо-во-стоѣ, въ „Чудскомъ краѣ“, который въ пыломъ воображе-ніи южнаго Славянина представлялся страной чудесъ, стра-ной волшебства и невѣдомой мистической силы. Иныя, силь-ныя натуры стремились въ этотъ край, чтобы испробовать свою удачу богатырскую, помѣряться силами съ злыми чу-дищами. Припомнимъ, что герой былинъ Алеша Поповичъ сражается съ Тугариномъ - Змѣевичемъ близъ Ростова, въ дикой странѣ Мери, — и человекъ - богатырь побѣждаетъ стихійнаго богатыря хитростью. Припомнимъ, наконецъ, что въ самомъ характерѣ южнаго населенія, съ самаго его на-чала, замѣчается наклонность къ „бродничеству“, подвиж-ности, свободной, независимой жизни⁽⁶⁶⁾. Эта-то наклонность долго не давала усѣсться южному Славянину на одномъ мѣс-тѣ и влекла его все дальше и дальше на сѣверо-востоѣ, о которомъ на югѣ могли получать нѣкоторыя свѣденія изъ Новгорода, бывшаго въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ придвѣ-провьемъ.

Намъ кажется, что первичный, древнѣйшій видъ сла-вянской колонизаціи въ чудскомъ сѣверо-востоѣ именно опредѣляется характеромъ этого охочаго люда, этихъ „по-вольниковъ“ и „бродниковъ“, прототипа позднѣйшихъ ка-зачковъ. Въ XVI и XVII в. в. таже Волга привлекала охо-чихъ людей, но уже не въ верхнемъ своемъ теченіи, а въ „низовомъ“. На порогѣ же энтографическаго распредѣленія народонаселенія по Русской землѣ низовье Волги было иной дорогой, дорогой бродячихъ азіатскихъ выходцевъ, густыми

(66) Костомарова: «Двѣ Русскія народности» (Истор. Моногр. т. I).

массами проходившихъ черезъ „великія каспійскія ворота“ по южнымъ окраинамъ Руси. Въ то время эта дорога была болѣе опасна, чѣмъ дорога въ далекую землю Мери; охочимъ людямъ, которымъ не жилось у себя дома, привольнѣе было отправляться съ юга въ невѣдомую страну чудесъ, страну дикихъ Финновъ черезъ Славянскія земли и потомъ выходить на Волгу, чѣмъ пролагать себѣ путь къ ней черезъ страшныя кочевья Печенѣговъ и Половцевъ. Это свободное передвиженіе Славянъ изъ Новгорода и съ юга въ верховья Волги, это скопленіе „сходцевъ“ въ землѣ Мери, восходящее къ временамъ до-историческимъ, служащее продолженіемъ того движенія Славянскихъ племенъ, главныя фазы котораго отмѣчены Несторомъ въ его этнографическихъ перечисленіяхъ, и составляющее первичный видъ расселенія Славянъ—мы позволимъ себѣ назвать *вольной колонизаціей*.

При зачинѣ княжеской власти на сѣверо-востокѣ, начинается второй видъ колонизаціи—*княжеско-военный*. Рядомъ съ нимъ, при утвержденіи Христіанства въ землѣ Ростовско-Суздальской, идетъ колонизація *монастырская*; а потомъ, при развитіи промышленно-торговыхъ силъ страны, начинается колонизація *промышленно-торговая*. Впослѣдствіи мы остановимся подробнѣе на каждомъ изъ этихъ позднѣйшихъ видовъ колонизаціи; здѣсь же замѣтимъ только, что вольная колонизація является основнымъ типомъ Славянской колонизаціи въ землѣ Мери. Она не уничтожается и въ княжескую эпоху, она служитъ основаніемъ для колонизаціи монастырской, и въ промышленно-торговой колонизаціи является основной, движущей силой.

Какими же путями шла славянская колонизація въ землю Мери изъ Новгорода и съ юга?

Изъ Новгорода, какъ мы видѣли выше, колонизація направлялась къ „многоводной русской рѣкѣ“ Волгѣ. Къ этой рѣкѣ вели оттуда пять главнѣйшихъ путей. *Первый* путь шелъ изъ озера Ильмена черезъ рѣчки Полу и Явонь, съ переволокомъ къ озеру Селигеру; изъ него въ р. Силежаровку и ею въ Волгу⁽⁸⁷⁾. *Второй* путь могъ быть изъ оз. Ильмена

(87) Ходаковскаго. Пути сообщ. др. Россіи, въ Р. Ист. Сборн., т. I, кн. I, с. 33. *Селигерскій путь* въ Новгородъ изъ Ростовской земли былъ самый извѣстный. Имъ прошли Татары до Торжка въ 1237 г. (См. сп. насел. мѣстъ Тверск. губ. *вед.* с. 18).

через Мсту въ оз. Мстино, и, затѣмъ, рѣкою Тверцою въ Волгу ⁽⁸⁸⁾. *Третій* путь шелъ Волховомъ до оз. Нево, оттуда Свирью въ оз. Онего, изъ него Вытегрою до оз. Кавжи и рѣкою Ковжею въ Бѣлоозеро; изъ Бѣлоозера въ Волгу Шексною ⁽⁸⁹⁾. *Четвертый* путь—также черезъ оз. Нево въ р. Сясь, а изъ Сяси по рѣчкѣ Воложекѣ до волока Хотьславля (въ теперешнемъ Тихвинскомъ уѣздѣ) при р. Чагодѣ, затѣмъ Чагодою, Чагодошею и Мологою въ Волгу ⁽⁹⁰⁾. *Пятый* путь шелъ по правымъ (южнымъ) притокамъ Волги ⁽⁹¹⁾.

Съ юга, изъ приднѣпровья, было два пути: *первой* Днѣпромъ и его притоками черезъ землю Кривичей, *второй* Окой черезъ землю Вятичей.

Черезъ землю Кривичей проѣздъ водою въ землю Мери былъ не такъ удобенъ какъ изъ земли Новгородской, которая изобиловала озерами и рѣчками. Проѣздъ этотъ шелъ отъ Кіева до Смоленска Днѣпромъ, а оттуда могъ идти перевозомъ до Вазузы, южнаго притока Волги и, затѣмъ, Вазузою и Волгою ⁽⁹²⁾. Главное неудобство этого пути заключалось въ томъ, что Днѣпромъ надо было плыть ввѣрхъ по теченію, между тѣмъ какъ изъ Новгородской земли всѣ рѣки, ведшія въ Волгѣ, впадали въ нее и давали, такимъ образомъ, возможность плыть по теченію внизъ. Путемъ черезъ Кривскую землю ѣздилъ въ Ростовъ Владиміръ Мономахъ, о чемъ онъ говоритъ въ своемъ поученіи ⁽⁹³⁾. Кромѣ этого извѣстія мы имѣемъ прямые свидѣтельства о пути изъ Смоленска въ землю Ростовскую. Подъ 1148 годомъ говорится въ лѣтописи о томъ, что „Изяславъ Мстиславичъ приваза брату своему Ростиславу (Смоленскому) своимъ полкомъ и повелѣ ему поити внизъ по Волгѣ, и сробѣ сѣ учиниша на Усть-Медвѣдицы“ ⁽⁹⁴⁾. Федоръ Ростиславичъ, вн. Можайскій, сдѣлавшись въ XIII в.,

⁽⁸⁸⁾ См. Почтовую карту Росс. Имп. Спб. 1842 г. л. III, а также Географич. Атласъ Росс. Имп. на 70 лист., изд. 1821, листы 17 и 18.

⁽⁸⁹⁾ Почтовая карта Росс. Имп. Спб. 1842. л. 1-й.

⁽⁹⁰⁾ Ibid. и Ходаковского: Пути сообщ. др. Россіи, стр. 21.

⁽⁹¹⁾ Ходаковского. Пути сообщенія, с. 33.

⁽⁹²⁾ См. Почт. карту Росс. Имп. Спб. 1842. л. III и IV.

⁽⁹³⁾ П. С. Л. т. I, с. 104. — Спес. Погодина: Исслѣд., замѣч. и лекціи, VI. 51.

⁽⁹⁴⁾ П. С. Л. VII. 45.

сперва княземъ Ярославскимъ, а затѣмъ, по смерти отца и братьевъ, княземъ Смоленскимъ,—въ 1285 году ѣдетъ изъ Ярославля въ Смоленскъ, а потомъ, въ 1297 году идетъ съ войскомъ изъ Ярославля въ Смоленску⁽⁹⁵⁾.

Второй путь съ юга, черезъ землю Вятичей, могъ раздѣляться на двѣ вѣтви: *одна* шла прямо Окою къ Волгѣ, *другая*—притокомъ Оки, Прою, а изъ нея переволокомъ и озерами до р. р. Поли и Бужи, и Бужею въ Клязьму⁽⁹⁶⁾. Этимъ путемъ приѣзжалъ также Владиміръ Мономахъ⁽⁹⁷⁾. Имъ же, по всей вѣроятности, приходилъ Святославъ Ольговичъ Черниговскій въ Москву на свиданіе съ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ⁽⁹⁸⁾. Самъ этотъ князь, въ своихъ многочисленныхъ походахъ изъ Ростовской области на югъ, не рѣдко ходилъ черезъ землю Вятичей⁽⁹⁹⁾. Существовало ли вольное колонизаціонное движеніе въ отдаленнѣйшую эпоху въ землю Мери—непосредственно изъ земель Кривичей и Вятичей, или черезъ эти земли проходили вольные колонисты только съ юга, изъ „Руси“? Такого рода вопросы не поддаются прямому разрѣшенію. Но намъ представляется возможнымъ предположить, что непосредственнаго движенія вольной колонизаціи отъ Кривичей и Вятичей не было. Къ такому предположенію побуждаютъ насъ слѣдующія основанія, Мы видѣли выше, что Кривичи, вслѣдствіе природныхъ условій своей земли, тянули своей исторической жизнью къ югу, къ приднѣпровью—и имъ не было причины выселяться въ область верхняго теченія Волги. Что же касается до Вятичей, то мы также видѣли, что племя это было очень дико, и мысль о выселеніи въ иную землю наврядъ ли могла подвигать его далѣе на сѣверъ. Г. Раев-

⁽⁹⁵⁾ См. «Хронологич. очеркъ истор. событ. въ г. Ярославлѣ отъ основ. онаго до вступл. Яросл. Кн-ва въ сост. Росс. госуд-ва». Въ Ярослав. губ. вѣд. 1843, № 5.

⁽⁹⁶⁾ Ходаковского Пути сообщ. др. Россіи. с. 35.

⁽⁹⁷⁾ «Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ»—говоритъ Мономахъ въ своемъ поученіи. П. С. Л. I. 103.

⁽⁹⁸⁾ Это было въ 1147 г. Святославъ Ольговичъ приѣхалъ въ Москву изъ Рязани; изъ Москвы возвратился къ Любынску, а оттуда къ Серпуску, и, «перешедъ Оку, ста».—П. С. Л. VII, 38; IX, 172.

⁽⁹⁹⁾ П. С. Л. II, 41. Подъ 1148 г.

скій, редакторъ списка населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи, полагаетъ, что славянская колонизація въ землю Мери подвигалась отъ Волги къ югу. „Пройти съ сѣверо-западныхъ своихъ пунктовъ, по верховьямъ Клязьмы, Славяне не могли, говоритъ онъ, потому что здѣсь страна была глухая“⁽¹⁰⁰⁾.

На этихъ основаніяхъ мы, кажется, можемъ заключить безъ большой ошибки, что черезъ земли Кривичей и Вятчей двигались вольные колонисты въ землю Мери только съ юга. Пути черезъ эти земли были далеко не такъ удобны, какъ пути изъ Новгорода, вслѣдствіе чего колонизаціонное вольное движеніе съ юга не могло быть такъ сильно, какъ оно было изъ озерной и многоводной земли Новгородской. Пути съ юга въ землю Мери проникали колонисты въ позднѣйшую эпоху, въ XI—XIV в. в., когда уже выяснились остальные виды колонизаціи: княжеско-военный, монастырскій и промышленно-торговый. А въ разсматриваемую нами первичную эпоху заселенія земли Мери Славянами, при существованіи одной только колонизаціи — вольной, главной, т. е. сказ., большой дорогой движенія Славянъ въ землю Мери была рѣчная и озерная область Новгородская. Изъ нея шла и непосредственная колонизація, и черезъ нее же проникали большею частію, колонисты съ юга, изъ „Руси“.

Какимъ способомъ расселились первоначальные славянскіе колонисты въ землѣ Мери, какимъ образомъ возникали здѣсь ихъ поселенія, въ какія отношенія становились они къ туземцамъ?—вотъ вопросы, которые невольно напрашиваются, если не на прямое разрѣшеніе, то хотя на разъясненіе.

Земля Мери, теперешнія губерніи Ярославская, Костромская, Владимірская и сѣверная часть Московской, издавна отличалась обиліемъ лѣса. Не смотря на столь извѣстную способность русскаго человѣка истреблять жестоко лѣсъ,—до сихъ поръ еще въ этихъ мѣстностяхъ значительныя пространства земли покрыты лѣсомъ, почти исключительно хвойнымъ⁽¹⁰¹⁾.

⁽¹⁰⁰⁾ Сп. нас. мѣстъ Влад. губ. *свод*, с. 41.

⁽¹⁰¹⁾ Въ Ярославской губерніи $\frac{1}{3}$ всего пространства покрыта лѣсомъ, занимающимъ преимущественно середину губерніи и идущимъ съ сѣверо-

Всматриваясь въ номенклатуру теперешнихъ поселеній среди этихъ лѣсныхъ пространствъ, мы видимъ очень много селеній въ Ярославской губерніи, съ названіями: Борь, Дорь, Дѣрки, Выгарь, Гарь, Горьлое, Горьлово, Погарье, Погорьлово, Жары, Огнивники, Ожигино, Опалѣво, Палы, Пенѣ, Пеньи, Пеньки, Раменье. Этихъ названій въ Костромской губерніи тоже много, во Владимірской губерніи меньше, а въ Московской они едва-едва встрѣчаются въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Ярославской и Владимірской губерніямъ. Названія эти очевидно указываютъ какъ на характеръ лѣсной мѣстности, въ которой являлись поселенія, такъ и на самый способъ заселенія края. Вдумываясь въ эти названія, мы можемъ увидѣть, какъ славянское населеніе *продиралось*, т. е. проходило съ усиліемъ черезъ борь, лѣсъ, *выжигало* его и на выжженныхъ, выгорѣлыхъ мѣстахъ основывало свои поселенія. Эти „выгари“, „гари“, „огнивники“ и „опали“—вспахивались и засѣвались хлѣбомъ, а изъ срубленныхъ деревьевъ, отъ которыхъ оставалось только „пень“, возникали *деревни*. Черезъ нѣсколько лѣтъ поселенцы двигались дальше, выжигались подъ пашню новыя мѣста, старыя запускались. На этихъ запущенныхъ пашняхъ появлялась хвойная поросль—зачиналось *раменье*. Но не весь же лѣсъ пожитался только для очистки мѣстности, не всѣ же деревья срубались только для постройки жилищъ. Съ теченіемъ времени являлись у поселенцевъ, кромѣ земледѣлства, другіе промыслы, обусловливаемые лѣсистой мѣстностью, въ которой они поселились: они стали жечь *уголь*, гнать *смолу* и *деготь*. На это указываютъ имена поселеній: Угольники, Угличъ, Углецы, Угольное, Смолотечье, Смолино, Смольнево, Деготи-

запада на юго-востокъ. Въ Костромской губ., среднимъ числомъ на 1000 десятинъ всего количества земли, лѣсу приходится 726 десят. (Вся площадь губерніи—7,355,327 десят., изъ которыхъ подъ лѣсомъ находится 5,344,970). Во Владимірской губ. подъ лѣсомъ находится половина всего пространства. Лѣсъ растетъ болѣе на правомъ берегу Клязьмы, въ юго-восточныхъ уѣздахъ и все болѣе и болѣе рѣдѣетъ на лѣвомъ ея берегу, въ у. у. Владимірскомъ, Суздальскомъ и Переяславскомъ, въ которыхъ колонизація Славянъ началась надревле.—См. Спски насел. мѣсть Яросл. губ. *вед.*, с. 15; Влад. губ. *иб.* с. 17.—Матер. для Геогр. и Статист. Россіи, собр. офицерами Генер. Шт.: Костромская губ. стр 249.

но, Деготницы, Дегтарицы, Дегтарка, Дегтарково и мн. др. ⁽¹⁰²⁾.

Изъ той же номенклатуры поселеній мы можемъ усмотрѣть постепенное разширеніе, разрастаніе самихъ поселеній. Общимъ, родовымъ названіемъ Славянскаго поселенія является *деревня*, т. е. совокупность жилыхъ строеній изъ дерева. Это названіе указываетъ на матеріалъ, изъ котораго сдѣланы жилища,—самый же способъ поселенія выражается въ первоначальныхъ терминахъ: *починокъ, посѣлокъ, село, селеніе, выселокъ*, которые возникаютъ въ смыслѣ видовыхъ проявленій поселенія, по мѣрѣ его постепеннаго разрастанія, по мѣрѣ увеличенія въ немъ народонаселенія. Первымъ такимъ проявленіемъ становится *починокъ*, т. е. починокъ поселенія, самое первоначальное жилище; при большемъ размноженіи населенія, починокъ усваиваетъ себѣ названія: *посѣлка, села, селенія*, которыя, въ свою очередь, разрастаясь съ теченіемъ времени, выдѣляютъ изъ себя колоніи, извѣстныя подъ названіемъ *выселковъ* ⁽¹⁰³⁾.

⁽¹⁰²⁾ См. Алфавитный указатель въ списк. населенн. мѣстъ Ярославск. Владим. и Московск. губ.;—для Костромской губерніи, карту ея при описаніи, сост. офицер. Генер. Штаба; кромѣ того общія свѣденія въ Сп. насел. мѣстъ Яросл. губ. с. 16 и 47—48. *Раменье*, по мѣстному говору Ярославской губ., означаетъ лѣсную поросль на запущенной пашнѣ, а иногда настоящій, хвойный, некрупный лѣсъ. (*ibid.*) Предположеніе о томъ, что славянское населеніе продиралось черезъ лѣса, основанное на названіи селеній *Дорь* (отъ слова «драть», какъ «борь», отъ брать)—принадлежитъ Ярославскому статистическому комитету. Селеній съ названіемъ *Цени* въ Яросл. губ.—20, а съ названіемъ *Дорь*—40. Малое число такихъ названій селеній, которыя указывали бы на продиранье черезъ лѣсъ и выжиганье лѣса, во Владимірской и Московской губ.—можетъ дать три показанія: во 1-хъ, что старыя названія перемѣнены впоследствии на другія новыя, что не рѣдко случается, вслѣдствіе разныхъ причинъ. (См. Ходаковского: Донесеніе. Р. Ист. Сб. VII, 8 и 9); во 2-хъ, что способъ первоначальнаго веденія колонизаціи забытъ со-временемъ и въ 3-хъ, что колонизація тѣхъ мѣстъ, гдѣ не находится приведенныхъ названій—принадлежитъ къ болѣе позднему времени, когда «продираніе» черезъ лѣса и «сжиганіе» ихъ было уже невозможно.

⁽¹⁰³⁾ Выселки до сихъ поръ называются или по названію селеній, изъ которыхъ они выселены, или по имени лица, который первый перенесъ жилье на новое мѣсто. Напр. Петровъ, Сидоровъ—выселокъ и т. д.

Гораздо труднѣе поддается объясненію первоначальное значеніе *юрודה*, *юродка*, *юродища*—въ смыслѣ термина поселенія. Извѣстно, что городъ, въ позднѣйшемъ своемъ развитіи, является у насъ, далеко не съ тѣмъ значеніемъ какъ въ Западной Европѣ. Но возникновеніе города и первоначальное его значеніе у насъ сравнительно съ Западной Европой до сихъ поръ не разъяснены должнымъ образомъ. Всѣ ученые, сколько намъ извѣстно, соглашаются въ филологическомъ значеніи славянскаго *юрודה*, въ смыслѣ *огороженнаго мѣста*, но его этнографическое значеніе, какъ терминъ поселенія, понимается ими далеко неодинаково. Такъ напримѣръ, Ходаковскій старается доказать, что первоначально „городъ“ и „городище“ вовсе не были терминами поселенія. По его соображеніямъ, около городовъ и городищъ возникали только поселенія, а сами они были священными мѣстами языческаго поклоненія богамъ и жертвоприношеній; это были, по его мнѣнію, *священные ограды*, осѣненные рощами и дубравами⁽¹⁰⁴⁾. Остальныя мнѣнія о первоначальномъ значеніи города и городища всѣ съносятся къ толкованію его въ смыслѣ термина поселенія. Эти мнѣнія могутъ быть сведены къ тремъ главнѣйшимъ категоріямъ: *первая*—видитъ въ городѣ и городищѣ первичныя общественныя укрѣпленія, *вторая*—оставленныя поселенія и, наконецъ, *третья*—позднѣйшія военныя укрѣпленія, возводимыя князьями⁽¹⁰⁵⁾.

Снес. о номенклатурѣ поселеній у И. И. Срезневскаго, въ «Чтеніяхъ о древн. Русскихъ лѣтописяхъ» (Прил. къ II т. 3. Ак. Н. № 4. с. 34—35, 45—46).

⁽¹⁰⁴⁾ См. Ходаковскаго: «Ист. система», Р. Ист. Сб. т. I, кн. 3. Самое словопроизводство *юрודה* Ходаковскій формулируетъ такимъ образомъ: «Извѣстно, говоритъ онъ, что всѣ Славяне во время язычества совершали обряды на высотахъ и горахъ, гдѣ ихъ всесоженіе, очищеніе, прорицаніе, пиршество, капище (?) не могли производиться безъ *ома*, какъ и безъ *воды*. Вслѣдствіе этого *юродъ* произошелъ отъ взаимодействія слѣдующихъ, т. сказ., элементовъ, вошедшихъ въ составъ его этимологіи: во 1-хъ, *юра*—*mons*, *collis*+*родъ*—*gens*, *patio*=*юра родовая*, народная, сборная. Во 2-хъ, *горь*, *гарь*, *юрить*—*ardere*+*родъ*—*gens*, *patio*=горѣніе, сожженіе, народомъ производимое. Таковъ смыслъ первоначальнаго значенія термина: *юродъ*.—Ходаковскій доказываетъ это длиннымъ рядомъ названій урочищъ и поселеній.—(Ibidem. с. 66, 67 и слѣд.).

⁽¹⁰⁵⁾ Представителемъ взгляда первой категоріи является неизвѣстный авторъ Историч. взгляда на древн. образов. славянскихъ и

Вдумываясь въ первоначальное значеніе городовъ и городищъ въ землѣ Мери, въ землѣ Ростовско-Суздальской, мы находимъ возможнымъ признать всѣ четыре объясненія, представленные выше и примирить кажущіеся въ нихъ различія. Мы полагаемъ, что всѣ поселенія и урочища, существующія въ настоящее время въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской, съ именами: „города“, „городка“ и „городища“ происхожденіемъ своимъ не одинаковы и могутъ быть отнесены къ разнымъ періодамъ славянской колонизаціи края. Въ періодъ до-Христіанскій, когда въ землю Мери проникали еще Славяне-язычники, *города* и *городки* могли возникать въ значеніи священныхъ мѣстъ поклоненія богамъ и жертвоприношеній; за тѣмъ, около этихъ городовъ и городковъ, какъ въ христіанскую эпоху около монастырей, сгруппировывались поселенія. Эти поселенія, въ память ихъ, также стали называться городами и городками. Затѣмъ, при недружелюбныхъ столкновеніяхъ съ туземцами, многія поселенія: и эти города и городки, и деревни—должны были окапываться ровомъ и обноситься тыномъ, должны были *ограживаться* для защиты, и такимъ образомъ произошли общественныя укрѣпленія—*города*, терминъ которыхъ сохраненъ въ позднѣйшихъ укрѣпленіяхъ, воздвигаемыхъ князьями для защиты отъ набѣговъ Мордвы и Болгарь. Развалины всѣхъ этихъ городовъ и городковъ, слѣды ихъ оградъ, ихъ укрѣпленій, находимые въ настоящее время, народъ называетъ общимъ именемъ „*городища*“.

Такимъ образомъ, городъ, въ первоначальномъ своемъ значеніи, могъ быть такимъ же терминомъ поселенія, какъ

преимуществ. польскихъ городовъ до XIII ст. (Р. Ист. Сб. т. IV, кн. 2—3). Вглядъ второй категоріи высказанъ К. Θ. Калайдовичемъ, противъ котораго полемизируетъ Лодаковский въ св. статьѣ, названной надателемъ ея, Погодинымъ, «Исторической системой» (Р. Ист. Сб. т. III кн. I). Третій взглядъ принадлежитъ редактору списка населенн. мѣстъ Влад. губерній, г. Раевскому. О первоначальномъ значеніи славянскаго города см. также у Срезневскаго, въ «Чтен. о Русскихъ лѣтописяхъ» с. 35 и у Погодина, въ замѣч. и лекц. по Русск. Ист. VII, 142—153. Ср. В. Макушева: «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ» Спб. 1861, стр. 112—116.

и деревня, съ тѣмъ только различіемъ, что выраженіе: „деревня“ означало матеріаль построенія, а „городъ“—способъ обезпеченія окраинъ поселенія, способъ огораживанія поселенія вокругъ. Позднѣйшее значеніе города начинаетъ выясняться съ эпохи утвержденія княжеской власти; и въ землѣ Ростовско-Суздальской и въ другихъ областяхъ Руси, городъ является въ ту эпоху въ значеніи земскаго, административно-княжескаго и военнаго центра. На этомъ его тройномъ значеніи мы остановимся впоследствии.

Отношенія, въ которыя становились первоначальные колонисты - Славяне къ туземцамъ Мерянамъ были мирнаго свойства. Изъ за чего имъ было враждовать съ полудикимъ народцемъ? Враждебныя отношенія у колонистовъ съ туземцами возникаютъ обыкновенно изъ корыстныхъ побужденій первыхъ: таковы они были у русскихъ промышленниковъ и вояковъ, колонизаторовъ Сибири XVII в., таковы они были у Испанцевъ, поборившихъ Мексику и Перу въ XVI вѣкѣ. Въ обоихъ случаяхъ колонистовъ смущали золото, богатые мѣха и драгоценные камни. Но земля Мери не отличалась этими богатствами. Земля эта была испещрена множествомъ рѣкъ и озеръ и изобиловала лѣсомъ, наполненнымъ дикими звѣрами. Изобиліе этихъ природныхъ даровъ не могло возбуждать корыстныхъ побужденій въ первоначальныхъ славянскихъ „находникахъ“. Возможно предположить, что Мера, будучи, на подобіе Мордвы, склонна къ сліянію съ другими народностями, вошла скоро въ близкія отношенія къ Славянамъ. Эти близкія отношенія могли простираться до полового соединенія между Славянами и Мерянами. На такую мысль наводитъ насъ склонность теперешней черемисской женщины легко входить въ связь съ посторонними мужчинами⁽¹⁰⁶⁾. Весьма возможно предположить, что женщины у Мери отличались тѣмъ же свойствомъ. Что же касается до первоначальныхъ славянскихъ поселенцевъ, то наврядъ ли они были настолько цѣломудренны, что отказывались отъ сожитія съ туземцами. Возможность этого сожитія тѣмъ больше вѣроятна, что у язычниковъ - Славянъ и у язычниковъ - туземцевъ не могло быть того взгляда на отношенія къ женщинамъ, каковой

(106) См. выше, стр. 35 нашихъ очерковъ.

заявило въ послѣдствіи Христіанство, смотревшее очень строго на безбрачное сожитіе съ женщиною вообще, а особенно съ язычницею. Славянскія женщины, точно также, могли вступать въ связи съ мужчинами Мерянами. Поэтому весьма легко предположить что *метисація* Славянъ съ Мерянами была первоначальной формой ассимиляціи Славянами Мери и претворенія ея, прежде другихъ Чудскихъ народцевъ, въ племя Великорусское ⁽¹⁰⁷⁾.

Однимъ изъ древнѣйшихъ поселеній Славянъ среди Мери, однимъ изъ старѣйшихъ городовъ въ ихъ землѣ является Ростовъ—Великій, основанный Новгородскими Славянами ⁽¹⁰⁸⁾. Названіе его И. И. Срезневскій производитъ отъ собственнаго имени *Ростъ*; Ростовъ — *городъ Роста*, какъ Ростиславль—городъ Ростислава ⁽¹⁰⁹⁾. Когда собственно возникъ Ростовъ неизвѣстно; извѣстно только, что онъ уже существовалъ во 2-й пол. IX-го в., при Рюрикѣ. О зачинѣ Ростова нѣтъ никакихъ преданій, никакихъ сказаній, что, между прочимъ, можетъ указывать на его древность. Только позднѣйшіе хроникеры, составители времянниковъ XVII в., желали видѣть въ основателѣ Ростова—Росса, принаровляя къ этому городу готовое преданіе о Кіѣ, Щеки и Хоривѣ ⁽¹¹⁰⁾. То было время моды на вымышленныя генеалогіи народовъ, государей и городовъ, въ которыхъ не затруднялись ни филологіей, ни хронологіей, храбро производя Словена и Росса отъ потомковъ Іафета, сына Ноева, Рюрика отъ Августа-

⁽¹⁰⁷⁾ См. любопытныя соображенія по этому вопросу въ статьяхъ А. П. Шапова: «Этнографическая организація Русскаго народонаселенія» (Б. д. Чт. 1864 № 1) и «Этнологическое развитіе Сибирскаго населенія» (Русск. Сл. 1865. № 1, 2 и 3).

⁽¹⁰⁸⁾ См. статью, означенную въ примѣчаніи 79-мъ.

⁽¹⁰⁹⁾ Срезневскаго. Чтенія о древнихъ Русск. лѣтописяхъ с. 33. *Ростъ* напоминаетъ первую половину имени *Ростиславъ* (ibid. 46). Отъ имени «Ростъ» произошло нѣсколько названій славянскихъ поселеній: *Ростокъ*—въ Мекленбургскомъ герцогствѣ, *Ростовицъ*, городъ въ Киевской области, *Ростовка*, село въ Киевской губ. и *Ростовци*, волость въ Московской обл. (См. Н. Барсова: Матеріалы для Истор.-Геогр. словаря Россіи. Вильна 1863, I, 175).—Снес. Алфавитный указатель въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Ярославской, Владимірской и Московскаго губ.

⁽¹¹⁰⁾ См. ст. «Памятники древн. обитателей Ярославской губерніи до Рюрика»—Яр. губ. вѣд. 1859 стр. 78.

Кесаря, а Москву—отъ Мосоха. Ростовъ возникъ у оз. Неро, въ 54-хъ верстахъ отъ Волги, съ которой соединяетъ озеро рѣчка Которосль. Трудно предположить, чтобы Новгородскіе колонисты, очевидно спустившись къ оз. Неро по Которосли, миновали бы ея устье при Волгѣ. Славяне имѣли обыкновеніе ставить свои первоначальныя поселенія у устья рѣкъ, ограждая и обезпечивая ими владѣніе всѣмъ теченіемъ рѣки. По этому мы полагаемъ, что, при движеніи Новгородскихъ Славянъ съ Волги по Нерли, вверхъ по ея теченію къ оз. Неро,—должно было явиться славянское поселеніе раньше Ростова при устьѣ Нерли, или гдѣ нибудь вблизи этого устья у Волги. Этимъ поселеніемъ могло быть то, которое впоследствии „срубленное въ городъ“ великимъ княземъ Ярославомъ назвалось его именемъ: „Ярославль“. Ростовъ, разросшись въ глухой мѣстности у обширнаго озера Неро, позднѣйшимъ своимъ значеніемъ затемнилъ не только это первоначальное, но и всѣ остальныя поселенія. Старѣйшій городъ земли — Великій Ростовъ сталъ родоначальникомъ другихъ городовъ „молодшихъ“, долго остававшихся его пригородами, сходящихся на общее съ нимъ вѣче и крѣпко стоявшихъ на томъ, „на чемъ положить“ ихъ старшій городъ.

• II.

Ростовско-Суздальская земля

съ 862 по 1157 г.

Значеніе этого періода для Ростовско-Суздальской земли.—Характеристика колонизаціи княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой.—Ростовъ при Рюрикѣ и Олегѣ.—Начало Суздаля.—Зависимость Ростовско-Суздальской земли отъ южныхъ князей.—Владиміръ Мономахъ.—Юрій Долгорукій: его характеристика и его колонизаціонная дѣятельность въ Ростовско-Суздальской землѣ, значеніе построенныхъ имъ городовъ.—Водвореніе въ Ростовѣ Христіанства и его борьба съ язычествомъ.—Св. св. Леонтій, Исаія и Авраамій.—Первые монастыри.—Границы Ростовско-Суздальской земли къ концу періода.—Отношенія къ Новгороду.—Начало промышленно-торговой дѣятельности.—Начало столкновеній съ Болгарами.

Въ періодъ времени съ утвержденія Рюрика въ Новгородѣ въ 862 г. до смерти великаго князя Юрія Владиміровича, прозваннаго Долгорукимъ, въ 1157 году—слагаются элементы гражданственности Ростовской земли, опредѣляются основы ея послѣдующаго, самобытнаго развитія. На порогѣ этого періода, въ началѣ X-го вѣка самое имя Мери, аборигеновъ страны, исчезаетъ въ смыслѣ этнографическаго термина ⁽¹⁾ и замѣняется черезъ столѣтіе, въ началѣ XI-го в. дру-

⁽¹⁾ Имя Мери упоминается въ послѣдній разъ при Олегѣ. Въ 882 году Мери участвуетъ въ походѣ Олега на югъ Россіи, къ Кіеву, а въ 904—907 г. въ его греческомъ походѣ подѣ Константинополь. (И. С. Л. I. 10 и 12).

гимъ терминомъ: „земли Ростовской“, а за тѣмъ, въ половинѣ этого столѣтія получаетъ полное свое названіе „земли Ростовской и Суздальской“^(*). Очевидно, элементъ славянской не только начинаетъ преобладать, но даже поглощаетъ собою чуждое населеніе края. Двѣ новыя силы: князь и Христіанство—владутъ основаніе гражданственности земли. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ силъ развивается дальнѣйшая славянская колонизація въ землю Ростовскую; и въ концу періода, въ половинѣ XII-го в., посредствомъ этой колонизаціи зачинается новое племя, которое при послѣдующемъ своемъ историческомъ развитіи получаетъ названіе Велико-русскаго. Это дальнѣйшее развитіе славянской колонизаціи прежде всего проявляется въ видѣ колонизаціи *княжеско-военной*. Зачинокъ этому виду владетъ первый князь въ странѣ, Рюрикъ, а эпоха расцвѣта, наибольшаго развитія княжеско-военной колонизаціи относится ко времени Юрія Долгорукаго, устроителя Ростовской области. Послѣ него княжеско-военная колонизація продолжается во все время существованія Ростовско-Суздальскихъ княженій вплоть до окончательнаго сложенія Московскаго государства, которое этотъ видъ колонизаціи начинаетъ примѣнять ко вновь забираемымъ областямъ и странамъ, при своемъ все болѣе и болѣе усиливающемся расширеніи на востокъ. Приемы княжеско-военной колонизаціи заключаются: въ раздачѣ земель, въ основаніи поселеній и крѣпостей съ стратегическою цѣлью. Пахарей для этихъ земель, насельниковъ для поселеній и крѣпостей—князья выбираютъ или изъ „охочихъ людей“, привлекая ихъ къ себѣ разными льготами, или изъ существо-

(*) Суздальской землей называется она въ южныхъ лѣтописяхъ (наприм. въ Ипатьевск. П. С. Л. II, 39), по предположенію П. Ф. Лаврента, потому, что Суздаля былъ ближе къ югу, чѣмъ Ростовъ. Новгородцы тоже называютъ землю эту Суздальскою, но къ нимъ Ростовъ былъ ближе, чѣмъ Суздаля. Слѣдовательно, названіе это, устанавливающееся къ концу княженія Долгорукаго, слѣдуетъ объяснить возвышеніемъ значенія Суздаля, какъ резиденціи князя. Область *Ростовская* и *Суздальская*—терминъ, употребляемый въ Житіи св. Исаіи. (Пр. Соб. 1868 кн. 3. с. 439). — Сильной *землей Суздальской* называетъ эту землю позднѣйшіи Ростовскіи лѣтописецъ XVII в. (См. Рукописн. Рост. Лѣтоп., руков. Моск. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ л. 181 обор.).

вавшихъ уже прежде поселеній, выводя изъ нихъ колонистовъ. Главное различіе княжеско-военной колонизаціи отъ вольной заключается въ инициативѣ передвиженія, переселенія. Въ первой она принадлежитъ князю, въ послѣдней каждому отдѣльному переселенцу въ частности, или нѣсколькимъ въ совокупности.

Объ руку съ княжеско-военной колонизаціей идетъ *колонизація монастырская*. Князь и его дружина являются первыми представителями христіанской религіи; ихъ сопровождаетъ епископъ; основываются церкви или въ существовавшихъ уже поселеніяхъ, или на совершенно незаселенныхъ мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ церкви являются хранителями и распространителями культуры и цивилизаціи, во второмъ, кромѣ этого, еще центрами новыхъ поселеній. Христіанскія начала пускаютъ корни. Являются подвижники-аскеты, прививающіе дальше въ глубь лѣса уже не порѣвкамъ, а по непроходимымъ дебрямъ и тучубамъ. Здѣсь, вдаль отъ жилья человѣка, окруженный дикими звѣрами, аскетъ-подвижникъ ставитъ себѣ келью. Къ нему мало по малу сходятся „охочіе люди“, но уже не ищущіе разгула и приволья, а стремящіеся къ успокоенію душевному, къ умиротворенію своей совѣсти, жаждующіе не добычи и прибыли, а христіанскаго подвига и спасенія души. Келья огораживается тѣномъ, ставится церковь,—и ея воловокъ впервые нарушаетъ дѣвственную тишь лѣсовъ; зарождается община, зачинается монастырь, около котораго вскорѣ скучивается поселеніе. Монастырь является проводникомъ христіанской цивилизаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ зерномъ новыхъ поселеній, новаго колонизаторскаго движенія. Изъ монастыря, съ теченіемъ времени, выходятъ новые подвижники, ученики его основателя и заводятъ новые монастыри. Такимъ образомъ является цѣлая эмманация христіанскихъ поселеній, и каждая новая церковь, каждый новый монастырь все шире и шире, все далѣе и далѣе въ глубь страны раздвигаютъ элементъ славянскій и распространяютъ Христіанство, силу всего болѣе ассимилировавшую туземныя инородческія племена и претворившую ихъ въ одну нераздѣльную народность Великорусскую. Тамъ зачинается въ дикой странѣ культура. Князь и епископъ, городъ и монастырь являются питомниками и проводниками этой культуры, которая съ теченіемъ времени развивается все болѣе и болѣе. Возникаютъ промыш-

ленность и торговля, эти главнѣйшіе показатели развивающихся силъ экономическихъ, эти регуляторы общественной жизни. Населеніе края получаетъ новый стимулъ для дѣятельности, новый стимулъ для передвиженія. Зараждается четвертый видъ колонизаціи — *промышленно-торговый*; зачинаются новые центры — промышленно-торговые: ярмарки и базары, или просто склады товаровъ, а около этихъ центровъ свучивается народъ, является новое поселеніе.

Разсмотримъ сначала колонизацію княжеско-военную.

Рюрикъ, оставшись послѣ смерти братьевъ своихъ Синеуса и Трувора единой главой призваннаго князей союза: Новгородцевъ, Кривичей и Мери,^(*) — начинаетъ раздавать города „мужамъ своимъ“. Въ числѣ этихъ городовъ является Ростовъ⁽²⁾. Это первое, такъ сказать, историческое упоминаніе Ростова въ лѣтописи. Съ этого времени, съ 60-хъ годовъ IX-го в., начинается въ славянскихъ поселеніяхъ среди Мери установленіе княжескаго и дружиннаго порядка. При Олегѣ въ Ростовѣ находился „князь, сущій подъ Олегомъ“⁽³⁾. Ростовъ является въ это время однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ въ земляхъ подвластныхъ Олегу⁽⁴⁾. „Мужъ“ Рюрика и „князь“ Олега, по всей вѣроятности, ограничивались сборомъ дани съ населенія⁽⁵⁾; кромѣ дани населеніе страны должно было участвовать въ походахъ верховнаго князя Олега, выставляя известное число воиновъ⁽⁶⁾. Такимъ образомъ особаго варяжскаго вліянія нельзя искать въ Ростовѣ, въ землѣ Мери. Варяги и до Рюрика собирали тамъ дань, какъ мы видѣли выше, и при немъ, и послѣ него ограничивались этой же данью. Они были тамъ „находницы“, по выраженію лѣтописца. Мы не беремъ дѣлать предположенія

(*) П. С. Л. I, 9. — Пространство владѣній Рюрика лѣтописецъ опредѣляетъ ясно. Рюрику, по его словамъ, были подвластны: Новгородцы, Кривичи, Мери, Веси и Муромы; «тѣми всіми обладаше Рюрикъ». (Ibid.).

(2) П. С. Л. I, 13.

(3) Это видно изъ *укладовъ*, выговоренныхъ Олегомъ у Грековъ для слѣд. городовъ: Кіева, Чернигова, Переяслава, Полотска, Любеча и Ростова. (Ibid.).

(4) Утвердившись въ Кіевѣ, Олегъ «устави дани» Славянамъ, Кривичамъ и Мери» (П. С. Л. I, 10).

(5) См. П. С. Л. I, 10 и 12. Объ участіи Мери въ походахъ Олега смес. наше 4-е примѣчаніе къ наст. главѣ.

о томъ, въ какія отношенія становились Варяги къ туземному населенію,—и курганы норманскіе въ этой странѣ, указанные Гр. Уваровымъ, ждутъ еще тщательной разработки для уясненія степени норманскаго элемента въ верховьяхъ Волги (*). 1-я Софійская лѣтопись говоритъ, что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ — *пошла съ собою дружину многу... и, утвердившись въ землѣ союза ихъ призвавшаго, почаша воевати всюду* (**). Если принять это свидѣтельство, то можно предположить *завоеваніе страны*, котораго иные ученые совершенно не желаютъ видѣть въ образованіи Русскаго государства.

Г. Гарѣлинъ, одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей древностей Владимірской губерніи; основываясь на этомъ свидѣтельствѣ, полагаетъ, что Суздаль—былъ основанъ варяжскими дружинами, которыя спустились изъ оз. Неро по р. Нерли (10). Конечно, это мнѣніе можно принять только какъ догадку. Суздаль могъ быть точно также основанъ и славянскими колонистами, спустившимися изъ оз. Неро по р. Нерли. Но во всякомъ случаѣ возникновеніе Суздаля весьма древне и можетъ быть приурочено къ концу IX-го вѣка, потому что Суздаль, или, по древнѣйшей ортографіи нашихъ лѣтописей, *Суждаль*—является вторымъ по времени своего возникновенія и вторымъ по своему значенію послѣ Ростова—*„старѣйшимъ городомъ земли“* (11). Названіе его очевидно чудское, и мы не имѣемъ ключа къ его объясненію. Ананій Ѳедоровъ, ключарь Суздальскаго собора, жившій въ первой половинѣ XVIII в., приводитъ слѣдующую сказку о возникновеніи Суздаля изъ „письменной повѣсти“, которая, по его словамъ, есть народная. При разсѣяніи людей по вселенной послѣ вавилонскаго столпотворенія, въ 4902-й годъ отъ всемірнаго потопа,—пришли въ Россійскіе страны

(*) См. Зап. Археол. Общ. 1857. VIII, с. 102—103. Ст. Гр. Уварова: «Изв. о курганахъ Влад. губ.» и нашихъ очерковъ гл. I, с. 37.

(*) П. С. Л. V, 88.

(10) Я. Гарѣлина: «Др. Сузд. обл. и обитавшіе въ ней народы». Тр. Влад. Стат. Комитета. 1864. в. II, с. 48.

(11) «Здѣ же» (въ Ростовской землѣ), говоритъ лѣтописецъ, *«старіи гради: Ростовъ и Суждаль»*. (П. С. Л. I, 160.—Ростовск. лѣт. рукоп. л. 179 обор.).

три брата,—великія князья: Санъ, Авесхасанъ и премудрый Асанъ, происходившіе отъ Іафета, сына Ноева. Изъ нихъ два брата остались у Варяжскаго моря и устроили города (въ томъ числѣ Новгородъ), а третій, Асанъ ушелъ отъ нихъ далеко въ дикій лѣсъ, въ топкія мѣста; долго искалъ онъ удобное мѣсто для поселенія, долго раздумывалъ и, наконецъ, нашедши такое мѣсто, заложилъ на немъ городъ и, по великому своему *сужденію*, назвалъ его *Суждалемъ* ⁽¹²⁾. Ананій Ѳедоровъ не довѣряетъ этой сказкѣ и полагаетъ, что названіе „Суждаль“ произошло позднѣе, вслѣдствіе разныхъ фонетическихъ измѣненій, изъ *Сухо-дола*, первоначальнаго наименованія мѣста, гдѣ возникъ городъ ⁽¹³⁾.

Съ 913 по 988 годъ въ лѣтописяхъ ничего не встрѣчается о землѣ Ростовской. Игорь, занятый исключительно дѣлами юга, мало заботился о сѣверо-востокахъ ⁽¹⁴⁾. Ольга была въ Новгородскихъ владѣніяхъ, „устави погосты и дани“ по Мстѣ и „дани и оброки“ по Лугѣ,—а Святославъ, „на лѣзе Вятичей“,—прошелъ на Оку и Волгу ⁽¹⁵⁾.—Въ Ростовѣ же изъ нихъ никто не былъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что Ростовская область въ это время пользовалась достаточной независимостью отъ приднѣпровскихъ князей, управляясь, быть можетъ, потомками „князей, сущихъ подъ Олегомъ“ ⁽¹⁶⁾.

⁽¹²⁾ Анан. Ѳедорова: «Историч. собр. о бѣгоспасен. градѣ Суждаль» стр. 4-я (Врем. М. о. Ист. и др. 1855. кн. XXII). См. тоже сказаніе изъ другаго лѣтописца. (Ibid. с. 199).

⁽¹³⁾ Ibid. с. 2.—Впервые Суждаль упоминается въ Лѣтописи подъ 1096 г. Въ этотъ годъ онъ былъ сожженъ Олегомъ Святославичемъ Черниговскимъ. (см. П. С. Л. I, 108).

⁽¹⁴⁾ П. С. Л. VII, 278 и 279.

⁽¹⁵⁾ Ibid. 285.—Ник. IX, 29.

⁽¹⁶⁾ П. С. Л. I, 27. — Существуетъ преданіе, наход. въ одной изъ Угличскихъ лѣтописей о томъ, что Свенельдъ, дружинникъ Игоря, покоривъ южное Славянское племя Уличей, или Угличей, переселилъ часть ихъ на Волгу, въ Ростовскую область; поселеніе это дало начало городу Угличу. Доводы въ пользу невѣроятности этого преданія см. у Ѳ. К и с е л я, въ «Истор. г. Углича». Ярославль 1844 г. с. 13—16. Другое преданіе, занесенное въ *Серебрянниковскую* и *Суповъскую* Угличскія лѣтописи, относитъ построеніе Углича также ко вр. Игоря и Ольги. Построеніе его приписывается Яну Вышатичу, родственнику в. кн. Ольги. До сихъ

Подъ 988 годомъ у Нестора, вслѣдъ за принятіемъ Христіанства Владиміромъ, помѣщено распределение имъ волостей между сыновьями. По этому распределенію Ростовъ достается Ярославу, который, послѣ смерти старшаго брата Вышеслава, переводится въ Новгородъ, а въ Ростовъ назначается Борисъ⁽¹⁷⁾. Съ Ярослава и Бориса начинается въ Ростовѣ рядъ князей, которые не живутъ тамъ постоянно, а только наѣзжаютъ въ глухую лѣсистую мѣстность, отдаленную отъ главной исторической арены того времени—приднѣпровья. Долго ли провнужилъ Борисъ въ своей волости неизвѣстно; изъ лѣтописи и изъ житія его видно только, что во время смерти Владиміра, Борисъ былъ при немъ⁽¹⁸⁾. Ярославъ, княжившій въ приднѣпровьи послѣ смерти отца своего Владиміра, бывалъ въ Ростовѣ. Ростовъ вмѣстѣ съ Новгородомъ, какъ видно, принадлежалъ егъ его волости⁽¹⁹⁾. Въ одну изъ поѣздокъ въ Ростовъ былъ имъ срубленъ городъ, названный имъ въ свое имя Ярославлемъ⁽²⁰⁾. Позднѣйшее преданіе такъ рассказываетъ о возникновеніи этого

норъ находится близъ Углича урочище, назыв. *Яново поле*. (См. О. Кн. селя «Ист. г. Углича», с. 20). Но намъ кажется, что возникновеніе Углича возможно съ большимъ вѣроятіемъ отнести къ 1071 году, когда былъ въ Ростовской области Янъ Вышатичъ, собиравшій тамъ дань для князя Святослава Ярославича. (См. ниже въ этой главѣ нашихъ очерковъ).

⁽¹⁷⁾ П. С. Л. I, 52.

⁽¹⁸⁾ «Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ», приписыв. Нестору, по изданію Каз. Дух. Акад. См. Правосл. Собес. 1858. кн. IV, с. 588 и слѣд. П. С. Л. I, 55.

⁽¹⁹⁾ См. П. С. Л. I, 63 и 64. — Въ 1024 г. Ярославъ раздѣлилъ свои владѣнія съ братомъ Мстиславомъ, которому достались земли по лѣвую сторону Днѣпра, но Ростовъ и Суздааль вмѣстѣ съ Новгородомъ принадлежали Ярославу.

⁽²⁰⁾ Г. Лѣнинецъ (О. З. 1827. кн. 84 и 85) предполагаетъ, что Ярославъ основанъ Ярославомъ въ 989 г. т. е. въ эпоху его перваго княженія въ Ростовской области. Неизвѣстный авторъ «Историческаго изслѣдованія о началѣ и основаніи г. Ярославля» (Яросл. губ. вѣд. 1842 г. № 10) отрицаетъ предположеніе г. Лѣнинеца на томъ основаніи, что Ярославу въ 989 г. было отъ 7 до 11 лѣтъ, и относитъ построеніе имъ Ярославля къ 1026—1030 годамъ, о которыхъ въ лѣтописяхъ ничего не говорится. Ярославъ былъ въ Суздальской области въ 1024 г., но тогда Ярославля тамъ еще не было. (П. С. Л. I, 63). — См. также слѣд. примѣч. 21.

города: Ярославъ, посѣтивъ древній Ростовъ, охотился на берегахъ Волги и здѣсь, при впаденіи Которосли въ Волгу, отставъ отъ дружины своей, встрѣтился съ медвѣдицей и убилъ ее топоромъ. На этомъ мѣстѣ онъ построилъ церковь во имя св. пророка Іліи (христіанское имя Ярослава) и срубилъ городъ Ярославль⁽²¹⁾. Послѣ Ярослава Ростовская область сначала принадлежала къ владѣніямъ Новгородскимъ, а послѣ смерти Святослава Ярославича въ 1076 г., вмѣстѣ со всѣмъ повожьемъ, составляла волость пятаго сына Ярослава, Всеволода, князя Переяславля-Южнаго⁽²²⁾.

Владиміръ Мономахъ, сынъ Всеволода — этотъ типическій представитель южнаго князя, который въ свою многотрудную жизнь совершилъ 83 похода, который не зналъ усталы, будучи постоянно на конѣ, сражаясь за Русскую землю, который дѣлалъ страшные концы по тогдашней непроѣздной дорогѣ изъ Кіева въ Смоленскъ и оттуда въ Переяславль, пробивая себѣ путь черезъ недружелюбныхъ Вятичей и подвергая себя опасности въ путяхъ, нападенію дикихъ звѣрей — этотъ князь былъ нѣсколько разъ въ Ростовской области. Здѣсь срубилъ онъ городъ на Клязьмѣ въ свое имя — Володимерь, который впослѣдствіи, въ отличіе отъ Владиміра-Волынскаго, сталъ называться Залѣвскимъ⁽²³⁾ и

(21) Протоіер. І. Троицкаго: «Исторія губ. гор. Ярославля». Яросл. 1853 г. стр. 7. — Ст. Лѣнивецка: «О началѣ г. Ярославля». О. З. 1827: кн. 84.

(22) Новгородъ призналъ власть Черниговскаго князя Святослава Ярославича въ 1069 г., послѣ того какъ тотъ, прогнавши Изяслава, сталъ великимъ княземъ (см. у Костомарова: Сѣверн.-Русск. народопр. I, 51). Въ 1071 году Святославъ владѣлъ Ростовской областью, что видно изъ того, что тамъ былъ его сборщикъ Янъ (Ш. С. Л. I, 75). Всеволодъ Ярославичъ владѣлъ Переяславлемъ, Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ и Повожьемъ — (Синод. лѣт. у Карамзина II, прим. 50-е). — Снес. также у М. П. Погодина: изсл. зам. и лекц. т. IV, гл. 3-я: «Ярославово дѣленіе», княжества: Черниговское (стр. 217—260) и Переяславское (с. 261—296).

(23) Владиміръ на Клязьмѣ основанъ Мономахомъ не прежде 1116 г. (Синод. лѣт. XV в. у Карамз. II, прим. 238); по предположенію М. П. Погодина (изсл. замѣч. и лекц. IV, с. 279) и Пр. Филарета (Р. свят. м. окт. с. 294. прим. 217), Владиміръ построенъ для противодѣйствія притязаніямъ Олега Святосл. Черниговскаго. Во время распри его съ Изяславомъ Влад. и Мстиславомъ Влад. въ Ростовской области, тамъ еще не

построилъ церковь въ Ростовѣ⁽²⁴⁾ По смерти Всеволода, Ростовская область стала волостью Мономаха. Въ послѣдніе годы жизни, отвлеченный отъ далекой страны событіями юга и избранный, наконецъ, послѣ смерти Святополка, княземъ Кіевскимъ — Мономахъ самъ не ѣздитъ уже въ Ростовскую область, а посылаетъ туда своихъ сыновей. Ростовская область дѣлается, такъ сказать, отраженіемъ южныхъ усобицъ, становясь ареной распри между Изяславомъ Владиміровичемъ и Олегомъ Святославичемъ Черниговскимъ⁽²⁵⁾. Любечскій съѣздъ укрѣпляетъ Ростовскую область за Владиміромъ Мономахомъ и его родомъ⁽²⁶⁾. Съ этого времени тамъ впервые является самостоятельный князь — сынъ Мономаха, Юрій, прозванный Долгорукимъ. Во все это долгое время, отъ Олега до Юрія Долгорукаго — ни одинъ изъ князей не живетъ подолгу въ далекой Ростовской области. Всѣ они являются тамъ гостями и то нечастыми. Одинъ Мономахъ туда ѣздитъ усердно. Князей привлекаютъ туда чрезвычайные случаи, вродѣ голода, бывшаго въ 1024 году и смуты, производимой по поводу этого голода волхвами, вслѣдствіе чего отправился туда Ярославъ — и то мимоѣздомъ въ Новгородъ⁽²⁷⁾. Князья управляютъ своей далекой областью черезъ своихъ „мужей“, черезъ даньщиковъ. Такъ напр. Янъ-Вышатичъ собираетъ тамъ дань въ 1071 году для кн. Святослава⁽²⁸⁾. Князьямъ некогда заниматься отдаленной областью Ростовскою, ихъ вниманіе привоываетъ къ себѣ „Русь“, южное приднѣпровье.

было г. Владиміра Клязьменскаго. Это видно изъ описанія пути, которымъ прошелъ Олегъ изъ Муромъ въ Суздаль и Ростовъ. (См. П. С. Л. I, 107—109).

(²⁴) Посланіе Поликарпа, по рукописи у Филарета: Русск. святые, м. авг. с. 69.

(²⁵) Лавр. лѣт. П. С. Л. I, 107—109. — См. также др. редакціи описанія этой распри: 1-я Новг. III, 3; 1-я Соф. V, 150; Воскр. VII, 10—12; Никон. IX, 127—229; Тверск. XV, 184.

(²⁶) П. С. Л. I, 109.

(²⁷) П. С. Л. I, 63 и 64. — Въ Воскрес. лѣт. сказано, что Ярославъ, укротивъ мятежъ въ Суздальской землѣ, происходившій отъ волхвовъ, *устави ту землю*, т. е. далъ ей земское устройство (П. С. Л. VII, 328).

(²⁸) П. С. Л. I, 75. — Снес. выше наше примѣч. 22-е.

Юрій былъ въ Ростовской области еще въ 1096 году, судя по письму Мономаха къ Олегу Святославичу ⁽²⁰⁾. Послѣ этого онъ, по всей вѣроятности, пребывалъ на югѣ. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, положительное извѣстіе, что въ 1107 году въ Ростовской области не было князя ⁽²¹⁾, а въ 1125 году видимъ Юрія въ Кіевѣ на погребеніи Мономаха ⁽²²⁾. Юрій всѣми своими симпатіями тянетъ къ югу, цѣль его постоянныхъ стремленій—есть старшій южный городъ Кіевъ. Добываніе его себѣ по праву старѣйшинства и забота о томъ, чтобы Кіевъ не достался кому нибудь изъ младшихъ родичей, а тѣмъ паче не перешелъ-бы во враждебную линію Ольговичей—вотъ тѣ задачи, которыя поставилъ себѣ Юрій послѣ смерти Мономаха, тѣ задачи, которыя онъ стойко преслѣдовалъ всю свою жизнь! Поэтому онъ, немедленно послѣ смерти отца, начинаетъ сторожить Кіевъ. Онъ остается на постоянное жительство въ Городцѣ, не далеко отъ Кіева и, желая еще болѣе укрѣпиться на югѣ, въ 1135 г. прокѣнливается съ братомъ Ярополкомъ волостями: „испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вѣдъ Суждаль и Ростовъ и прочую волость свою, но не всю“ ⁽²³⁾. Черезъ два года послѣ этой мѣны, въ 1137 г. Юрій удаляется въ Ростовъ ⁽²⁴⁾, слѣдовательно Ростовъ принадлежитъ снова ему. Двѣнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ пребываетъ въ Ростовской области Юрій, слѣдя за событіями юга. Между тѣмъ на югѣ произошли событія, которыхъ, именно, всего болѣе боялся Юрій. Послѣ смерти брата его Ярополка на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Ольговичъ Всеволодъ, а послѣ его смерти и кратковременнаго

⁽²⁰⁾ Ibid. 106.—Погодина: Исслѣд. замѣч. и лекціи, VI, 89.

⁽²¹⁾ Подъ 1107 (6615 г.) въ Ростовскомъ лѣтоисчислѣ XVII в. читаемъ: «придоша Болгары ратию на Суждаль и обступаша градъ, и много зла сотвориша, воужше села и погосты и убивающе многихъ отъ христианъ. Сущи же люди въ градѣ не могуше противу ихъ стояти, но сущу князю у нихъ, на молитву къ Богу обратившася. *Рукоп. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. л. 93*.—См. также въ Воскр. лѣт., П. С. Л. VII, с. 24 примѣч. ф.

⁽²²⁾ Никон. П. С. Л. IX, 153.

⁽²³⁾ Лавр. П. С. Л. I, 132.—Ростовск. лѣт. *рукоп.* л. 102 обор.

⁽²⁴⁾ Лавр. П. С. Л. I, 133.—Погодина: Иссл. замѣч. и лекціи, VI, 89.

правления брата его Игоря, великимъ княземъ Кіевскимъ сталъ Ізяславъ Мстиславичъ, племянникъ Юрія помимо двухъ дядей: Вячеслава и Юрія. Юрій, забываетъ враждебныя отношенія Ольговичей къ Мономаховичамъ и соединяется съ Святославомъ Ольговичемъ противъ племянника Ізяслава Мстиславича; онъ призываетъ даже Половцевъ, этихъ извѣстныхъ враговъ южной Руси. Съ 1149 по 1155 годъ тянется рядъ походовъ Юрія подъ Кіевъ изъ Ростовско-Суздальской области. Эти далекіе походы были сопряжены съ большими затрудненіями. Непроѣздныя топи и болота, большія многоводныя рѣки служили главнымъ препятствіемъ весной и лѣтомъ, а зимой затрудняли переходъ глубокіе снѣга; отъ долгихъ утомительныхъ переходовъ лошади то портили себѣ ноги, то дѣлались жертвой повальнаго мора; черезъ рѣки весной нельзя было переправляться на судахъ, а лошади тонули. Вслѣдствіе всего этого войска должны были возвращаться съ полдороги (**). Юрій предавалъ раззоренію и грабежу приднѣпровье, а Ізяславъ Мстиславичъ проникалъ въ землю Ростовско-Суздальскую по Волгѣ (**). Война кончается смертію Ізяслава Мстиславича и старшаго брата Юрія, Вячеслава. Юрій, наконецъ, послѣ многолѣтнихъ тревоженій, укрѣпляется въ Кіевѣ. Но не долго наслаждается онъ спокойствіемъ. Юрій не пользуется любовью Кіевлянъ, и они входятъ въ переговоры съ Ізяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ; но не успѣлъ еще счастливый

(**) Въ 1149 г. иде Ізяславъ Новгороду изъ Кіева въ помощь Новгородцамъ на Гюрга, а воємъ повелѣ по собѣ ити; и поидоша по немъ и похрамата кони у нихъ. (П. С. Л. I, 139). Въ этотъ же походъ Ізяслава на Юрія, весна застала Кіевскія, Смоленскія и Новгородскія воюска въ землѣ Ростовской ѡблеть бо уже вербѣней недѣля и бысть вода на Волзѣ и по Мологѣ по чрево конемъ на леду. (Ibid. II, 40). Въ 1154 году поиде Гюрги съ Ростовца и съ Суздальца и со вѣсми дѣтими въ Русь и бысть моръ въ коньхъ, во вьсѣхъ волзѣ ею, ахъ же не было николи же. Приведши же ему въ Вятичѣ и ста, не дошедъ Козельска... воротися опять Суздаю.—(Ibid. I, 146).

(**) П. С. Л. I, 139. II, 39.—Войска Ізяслава и Ростислава Мстиславичей въ 1149 г. «по Волгѣ идоша къ Скнятину и ко Угличу Полю, и къ Мологѣ, даже и до Ярославля, воююще, стькуще, жолуще и вьина долову головъ больше 7,000. (Новг. IV, 8. — Никон. IX, 179). — Снес. Тверск. XV, 212. И начаша городы его жечи и села и всю землю его воєвзди оба поць Волги (Ипат. т. II, 39).

соперникъ Юрія вступить въ Кіевъ, какъ Юрій умеръ, въ 1157 году.

Печальна и весьма замѣчательна судьба этого младшаго изъ сыновей Мономаха. Стоя на рубежѣ двухъ историческихъ эпохъ, княжеско-родовой и княжеско-единовластной, двухъ этнографическихъ формаций Русской народности: восточно-русской и южно-русской,—Юрій въ своемъ личномъ характерѣ носитъ ту же двойственность. Съ одной стороны всѣ его идеалы лежатъ въ южномъ приднѣпровьи, о „причастии въ Руси“ себѣ и своимъ дѣтамъ заботится онъ всю свою жизнь: его традиціи—традиціи южныхъ князей; съ другой стороны въ его характерѣ замѣтны нѣкоторыя черты, напоминающія его сына Андрея Боголюбскаго, положившаго основаніе новому порядку дѣлъ въ княжеской Руси. Черты эти, правда, не выступаютъ рельефно, онѣ, такъ сказать, еще въ зародышѣ, но и въ этомъ зародышѣ проявляется уже „самовластіе“,—основная черта характера Андрея. Характеръ Юрія, вслѣдствіе этого, не представляетъ ничего цѣльнаго. Это переходный типъ отъ южнаго князя къ князю сѣверному, отъ князя приднѣпровья къ поволжскому князю. Характеръ Юрія представляется намъ промежуточнымъ звѣномъ, соединяющимъ его отца Мономаха съ его сыномъ Андреемъ; безъ этого промежуточного звѣна невозможно было бы появленіе Андрея, который такъ рѣзко во всемъ отличается отъ своего дѣда Мономаха. Нравственный характеръ Юрія весьма не симпатиченъ. Личный расчетъ есть основная движущая имъ сила, есть причина всѣхъ его дѣйствій. Изъ за этого личнаго расчета онъ хитритъ, онъ нарушаетъ крестное цѣлованіе, онъ соединяется съ враждебными своему роду Ольговичами и, паче всего, „наводитъ на югъ Половцевъ“, исконныхъ враговъ и насильниковъ южно-русской украины. Отецъ Юрія, „страдалецъ за Русскую землю“ — Мономахъ былъ не таковъ! Робкій воинъ и храбрый организаторъ, Юрій стремится постоянно на югъ, и между тѣмъ вводитъ „нарядъ“ въ своей сѣверо-восточной области Ростовской. Сражаясь во имя родовыхъ княжескихъ правъ съ племянникомъ своимъ Ізяславомъ, онъ самъ же нарушаетъ эти права, сядая въ Кіевѣ помимо своего старшаго брата Вячеслава. Въ народной памяти Юрій Долгорукій является жестокосердымъ, и, по народному преданію, построенный имъ городъ Москва „стоитъ на крови“. Таковъ князь, конеч-

но, не могъ быть любимъ на югѣ, гдѣ прямота дѣйствій, мужество въ брани, борьба съ „погаными“ Половцами, служение землѣ, а не своей личности — составляли народный идеалъ князя. Такимъ былъ Мономахъ; по этому онъ и пользовался популярностью на югѣ; такими являются всѣ Мономаховичи, особенно же потомство Мстислава Владиміровича,—эта „благородная отрасль благороднаго корня“; но Юрій былъ чуждъ югу. Одинокимъ, нелюбимымъ народомъ является онъ въ приднѣпровьи, куда стремились постоянно его всѣ лучшіе помыслы!.. (**).

Значеніе Юрія для Ростовско-Суздальской земли, прежде всего, опредѣляется его колонизаторскою дѣятельностью въ этой землѣ. А. П. Щаповъ сближаетъ эту дѣятельность Юрія съ подвигами его соимянника „Егорія Храбраго“, котораго принимаетъ за мнѣческаго выразителя заселенія „свѣтло-русской земли“, за установителя въ ней осѣлости (**). Колонизаторская дѣятельность Юрія выражается: въ вызовѣ переселенцевъ въ Ростовско-Суздальскую землю, въ построеніи новыхъ городовъ и въ расширеніи и улучшеніи прежде существовавшихъ.

Прямыхъ свидѣтельствъ лѣтописей о томъ, откуда и какъ привлекалъ Юрій колонистовъ въ свою область, мы не знаемъ.

(**) Татищевъ сообщаетъ слѣдующія подробности о нравственныхъ свойствахъ и образѣ жизни Юрія: «Юрій, хотя имѣлъ княгиню любви достойную и ея любилъ, но при томъ многихъ женъ подданныхъ своихъ часто навѣщалъ, и съ ними болѣе, нежели со княгинею веселился: ночью сквозь на скомонѣхъ проигрывая и пѣя препроводилъ, чѣмъ многіе вельможи его оскорблялись, а младые, послѣдуя болѣе своему уму, нежели благочестному старѣйшихъ наставленію, въ томъ ему совѣтомъ и дѣломъ служили. Между всѣми полюбовницами жена тысяцкаго Суздальскаго Кучки наиболѣе имъ владѣла, и онъ все по ея хотѣнію дѣлалъ. (Истор. Росс. II, 300). Кромѣ того у Татищева Юрій является злымъ (Ист. Росс. III, 52) и робкимъ (ib. 71). О наклонности Юрія къ пирамъ свидѣтельствуеетъ Никоновская лѣтопись (П. С. Л. IX, 208).—Когда умеръ Юрій, въ 1157 г., дворъ его «красный» въ Кіевѣ и другой дворъ за Днѣпромъ и дворъ сына его Василька были разграблены. (Ib. IX, 208). Дружина его Суздальская была тоже ограблена. (Ibid.).—О народныхъ преданіяхъ о Юрѣ см. ниже примѣч. 44 и соотв. стр. текста.

(**) А. П. Щапова: «Истор. очерки народн. міросозерц. и суевѣрія» гл. I, с. 27.—Отд. отд. изъ Ж. М. Н. П. 1863.

Татищевъ утверждаетъ, впрочемъ, что Юрій населялъ свои города, *созывая* людей отовсюду, что онъ давалъ этимъ поселенцамъ не малую есуду, помогалъ имъ въ строгихъ, а также и другими „подаваніями“, что къ нему, кромѣ Русскихъ, приходило множество Болгарь, Мордвы и Венгровъ⁽⁸⁸⁾. О томъ, что Юрій переводилъ къ себѣ колонистовъ съ юга и изъ другихъ мѣстъ, говорить также и И. Д. Бѣляевъ⁽⁸⁹⁾.

Мы представили выше наши соображенія о приемахъ княжеско-военной колонизаціи вообще; изъ послѣдующаго нашего изложенія будетъ видно, что князья Ростовско-Суздальскіе именно употребляли тѣ приемы, которые указаны нами. За отсутствіемъ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, мы не имѣемъ основанія утверждать, что Юрій употреблялъ какіе нибудь иные способы для заселенія своей области; косвенныя свидѣтельства лѣтописей даютъ намъ, напротивъ, возможность заключить, что главный, такъ сказать, матеріалъ для заселенія Ростовско-Суздальской земли Юрій Долгорукій имѣлъ въ „повольникахъ“ и „бродникахъ“, — тѣхъ „сходцахъ“, которые съ-издавнихъ поръ стремились въ Ростовскую землю. При частыхъ походахъ Юрія на югъ, оттуда очень легко могли приходять съ нимъ въ Ростовскую землю разные сходцы. Юрій, какъ мы увидимъ ниже, покровительствовалъ „большихъ людей“ Новгородскихъ, держащихъ его сторону и переселялъ въ себѣ въ Суздаль ихъ семейства. Такъ, во время смуты въ Новгородѣ послѣ бѣгства Святослава Ольговича, постояннаго союзника Юрія, въ 1139 году, къ Юрію въ Суздаль бѣжали сторонники Святослава, Судила Нежатичъ и Стражда. Двухъ главныхъ сторонниковъ Святослава, пособниковъ его въ бѣгствѣ, посадника Ягуна и брата его Прокофья Новгородцы заточили въ Чудь. Юрій освободилъ ихъ и привелъ къ себѣ, а семейства обоихъ, еще раньше ихъ освобожденія, призвалъ въ Суздаль и содержалъ въ почетѣ и милости⁽⁹⁰⁾. Такое обхожденіе Юрія съ „большими людьми“, конечно, не оставалось подъ спудомъ въ Нов-

⁽⁸⁸⁾ Татищева: Ист. Россіи III, 76.

⁽⁸⁹⁾ Въ статьѣ «Сказанія о началѣ Москвы». Р. В. 1868. кн. 3-я, с. 17.

⁽⁹⁰⁾ Новгород. I. 9, — Никон., П. С. Л. IX, 165.

городѣ, а, становясь извѣстнымъ, оно давало еще болѣе возможности „молодымъ людямъ“, недовольнымъ тогдашними частыми Новгородскими смутами, искать защиты у Юрія и селиться въ его области. Кромѣ того люди въ родѣ Судилы и Стражки, которые, по тону лѣтописнаго свидѣтельства, были значительными лицами въ Новгородѣ,—убѣжали оттуда, по всей вѣроятности, не одни, а съ своею челядью; относительно же семействъ Якуна и Прокофья это можно сказать положительно.

Именъ *зальскихъ* и *польскихъ* городовъ, построенныхъ Юріемъ, передаетъ лѣтопись не много. Она называетъ только: Кснятинъ, или Константиновъ, Юрьевъ-Польскій и Дмитровъ⁽⁴¹⁾. Но городовъ, построенныхъ Юріемъ, было, по всей вѣроятности, больше. Въ этомъ отношеніи очень справедливы соображенія Татищева⁽⁴²⁾. Москва упоминается впервые въ лѣтописи при Юріѣ, подъ 1147 годомъ, но лѣтопись ничего не говоритъ о ея построеніи⁽⁴³⁾. За то народное преданіе приписываетъ ея основаніе Юрію. По этому преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Москва, жилъ во времена Юрія богатый бояринъ и землевладѣлецъ, Степанъ Ивановичъ Бучка; его богатые села были распо-

(41) 1134. Юрій Влад. заложи градъ на усть Нерли на Волгѣ и нарече имя ему Константинъ. (Никон. П. С. Л. IX, 158). Въ Ипатьевск. лѣт. этотъ городъ названъ: Кснятинъ. (П. С. Л. II, 40).—1152. Юръи былъ подъ Черниговомъ ратью и возвратися въ Суздаль и пришедь, въ свое имя градъ Юрьевъ заложи, нарицаемый Польскій. Никон. П. С. Л. IX, 196. IV-я Новг. 8.—О Дмитровѣ см. подъ 1155 г.: Никон. П. С. Л. IX, 198 и 199. Новг. IV, 8.—Тверск. П. С. Л. XV, 221.

(42) Татищевъ полагаетъ, что Юрій построилъ много городовъ, которые со временемъ запустѣли, обезлюдѣли, превратились въ села, или даже просто уничтожились. Онъ думаетъ, что Юрій давалъ имена своимъ новымъ городамъ въ честь своего имени, или же въ воспоминаніе городовъ южнаго прѣдѣлѣннорья. Многие города, изъ построенныхъ Юріемъ, говоритъ Татищевъ, упоминаются въ лѣтописи при случаѣ поодѣе. Татищевъ считаетъ построенными Юріемъ: Владиміръ на Клязьмѣ, Вышгородъ, Галичъ, Городецъ, Добрянскъ, Дорогобужъ, Звънигородъ, Перемишль, Ростиславль, Стародубъ (нынѣ село Городище), Угличъ, Юрьевъ, Юрьевецъ, Ярославль. (Ист. Росс. III, примѣч. 458).—Мы уже видѣли, что многие изъ названныхъ городовъ основаны не Юріемъ.

(43) См. Ипат. П. С. Л. II, 29; Никон. IX, 172.

ложены по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки. Разъ князь Юрій въ поѣздѣ остановился во владѣніяхъ Кучки. Кучка, „возгордѣвшись зело“, не только не почтилъ князя, но поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать боярина смерти, а сыновей его, Петра и Явима и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею; самъ же, взойдя на гору и обозрѣвъ вокругъ села, лежащія по обоимъ берегамъ рѣки Москвы и за Неглинною,—полюбилъ эту мѣстность и повелѣлъ тутъ построить деревянный городъ и прозвалъ его по имени рѣки—Москвою⁽⁴⁴⁾. Въ Москвѣ многія урочища въ своихъ названіяхъ до сихъ поръ сохранили память о Кучкѣ⁽⁴⁵⁾, а въ первое время своего существованія Москва называлась „Кучковымъ“. Въ Волынской лѣтописи подъ 1176 годомъ говорится, что кн. Михаилъ несла еле жива на носилкахъ (на походѣ въ Владиміру) до *Кучкова, рѣки до Москвы*⁽⁴⁶⁾.

О возникновеніи Дмитрова Никоновская лѣтопись передаетъ, подъ 1152 годомъ, слѣдующее сказаніе: „стоявшу Юрію на рѣцѣ на Яхромѣ и ту роди ему жена сына октября 19-го и нареченъ бысть Дмитрій, прозва же отецъ его Всеволодомъ, и на томъ мѣстѣ заложилъ Юрій градъ во имя своего сына Дмитрія и нарекъ его градъ Дмитровъ⁽⁴⁷⁾“.

⁽⁴⁴⁾ Мы привели преданіе по изложенію г. Бѣляева (от. «Сказ. о началѣ Москвы» Р. В. 1868. кн. 3, с. 10). — Это же сказаніе и другія см. у Карамзина въ Ист. гос. Росс. т. II, примѣч. 301 и въ ст. проф. Буслаева. «Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія». Лѣт. Русск. Литер. и древн. изд. Н. Тихонравова. т. IV. с. 8—18. Также у Татищева въ Ист. Росс. т. II, примѣч. 418.—Татищевъ приводитъ извѣстіе въ текстъ своей исторіи о томъ, что жена Кучки была любовницей Юрія и что причиной убійства Кучки Юріемъ была именно эта любовная связь. (Ист. Росс. II, стр. 300). Снес. наше примѣч. 36-е къ наст. главѣ.

⁽⁴⁵⁾ Въ концѣ XIV в. въ Москвѣ находилось урочище подъ названіемъ *Кучково поле*. На этомъ полѣ былъ казненъ въ 1379 г. сынъ тысяцкаго Иванъ Васильевичъ. (См. П. С. Л. VIII, 33). Объ урочищахъ въ Москвѣ, напоминающихъ своимъ именемъ боярина Кучку см. также въ 1-й ст. И. Е. Забѣлина: «Древности Москвы и ихъ изслѣдованія». В. Евр. 1867, I, 367—418.

⁽⁴⁶⁾ П. С. Л. II, 418.—Карамзинъ. III, примѣч. 39.

⁽⁴⁷⁾ П. С. Л. IX, 199.

Мы уже знаемъ, что до Юрія въ Ростовско - Суздальской землѣ были города: Ростовъ, Суздаль, Ярославль и Владиміръ на Клязьмѣ, а изъ рассказовъ лѣтописца о явленіи волхвовъ въ Ростовской области подъ 1071 годомъ и о распрѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ и Изяславомъ Владиміровичами въ 1096 году видно, что Бѣлоозеро и Бѣлозерскій городъ принадлежали также къ Ростовскимъ владѣніямъ⁽⁴⁸⁾. Бѣлоозеро съ городомъ принадлежитъ къ нимъ и при Юріѣ Долгорукомъ⁽⁴⁹⁾. Кромѣ того, лѣтопись упоминаетъ еще о нѣсколькихъ городахъ его времени, но существовавшихъ до него, именно: объ Угличѣ-Полѣ, Мологѣ и Переяславлѣ⁽⁵⁰⁾. Ростовъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ земли, называется при Юріѣ *великимъ*⁽⁵¹⁾. Это названіе показываетъ, что онъ уже въ то время былъ довольно обширенъ по пространству и народонаселенію сравнительно съ другими городами и начиналъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Но Юрій не жилъ въ Ростовѣ; резиденціей своей онъ избралъ Суздаль⁽⁵²⁾. Переяславль былъ перенесенъ Юріемъ отъ Клещина озера и увеличенъ⁽⁵³⁾. Суздаль, по народному преданію, хотѣлъ онъ также перенести на другое мѣсто, на пять верстъ отъ теперешняго города,

(48) Услыхавъ, что Олегъ идетъ къ Мурому, Изяславъ «посла по воѣ Суздаля и Ростову и по Бѣлозерци и собра вои многы». П. С. Л. I, 107.

(49) Рук. Рос. Лѣтописецъ. л. 192 обор.

(50) П. С. Л. I, 139. II, 39. IX, 179. XV, 212. Новг. IV, 8.

(51) Ростовъ называетъ *великимъ* Вячеславъ Владиміровичъ, упрашивая брата своего Юрія отойти отъ Кіева. П. С. Л. II, 61.

(52) Въ предпочтеніи Ростову Суздаля Юріемъ, С. М. Соловьевъ видитъ выраженіе стремленія Юрія на югъ, п. ч. Суздаль южнѣ Ростова. Этимъ же стремленіемъ къ югу, замѣчаемъ г. Соловьевымъ и въ Андрей Боголюбскомъ и его преемникахъ,—г. Соловьевъ объясняетъ, почему князья перенесли свой столъ изъ Суздаля во Владиміръ, а потомъ въ Москву. По мнѣнію г. Соловьева это произошло именно потому, что Владиміръ лежитъ южнѣ Суздаля, а Москва, въ свою очередь, южнѣ Владиміра. (Соловьевъ Ист. Росс. I, 20—21). Намъ кажется гораздо вѣроятнѣе предположить, что Юрій переселился изъ Ростова въ Суздаль потому, что въ Ростовѣ былъ силенъ боярскій элементъ, съ которымъ, какъ мы увидимъ ниже, вступилъ онъ въ борьбу.

• (53) П. С. Л. IX, 197.

гдѣ впадаетъ въ Нерль рѣчка Каменка. Мѣсто это слыло въ народѣ „становищемъ“ святыхъ князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, и Юрій, почитая память этихъ святыхъ своихъ предковъ, хотѣлъ на томъ мѣстѣ основать свою резиденцію. Уже построены были церковь Бориса и Глѣба и дворъ княжій, но Суздаль, вслѣдствіе видѣнія, бывшаго князю, остался на прежнемъ мѣстѣ. Поэтому, какъ говоритъ преданіе, новое мѣсто стало зваться *Кидекша*, т. е. покинутое⁽⁶⁴⁾. Въ 1159 году, въ церкви Бориса и Глѣба „на Кидекши“ похороненъ сынъ Юрія, князь Борисъ⁽⁶⁵⁾, а впоследствии при церкви основался монастырь, теперь не существующій⁽⁶⁶⁾. На мѣстѣ его находится селеніе, называющееся „Кидишею“⁽⁶⁷⁾. Въ Переяславлѣ, Суздаль и Владиміръ Юрій построилъ каменные церкви⁽⁶⁸⁾ и вообще, говоритъ летописецъ; „много каменныхъ церквей созда по Суздальской власти“⁽⁶⁹⁾.

Было время, когда вопросъ о значеніи новыхъ городовъ, построенныхъ Юріемъ Долгорукимъ, считался однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ въ исторіи удѣльно-вѣчевой Руси. Рѣшеніемъ этого вопроса думали разрѣшить вопросъ о возникновеніи на Руси начала единовластія и объяснить примитивный характеръ этого начала. Такое именно рѣшеніе представляетъ С. М. Соловьевъ въ своей извѣстной гипотезѣ „о старыхъ и новыхъ городахъ“. Г. Соловьевъ полагаетъ, что *новые города*, построенные Юріемъ и заселен-

(64) См. А. И. Федорова: «Историч. собраніе о градѣ Суздаль». ч. II, с. 90—91. Врем. М. О. Ист. 1853, XXII.

(65) Н. С. Л. II, 82 и VII, 67. — См. также письмо Суздальскаго воеводы Тимофія Савельева къ архіеп. Сузд. Стефану отъ 1677 г. у А. И. Федорова, въ «Ист. собр. о гр. Суздаль» ч. II, с. 92.

(66) «Ист. собр. о гр. Суздаль» с. 91. — А. Раткина: «Поля. собр. истор. свидѣн. о всѣхъ бывш. въ древн. и нынѣ существ. монастыряхъ въ Россіи». М. 1852. с. 45.

(67) Я. А. Соловьева: «Памятники и преданія Влад. губ.» ст. 1-я. б. э. 1887 кн. 6 с. 522—523. — Списки насел. мѣстъ Влад. губ. езд. с. 44. и санаго еписпа № 3051.

(68) Въ Володимери церковь св. Георгія камену созда... и церковь въ Переяславлѣ постави камену св. Спаса, а въ Суздаль же постави церковь камену же св. Спаса. Н. С. Л. IX, 196—197.

(69) Ibid. 158. Въ гг. Константинѣ и Юрьевѣ также были построены церкви при самомъ основаніи этихъ городовъ. (Ibid. 158 и 196.).

ные его приверженцами не могли имѣть того опредѣленнаго характера вѣчеваго строя, который составлялъ отличительную особенность *городовъ старыхъ*. С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что при утвержденіи княжескаго стола въ новомъ городѣ, обязанномъ князю своимъ бытіемъ и составлявшемъ его собственность,—власть князя должна была развиваться гораздо свободнѣе, чѣмъ въ городѣ старомъ, гдѣ было сильно вѣчевое устройство⁽⁶⁰⁾.

Г. Соловьевъ въ своей гипотезѣ весьма близокъ къ истинѣ, но, намъ кажется, что онъ недостаточно ясно указалъ на *причину* силы вѣчеваго начала въ городахъ старыхъ и слабости этого начала въ городахъ новыхъ.

Причина и этой силы и этой слабости, по нашему мнѣнію, заключается въ различіи тѣхъ отношеній къ княжеской власти, въ которыя становились жители городовъ старыхъ и новыхъ. Различіе же этихъ отношеній въ свою очередь можетъ быть уяснено столкновеніемъ княжеско-военной колонизаціи съ особой отраслью колонизаціи вольной⁽⁶¹⁾,—отраслью, которая, какъ намъ кажется, опредѣляется въ эпоху Юрія Долгорукаго.

Повольники новгородскіе, какъ извѣстно, состояли не изъ однихъ только „молодыхъ людей“; въ числѣ ихъ бывали и дѣти новгородскихъ бояръ. Эти дѣти боярскіе, своевольно, „безъ новгородскаго слова“ уходившіе въ разныя земли, были зачинщиками особой отрасли вольной колонизаціи, которую можно назвать *земледѣльческо-хозяйственной*, представляющей собою связующее звѣно между вольной колонизаціей и колонизаціей промышленно-торговой. Эта отрасль колонизаціи особенно процвѣтала на сѣверѣ Руси, въ землѣ Двинской и далѣе, на обширномъ пространствѣ отъ Заволочья до Уральскихъ горъ. Завладѣвая землей, которой тамъ было вдоволь, новгородскіе дѣти боярскіе становились тамъ землевладѣльцами, почти независимыми отъ „господина Новгорода-Великаго“,—*земецкими людьми, своеземцами*,

⁽⁶⁰⁾ Соловьева: Ист. Россіи II, 245.

⁽⁶¹⁾ О колонизаціи вольной и княжеско-военной см. выше, наш. очерк. стр. 49—52, 64—65.

земскими боярами. Они заселяли свои земли разными сходцами, *изорниками* и промышленниками, которые становились къ нимъ въ обязательныя отношенія. Своеземцы, земскіе бояре основывали на незаселенныхъ земляхъ свои города, призывая въ нихъ на поселеніе людей, сидѣвшихъ уже на ихъ земляхъ. Такъ на примѣръ, въ XIV в. земскій бояринъ Лука Варооломѣевичъ основалъ на Двинѣ городокъ Орлецъ, перевавъ въ него поселенцевъ изъ „Емчанъ“, жившихъ на его землѣ по р. Еми⁽⁶²⁾.

Эта-то вольная, земледѣльческо-хозяйственная колонизація, инициатива которой принадлежитъ новгородскимъ повольникамъ—дѣтямъ боярскимъ, проникала и въ Ростовско-Суздальскую землю за-долго до Юрія Долгорукаго. Своеземцы и здѣсь населяли пустопорожнія земли сходцами-изорниками и основывали города, которые зависѣли вполне отъ нихъ.

При Юріѣ Долгорукомъ это колонизаціонное движеніе сталкивается съ колонизаціей княжеско-военной, особенно усилившейся въ то время; князь, впервые живущій въ землѣ Ростовско-Суздальской, строитъ также свои города, привлекая въ нихъ тоже „сходцевъ“ изъ разныхъ мѣстъ. Эти „сходцы“ находятся къ князю въ такихъ же обязательныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились прежніе сходцы къ земскимъ боярамъ. Построенные княземъ города называются по времени своего возникновенія *новыми* — относительно тѣхъ *старыхъ* городовъ, которые возникли раньше, при полномъ господствѣ въ землѣ Ростовско-Суздальской земскихъ бояръ. Въ этихъ новыхъ городахъ является тоже вѣчевое устройство, какое было и въ старыхъ, но съ тѣмъ только различіемъ, что въ старыхъ городахъ вѣче вполне предано боярамъ, а въ новыхъ оно держитъ сторону князя. (Впослѣдствіи, преданный князю Владимірскій лѣтописецъ называетъ прямо ростовскихъ вѣчниковъ боярами). Начинается борьба изъ-за власти въ землѣ Ростовско-Суздальской у князя съ земскими боярами; князь выходитъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, и единовластіе упрочиваетъ свою силу въ землѣ Ростовско-Суздальской, опираясь на „сходцевъ“.

(62) П. С. Л. III, 81—82.

О земскомъ боярствѣ въ Ростовско-Суздальской землѣ и о борьбѣ князей съ этимъ боярствомъ высказалъ гипотезу И. Д. Бѣляевъ въ своей статьѣ: „Сказанія о началѣ Москвы“. Основаніемъ для его гипотезы послужило сопоставленіе народныхъ преданій о зачинѣ Москвы съ позднѣйшими лѣтописными свидѣтельствами объ участіи бояръ въ убіеніи Андрея Боголюбскаго и о роли бояръ въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за этимъ убіеніемъ. Впослѣдствіи мы остановимся подробнѣе на этихъ фактахъ, а здѣсь отмѣтимъ только тѣ выводы г. Бѣляева, которые относятся до Юрія Долгорукаго. Выводы эти могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Изъ стародавнихъ колонистовъ новгородскихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, гдѣ князья бывали только наѣздомъ и не часто, образовался классъ самовольныхъ и гордыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ — *земскихъ бояръ*. 2) Эти земскіе бояре, привывши въ безкняжее время къ независимости, недружелюбно смотрѣли на князей вообще, вида представителями ихъ около себя князей Рязанскихъ, съ которыми находились во враждебныхъ отношеніяхъ. 3) Земскіе бояре притѣсняли меньшихъ людей. 4) Земскіе бояре, по вышеизложеннымъ причинамъ, не могли относиться дружелюбно къ Юрію Долгорукому, первому изъ князей, жившему по-долгу въ Ростовско-Суздальской землѣ. Бояре „возгордились передъ нимъ зѣло“ и „не воздавали ему чести“. 5) Юрій принялъ сторону меньшихъ людей и защищалъ ихъ отъ притѣсненія бояръ. 6) Вслѣдствіе этого бояре засѣли въ свои вотчины, вступивъ въ явную борьбу съ княземъ. 7) Упорнѣйшіе изъ этихъ бояръ, какъ С. И. Кучка, были казнены. 8) Сыновей казненныхъ бояръ Юрій зачислялъ къ себѣ въ службу въ свою дружину. 6) Въ вотчинахъ же ихъ, какъ въ гнѣздахъ сопротивленія княжеской власти, въ которыхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, снова могли утвердиться недовольные,—Юрій ставилъ свои города, населяя ихъ людьми независимыми отъ земскихъ бояръ⁽⁶⁶⁾.

Сопоставленіе гипотезы И. Д. Бѣляева съ гипотезой С. М. Соловьева, по нашему мнѣнію, проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на отдаленную эпоху зачина княжеской

⁽⁶⁶⁾ Бѣляева; «Сказанія о началѣ Москвы», Р. В. 1868. кн. 3, с. 24—25.

власти въ Ростовско-Суздальской землѣ. Гипотеза г. Бѣляева не только не противорѣчитъ послѣдующему ходу исторіи этой земли, но напротивъ, освѣщаетъ еще болѣе одинъ изъ существенныхъ элементовъ исторіи земли Ростовско-Суздальской, служащей прологомъ къ исторіи Московскаго царства. Этотъ существенный элементъ—есть борьба единовластія съ „измѣнной боярской“, которую, по народному представленію, не могъ вывести изъ Москвы даже „грозный царь Иванъ Васильевичъ“. Народныя преданія о началѣ Москвы, но справедливому замѣчанію г. Бѣляева, не рассказываютъ собственно исторію Москвы при ея началѣ, а олицетворяютъ тѣ представленія о новомъ строѣ общественной и государственной жизни, которыя въ народномъ воззрѣніи были тѣсно связаны съ представленіемъ о Москвѣ⁽⁶⁴⁾.

Письменные источники не даютъ намъ почти никакихъ данныхъ для опредѣленія характера княжеской власти Юрія въ Ростовско-Суздальской землѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта власть ни чѣмъ не отличалась отъ власти князей на югѣ. Юрій, стремясь къ югу своими идеалами, не могъ имѣть иного представленія объ этой власти кромѣ того, какое давала ему вѣчева, княжеско-родовая практика южной Руси. Юрій объѣзжалъ свою волость, по всей вѣроятности, для сбора дани⁽⁶⁵⁾, держалъ совѣтъ съ дружиною и съ дѣтьми своими въ затруднительныхъ случаяхъ⁽⁶⁶⁾, имѣлъ въ городахъ

(64) Ibid. с. 24. — Къ соображеніямъ И. Д. Бѣляева мы можемъ прибавить два свидѣтельства, указывающія на существованіе въ Ростовско-Суздальской землѣ сильныхъ бояръ. Изъ Печерскаго патерика и Ипатьевской лѣтописи мы узнаемъ, что въ Суздалѣ былъ тысяцкій Григорій Симоновичъ, или Шимоновичъ, имѣвшій *своихъ собственныхъ бояръ* и происходившій отъ князей Варяжскихъ, быть можетъ потомковъ тѣхъ князей, «сущихъ подъ Олегомъ», которые, какъ мы видѣли, управляли во время Олега Ростовомъ. — Свидѣтельство патерика см. у Ав. Федорова въ Истор. собран. о гр. Суздалѣ, с. 7.—П. С. Л. II, 12.—Снес. Карамзина, т. II, прим. 384.

(65) «Великому же князю Юрью бышу во объездѣ и съ княтчею». Никон. П. С. Л., IX. 199.

(66) «Князь Юрій, послушавъ бояръ своихъ, самъ сѣде на в. княженіе въ Кіевѣ, а сына св. кн. Андрей съ Вышгорода сведе и посади брата своего Вячеслава Вышгородѣ». (П. С. Л. IX. 183). 1154. Когда открылся моръ на коней въ войскѣ Юрія, при походѣ его на югъ, онъ

посадниковъ, а въ войскѣ тысяцкаго (**), поручалъ инымъ волости земли Ростовско-Суздальской въ управленіе сыновьямъ и, занявъ Кіевъ, отдалъ всю эту землю сыну своему Васильку (**).

Мы изложили главнѣйшія черты развитія перваго изъ выставленныхъ нами элементовъ гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ съ конца X-го до половины XII-го в.: княжеской власти; мы представили характеристику княжеско-военной колонизаціи и указали на новые центры поселеній, — города, построенные князьями; мы попытались, наконецъ, представить очеркъ характера „нарядника“ Ростовско-Суздальской земли, князя Юрія, прозваннаго Долгорукимъ, и указать на нѣкоторые условія, при которыхъ зачалась его власть въ землѣ Ростовско-Суздальской.

При переходѣ ко второму элементу гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ—Христіанству,—намъ приходится вернуться назадъ, обратиться къ X вѣку, къ Ярославу и Борису, съ эпохи которыхъ начинается въ Ростовско-Суздальской землѣ слабо мерцать лучъ христіанской религіи.

Въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ насажденіе Христіанства въ Ростовѣ и Суздалѣ приписывается лично Владиміру святому. Въ этихъ сборникахъ встрѣчается преданіе о „хожденіи Владиміра въ Суздальскую землю“, вслѣдъ за принятіемъ Христіанства и водвореніемъ его въ Кіевѣ. По этому преданію Владиміръ святой пришелъ туда съ двумя епископами, присланными константинопольскимъ патриархомъ Фотіемъ, и „наказуеши люди, крести всѣхъ и заложитъ тамо

остановился около Козельска въ землѣ Вятичей, «и пріѣха къ нему мало Половецъ, онъ же сдумавъ съ мужи своими и съ дѣтьми и съ Половцми, посла сына своего Глѣба въ Половци, а самъ воротися опять Суждаль». П. С. Л. I, 146.

(**) Ан. Оедорова. «Истор. собр. о гр. Суждаль». с. 7.—Карамзинъ. II, примѣч. 384.

(**) 1148. «Ростиславъ Гюргевичъ расговоровался съ отцемъ своимъ, оже ему отецъ волости не далъ отъ Суждальской землѣ». (П. С. Л. II, 39). 1149. Пришеде въ Кіевъ, Юрій разсидилъ сыновей своихъ: Ростислава въ Переяславѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, Василька отъ Суздаля. (Погодина. Исслѣдов., замѣч. и лекціи VI, 91).

въ свое имя Володимеръ на рѣцѣхъ на Клязмѣ и церковь въ немъ постави древану Пречистыя Богородици“ (69). По другому, тоже позднѣйшему, преданію въ Ростовѣ былъ митрополитъ Кіевскій Михаилъ, который съ 4-мя епископами отъ патриарха Фотія „иде по Русской земли и учаше всѣхъ вѣровати въ единого Бога въ Троицы славимаго, и науча и наказуя благоразумно и благочестно многихъ, и крести безъ числа людей, и многія церкви воздвиже, и пресвитеры и діавоны постави, и кѣлиросы устрои и уставы благочестно устави“. По этому преданію митрополитъ Михаилъ пришелъ въ Ростовъ изъ Новгорода (70).

Первыми отдѣльными епископами въ Ростовѣ являются греки—Теодоръ и Иларіонъ, по предположенію нѣкоторыхъ, бывшіе въ Ростовѣ съ св. княземъ Борисомъ. И Теодоръ, и Иларіонъ не долго оставались въ отдаленномъ краю, „избѣгоша, нетерпяще невѣрія и досажденія людей“ (71). По позднѣйшему преданію Борисъ, „благочестно властвуя, обра-

(69) Никон. П. С. Л. IX, 64 и 209.—Воскр. VII, 313. Позднѣйшія лѣтописныя редакціи приписываютъ Андрею Боголюбскому убѣжденіе въ томъ, что Владиміръ на Клязмѣ основанъ Владиміромъ св. (Никон. П. С. Л. IX, 222) См. Ив. Дмитріевскаго: «о началѣ Владиміра, что на Клязмѣ». Спб. 1802. Составитель этой книги, пересмотрѣвъ всѣ свидѣтельства лѣтописей и мнѣнія ученыхъ о времени основанія Владиміра, склоняется къ тому мнѣнію, что Владиміръ былъ основанъ Владиміромъ св. въ 992 году. См. предисл., с. 38. Воскресенская лѣтопись передаетъ любопытное преданіе относительно обращенія въ Христіанство Мери Владиміромъ св. Это преданіе, бывшее въ ходу въ концѣ XV в., влагается въ уста сторонниковъ московской партіи въ Новгородѣ. Эти сторонники, указывая на то, что Москва есть хранительница истиннаго православія, въ числѣ аргументовъ въ пользу этого, приводятъ, между прочимъ, слѣдующій: «Владиміръ крестися, говорятъ они, и всѣ земли наши крести: Русскую (то есть предѣлпровь) и нашу Словенскую (Новгородскую), и Мерску и Кривичьскую, Весь, рѣкше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятчи и проча» (См. П. Л. С. VIII, 160).

(70) Никон. IX, 64.

(71) Никон. IX, 65.—Воскр. VII, 313.—Гр. Толстаго: «Истор. свѣд. объ архіер. Ростовскихъ» въ его соч.: «Др. свят. Ростова—вѣл. с. 68. (См. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847., кн. 2-я)—См. Житіе св. Леонтія, еп. ростовскаго въ Правосл. Соб. 1858. кн. 2-я. с. 302 и примѣч. на той же стр. Снес. Филарета: «Русскіе святые». Житія святыхъ Бориса и Глѣба и св. Леонтія Ростовскаго (ижеца іюнь и май).

шалъ невѣрныхъ въ св. вѣрѣ“⁽⁷³⁾. По житію его, составленіе котораго приписывается Нестору, личность Бориса представляется намъ въ довольно неясномъ очеркѣ. Борисъ, склонный съ молодыхъ лѣтъ къ уединенію, аскетизму и книжности, отличался, по словамъ житія, истинно христіанской добротою и человѣколюбіемъ и „много показа милосердія въ области своей неточію же къ убогимъ, но и всѣмъ людямъ“⁽⁷⁴⁾. Ярославъ является въ Ростовской землѣ уже не представителемъ одной христіанской морали, но и провозвѣстникомъ христіанскаго вѣроученія. Этотъ князь, любившій церковные уставы и прилежный къ книгамъ, „насытившій книжными словесы сердца вѣрныхъ“, „сжавшій жатву съ почвы, вспаханной отцомъ его Владиміромъ“,—по выраженію лѣтописца,—явился въ Суздаль въ 1024 году, по случаю бывшаго тамъ голода и, расточивъ и показавъ волхвовъ, смущавшихъ населеніе края, говорилъ народу: „Богъ наводитъ по грѣхому на вужудо землю голодомъ, или моромъ, ли ведромъ ли иною казнію, а человѣкъ невѣсть ничто же“⁽⁷⁵⁾.

Св. Леонтій, покровитель Ростовской земли и первый ея исторически-достоверный епископъ, по словамъ Симона, былъ постриженникомъ Кіевскаго-Печерскаго монастыря⁽⁷⁶⁾. По розысканіямъ преосв. Филарета Черниговскаго, просвѣтительная дѣятельность Леонтія въ Ростовской землѣ относится ко второй половинѣ XI в.⁽⁷⁶⁾. Св. Леонтій засталъ въ своей

⁽⁷³⁾ Степенн. кн. I, 186.

⁽⁷⁴⁾ Сказ. о св. Борисѣ в Глѣбѣ. Прав. Соб. 1858. кн. 4, стр. 591.

⁽⁷⁵⁾ П. С. Л. I, 64.

⁽⁷⁶⁾ См. Пам. XII в. изд. Калайдовича с. 256.

⁽⁷⁶⁾ Филарета, архіепископа Черниговскаго: «Русск. святые, чтимые всю Церковью, или мѣстно». Черниг. 1862. м. май. с. 160.—Житіи св. Леонтія извѣстно двѣ редакціи: *краткая*, писанная по открытіи его мощей, около 1165 г., при Андрѣ Боголюбскомъ, и *пространная*, XVI вѣка. Обѣ редакціи изданы въ Прав. Собесѣдн. 1858 г. кн. 2-я, по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Въ просмотрѣнномъ нами рукописномъ сборникѣ житій Ростовскихъ святыхъ въ Имп. публ. библ. (*Собраніе Поюдина № 640*) находится нѣсколько списковъ пространной редакціи житія св. Леонтія. Списки эти не представляютъ характеристическихъ отличій отъ напечатаннаго въ Правосл. Собес. Позднѣйшая, пространная редакція считаетъ св. Леонтія грекомъ, родомъ изъ Константинополя (Пр. Соб. 1858 г. кн. I, с. 302). См. опроверженіе этого извѣстія у Филарета. Р. святые, май, прилѣч. 244.

отдаленной епархіи язычниковъ, упорныхъ и дикихъ. Князя тогда тамъ не было, и Леонтій долженъ былъ бороться съ язычествомъ одними нравственными средствами. Проповѣдь его не только не имѣла успѣха, но возбудила возстаніе язычниковъ. Они осыпали Леонтія бранью, били его и, наконецъ, выгнали изъ Ростова. Но святой мужъ не унывалъ. Поселился близъ города, у ручья Брутовщины, въ небольшой вѣли, Леонтій построилъ около нея деревянную церковь и, вида упорство въ язычествѣ у туземцевъ, рѣшился дѣйствовать на юное поколѣніе. Онъ зазывалъ къ себѣ дѣтей, кормилъ ихъ и даскалъ; дѣти ходили къ нему охотно въ вѣлю, а онъ ихъ училъ христіанской вѣрѣ и потомъ крестилъ. По примѣру дѣтей начали принимать крещеніе и нѣкоторые взрослые. Тогда Леонтій, вида, что христіанская религія имѣетъ уже сторонниковъ, почелъ возможнымъ вернуться въ Ростовъ и началъ церковную проповѣдь противъ язычества. Снова возмутились язычники. Толпа ихъ съ дубинками и оружіемъ направилась къ собору, построенному по преданію епископомъ Теодоромъ, чтобы убить или выгнать Леонтія. Онъ вышелъ къ толпѣ въ полномъ облаченіи, и „увидѣвъ лице его подобное лицу ангела“, говоритъ житіе св. Леонтія, „язычники пали, одни полумертвыми, другіе слѣпыми. Святой молитвами исцѣлилъ ихъ“. Они приняли крещеніе. Но Христіанству еще не время было восторжествовать здѣсь надъ язычествомъ, къ которому была сильно привязана „заблудящая Чудь“, по выраженію Никоновской лѣтописи⁽⁷⁷⁾. Леонтій скончался мученической смертію⁽⁷⁸⁾. Преосв. Филаретъ полагаетъ, что убіеніе св. Леонтія относится къ 1073 году, когда, по свидѣтельству Нестора, возмущали Ростовскую землю волхвы⁽⁷⁹⁾.

Волхвы, представители чуждаго язычества, и до этого времени являлись въ Ростовской области. Такъ, какъ мы видѣли выше, появились волхвы въ Суздаль въ 1024 г. во время голода. Эти волхвы избивали „старую чадъ“, утверждая, „что тѣи гобино держать“; „и бысть мятежь великъ по всей земли“—прибавляетъ лѣтописецъ⁽⁸⁰⁾.

⁽⁷⁷⁾ Никон. Лѣт. по изд. Акад. Н. VIII, 245.

⁽⁷⁸⁾ См. Посланіе Симона по списку Акакія, у Филарета: Р. св., май, с. 164 и примѣч. 253. См. также Христ. Чт. 1853. I, 283.

⁽⁷⁹⁾ Русск. св., май, с. 164.

⁽⁸⁰⁾ Лавр. Лѣт., П. С. Л. I, 63 и 64.

Гораздо полнѣе и рельефнѣе изображаетъ лѣтописецъ смуту въ Ростовской землѣ, произведеную волхвами, „оставшими изъ Ярославля“ въ 1071 году. Ближайшей причиной этой смуты былъ также голодъ. Мы уже указывали въ 1-й главѣ нашихъ очерковъ на важность для насъ разсказа Нестора объ этихъ волхвахъ, а потому здѣсь мы остановимся на немъ подробнѣе^(*).

Янъ Вышатичъ, собиравшій дань въ области для князя Святослава, узналъ, что волхвы, имѣющіе притонъ въ Бѣлоозерѣ, избиваютъ женщинъ по всему поволжью, разрывая у нихъ спину, и говорятъ, что онѣ прячутъ у себя за плечами подъ вошей жито и рыбу, вслѣдствіе чего, будто-бы, и происходитъ голодъ въ Ростовско-Суздальской землѣ. Двое волхвовъ появились въ Ярославлѣ и, собравъ себѣ последователей до 300 человекъ, отправились по Шекснѣ въ Бѣлоозеро. Когда Янъ съ дружиною явился туда, то волхвы, „ставши, исполчившися противу“. Изъ толпы вышли къ Яну „десять мужей“^(**) и сказали ему, чтобы онъ не ходилъ къ нимъ на вѣрную смерть. Янъ велѣлъ убить говорившихъ съ нимъ и пошелъ съ 12-ю своими отроками на прочихъ. Одинъ изъ толпы замахнулся на Яна топоромъ, который онъ успѣлъ отразить, и ударилъ волхва обухомъ. Произошла стычка между дружиною Яна и волхвами. У Яна былъ убитъ его священникъ. Волхвы убѣжали въ лѣсъ. Тогда Янъ пригрозилъ Бѣлозерцамъ, что, если они не выдадутъ ему волхвовъ, онъ пробудетъ у нихъ цѣлое лѣто. Бѣлозерцы, устрешенные обѣщаньемъ такого продолжительнаго „полюдыя“ княжата сборщика, переловили волхвовъ и представили ихъ Яну.

Казнь волхвовъ для насъ не особенно важна, хотя она представляетъ любопытное указаніе на право родовой мести. Янъ выдалъ волхвовъ „повозницамъ“, привезшимъ его въ Бѣлоозеро по Шекснѣ, спросивъ ихъ: „убить ли кто волх-

(*) П. С. Л., I, 75 и 76.—Воскрес., тѣд. VI, 338—339.

(**) Десять мужей по Радзивилловскому и Троицкому спискамъ Несторовой лѣтописи (см. у Мельникова въ «Очеркахъ Моравы». Р. В. 1867 г. кн. 9, стр. 248. примѣч.).—По Лаврентьевскому и Воскресенскому спискамъ, три мужа.

вами изъ вашихъ родственниковъ"? И когда повозники, отвѣчали, что у того убита мать, у другаго жена, у третьяго дочь,—Янъ сказалъ имъ: „мстите своихъ“. Волхвы были повѣшены. Для насъ важны образъ дѣйствія волхвовъ, число ихъ „мужей“, т. е. какъ бы старшихъ представителей и преніе Яна съ волхвами до ихъ казни. Янъ является здѣсь представителемъ христіанскихъ вѣрованій, уже укрѣпившихся на югѣ Руси, а въ возраженіяхъ ему волхвовъ, черезъ православно-христіанскую окраску лѣтописнаго разсказа, можно подмѣтить черты весьма близкія къ мордовскимъ религіознымъ вѣрованіямъ, о которыхъ мы довольно подробно говорили въ своемъ мѣстѣ. Мы знаемъ уже мордовскій обычай приготвленія запасовъ къ празднику въ честь Ангепатая. Припомнимъ этотъ обычай, мы легко найдемъ въ немъ сходство съ поступками Ярославскихъ волхвовъ, дѣлавшихъ вырѣзки за плечами у женщинъ, думая найти тамъ жито и рыбу. Два волхва въ Ярославлѣ и десять мужей, говорившихъ съ Яномъ, являются старшими, главами остальныхъ 300 волхвовъ. Г. Мельниковъ въ своей статьѣ „Очерки Мордвы“ сближаетъ эти числа,—2 и 10 съ числомъ мордовскихъ возатей, которыхъ, какъ мы знаемъ, было 12-ть⁽⁸³⁾. Въ преніи съ Яномъ волхвы передаютъ ему, между прочимъ, свое ученіе о сотвореніи человѣка, въ которомъ проявляется дуализмъ религіи, да и въ самомъ ученіи волхвовъ есть большое сходство съ одной мордовской легендой о сотвореніи человѣка. „Богъ мывся въ мовници“, говорили волхвы Яну, „и вспотився, отерся вѣтхомъ, и верже съ небеси на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка? И створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ не вложи, тѣмже аще умереть человѣкъ въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу“⁽⁸⁴⁾. У нѣкоторыхъ Мордовскихъ поколѣній Симбирской и Нижегородской губерній до сихъ поръ разсказывается легенда о сотвореніи души человѣка Чамъ-Пасомъ, а тѣла Шайтаномъ. Въ этой легендѣ мы встрѣчаемъ тоже преніе Чамъ-Паса съ Шайтаномъ, хожденіе Чамъ-Паса въ баню и Чамъ-Пасово полотенце. По-

(83) См. выше, нашихъ очерковъ главу I-ю, с. 25.

(84) П. С. Л. I, 76.

дробности этой легенды пополняютъ очевидно пропущенныя мѣста въ отвѣтѣ волхвовъ Яну (**).

Преемникомъ св. Леонтія въ Ростовѣ былъ св. епископъ Исаія. Уроженецъ Кіевской области, поставленный въ Ростовскіе епископы въ 1078 году, св. Исаія прибылъ въ отдаленный край въ самый разгаръ возстанія волхвовъ и про-

(**) «Человѣка задумалъ сотворить не Чамъ-Пасъ, а Шайтанъ. Для этого онъ собралъ глины, песку и земли отъ 77-ми странъ и слѣпилъ изъ нихъ тѣло человѣка. Но, сдѣлавъ тѣло, никакъ не могъ привести его въ благообразный видъ: то слѣпить свиньей, то слѣпить собакой, то гадомъ какимъ нибудь, а Шайтану хотѣлось сотворить его по образу и по подобію божію. И позвалъ Шайтанъ птичку-мышь и сказалъ ей: лети ты на небо, тамъ у Чамъ-Паса полотенецъ виситъ; когда онъ въ баню ходитъ, тѣмъ полотенцемъ обтираетсѣ; виситъ оно у него на гвоздикѣ, заберись ты въ одинъ конецъ полотенца, своей гнѣздо, разведи дѣтей, чтобъ одинъ конецъ того полотенца сталъ тяжелѣй и упалъ бы ко мнѣ на землю. Птичка-мышь послушалась Шайтана, свила гнѣздо въ концѣ Чамъ-Пасова полотенца, развела мышатъ, отъ тяжести ихъ полотенце и упало на землю. Шайтанъ тотчасъ подхватилъ его, обтеръ имъ слѣпленнаго человѣка, и онъ получилъ образъ и подобіе божіе. Послѣ того Шайтанъ сталъ оживлять человѣка, но никакъ не могъ вложить въ него живую душу. Бился, бился онъ и уже хотѣлъ было разрушить свое соданіе, но Чамъ-Пасъ сказалъ: «убирайся ты проклятый Шайтанъ въ пропасть огненную, я и божье тебя сотворю человѣка». А Шайтанъ отвѣчалъ: «я хоть подлѣ постоя, когда ты будешь класть въ него живую душу: вѣдь я его работалъ, и на мою долю изъ человѣка что нибудь надобно дать, а то какъ хочешь, братецъ Чамъ-Пасъ, будетъ мнѣ обидно, а тебѣ не честно». Спорили Чамъ-Пасъ съ Шайтаномъ, спорили; наконецъ Чамъ-Пасу надоѣло. «Слушай, Шайтанъ, сказалъ онъ,—давай дѣлать человѣка: образъ и подобіе отъ моего полотенца, и душа моя, потому что я ее одушу, а тѣло будетъ твое». Шайтанъ поспорилъ, поспорилъ, но долженъ былъ согласиться, потому что Чамъ-Пасъ не въ примѣръ сильнѣе его. Отъ того, когда человекъ умираетъ, душа съ образомъ и подобіемъ божіимъ идетъ въ небеса къ Чамъ-Пасу, а тѣло, лишивъ души, терлетъ и подобіе божіе, ищетъ, разваливается и идетъ въ землю на добычу Шайтану. А птичку-мышь Чамъ-Пасъ наказалъ за то, что она послушалась Шайтана, летала на небо и свила гнѣздо въ божьемъ полотенцѣ.—За то Чамъ-Пасъ отнял у ней крылья и приставилъ ей голый хвостъ, такой же какъ у Шайтана и далъ такія же лапы, какъ у него.—См. ст. Мельникова. «Очерки Мордвы». Р. В. 1867. кн. 9, стр. 229 — 230. Эта легенда записана въ с. Сарляхъ, Нижегородск. у. Тоже рассказывалъ г. Мельникову старикъ Мордвинъ въ Ардатовскомъ у., Симбирск. губ.

изводимыхъ ими смуть. Онъ напелъ въ Ростовѣ людей „новокрещенныхъ“ и усердно принялся за свой апостольскій подвигъ, „напоая нетвердыхъ въ вѣрѣ какъ новонасажденный виноградъ своимъ учениемъ“, — говоритъ его житіе ⁽⁸⁶⁾. Св. Исаія обходилъ поселенія Ростовско-Суздальской земли, обращалъ язычниковъ въ Христіанство, предавая огню ихъ молитвенныя мѣста ⁽⁸⁷⁾ и строя по землѣ христіанскіе храмы ⁽⁸⁸⁾. Большую поддержку оказывалъ св. Исаія благочестивый князь Владиміръ Мономахъ, бывавшій въ это время въ Ростовѣ. Онъ построилъ тамъ церковь и прислалъ для нея одну изъ лучшихъ по тому времени иконъ, работы печерскаго живописца Алипія ⁽⁸⁹⁾. — Исаія скончался въ 1090 году.

Съ эпохи Исаія Христіанство можно почесть утвердившимся въ Ростовско-Суздальской землѣ. Но язычество еще не было искоренено въ конецъ. Христіанство получило право гражданства, получило преобладаніе, но неполное еще господство. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ; но уже на этотъ разъ онъ не смущалъ населеніе края, а „погибе всворѣ“ ⁽⁹⁰⁾. Житіе Авраамія Ростовскаго, подвиги котораго преосв. Филаретъ относитъ ко времени св. Исаія, показываетъ намъ, что въ самомъ Ростовѣ жители „Чудскаго конца“ поклонялись камню Велеса ⁽⁹¹⁾. Камень этотъ,

⁽⁸⁶⁾ Житіе св. Исаія въ Правосл. Собесѣдн. 1858. кн. 3, с. 438.

⁽⁸⁷⁾ Ibid. 439.

⁽⁸⁸⁾ Церковная служба св. Исаія у Филарета: Русск. святые. Май с. 104 и примѣч. 132.

⁽⁸⁹⁾ Филарета: Русск. свят. — Житіе св. Алипія. м. августъ с. 69 и примѣч. 113. — Кубарева: «о Патерикѣ Печерскомъ» въ Чт. М. О. Ист. и др. 1847, кн. IX, отд. 1, стр. 9—15.

⁽⁹⁰⁾ П. С. Л. I, 92.

⁽⁹¹⁾ Житіи св. Авраамія Ростовскаго извѣстно три редакціи. *Первая*, самая ранняя по времени составленія, относится къ XIV в., *вторая* составлена въ XVI в., а *третья* — въ началѣ XVIII в., (см. Филарета: Р. святые, м. октябрь с. 291, примѣч. 214). Подвѣдѣнія житія смѣшиваютъ Авраамія Ростовскаго съ Аврааміемъ Чухломскимъ, подвижникомъ XIV в. (критику этихъ житій см. у Филарета: въ житіи св. Авраамія Ростовскаго, Русск. свят., м. окт. с. 294—296 и преимуществ. примѣч. 215). — Житія первой и второй редакціи напечатаны въ 1 т. Пам. стар. Русск. литературы, изд. Гр. Кушелева-Безбородко. (с. 211—225).

стоявшій не далеко отъ Ростова, разрушилъ св. Авраамій жезломъ, который онъ, по словамъ житія, получилъ отъ Иоанна Богослова, явившагося ему. На мѣстѣ явленія Иоанна св. Авраамій поставилъ церковь въ его имя, а на мѣстѣ разрушеннаго камня Велеса основалъ общинный монастырь Богоявленскій (**). Это былъ первый монастырь земли Ростовской, а Авраамій былъ первымъ отшельникомъ въ этой землѣ, первымъ „охочимъ человекомъ“, посвятившимъ себя на служеніе новой религіи.

Авраамій былъ основателемъ, зачинщикомъ монастырской колонизаціи, какъ Рюрикъ—основателемъ, зачинщикомъ колонизаціи княжеско-военной. Язычники не разъ собирались ограбить и сжечь монастырь Авраамія, но онъ энергически шелъ по своему апостольскому пути. Онъ ревностно проповѣдывалъ Христіанство и боролся съ язычествомъ. Вслѣдствіе его энергической проповѣди крестились всѣ „отъ мала до велика и начаша ходити на слово Божіе и всеночное, и жены, и отроки“—говоритъ его житіе. „Преподобный же почитаніемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаша сердца ихъ“ (**). Св. Авраамій, какъ и св. Леонтій, старался прежде всего дѣйствовать на языческихъ юношей. Онъ училъ дѣтей грамотѣ и крестилъ ихъ. Многие изъ этихъ учениковъ Авраамія постригались въ монахи въ его монастырь. Личность и дѣятельность Авраамія показываютъ намъ, что Христіанство пустило уже въ концѣ XI вѣка достаточно-глубокіе корни въ Ростовско-Суздальской землѣ. Въ значеніи новой религіи для края мы видимъ большой успѣхъ сравнительно со временемъ проповѣди св. Леонтія. Св. Авраамій былъ туземецъ, мѣстный житель Ростовской области. Онъ обученъ былъ уже родителями грамотѣ и съ юныхъ лѣтъ показывалъ склонность къ уединенію, къ созерцательной жизни. Оставивъ

(**) О Богоявленскомъ монастырѣ, кромѣ житія Авраамія, см. графа М. Толстаго: «Древнія святыни Ростова - Великаго», с 45—47, въ Чт. М. О. Ист. и древн. 1847 г., кн. II.—Амвросія: Ист. Росс. Іерархіи, ч. III, с. 65 и ч. V, с. 721 и А. Ратшина: «Полн. собр. истор. свѣд. о всѣхъ бывш. въ древн. и нынѣ существ. монастыряхъ и примѣчат. церквяхъ въ Россіи». М. 1852. с. 550.

(**) Жит. св. Авраамія. Пам. стар. Русск. литературы I, 222.

родительскій домъ, онъ удалился въ лѣсную мѣстность и поставилъ себѣ у озера Неро уединенную хижину. Леонтій убѣгаетъ изъ Ростова отъ язычниковъ, Авраамій разрушаетъ ихъ священный камень; Леонтій проповѣдуетъ Христіанство съ церковнаго амвона, Авраамій основываетъ монастырь; Леонтій заманиваетъ къ себѣ дѣтей язычниковъ ласками и угощеніями, Авраамій учитъ ихъ грамотѣ... Тридцать лѣтъ проводитъ Авраамій въ своихъ апостольскихъ подвигахъ, подвергаясь опасности со стороны язычниковъ, преслѣдуемый клеветой и завистью.

Къ эпохѣ св. Исаи и Авраамія, намъ кажется, можно приурочить выселеніе язычниковъ Ростовской области, преданіе о которомъ, существуя доселѣ въ Ярославской губерніи, занесено въ Космографію XVII в. и въ Иторію о Казанскомъ царствѣ. Эти язычники, какъ мы уже видѣли, „ушедше бо отъ святаго крещенія во идолопоклоненіе“ и „забѣгше отъ русскаго крещенія“,—поселились въ поволжья, „кочевное житіе татарское, вѣры бесерменскія изволиша“⁽⁸⁴⁾.

Непосредственнаго преемника св. Исаи въ Ростовѣ, отдѣльнаго епископа этой земли послѣ него мы не видимъ. Ростовская епархія, какъ видно, управлялась въ то время епископомъ Переяславля-южнаго, отъ князя котораго зависѣла Ростовская область. Подъ 1096 г. лѣтопись упоминаетъ въ Суздаль „дворъ“ и „монастырь“ *митрополитъ* и „церковь св. Дмитрія, юже бѣ далъ Ефремъ митрополитъ и съ сѣлы“⁽⁸⁵⁾. Мы видѣли какъ усердно строилъ церкви Юрій Долгорукій. Въ его время Христіанство окончательно утверждается въ Ростовско-Суздальской области. Современнымъ ему епископомъ этой области является Несторъ⁽⁸⁶⁾.

⁽⁸⁴⁾ См. нашихъ очерковъ гл. I, с. 30 и примѣч. 63.

⁽⁸⁵⁾ *Лавр.* П. С. Л. I, 108;—*Воскр.* VII, 11; *Никон.* IX, 128.— Въ *Лавр.* говорится: «дворъ монастырскій Печерскаго монастыря—и церковь яже тамо есть... и т. д.—Въ Никоновской: «монастырь митрополитъ». О Ефремѣ Переяславскомъ въ *Лавр. лѣт.*: «Се бо Ефремъ бѣ скопецъ, высокъ тѣломъ, бѣ бо тогда много зданья вдвижѣ... Ефремъ митрополитъ, бѣ бо прежде въ Переяславѣ митрополтъ». (П. С. Л. I, 89) «Бѣ же сей мужъ Ефремъ, митрополитъ Кіевскій и всеа Руси, многодобродѣтеленъ и святъ». (Ib. IX, 128).

⁽⁸⁶⁾ Гр. Толстаго: *Ист. свѣд. объ архіер. Ростовскихъ*, въ его книгѣ: *Древн. свят. Рстова - Вел.* с. 69.

Таковъ былъ ходъ развитія и укрѣпленія втораго элемента гражданственности въ Ростовско-Суздальской землѣ—Христіанства. Взаимодѣйствіе двухъ элементовъ, рассмотрѣнныхъ нами, князя и Христіанства, опредѣляетъ внутренній процессъ созиданія земли Ростовско-Суздальской.

Въ-заключеніе, взглянемъ на внѣшнія условія жизни этой земли въ рассматриваемый періодъ, на ея границы географическія и отношенія къ сосѣдямъ.

Границы Ростовско - Суздальской земли уясняются, по справедливому мнѣнію г. Погодина, въ эпоху монгольскую, хотя собственно и тогда невозможно опредѣлить ихъ въ точности (*). Этого точнаго разграниченія не существовало. Строгаго территоріальнаго разграниченія не знала древняя удѣльно-рѣчевая Русь, какъ не знала она строгаго разграниченія соціальнаго, культурнаго и политическаго. Неопредѣленность, неясность во всемъ—вотъ ея основное характеристическое свойство. Это свойство всякаго народа въ періодъ его историческаго младенчества, въ зачаточную эпоху его культурнаго развитія.

Соображая географическое распредѣленіе названныхъ нами городовъ Ростовско-Суздальской земли и припоминая теченіе и направленіе главнѣйшихъ притомовъ Волги, составляющихъ водную сѣть земли Мери,—мы можемъ безъ большой ошибки заключить, что Ростовско-Суздальская область при Юріѣ Долгорукомъ ограничивалась теченіемъ этихъ рѣкъ, т. е., что ея территорія совпадала съ землею народца Мери, распространяясь къ сѣверу до Бѣлоозера, вверхъ по теченію Мсты, Мологи, Костромы и Унжи, а къ югу ограничиваясь Клязьмою и Москвою-рѣкою (**). На востокъ границы Ростовско - Суздальской земли не доходили еще до Ови (**), а на западъ границы шли неопредѣленно между безчисленными рѣчками земель Кривской и Новгородской. Въ XII в. стали обособляться всѣ земли на Ру-

(*) Погодина: Изсл., замѣч. и лекція, IV, 296.

(**) Въ 1147, во время войны Юрія съ Новгородомъ, Святославъ Ольговичъ отнялъ у Смоленскихъ князей землю *Голды* (П. С. Л. IX, 172). Съ того времени это сосѣднее съ Ростовско-Суздальской землей Литовское племя, по мнѣнію Ходаковского, было присоединено къ Ростовско - Суздальской области. (См. Р. Ист. Сб. т. I, кн. 1, с. 34 и кн. 3, с. 28).—Снес. наше примѣч. 82-е къ 1-й главѣ и стр. 11 и 12 текста.

(***) См. въ 3-й главѣ, ниже стр. 134.

си. На юго-востокъ Ростовско-Суздальская земля прилегала къ князеству Рязанскому, на югъ къ Новгородъ-Сѣверскому, на юго-западъ къ Смоленскому, а съ запада и сѣвера охватывали ее обширныя волости Новгородскія, отдѣляясь отъ нея, быть можетъ, природными увалами ⁽¹⁰⁰⁾. На востокъ, за Окой, шли, какъ и прежде, поселенія Мордвы.

Изъ отношеній Ростовско-Суздальской земли къ сосѣднимъ землямъ въ эпоху Юрія Долгорукаго самое видное мѣсто занимаютъ отношенія къ Новгороду, на которыхъ, по этому, мы и позволимъ себѣ остановиться довольно подробно.

Отношенія Ростовско-Суздальской земли къ Новгородцамъ до 1135 г. были мирны и дружелюбны: по крайней мѣрѣ до этого времени лѣтопись ничего не упоминаетъ о какихъ нибудь враждебныхъ столкновеніяхъ между двумя сосѣдними землями. Только въ 1096 году, въ распрю Олега Святославича съ Изяславомъ Владиміровичемъ, являются Новгородскія войска въ Ростовской области; но причина ихъ появленія тамъ не заключается во враждѣ населенія Новгородской земли съ населеніемъ земли Ростовской, а объясняется тѣмъ, что Мстиславъ, тогдашній Новгородскій князь, былъ братомъ Изяслава и пришелъ къ нему на помощь по желанію своего отца—Мономаха ⁽¹⁰¹⁾. Какъ мы видѣли, Славянскіе колонисты Ростовско-Суздальской земли приходили больше всего изъ Новгорода, и населеніе двухъ сосѣднихъ областей не представляло рѣзкихъ этнографическихъ различій.

Съ 1135 года начинаются недружелюбныя отношенія Новгорода къ Ростовско-Суздальской землѣ изъ-за родовыхъ счетовъ князей Новгородскихъ и Ростовско-Суздальскихъ. Княжившій въ то время въ Новгородѣ Всеволодъ Мстисла-

⁽¹⁰⁰⁾ Новгороду принадлежали поселенія, находившіяся въ среднѣй Ростовско-Суздальской земли. Такъ напр. Рыбанскъ (упом. 1137 г.), впоследствии Рыбинскъ, состоя во владѣніи Новгорода, находился между Мологой и Ярославлею, городами Ростовско-Суздальской земли. (См. Карамзинъ II, примѣч. 267.—И. М. Гомилевскаго: «Описаніе г. Рыбинска». Сиб. 1837 г. с. 6).—М. П. Погодинъ говоритъ, что Новгороду принадлежала въ это вр. Волокъ-Ланскій, находившійся внутри владѣній Суздальскихъ—(Исл., зам. и лекц. IX, 296.—См. тоже Соловьева, Ист. Россіи I, 49.

⁽¹⁰¹⁾ П. С. Л. I, 107.

внчъ, сынъ Мстислава Мономаховича хотѣлъ посадить въ Ростовѣ брата своего Изяслава, обдѣленнаго въ „Руси“ Ярополкомъ. Въ 1135 году, какъ мы видѣли, вслѣдствіе обмѣна волостей, произшедшаго у Ярополка съ Юріемъ, Ростовская волость досталась первому, и вотъ у Всеволода князя Новгородскаго является мысль отнять эту волость у своего дяди и посадить въ нее обиженнаго имъ брата ⁽¹⁰²⁾. Въ январѣ 1135 года произошла жестокая битва у Новгородцевъ съ Ростовцами на Жданой горѣ. Много погибло добрыхъ мужей Новгородскихъ въ этой битвѣ; Новгородцы, по выраженію Псковской лѣтописи, были „посрамлены“, а Ростовцы по словамъ ихъ лѣтописца возвратились съ „побѣдою великою“. Новгородъ замутился. Пошла борьба вѣчевыхъ партій, борьба сторонъ. Виновникъ „посрамленія“, Всеволодъ, изгоняется и на его мѣсто приглашается Святославъ Ольговичъ. Борьба Мономаховичей и Ольговичей, истощавшая югъ и снова тамъ возгорѣвшаяся въ это время, по смерти Ярополка Мономаховича переходитъ въ Новгородъ, прежде стоявшій въ сторонѣ отъ родовыхъ княжескихъ усобицъ. Смуты на югѣ и въ самомъ Новгородѣ вредно отзываются на его экономической жизни. Превращается подвозъ хлѣба въ Новгородъ, и съ юга, и изъ Смоленска, и изъ Полоцка. Новгороду остается одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія: сблизиться съ Ростовско-Суздальской землей, позабывъ свое недавнее посрамленіе. Новгородцы обращаются къ Юрію, и онъ даетъ имъ въ князя сына своего Ростислава. Но Юрій заботился, конечно, не о новгородскихъ интересахъ. Ему, напротивъ, была выгодна ихъ невзгода; давая имъ сына въ князя, онъ преслѣдовалъ свои личныя цѣли „о причастіи въ Русской землѣ“, надѣясь на помощь себѣ отъ Новгорода. Собирая ополченіе противъ Всеволода Ольговича, занявшаго столъ Кіевскій, Юрій приказываетъ сыну своему Ростиславу идти изъ Новгорода въ Кіевъ на Всеволода. Новгородцы отказываются идти и „указываютъ путь“ Ростиславу. Тогда Юрій „разгнѣвася“, направляетъ ударъ на больное мѣсто Новгорода: онъ занимаетъ *Новый Торъ*, ближайшій новгородскій городъ къ землѣ Ростовско-Суздальской, главный

(102) Новг. I-я, 6.

складочный пунктъ товаровъ, шедшихъ въ Новгородъ изъ Волжской Болгаріи черезъ Ростовско-Суздальскую землю⁽¹⁰³⁾. Новгородцы призываютъ снова Святослава Ольговича; его братъ Всеволодъ Ольговичъ, в. кн. Кіевскій, предлагаетъ вмѣсто брата сына своего; Новгородцы соглашаются и просятъ Святослава Ольговича, чтобы онъ оставался у нихъ только до пріѣзда сына Всеволодова. Но Святославъ не захотѣлъ ждать, боясь „лукавства Новгородцевъ“, и тайно убѣжалъ ночью. Съ нимъ бѣжали его сторонники, Якунъ съ братомъ своимъ Провофемъ. Ихъ поймали Новгородцы на дорогѣ и, приведя въ Новгородъ, „мало не до смерти убиша, обнаживша, яко мати родила и свергоша и съ моста“. Доплывши кое-какъ до берега, братья спасли себѣ этимъ жизнь; ихъ болѣе не били, а взяли окупъ съ Якуна въ 1000 гривенъ, а съ Провофя въ 100; ихъ обоихъ заковали и сослали въ заточеніе въ „Чюдь“. Начались розыски сторонниковъ Святослава Ольговича. Всѣхъ его сторонниковъ подвергли денежной пени. Нѣкоторые изъ нихъ убѣжали къ Юрію въ Суздаль. Изъ числа бѣжавшихъ лѣтопись называетъ по именамъ: Суделу Нежатица и Стражду. Юрій Долгорукій, такимъ образомъ, начинаетъ имѣть въ Новгородѣ своихъ сторонниковъ и пользуется этимъ для своей выгоды. Всеволодъ Кіевскій разсердился на Новгородцевъ за смуты и задержалъ ихъ пословъ, отправленныхъ въ Кіевъ за его сыномъ, и новгородскихъ купцевъ, торговавшихъ въ Кіевѣ. Новгородцы были безъ князя 9 мѣсяцевъ. Снова настала въ Новгородѣ „дороговъ“, „понеже жито къ нимъ ни отбуду идаше“. — II „бысть въ нихъ молва и смущеніе великое“. Новгородцы

(103) О значеніи Новаго Торга и о торговлѣ Новгорода съ Болгарей см. Костомарова: Сѣв.-Русск. народ., т. I, гл. 1, отд. А-е; Бѣляева: Разск. изъ Русск. Ист., III, (Исторія г. Пскова и Псковской а.) с. 409.—Также П. С. Савельева: «Мухамед. нумизмат. поотнош. къ Русск. Ист.», *Его асс.*: «О торговлѣ Волжскихъ Болгаръ» Ж. М. Н. Пр. ч. XLIX, II, 31 — П. Кеппена: «О Волжскихъ Болгарахъ», *ibid.* ч. XII, с. 64. — Григорьева: «Волжскіе Болгары», въ Б. д. Чт. 1836.—О первой войнѣ Новгорода съ Рост.-Сузд. землей, о битвѣ на Жданой горѣ и о послѣдующихъ событіяхъ см. Новг. I-ю лѣт. 6—8; Новг. IV, 4; Псков. I, 176; Псков. II, 8; Лавр. 132—133; Ипат. 14—16; Ростовск. рукоп. Лѣтописецъ л. 102 обор.—Никон., П. С. Л. IX, 158—164.

опять принуждены были обратиться къ Юрію Суздальскому. Они просили у него на этотъ разъ племянника его Святополка Мстиславича, а если онъ не согласится дать племянника, то звали его самого къ себѣ, потому что, говорили ему Новгородцы: „Ольговичей не хотимъ“. Но Юрій не исполнилъ въ точности просьбы Новгородцевъ: онъ не далъ имъ ни племянника, ни самъ не пошелъ къ нимъ, а послалъ сына своего Ростислава, уже разъ бывшаго у нихъ княземъ. Между тѣмъ послы новгородскіе пришли съ юга съ Святополкомъ Мстиславичемъ. Ростиславъ Юрьевичъ былъ изгнанъ. Но Юрій не оставлялъ безъ поддержки своей партіи въ Новгородѣ и не терялъ надежды утвердить тамъ свою власть. Онъ вывелъ изъ Чуди ссыльныхъ Новгородцевъ Якуна и брата его Прокофья и взялъ ихъ къ себѣ въ Суздаль. Въ Суздаль же онъ призвалъ изъ Новгорода женъ и дѣтей Якуна и Прокофья и „держалъ ихъ у себя въ любви и милости“. Вслѣдъ за изгнаніемъ Ростислава, Юрій отправился воевать Новгородскую землю. Онъ снова занялъ Новый Торгъ и повоювалъ многія волости по р. Мстѣ. Святополкъ хотѣлъ идти на Юрія въ землю Суздальскую, но, по случаю распутья, вернулся, дошедши только до Новаго Торга. Это было въ 1147 г. ⁽¹⁰⁴⁾.

Въ слѣдующемъ, 1148 году хлопоталъ о замирии между Новгородомъ и Юріемъ архіепископъ Новгородскій Нифонтъ. Онъ отправился въ Суздаль и святилъ тамъ церковь Рождества Богородицы „великимъ священіемъ“. Юрій принялъ его „съ любовію и честію“ и одарилъ дарами, но „мира не далъ“. Нифонту удалось только добиться освобожденія Новоторжцевъ и Новгородскихъ купцовъ, приведенныхъ Юріемъ изъ Новаго Торга въ Суздаль. Архіепископъ имѣлъ свои причины стараться о „замири“ Юрія съ Новгородомъ. Нифонтъ хлопоталъ о независимости Новгородской епископіи отъ Кіевской митрополіи. Не успѣвъ въ своемъ стараніи объ этомъ въ Кіевѣ, Нифонтъ имѣлъ основаніе искать расположенія не только усиливающагося Новгородскаго сосѣда, Суздальскаго князя Юрія, но и епископа Ростовско-Суздальской земли. Епископъ Несторъ, по словамъ И. Д.

⁽¹⁰⁴⁾ См: Новг. I, 9 и 10.; Лавр. 133—135; Ипат. 35—3.; Никон. IX, 165—177.

Бѣляева, замышлялъ уже въ то время сдѣлаться митрополитомъ, независимымъ отъ Кіева. Новгородскій владѣка, хлопотавшій о томъ, чтобы его стремленія къ церковной автономіи были поддержаны архіереемъ земли, Ростовско-Суздальской, уже начавшей приобрѣтать значеніе на сѣверо-востокѣ, подчинилъ себя епископу Нестору, а тотъ, въ благодарность за это, призналъ Нифонта архіепископомъ⁽¹⁰⁵⁾.

Въ 1149 году, какъ мы видѣли выше, началась у Юрія война съ племянникомъ, Изяславомъ Мстиславичемъ. Въ эту войну братья Изяслава, князь Смоленскій Ростиславъ и княжичъ въ Новгородѣ Святополкъ, были на сторонѣ Изяслава и опустошали землю Ростовско-Суздальскую⁽¹⁰⁶⁾. Утвердившись въ Кіевѣ, Юрій посылаетъ на княженіе въ Новгородъ сына своего Мстислава, но, въ годъ смерти Юрія Новгородцы изгоняютъ Мстислава и призываютъ Ростислава Ростиславича Смоленскаго⁽¹⁰⁷⁾.

Мы позволили себѣ остановиться довольно подробно на известныхъ событіяхъ единственно для того, чтобы уяснить позднѣйшія взаимныя отношенія Ростовско-Суздальской земли и Новгорода. Мотивы этихъ отношеній, и со стороны Ростовско-Суздальскихъ князей, и со стороны „господина Великаго Новгорода“, остаются и въ послѣдующія эпохи тѣми же, какими они являются намъ въ рассказанныхъ событіяхъ, и доводятъ, наконецъ, Новгородское народоправство до паденія.

Новгородъ, сперва мирно расположенный въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной большею частію его колонистами, —

(105) Бѣляева: Разск. изъ Русск. ист., II, с. 115 и примѣчаніе на той же стр. См. также ст. А. П. Зеряина: «О Новгор. епископѣ Нифонтѣ», въ Архивѣ Истор.-юридич. свѣд., издан. Н. В. Колачова, т. II, кн. I-я, отд. III, с. 107—115.

(106) См. выше въ этой главѣ стр. 73. Изъ относящихся къ этой войнѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ отмѣтимъ одно: о способѣ веденія войны Суздальцами въ половинѣ XII в. — 1149 «Идоша данници Новгородскіи въ маетъ; и учювъ Гюрги, оже въ маетъ шли и посла кн. Берладскаго съ вою, и бившеся мало, нѣгдѣ стаха Новгородци на островѣ, а они противуставше, начаша юродѣ чинити отъ людьяхъ. Нови. I-я стр. 11. Ником. II. С. Л. IX, 183.

(107) Лавр. 147, 148;—Ипат. 77.

входить мало по малу съ этой землей во враждебныя отношенія. Эти враждебныя отношенія, будучи сначала совершенно внѣшняго свойства, происходятъ отъ родовыхъ счетовъ князей,—но съ теченіемъ времени переходятъ во вражду земли съ землей; мы сказали бы—во вражду политическую, если было бы возможно употребить современный намъ терминъ для опредѣленія между-земскихъ отношеній въ столь отдаленную эпоху. Новгородъ помимо своей воли становится ябловомъ раздора между двумя княжескими линиями: Мономаховичами и Ольговичами. Новгородъ, чуждый княжескимъ счетамъ, пробуетъ войти въ разные компромиссы, чтобы сохранить только у себя миръ, важный для него въ экономическомъ отношеніи,—но ему это не удается. Въ самомъ Новгородѣ начинается раздвоеніе; являются сторонники двухъ партій: Мономаховичей и Ольговичей. Первые преобразуются скоро въ сторонниковъ Суздальской партіи, положившей начало уже не между-княжеской, а между-земской распрѣ. Основаніями для этой послѣдней распри между Новгородомъ и землей Ростовско-Суздальской являются съ одной стороны стремленіе Новгородцевъ отомстить за свое „посрамленіе“ ихъ колонистамъ Ростовцамъ, а съ другой стороны — торговые интересы Новгорода, получавшаго хлѣбъ изъ Болгаріи Волжской черезъ Суздальскую землю.

Въ этой землѣ происходитъ тоже, что и въ Новгородѣ. Юрій Долгорукій сначала ратуетъ тоже только изъ-за своихъ родовыхъ счетовъ. Онъ желаетъ только укрѣпить Новгородъ за своимъ домомъ, какъ лишній столъ, чтобы ослабить своихъ соперниковъ, Ольговичей. Но затѣмъ, изъ дальнѣйшаго хода событій онъ усматриваетъ, чѣмъ можно всего болѣе стѣснить Новгородъ; онъ начинаетъ постигать торговое отношеніе къ нему своей земли Ростовско-Суздальской—и занимаетъ Новый Торгъ. Этимъ приемомъ, какъ мы увидимъ впоследствии, Ростовско-Суздальскіе князья, потомки Юрія, держали въ страхѣ Новгородъ и эксплуатировали имъ для своихъ цѣлей. Современемъ, этими цѣлями явились: обогащеніе на счетъ Новгорода и стремленіе къ полному его подчиненію „ихъ единовластной волѣ“.

Торговое значеніе Ростовско-Суздальской земли, открывающееся изъ ея отношеній къ Новгороду, выясняется нѣсколько изъ другихъ свидѣтельствъ. Что Ростовская земля не была въ состояніи снабжать сама хлѣбомъ Новгородъ, какъ снабжали его

земли Смоленская и Киевская—видно изъ свидѣтельствъ лѣтописи о голодѣ въ Ростовско-Суздальской землѣ. Случаи голода въ этой землѣ отмѣчены у Нестора дважды, именно подъ 1024 и 1071 г., и оба раза только по особому обстоятельству: по „великому мятежу“, который производили по случаю голода „волхвы, избивая старую чадь, яко ти гобино держать“. По всей вѣроятности, голодъ бывалъ въ Ростовско-Суздальской землѣ гораздо чаще, но случаи его не отмѣчались лѣтописцемъ потому, что не сопровождались никакими выходящими изъ ряда вонъ событіями, въ родѣ появленія волхвовъ. Припомнимъ также лѣсистость Ростовско-Суздальской земли. Лѣсныхъ пространствъ, по всей вѣроятности, было въ ней такъ еще много въ XI и XII в., что подъ пашню отходило не то количество земли, которое въ состояніи было бы прокормить все населеніе края. Что населеніе это было (въ городахъ, по крайней мѣрѣ) достаточно густо по тому времени, можно заключить изъ свидѣтельства лѣтописи объ опустошеніи верховьевъ Волги войсками князей Новгородскаго, Смоленскаго и Киевскаго въ 1149 году. Эти войска, разрушивъ шесть городовъ и много сѣлъ, однихъ плѣнныхъ захватили до 7000⁽¹⁰⁰⁾. Хлѣбъ получался въ Ростовско-Суздальской землѣ изъ Волжской Болгаріи. При описаніи голода въ 1024 году лѣтописецъ говоритъ: „идоша по Волгѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито“⁽¹⁰⁰⁾. На основаніи этого свидѣтельства и, принимая въ соображеніе извѣстный фактъ торговыхъ сношеній Волжской Болгаріи съ Новгородомъ, мы позволили себѣ сказать выше, что хлѣбная торговля шла въ Новгородъ изъ Болгаріи черезъ Ростовско-Суздальскую землю.

Такимъ образомъ очевидно, что въ разсматриваемое время происходило торговое движеніе по Волгѣ между Новгородомъ и Болгаріей черезъ Ростовско-Суздальскую землю: Новгородскіе купцы ѣздили въ Болгарію, а Болгарскіе въ Новгородъ. Вслѣдствіе этого можно предположить, что въ Ростовско-Суздальскую землю проникалъ даже элементъ Арабскій, потому что Арабы, какъ извѣстно, находились въ дѣятельныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Болгарами. Возможность такого предположенія подтверждается, до нѣкоторой степени,

⁽¹⁰⁰⁾ Новаг. IV. 8; Никон., II. С. Л. IX, 179.

⁽¹⁰⁰⁾ Лавр. 64.

результатами курганных раскопок Гр. Уварова и г. Савельева во Владимирской губернии, о которых мы говорили в своемъ мѣстѣ ⁽¹¹⁰⁾. И торговое движеніе по Волгѣ, и притокъ элементовъ крайняго востока въ Ростовско-Суздальскую землю усиливаются со второй половины XII вѣка. Это торговое движеніе и связанное съ нимъ племенное передвиженіе мы и называемъ *промышленно-торговой* колонизаціей. Въ рассматриваемый періодъ мы видимъ только слабые ея зародыши, а потому мы остановимся на ней въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ, гдѣ она намъ представится въ болѣе ясномъ свѣтѣ.

Столкновенія Ростовско-Суздальской земли съ восточными сосѣдами начинаютъ обращать на себя вниманіе, по своей важности, при сынѣ Долгорукаго, Андреѣ Боголюбскомъ и при его преемникахъ. При Юріѣ же славянская колонизація въ Ростовско-Суздальской землѣ, по всей вѣроятности, еще не подступила близко къ предѣламъ Мордовскимъ. Мордва своими набѣгами беспокоитъ княжество Рязанское, а о нападеніяхъ Мордвы на Ростовско-Суздальскую землю за это время мы не имѣемъ извѣстій. За то лѣтопись передаетъ намъ о столкновеніяхъ земли Ростовско-Суздальской въ эпоху Юрія съ болѣе далекимъ сосѣдомъ, Волжскими Болгарами, жившими за Мордвой. Такъ въ 1120 г. Юрій ходилъ на Болгары по Волгѣ, „взя полонъ многъ и полки ихъ побѣди, и, воевавъ, приде съ честию и славою“ ⁽¹¹¹⁾; „и возвратися по здорову“ — прибавляетъ одинъ лѣтописецъ. Эта прибавка даетъ возможность думать, что походы въ землю Болгарскую считались въ то время весьма опасными ⁽¹¹²⁾. Въ 1107 году Болгары проникли вглубь земли Ростовско-Суздальской. Они осадили Суздаль и только чудо Божіей Матери спасаетъ Суздальцевъ: Болгарское войско было поражено слѣпотою — и Суздальцы побѣдили ⁽¹¹³⁾.

⁽¹¹⁰⁾ См. I гл. чаш. очерковъ стр. 37—39. и соотв. примѣч.

⁽¹¹¹⁾ Ипат. 8.

⁽¹¹²⁾ Воскр., т. VII, 25; Никон., т. IX, 151.

⁽¹¹³⁾ «Того же лѣта чудо сотвори Богъ и святая Богородица въ Суздальскѣй земли. Приидоша Болгары ратию на Суздаль и обступиша градъ»

Въ такихъ чертахъ представляется намъ общій очеркъ внутренняго состоянія Ростовско-Суздальской земли и въ такомъ видѣ являются отношенія этой земли къ сосѣдямъ въ періодъ времени отъ Рюрика до смерти Юрія Долгорукаго.

и много зла сотвориша, воююще села и погосты и убивающе многихъ отъ христіанъ. Сущи же люди въ градѣ не могуще противу ихъ стати, несущу князю у нихъ, на молитву къ Богу обратихася и ко Пречистой Его Богородици покаяніемъ и слезами, и затворишася во градѣ и всемилостивый Богъ услыша молитву ихъ и покаяніе. Яко же древле Невенитяны помилува, такъ и сихъ избави отъ бѣды, ослабни бо вся ратныя Болгары, и тако изшедше изъ града всѣхъ избави». — Рукописн. Ростовск. лѣтопис., рукоп. Арх. М. Иностр. Д., л. 92 об. и л. 93. — См. также П. С. Д. VII, с. 21 примѣч. а.

III.

Ростовско-Суздальская земля

съ 1157 по 1237 г.

Значеніе эпохи Андрея Боголюбскаго. — Характеристика Андрея. — Распрія городовъ послѣ его убіенія и роль Ростова въ этой распріѣ. — Всеволодъ Юрьевичъ и Юрій Всеволодовичъ. — Нѣсколько словъ о характерѣ власти князя въ Ростовско-Суздальской землѣ — Обособленіе княженій. — Дальнѣйшее движеніе княжеско-военной колонизаціи. — Отношеніе къ Болгарамъ и Мордвѣ. — Татары. — Дѣла церковныя. — Промышленность и торговля. — Границы Ростовско-Суздальской земли при нашествіи Татаръ. — Отношенія къ Новгороду, Смоленску и Рязани.

Въ 1157 году, вслѣдъ за смертію Юрія Долгорукаго, „Ростовци и Суздальци *сдумавше вси*, поаша Андрея, сына его старѣйшаго и посадиша ѿ въ Ростовѣ на отнѣ столѣ и Суздали, занѣже бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имаше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ“⁽¹⁾. Тамъ начинается Лаврентьевскій лѣтописецъ княженіе Андрея Боголюбскаго въ Ростовско-Суздальской землѣ.

Время Андрея Боголюбскаго имѣетъ весьма важное значеніе не только для исторіи Ростовско-Суздальской земли, но и для исторіи Россіи вообще. Это время есть одна изъ

⁽¹⁾ П. С. Л. I, 149.

такъ называемыхъ историческихъ эпохъ, въ которыя опредѣляются въ жизни народа новые элементы его гражданственности, выясняются новыя начала его общественнаго развитія. Не будучи явленіемъ случайнымъ, потому что въ мірѣ исторіи, какъ въ мірѣ природы, нѣтъ случайныхъ явленій,— эпоха Андрея есть необходимый результатъ всего предъидущаго хода русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина многихъ послѣдующихъ историческихъ явленій.

Мы не можемъ касаться всего предъидущаго хода русской исторіи — это вывело бы насъ изъ предѣловъ нашей специальной, монографической задачи: представить историческіе очерки Ростовско-Суздальской земли; на томъ же основаніи мы не считаемъ возможнымъ указать здѣсь и всѣ послѣдующія историческія явленія, имѣющія свой корень въ эпохѣ Андрея. На нѣкоторыя особенности въ исторіи Ростовско-Суздальской земли изъ времени, ближайшаго къ Андрею, мы указали въ предшествующей главѣ; на нѣкоторыя изъ послѣдующихъ историческихъ явленій мы обратимъ вниманіе въ главѣ настоящей.

Мы указали на два элемента, положившихъ основаніе гражданственности, культурному развитію въ землѣ Ростовско-Суздальской: на власть князя и Христіанство.

Княжеская власть, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій Ростовско-Суздальской земли, уже при Юріѣ Долгорукомъ, какъ мы видѣли, сталкивается съ другою властію — земскихъ бояръ; начинается борьба между княземъ и этимъ боярствомъ. Въ эпоху Андрея борьба эта обрисовывается яснѣе. Въ борьбѣ съ боярствомъ рѣзко выясняется основная черта характера Андрея: „самовластіе“, зародышъ котораго мы замѣтили еще въ Юріѣ. Этимъ самовластіемъ порождаются въ Андрее стремленія къ господству надъ сосѣдними землями: Новгородомъ, Рязанью и Смоленскомъ, къ преобладанію на югѣ, къ пренебреженію родовыми княжескими традиціями, еще столь дорогими для отца Андрея — Юрія. Въ эпоху Андрея опредѣляется типъ сѣверо-восточнаго князя — „самовластца“, типъ чуждый югу, который, развиваясь болѣе и болѣе въ преемникахъ Андрея, вступаетъ съ теченіемъ времени въ новую фазу своего развитія — князя-вотчинника, князя-домовладыки и подготавливаетъ собою мало по малу Ивана III, Василя и Ивана IV....

Христіанство, утвердившись въ Ростовско - Суздальской землѣ, какъ мы видѣли, не раньше XI в., только при Андрѣй получаетъ, такъ сказать, полную осѣдлость въ этой землѣ. При немъ открываются мощи святыхъ, покровителей земли: Леонтія и Исаіи; Владимірская икона Божіей матери, привезенная Андреемъ съ юга и икона Боголюбская становятся предметами особаго мѣстнаго почитанія, освящаютъ своими чудесами княжескую власть Боголюбскаго; православіе начинаетъ приобретать „земское“ значеніе, становясь мало по малу у нарождающагося Великорусскаго племени символомъ того политическаго сознанія, которое въ наше время выражается терминомъ: „народность“. Подготавливается то многозначительное единеніе Церкви и государства, которое вполне выясняется въ позднѣйшій, Московскій періодъ русской исторіи и которое составляетъ характеристическую особенность исторіи Великорусскаго племени.

Въ эпоху Андрея опредѣляется результатъ славянской колонизаціи въ Ростовско - Суздальской землѣ предшествующихъ ему эпохъ. Этотъ результатъ есть образованіе новаго племени, съ преобладающимъ элементомъ славянскимъ, но не похожаго по своему складу и характеру ни на одно изъ племенъ Славянскихъ, жившихъ прежде на Русской территоріи:—ни на Полянъ, ни на Древлянъ, ни на Кривичей, ни на Новгородцевъ. Задачи этого племени, только намѣчаются при Андрѣй, выясняются мало по малу въ теченіе цѣлыхъ столѣтій послѣ него, и не опредѣляются совершенно ясно даже въ наши дни, почти на исходѣ XIX столѣтія. Это племя—племя Великорусское, самый юный изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ, увидавшій міръ Божій только въ XII в. по Р. Хр.

Въ эпоху Андрея колонизація княжеско-военная и монастырская подвигаются все далѣе на востокъ, расширяя все болѣе и болѣе предѣлы Великорусскаго племени, претворяя въ плоть и кровь этого племени; все болѣе и болѣе инородческихъ, чуждыхъ элементовъ.

Такимъ образомъ, эпоха Андрея является прототипомъ послѣдующей формаціи Московскаго царства, этого громаднаго и своеобразнаго зданія, созданнаго Великорусскимъ племенемъ. Развитіе начала единовластія, борьба съ боярствомъ, политическое значеніе православія, единеніе Церкви и государства и распространеніе Великорусскаго племени на во-

ство — вотъ тѣ основные элементы общественнаго строя Ростовско - Суздальской земли, которые являются впоследствии основными же элементами Московскаго царства.

Лѣтописецъ Суздальскій и лѣтописецъ Кіевскій представляютъ намъ двѣ, совершенно различныя, противоположныя одна другой, характеристики Андрея Боголюбскаго.

Подъ перомъ Суздальскаго лѣтописца Андрей является вторымъ Соломономъ по мудрости, пренецеленнымъ мужества и ума, носителемъ правды и истины. „Благовѣрный и христоролюбивый князь Андрей отъ млада версты Христа возлюбилъ и всепречистую Его Матерь, смыслъ бо очистивъ и умъ, яко налату красну, душу украсивъ всѣми добрыми нравы... не омрачи бо ума своего пьянствомъ“...^(*). Благочестіе есть основное нравственное качество Андрея. Еще когда онъ былъ на югѣ, княземъ въ Вышгородѣ, лѣтописецъ замѣтилъ эту черту его нравственной физиономіи. Надежда на Бога была единственною защитою Андрея въ брани: „не величаю бо ему сущю на ратный чинъ“, говоритъ лѣтописецъ, „но похвалы нищюци отъ единаго Бога“^(*). Это благочестіе, за которое Андрей и получилъ прозваніе Боголюбскаго, побуждало его не только къ созиданію и украшенію церквей и монастырей и къ уваженію „церковнаго и мншескаго чина“, — добродѣтелямъ весьма обыкновеннымъ въ то время у благочестивыхъ людей вообще и князей въ особенности, но и къ милостивому обращенію со всѣми „сущими подъ нимъ“: „Всякому чину яко возлюбленный баше отецъ, паче же на милостыню зѣло охотливъ“, продолжаетъ лѣтописецъ, „ибо брашно свое и мѣдъ по улицамъ на возѣхъ слаше больнымъ и по затворамъ“^(*). Тѣ же качества милостыни отмѣчаетъ въ Андрей одинъ изъ сказателей о его убіеніи, Кіевлянинъ Кузьма. „Всякаго нищаго, приходящаго къ нему, передаетъ Кузьма, Андрей принималъ и давалъ ему милостыню, говоря: се есть Христосъ пришедъ испытать мене“.^(*) За эти то качества:

(*) Н. С. Л. I, 156.

(*) Ibid. 140.

(*) Ibid. 156.

(*) Ibid. II, 112.

благочестіе, отеческое отношеніе ко „всякому чину“ и милостивно, Андрей былъ любимъ всѣми⁽⁶⁾.

Кіевскій лѣтописецъ изображаетъ Андрея совершенно инымъ. Портретъ Боголюбскаго находится у этого лѣтописца въ любопытномъ „сказаніи о Мстиславѣ Ростиславичѣ храбромъ“, отцѣ того удалаго Мстислава, который является послѣднимъ борцомъ за исчезающую вѣчевую Русь⁽⁷⁾. Мстиславъ Ростиславичъ выступаетъ въ сказаніи Кіевскаго лѣтописца представителемъ родовыхъ княжескихъ традицій. Онъ велитъ сказать Андрею черезъ посла его Михна: „мы (Ростиславичи) ты до сихъ мѣстъ ави отца имѣли по любви; аже еси съ якими рѣчьми прислалъ не ави къ князю, по ави къ подручнику и просту человѣку, а что умысливъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ“.... Мстиславъ, по словамъ сказанія, „отъ уности навывелъ баше не уполошится никого же, но токмо Бога единого блюстися“. Андрей, который и по Суздальскимъ свидѣтельствамъ не отличался храбростью, въ Кіевскомъ сказаніи противопоставляется Мстиславу во всемъ. Мстиславъ откровененъ и честенъ,—Андрей хитеръ и вадмененъ; Мстиславъ храбръ,—Андрей трусливъ; Мстиславъ стоитъ за честь всѣхъ князей,—Андрей заботится о своей только власти; Мстиславъ представитель нравственной силы съ крѣпкой вѣрой въ Бога,—Андрей опирается на внѣшнюю

(6) П. С. Л. I, 149 Отъывы Суздайскаго лѣтописца объ Андрей помятены въ Лавр. и Ипат. лѣт. Въ первой они короче, а въ послѣдней подробнѣе и, кажется, древнѣе. Лѣтописи: Воскресенская (П. С. Л. VII, 66), Тверская (ib. XV, 226) и Никоновская (ib. XI, 209) заимствовали отъывы объ Андрей изъ Суздайскихъ лѣтописей, распространивъ ихъ только.

(7) Это сказаніе имѣетъ предметомъ свеннъ второй походъ ополченія Андрея Боголюбскаго подъ Кіевъ, въ 1174 г., послѣ смерти брата его Глѣба, умершаго, по слухамъ, отъ отравы. Ближайшими поводами къ походу были: во 1-хъ, отказъ Ростиславичей исполнить волю Андрея, грозно сказавшаго Роману Ростиславичу: „коли не ходиши въ мою волю съ братьею своею, то ступай изъ Кіева“, и во 2-хъ, оскорбленіе Андреева посла Михна. Объ этомъ походѣ, неудачномъ для Андрея, во всѣхъ Сѣверныхъ лѣтописяхъ (Суздайской и Новгородскихъ) находятся только краткія извѣстія. Подробности похода у Соловьва (Ист. II, 254—258) и у Бѣляева (Рассказы изъ Р. И. I, 244—247)—переданы по сказанію Ипатьевскаго лѣтописца.—См. П. С. Л. II, 106—109.

силу войска. Услыхавъ отвѣтъ Мстислава, Андрей, „исподнявся *высокоумья, разгордѣлся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, разжыся инъвомъ...* и образъ лица его потуснѣлъ“. „Андрей князь“, продолжаетъ иронически сказатель, „*толикъ умникъ сы, во вѣсть дѣлѣхъ доблѣ сы и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ, распалився гнѣвомъ*“. Сказаніе заканчивается такой сентенціей: „Богови студна и мерзка хвала и гордость, си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже всѣваетъ въ сердце наше хвалу и гордость“.

Въ этихъ двухъ, діаметрально-противуположныхъ характеристикахъ Андрея выражается различіе во взглядахъ сѣверо-восточнаго и южнаго лѣтописцевъ, различіе въ возрѣніяхъ Великорусса и Южнорусса, которое опредѣляется къ этому времени.

Не смотря на это различіе въ возрѣніяхъ, по нашему мнѣнію, представляется возможность признать въ характерѣ Андрея Боголюбскаго реальное соединеніе такихъ, повидимому, несоединимыхъ качествъ, какъ, напримѣръ, милосердіе и гнѣвъ, нищелюбіе и гордость.

Среднимъ терминомъ между этими противуположными качествами, связующимъ звѣномъ ихъ между собою является преобладающая въ Андрѣ наклонность къ *самовластію*. Эта наклонность указывается прямо Суздальскою лѣтописью, исходя, слѣдовательно, не изъ лагеря противниковъ Боголюбскаго, а изъ лагеря людей, въ нему расположенныхъ. По этому мы особенно останавливаемъ вниманіе читателя на этомъ свидѣтельствѣ. „Выгна Андрей епискона Леона изъ Суждаля и братію свою погна—Мстислава, и Василька, и Михалка Юрьевичевъ и два Ростиславича, сыновца своя, и мужи отца своего передніе: *се же сотвори хотя самозластецъ быти всей земли Суждальской и Ростовской*“ (*). Разъ мы знаемъ „самовластіе“ Андрея,—намъ объясняется кажущееся противорѣчіе въ его характерѣ, и „боголюбивый“ князь выступаетъ передъ нами изъ сумрака вѣковъ вполне живымъ, цѣльнымъ человѣкомъ. Кому неизвѣстенъ этотъ типъ Великорусса: благочестивый и богомольный, усердный въ церкви, милостивый до нищихъ, ласковый и добрый съ своими под-

(*) П. С. Л. VII, 76; XV, 234.

чиненными, „аки отецъ“, но ласковый до той только поры пока никто не перечить его праву. Разъ ему поперечили, не исполнили его волю—конецъ! Его самовластіе не признано,—и онъ распаляется гнѣвомъ. Доброта смѣняется злостью, благочестіе тонетъ въ высокоуміи, страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Андрей Боголюбскій, выбранный въ князья всей землей Ростовско-Суздальской и посаженный на „отнѣ столѣ“ въ Ростовѣ, избираетъ однако своимъ мѣстопробываніемъ не старѣйшій городъ земли, Ростовъ, и не Суздаль, резиденцію отца своего Юрія, а младшій городъ—Владимірѣ. Подъ конецъ своей жизни Андрей повидаетъ и Владимірѣ и поселяется въ созданномъ имъ самимъ городѣ, Боголюбовѣ.

Андрей ревностно заботится о земскомъ возвышеніи своего стольнато города Владиміра. „Хотя возвеличить градъ сей по всей земли“, говоритъ лѣтописецъ, Андрей „создалъ его великъ зѣло“ (°). Онъ привлекалъ въ украшаемый имъ Владимірѣ охочихъ людей изъ разныхъ странъ; къ нему приходили „сходцы“ и изъ Волжской Болгаріи, и изъ Ясской земли, и изъ южной Руси, и даже изъ западной Европы. Онъ принималъ всѣхъ съ любовію, бывъ одинаково ласковъ „до всего Христіанства и до всѣхъ поганы“, говоритъ Кузьма - Кіевлянинъ; Евреевъ, язычниковъ и Христіанъ западной церкви онъ обращалъ въ православіе. „И Болгаре, и Жидове, и вся поганы видѣли славу Божию“ (1°).

Никоновская лѣтопись говоритъ, что Андрей Боголюбскій, украсивъ и расширивъ „градъ Володимеръ“, собралъ своихъ князей и бояръ и объявилъ имъ, что онъ, создавъ градъ Божию благодатію и помощію Пречистыя Богородицы и расширивъ и вознесохъ его наипаче“, хочетъ „обновить его митрополію—да будетъ сей градъ великое княженъе и слава естъмъ. Князья и бояре вси сиче возлюбиха его тако быти“ (11).—Старымъ городамъ земли, Ростову и Суздалью, было это нелюбо: „градъ Володимеръ пригородъ нашъ естъ“, говорили они (12).

(°) П. С. Л. I, 149.

(1°) Ibid. II, 115.

(11) Ibid. IX, 222.

(12) Ibid. IX, 220.

Андрей Боголюбскій вошелъ относительно отдѣльной митрополіи Владимірской въ переписку съ Константинопольскимъ патріархомъ, указывая ему на нѣкоего Теодора, или Теодорца, какъ на кандидата въ митрополиты⁽¹³⁾.

Этотъ Теодоръ, или Теодорецъ, поставившійся въ епископы въ Константинополѣ обманомъ, былъ, судя по лѣтописнымъ о немъ отзывамъ, замѣчательно-умнымъ человекомъ и отличался сильнымъ характеромъ⁽¹⁴⁾. О Теодорѣ упоминается въ лѣтописи впервые по случаю возникшихъ во Владимірѣ обрядовыхъ споровъ о постѣ въ среду и пятницу съ пасхи до всесвятской недѣли и въ „господскіе праздники“, если они придутся въ постные дни. Этотъ споръ былъ поднятъ Ростовскимъ епископомъ Леономъ, настаивавшимъ на необходимости поста въ названные дни. Андрей Боголюбскій былъ противнаго мнѣнія, и его сторонникомъ въ спорѣ съ Леономъ является епископъ Теодоръ. Боголюбскій назначаетъ состязаніе между нимъ и Леономъ въ своемъ присутствіи; на этомъ состязаніи Теодоръ „упрѣ“, т. е. переспорилъ Леона⁽¹⁵⁾.

Намъ кажется возможнымъ предположеніе, что этотъ обрядовый споръ о постѣ находится въ связи съ стремленіями

⁽¹³⁾ П. С. Л., IX, 223—229.

⁽¹⁴⁾ Никоновская лѣтопись говоритъ о Теодорѣ: «язычная чистота и быстрость преудивлена, и дерзновеніе и безстудіе таково, яко ни у кого не было; никто же бо можаше противу его стояти; нѣдѣи глаголаху о немъ, яко отъ демона сей, и нѣи же вохва его глаголаху» (П. С. Л. IX, 239) «Внесше (бѣси) мысль его (Теодора) до облакъ и устремлявша въ немъ втораго Сатонаида» (Ibid.). Теодоръ отличался жестокостью и корыстолюбіемъ. Подробности о Теодорѣ см. въ отдѣльномъ о немъ сказаніи, помѣщенномъ въ Лаврентіевской лѣтописи. Сказаніе это написано современникомъ и притомъ въ одно изъ городовъ Ростовско-Суздальской земли: въ Ростовѣ, или Владимірѣ. Это можно заключить: 1) изъ обращенія въ концѣ къ князю Андрею Боголюбскому и 2) изъ сочувственнаго отношенія къ жителямъ Ростовской земли: «видя бо князь озлобленіе людей своихъ *сиахъ кроткиахъ Ростовскыа земля*». Главный текстъ «Сказанія» см. въ Лавр. лѣтописи. (П. С. Л. I, 151—152). Варианты: въ Никоновской, (IX, 239 и 240), Воскресенской (VII, 84—85) и Тверской (XV, 241). Въ Ипатьевской сохранилось сходное съ Лаврентіевск. (II, 102—103).

⁽¹⁵⁾ П. С. Л. I, 150.

Боголюбскаго къ отдѣльной митрополіи во Владимірѣ. Весьма возможно предположить, что епископъ Ростовскій Леонъ, по примѣру предшественника своего Нестора, домогался отдѣльной митрополіи для Ростова и что стремленія его къ церковной независимости встрѣтились съ стремленіями князя, желавшаго того же самаго, но переносившаго центръ тяжести этой независимости изъ старѣйшаго города земли, Ростова въ его пригородъ, Владимірѣ. Константинопольскій патріархъ не разрѣшилъ отдѣльной митрополіи для Владиміра, и Андрей Боголюбскій долженъ былъ удовольствоваться только тѣмъ, что Феодоръ сталъ епископомъ Ростовскимъ, перенесъ свою кathedру изъ Ростова во Владимірѣ⁽¹⁶⁾.

Причину предпочтенія, которое оказывалъ Андрей Владиміру передъ старшими городами земли—мѣстное преданіе желаетъ искать въ чудѣ Богородицы. По этому преданію, князь Андрей пріѣхалъ въ Суздальскую землю прямо во Владимірѣ и оттуда отправился съ иконой Божіей матери въ Ростовъ, намѣреваясь помѣстить ее въ старѣйшемъ городѣ земли; но на дорогѣ къ Ростову, вблизи Владиміра лошади, которыя везли икону, остановились. Ночью Боголюбскому явилась во свѣ Божія Матерь, требовавшая, чтобы ея икона осталась во Владимірѣ. На мѣстѣ видѣнія Андрей построилъ церковь въ честь Божіей Матери, а со временемъ заложилъ около церкви городъ, названный имъ Боголюбовымъ⁽¹⁷⁾.

Перенесеніе княжескаго стола во Владимірѣ, освященное въ народномъ преданіи явленіемъ Андрею Божіей Матери, объясняется тѣмъ, что Боголюбскій не хотѣлъ оставаться въ городахъ, гдѣ были сильны прежнія традиціи. Въ Ростовѣ сконцентрировалась главная сила земскихъ бояръ, а въ Суздаль, мѣстопребываніи Юрія Долгорукаго, могли получить достаточную крѣпость княжескіе и дружинные порядки. И земскіе бояре, и княжеско-дружинные порядки были одинаково не по сердцу Андрею. Андрей, преслѣдуя свои единовластительскіе принципы, изгналъ изъ Ростовско-

⁽¹⁶⁾ Ibid. 151—152.

⁽¹⁷⁾ В. Доброхотова: «Древн. Боголюбъ городъ». М. 1852, с. 6—7. Снес. ст. Я. А. Соловьева: «Пам. и преданія Влад. губ.» О. 3. 1857, кн. 6-я, стр. 530.

Суздальской земли не только своихъ братьевъ но и „переднихъ мужей“ своего отца. Обь отношеніяхъ его къ боярамъ мы можемъ составить себѣ довольно опредѣленныя понятія изъ данныхъ, передаваемыхъ „Сказаніями обь убіеніи князя Андрея“⁽¹⁸⁾.

(18) Сказаніе обь убіеніи кн. Андрея Боголюбскаго дошло до насъ въ *дванадцати* отдѣльныхъ текстахъ, которые могутъ быть раздѣлены: по времени составленія на современные событію и позднѣйшіе, а по способу изложенія—на подробные и краткіе. Подробные тексты находятся въ лѣтописяхъ: Лаврентьевской (стр. 157—158), Переяславской (изд. кн. Оболенскаго с. 83—84), Ипатьевской (с. 113—115), Тверской (с. 250—253), Воскресенской (П. С. Л. VII, 89—90) и Никоновской (П. С. Л. IX, 149—251). Краткіе тексты помѣщены въ лѣтописяхъ: Новг. I-й (с. 16), Новг. IV-й (с. 13), Софійской I-й (с. 164—165), Никоновской (П. С. Л. IX, 249) и Густынской (с. 316) и въ житіи кн. Андрея (наеч. въ книгѣ Доброхотова: «Древн. Боголюбовъ городъ». М. 1852 г., с. 89).—Современныя событію сказанія помѣщены въ лѣтописныхъ сборникахъ XIII—XIV в., т. е. въ Лаврентьевскомъ, Переяславскомъ, Ипатьевскомъ и 1-й Новгородской лѣтописи. Изъ нихъ для насъ особенно важны первые три текста, по своей полнотѣ. Эти три текста могутъ быть сведены къ двумъ редакціямъ: *Южно-русской* и *Суздальской*. Южно-русская редакція, помѣщенная въ Ипат. лѣтописи, принадлежитъ Кіевлянину Кузьмѣ, очевидцу событій, сопровождавшихъ убіеніе князя. Суздальская редакція, оффиціального характера, представляетъ два вріанта. 1-й, помѣщенный въ Лавр. лѣтописи, составленъ при в. кн. Всеволодѣ Юрьевичѣ, вскорѣ послѣ убіенія Андрея, и 2-й, находящійся въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго, относится къ началу XIII в. — Изъ позднѣйшихъ текстовъ представляется намъ самымъ важнымъ сводный текстъ Тверской лѣтописи, составленный въ первой половинѣ XVI в. (см. П. С. Л. XV, Предисл.). Тверской текстъ сказанія для насъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, онъ составленъ въ Ростовской области, во 2-хъ, въ него вошли многія народныя преданія обь убіеніи князя Андрея. Эти народныя преданія, до сихъ поръ сохранившіяся во Владимирской губерніи, касаются, главнымъ образомъ, послѣдующей судьбы убійцы князя—Кучковичей. По одному изъ этихъ преданій Кучковичи были брошены въ болотистое озеро «Пловучее», наход. близъ Владимира. Ежегодно, въ ночь на 29-е іюня (годовщина убіенія Андрея) слышится унылый стонъ изъ озера, вода на немъ колыхается и подымаетъ короба, въ которыхъ, по преданію, Кучковичи были брошены въ озеро. Сестра убійцы, жена Андрея Боголюбскаго, Уляга утоплена въ другомъ озерѣ, также близъ Владимира, называемомъ у народа подь именемъ «Поганаго». Совершителемъ казни надъ Кучковичами и ихъ сестрою, мсти-

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что Андрей, думая освободиться во Владимірѣ совершенно отъ бояръ, не достигъ этого. Боярская партія и тамъ была достаточно сильна. Поэтому, онъ предпочитаетъ житье въ построенномъ имъ близъ Владиміра городѣ Боголюбовѣ, гдѣ окружаетъ себя „молодыми людьми“, малыми отроками. Изъ этихъ отроковъ Андрей создаетъ преданное ему служилое сословіе, которое называется уже не дружиной, а *дворомъ*, а отроки Боголюбские носятъ названіе *дворянъ*. Составъ этого дворянства, этой служби Андрея былъ сбродный. Мы видимъ въ числѣ его Анбала, князяго ключника, Ясна родомъ, Киевлянина Кузьму и какого то Прокофья, неизвѣстной національности. Въ дворянахъ Боголюбскихъ мы видимъ новое начало, неизвѣстное югу: начало двора, дома. Съ эпохи Андрея начинается осѣданіе дружины на мѣстѣ, также какъ и осѣданіе князей, бродячій и переходящій элементъ дружинный превращается въ осѣдлый, домашній. Это новое представленіе двора, дома—становится, такъ сказ., ячейкой государственнаго возрѣнія Великоруссовъ. Впослѣдствіи, подъ влияніемъ иныхъ условій, дворъ, домъ получаетъ право на землю и затѣмъ, вслѣдствіе сознанія наследственности этого права, является новое представленіе власти—вотчинное.

Владимірскіе бояры, быть можетъ, на основаніи дружинныхъ порядковъ Юрія, которые сначала поддерживалъ и Андрей, совѣтуясь, какъ мы видѣли, съ боярами,—были сердиты на Андрея за то, что онъ предпочитаетъ имъ своихъ Боголюбскихъ дворянъ, проводя съ ними постоянно время, и отстраняетъ отъ себя бояръ Владимірскихъ.

Бояры земскіе еще болѣе негодовали на Андрея. Кучковичи, дѣти сохранившагося въ народномъ преданіи богатаго земскаго боярина Кучки, являются при Андрѣ историческими личностями. Одно изъ Кучковичей онъ велитъ казнить.

телемъ за Андрея былъ братъ его Михаилъ (См. Доброхотова: «Древній Боголюбовъ городъ». с. 116—118).—О народныхъ преданіяхъ объ убіеніи Андрея см. также въ статьяхъ: Ф. И. Буслаева: «Мѣстныя сказанія Владимірскія, Московскія и Новгородскія», пом. въ Лѣтоп. Русск. литературы и древн., изд. Н. Тихонравова, т. IV, Я. А. Соловьева: «Памятники и преданія Владимірской губерніи» ст. 1-я. О. З. 1857 г. кн. 6. и В. Д. Бѣляева, «Сказанія о началѣ Москвы», Р. В. 1868 г. № 3.

та казнь становится ближайшей побудительной причиной убийства князя. При внимательном анализе подробностей этого убийства видно, что оно было совершено не вдруг, не экспромптом, а готовилось заранее, было результатом предварительного заговора. Заговор этот был следствием недовольства земских бояръ на самовластие Андрея.

Таким образом против самовластия, единовластительских стремлений Боголюбскаго была направлена двойная боярская оппозиція: земских бояръ, исконных насельников Ростовско-Суздальской земли, и бояръ-дружишниковъ. Первые отличались болѣе радикальными намѣреніями, вторые были умѣреннѣе. Для борьбы съ этою двойною боярскою оппозиціею Андрей создаетъ свое домашнее, земское полубоярство изъ „сходцевъ“, всѣмъ ему преданныхъ, живущихъ въ его дворѣ, свою „дворню“—*дворянъ*. На этой реформѣ созиданія служилаго князяго класса останавливаются неисполненными дальнѣйшіе замыслы Боголюбскаго. Къ чему клонились эти замыслы, отгадать не трудно. Они клонились къ подчиненію личной волѣ князя—воли земли, воли духовенства, воли земскаго боярства, воли дружины. Смерть помѣшала Андрею докончить реформу: Онъ палъ подъ ударами убійцъ изъ радикальной оппозиціонной партіи бояръ^(1°).

Послѣ убіенія Андрея земскіе бояры подняли голову. Они надѣялись добиться наконецъ власти въ землѣ, которую должны были уступить Юрію и сыну его Андрею. Средоточіемъ земскихъ боярскихъ тенденцій является старѣйшій городъ Ростовъ, къ которому примыкаютъ со временемъ Суздаль и Переяславль^(2°). Сначала всѣ города сѣзжаются на вѣче во Владимірѣ, какъ столичный городъ княжій, для выбора князя. На этомъ вѣчѣ проявляется рознь городовъ, начинается борьба изъ-за первенства между старымъ городомъ Ростовомъ и его пригородомъ Владиміромъ.

(1°) Самый полный сводъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о княженіи Андрея Боголюбскаго находится въ монографіи М. П. Погодина: В. Кн. Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, пом. въ Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. LXIII, стр. 145—185 и ч. LXIV, стр. 1—30. См. его асс.: Иссл. замѣч. и лекціи. т. VI, стр. 152—155.

(2°) Лѣтописецъ Переясл.-Суздаль, изд. кн. М. А. Оболенскимъ. М. 1851., с. 83

Эта характеристическая борьба городовъ, служащая отличными комментариемъ къ начинаніямъ Андрея Боголюбскаго, даетъ любопытныя данныя для опредѣленія общественнаго строя Ростовско-Суздальской земли во второй половинѣ XII в. (21).

(21) Повѣствованіе о борьбѣ Владиміра съ Ростовомъ, по цѣльности разсказа, можно почесть за отдѣльное сказаніе. Это сказаніе, помѣщенное въ Лаврентьевской лѣтописи, принадлежигь современнику и, по всей вѣроятности, составлено во Владиміръ. На это наводятъ насъ слѣдующія соображенія: 1) Въ сказаніи ясно выражается нерасположеніе къ Ростову и къ его боярамъ. 2) Владиміръ и князя его восхваляются. 3) Въ составителѣ сказанія видна большая привязанность къ Владимірской иконѣ Божіей Матери. 4) О Владимірцахъ въ большинствѣ случаевъ говорится «мы», «наши». Представляемъ два мѣста для образца: а) «Ростовци и Суздальци, слушающе злыхъ челоуѣковъ, нехотящихъ *намъ* добра». (П. С. Л. I, 160). — б) Послѣ побѣды Всеволода надъ Мстиславомъ, когда послѣдній убѣжалъ въ Ростовъ (1177 г.), составитель сказанія говоритъ: «Докогда Богови терпѣты *надъ нами*? За грѣхы наведе *на ны* (Ростовцевъ) и наказа по достоянію рукою благоуѣрнаго кн. Всеволода». (Ibid., 162). Въ Переяславскомъ лѣтописцѣ помѣщенъ вариантъ этого сказанія, съ тѣмъ только различіемъ, что Переяславцы вездѣ выгораживаются выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «Переяславцы же не отъ сердца идахуть, но принужденіемъ Ростовскимъ» (Изд. Оболенск., с. 85). — Сказаніе, помѣщенное въ Ипатьевской лѣтописи, совершенно согласно съ Владимірскою редакцію до битвы Михаила съ Ярополкомъ и Мстиславомъ Ростиславичами (1176): съ этой битвы въ Ипатьевскомъ сказаніи видны различія отъ Владимірскаго, показывающія въ немъ Южанина. Главнѣйшія изъ этихъ различій суть: 1) Владимірцы называются Владимірцами, а не «мы» и «наши». 2) Побѣда Михаила не приписывается чуду Богородицы, какъ во Владимірской редакціи — (См. П. С. Л. II, 118 и слѣд.). — Въ 1-й Новгородской лѣтописи разсказанъ только 2-й эпизодъ борьбы, съ призванія въ Ростовъ Мстислава Ростиславича изъ Новгорода. Разсказъ очень кратокъ. Борьба Мстислава съ Всеволодомъ передана въ общихъ чертахъ (См. П. С. Л. III, 16). — Въ Новгород. IV лѣтоп. любопытно по тону разсказа различіе отъ Владимірскаго сказанія въ эпизодѣ борьбы Мстислава Ростиславича съ Всеволодомъ. Подробности фактическія въ обѣихъ редакціяхъ однѣ и тѣже: очевидно, у составителя Новгородской IV лѣтописи и у составителя Лаврентьевской былъ одинъ общій источникъ. Въ Новгородской редакціи во 1-хъ, гораздо болѣе мягкости въ выраженіяхъ относительно Ростова, чѣмъ въ редакціи Владимірской, во 2-хъ, употребляется вездѣ просто «Ростовци», а нѣтъ отождествленія ихъ съ боярами, какъ во Владимірскомъ сказаніи; въ 3-хъ нѣтъ риторическихъ восхваленій подвиговъ Всеволода Юрьевича; въ 4-хъ, — видна симпатія не къ нему, а къ Ростиславичамъ (П. С. Л. IV, 14.).

Данныя извлекаемыя изъ разсмотрѣнія этой борьбы городовъ суть слѣдующія: 1) Вѣче составляетъ необходимое установленіе всякаго города. 2) Старѣйшій городъ имѣеть общее вѣче съ своимъ пригородомъ. 3) Пригородъ управляется посадникомъ, назначаемымъ старшимъ городомъ. 4) Князь составляетъ, по понятіямъ времени, необходимое выраженіе власти. 5) Князь избирается вѣчемъ. 6) Каждый городъ имѣеть свою дружину, т. е. свое войско, помимо князяго. 7) Борьба между Ростовомъ и Владиміромъ—есть борьба изъ-за земскаго главенства между партіей земскихъ бояръ и партіей княжихъ дружинниковъ, которые, только сравнительно съ этими земскими боярами, называютъ сами себя людьми „мезинными“.

Ростовцы, колонисты Новгородскіе, стремятся къ избранію князя „на всей ихъ волѣ“, на волѣ сильныхъ земскихъ бояръ; по ихъ понятіямъ; князь есть исполнитель ихъ боярской воли. Владимірцы стремятся въ сущности къ тому же, т. е. къ избранію князя на своей волѣ, не желая покориться Ростовцамъ. Они призываютъ сначала Ростиславичей, но потомъ изгоняютъ ихъ, не будучи въ состояніи терпѣть самоуправства ихъ бояръ, „пріѣхавшихъ съ ними изъ Руси“. Мы есмь вольная князя пріяли къ себѣ и вкрестъ цѣловали на всемъ.... Промытлайше братья“!—говорили Владимірцы ⁽²²⁾. Но для того, чтобы доказать свою правоту и выставить неправду Ростовскую, Владимірцы обвиняютъ Ростовцевъ въ эгоизмѣ, въ „высокоуміи“, а себя величаютъ приверженцами законнаго порядка, дѣйствующими по благословенію Божію. „Не разумѣша правды Божіи исправити Ростовци и Суждальци, давнии, творящесе старѣйшими, новіе же людіе мезиннии Володимерстїи уразумѣше, яшася по правду крѣпко“ ⁽²³⁾. „Володимерци прославлени Богомъ по всей земли за ихъ правду“—говорять о себѣ эти скромные, „мезинниі“ люди ⁽²⁴⁾.

Владиміръ вышелъ изъ этой распри побѣдителемъ. Сила земскихъ бояръ была окончательно подавлена. Этой силѣ земской противопоставлялась небесная сила: благословеніе Божіе и заступничество Владимірской иконы Божіей Ма-

⁽²²⁾ П. С. Л. I, 159.

⁽²³⁾ Ibid. 160.

⁽²⁴⁾ Ibid. 160.

тери. Ростовъ долженъ былъ уступить, но на время только. Мы увидимъ впоследствии, что старѣйшій городъ земли еще разъ взялся за оружіе для отстаиванія своего земскаго главенства.

Стремленіе пригородовъ къ земскому главенству въ ущербъ старымъ городамъ представляется намъ характеристической особенностью исторической жизни Ростовско-Суздальской земли. Неудовольствіе пригородовъ на города составляетъ довольно общее явленіе того времени. Припомнимъ, на примѣръ, неудовольствіе Торжка, Пскова и Вятки на Новгородъ. Но Торжокъ и Псковъ не помышляли о главенствѣ земскомъ, они хлопотали только о своей независимости отъ „господина Великаго Новгорода“. Псковъ всегда признавалъ себя „младшимъ братомъ“ Новгорода; „не бывать Новому Торгу надъ Новгородомъ“, говорилъ излюбленный Новгородскій князь Мстиславъ Удалой. Вятка отдѣлилась отъ Новгорода только потому, что она была слишкомъ отъ него удалена. Въ Ростовско-Суздальской землѣ мы видимъ, напротивъ, что всякій возвышающійся пригородъ хлопочетъ не только о независимости отъ старшаго своего города, но и о главенствѣ земскомъ. Такъ Владиміръ побѣдилъ Ростовъ и сталъ главою земли; затѣмъ Москва, одинъ изъ самыхъ незначительныхъ пригородовъ Владимірскихъ, при возвышеніи своемъ беретъ уже безъ борьбы власть у Владиміра; Тверь, а потомъ Нижній-Новгородъ, оспариваютъ власть у Москвы, но это имъ не удается: борьба съ Москвою становится имъ не по силамъ. Возвышеніе пригорода прежде всего обусловливалось личностью князя, его характеромъ, его силою. Такъ Владиміръ былъ возвышенъ Андреемъ Боголюбскимъ. Мы видѣли, какъ онъ украсилъ его постройками, какъ стекались къ нему во Владиміръ „сходцы“ изъ разныхъ земель. Всеволодъ, братъ Андрея, былъ излюбленнымъ княземъ Владимірцевъ, избранный ихъ вѣчемъ, и его личность, его громкая слава возвысили Владиміръ. Вслѣдствіе этого возвышенія Владиміра, у Владимірцевъ сложилось невольное благоговѣніе къ Всеволоду; его личность въ ихъ представленіи стала идеаломъ князя, идеаломъ верховной власти, утвержденной Богомъ и освященной чудесами Владимірской иконы Божіей Матери.

Всякій успѣхъ Всеволода есть „новое чудо“ этой иконы. Такъ побѣда Всеволода надъ Мстиславомъ Ростислави-

чемъ объясняется лѣтописцемъ видѣніемъ, которое представило Всеволоду и его войску за Суздалемъ. Весь городъ Суздаля до основанія видѣнъ былъ стоящимъ на воздухѣ, а рядомъ съ городомъ явилась Владимірская икона Божіей Матери. Всеволодъ и воины его были поражены видѣніемъ, и всѣ, видѣвшіе его, говорили князю: „княже правъ еси, поѣди противу ему (Мстиславу)“⁽²⁵⁾.

Суздальскій лѣтописецъ, сторонникъ и панегиристъ Всеволода, такъ характеризуетъ власть князя: „Ростовци, говоритъ онъ, помыслившіе высокоуміемъ своимъ, не вѣдуще яко Богъ даетъ власть ему же хоцетъ: поставляетъ бо царя и князя вышній. Аще вая земля управится предъ Богомъ, поставляетъ ей князя праведна, любяща судъ и правду; аще бо князи правдивы бываютъ, то много отдается согрѣшенья земли той, поне *то есть глава земли*“⁽²⁶⁾.

По отзывамъ Суздальскаго лѣтописца Всеволодъ является „благосердымъ“. Изъ сопоставленія всѣхъ его дѣяній нельзя однако придти къ заключенію, чтобы благосердіе было основнымъ его качествомъ. Этотъ знаменитый князь, отъ котораго произошло все потомство сѣверовосточныхъ, Ростовско-Суздальскихъ князей, прозванный за это позднѣйшими лѣтописцами „большимъ гнѣздомъ“, князь, съ личностью котораго связано начало представленія о божественномъ освященіи верховной власти,—представляется намъ не столько „благосердымъ“, сколько человекомъ съ необыкновеннымъ умомъ, съ тонкимъ „земскимъ“ тактомъ. Осмотрительность и расчетъ являются отличительными чертами его характера. Твердая воля, которую онъ ловко умѣетъ маскировать желаніемъ своихъ приближенныхъ, желаніемъ своей дружины, и умѣнье пользоваться обстоятельствами—вотъ тѣ отличительныя фамиліи черты, которыя проявляются во всѣхъ его даровитыхъ потомкахъ. Эти черты, составляя основу личнаго характера Московскихъ князей, являются одною изъ силъ, возвысившихъ Москву. Другія черты, отличающія Московскихъ „со-

⁽²⁵⁾ П. С. Л. I, 161.

⁽²⁶⁾ Ibid. 161.—По смерти брата своего Михаила (1181), Всеволодъ становится единымъ княземъ земли Ростовско-Суздальской, в. княземъ Владимірскимъ. Владимірцы цѣлуютъ крестъ ему и «на дѣтихъ его». (П. С. Л.—*члмъ-жое*). Это первый прижѣръ присяги потомству князя.

бирателей земли Русской". Скопидомство, домовитость, семейственность—имѣютъ свой корень также въ характерѣ Всеволода. Въ немъ просвѣчиваетъ уже тотъ типъ „князя-домовладыки“, „князя-вотчинника“, который окончательно устанавливается въ Московскомъ государѣ.

Всеволодъ не былъ воинственнымъ княземъ; на войнѣ онъ обыкновенно медлитъ, выжидаетъ. Онъ стремится къ одному: укрѣпить свое земское значеніе—не только въ своей области, Ростовско-Суздальской, на во всей землѣ Русской. Южный пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ такъ выразилъ его силу на своемъ эпическомъ языкѣ: „ты, княже Всеволоде, можешъ Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльети“⁽²⁷⁾. „Бѣ заступникъ твердъ и непобѣдимъ“, говоритъ о Всеволодѣ Переяславскій лѣтописецъ, „во всѣхъ земляхъ силою честнаго креста, и нетокмо единой Суздальской земли заступникъ бѣ, но и всѣмъ странамъ земля Роусская, и Новгородской, и Муромской“⁽²⁸⁾. „Сего имени тоѣмо трепетаху вся страны и по всей земли изъиде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его“,—говоритъ о Всеволодѣ Суздальская лѣтопись⁽²⁹⁾, а Переяславская называетъ его „миродержцемъ Суздальской земли“⁽³⁰⁾.

Далеко не такимъ представляется по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ второй сынъ Всеволода—Юрій, ставшій послѣ его смерти великимъ княземъ Владимірскимъ. Юрій составляетъ совершенную противоположность Всеволода. Онъ является въ лѣтописныхъ рассказахъ не добрымъ до своихъ меньшихъ братьевъ, оставленныхъ Всеволодомъ ему „на руки“, хитрымъ, корыстолюбивымъ, надменнымъ на словахъ и трусливымъ на дѣлѣ, безхарактернымъ, подчиняющимся во всемъ второму своему брату, Ярославу⁽³¹⁾. Такой князь

⁽²⁷⁾ «Слово о полку Игоревѣ» по списку, найд. между бумагами императрицы Екатерины II, изд. акад. П. П. Пекарскимъ, с. 15. (Прилож. къ V т. Зап. акад. Н. № 2., Сиб. 1864).

⁽²⁸⁾ Лѣтописецъ Переясл.-Сузд., с. 110.

⁽²⁹⁾ П. С. Л. I, 184.

⁽³⁰⁾ Лѣтописецъ Переясл.-Сузд. с. 110.

⁽³¹⁾ Для характеристики Юрія особенно важны: «Сказаніе о Липецкой битвѣ» подъ 1216 г. въ Троицкой лѣтописи (П. С. Л. I, 213—214), свидѣтельства лѣтописца Переяславля-Суздальскаго (с. 141) и Лаврентьевскаго подъ 1217 г. (П. С. Л. I, 186).

не могъ долго усидѣть на столѣ великобняжескомъ и долженъ былъ уступить его даровитому и высокому по характеру старшему своему брату Константину⁽²¹⁾.

Единовластіе, имѣвшее источникомъ своимъ „самовластіе“ Андрея Боголюбскаго, опредѣлялось прежде всего, какъ мы замѣтили выше, личнымъ характеромъ Владимірскихъ великихъ князей. Почвой для развитія единовластія во Владимірскихъ великихъ князьяхъ была во 1-хъ, борьба съ земскимъ боярствомъ и во 2-хъ, привлеченіе къ себѣ „сходцевъ“, „бродниковъ“ изъ разныхъ странъ.

Народныя преданія о началѣ Москвы даютъ намъ матеріалъ для опредѣленія борьбы съ земскимъ боярствомъ послѣ Андрея Боголюбскаго. Позднѣйшій цѣль этихъ преданій вводитъ насъ въ тотъ періодъ борьбы княжеской власти съ земскимъ боярствомъ, когда князья, успѣвъ уже довольно утвердиться, не вступали въ открытую борьбу съ боярствомъ, а давали ему приказанія, которыя оно должно было исполнять подъ угрозою наказанія. Князья требовали, прежде всего, поступленія къ себѣ на службу дѣтей земскимъ бояръ. Эти дѣти, поступивъ на службу въ княжій дворъ, заводятъ въ немъ крамолу, которая кончается тѣмъ, что и дѣти, и сами бояре, ихъ отцы—лишаются имущества и даже жизни. Владѣнія ихъ переходятъ къ князю, который строитъ тамъ города, при чемъ жители сосѣднихъ городовъ становятся на сторонѣ князя и помогаютъ ему, какъ въ преслѣдованіи крамольныхъ бояръ, такъ и въ построеніи городовъ. Княжеская власть, по народнымъ преданіямъ о началѣ Москвы, заступаетъ мѣсто прежней власти земскихъ бояръ, съ тѣмъ только различіемъ, что власть бояръ была не въ пользу народа, а княжеская власть клонилась, прежде всего, къ его интересамъ⁽²²⁾. Что касается до „сходцевъ“ и „бродниковъ“,

⁽²¹⁾ О Константиѣ Всеволодовичѣ и о его отношеніяхъ къ Юрію мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей, 4-й главѣ нашихъ очерковъ.

⁽²²⁾ См. И. Д. Бѣляева: «Сказанія о началѣ Москвы». Р. В. 1868 г. кн. 3-я, стр. 20—22 и 25.

Изъ сближенія требованій дѣтей земскихъ бояръ на службу къ князю Ростовско-Суздальской земли съ такими же требованіями къ Кіеву князя Владиміра, извѣстными по былинамъ, г. Бѣляевъ заключаетъ, что князья въ Ростовско-Суздальской землѣ повторяли то, что прежде дѣлали Кіевскіе

то мы уже видѣли, какъ Андрей Боголюбскій заботился о привлеченіи ихъ къ себѣ во Владимірь, какъ онъ окружалъ себя этими „мезинными“ людьми. Братъ его Всеволодъ тоже опирается на „мезинныхъ“ людей⁽²⁴⁾.

Не задолго до своей смерти Всеволодъ († 1213) „разда волости дѣтемъ своимъ“. Старшему Константину далъ Ростовъ; второму, Юрію—Владимірь; третьему, Ярославу—Переяславль; четвертому, Владиміру—Юрьевъ (Польскій). Меньшихъ двухъ сыновей, Святослава и Іоанна поручилъ онъ Юрію, говоря ему: „ты имъ буди въ отца мѣсто и имѣи я, яко же азъ имѣхъ“⁽²⁵⁾. Въ этомъ распредѣленіи волостей, имѣющемъ для сѣверо-восточной Руси, для поволжья, тоже значеніе, какое завѣщаніе Ярослава имѣло для Руси южной, для приднѣпровья, —удѣль является впервые въ значеніи особаго, отдѣльнаго, наслѣдственнаго въ нисходящей линіи территоріальнаго владѣнія⁽²⁶⁾. Съ Всеволодова распредѣленія волостей между его сыновьями начинается обособленіе этихъ территоріальныхъ удѣловъ, отдѣльныхъ княженій земли Ростовско-Суздальской. Княженія эти обособляются постепенно, по старшинству городовъ, являющихся центрами княженій. Прежде всѣхъ обособляется Ростовское княженіе, за нимъ—Переяславское, а потомъ Суздальское (въ 1216 г.). Владимірь Клязьменскій, „стольный городъ“ великаго княженія земли Ростовско - Суздальской, не составилъ особаго удѣла: это былъ *городъ великаго князя*. Юрьевскій удѣль, отданный Всеволодомъ сыну его Владиміру, окончилъ свое отдѣльное существованіе со смертію своего князя и затѣмъ присоединенъ къ удѣлу Суздальскому. Суздальское

князя на Волыни и въ Галичѣ. Слѣдовательно—заканчиваетъ свои выводы г. Бѣляевъ—положеніе Ростовско-Суздальскихъ князей, преемниковъ Долгорукаго, было одинаково съ положеніемъ первыхъ Кіевскихъ князей на Волыни и въ Галичѣ, т. е. что преемники Долгорукаго находились не въ старомъ, *отчинномъ* владѣніи, а какъ бы *въ странѣ только что завоеванной*, гдѣ всего можно было требовать подъ угрозой боя и безпощаднаго разоренія» (Ibid. с. 24).

⁽²⁴⁾ П. С. Л. I, 185.

⁽²⁵⁾ Лѣтописецъ Переяславля-Сузд., с. 110.

⁽²⁶⁾ См. С. М. Соловьева: «Ист. отнош. между Русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847., *Введ.*, стр. IV.

княжество въ концѣ XIII в. выдѣляетъ изъ себя три удѣла: Городецкій, Нижегородскій и Московскій. Переяславское княжество, увеличивая свою территорію владѣніями Новгорода-Великаго, выдѣляетъ изъ себя въ концѣ XIII в. удѣлъ Тверской. Два столѣтія слишкомъ борятся всѣ эти княженія между собою изъ-за первенства въ землѣ, изъ-за земскаго главенства. Мы указали уже выше на эту борьбу, характеристическую въ томъ отношеніи, что каждый меньшей пригородъ стремится выхватить земское главенство у старшаго города. Возвышеніе того или другаго княженія въ теченіе всей этой борьбы является въ обратномъ отношеніи въ обособленію княженій. Обособляются эти княженія по степени старшинства городовъ, а возвышаются по степени ихъ молодости.

Обособленіе княженій Ростовско-Суздальской земли не можетъ быть объяснено одной только многочисленностью потомковъ Всеволода—большаго гнѣзда. Это обособленіе обусловливается развитіемъ и возвышеніемъ городовъ, приобретающихъ все большее и большее земское значеніе. Возвышеніе же городовъ, въ свою очередь, опредѣляется возрастающимъ заселеніемъ земли. Мы указали выше (*) на факторы заселенія Ростовско-Суздальской земли, на виды колонизаціи вольной, княжеско-военной, монастырской и промышленно-торговой; теперь намъ предстоитъ рассмотреть направленіе княжеско-военной колонизаціи при Андрѣе Боголюбскомъ, Всеволодѣ и Юріѣ.

Главнѣйшимъ проводникомъ княжеско-военной колонизаціи въ Ростовско-Суздальскую землю со второй половины XII в. до начала XIV, какъ и прежде, оставалась Волга, эта величайшая водная артерія земли Ростовско-Суздальской, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всей земли Русской. Преобладающимъ, но не исключительнымъ, направленіемъ княжеско-военной колонизаціи было направленіе на востокъ по самой Волгѣ и Овѣ съ лѣвыми ея притоками, Клязьмой и Москвой-рѣкой. Кромѣ того, колонизація шла также и на западъ, и на сѣверъ. Западное и сѣверное направленіе княжеско-военной колонизаціи пало на долю Ростовскаго княженія; ему же

(*) См. нашихъ очерковъ главу 2-ю, стр. 64—66: Снес. тоже главу 1-ю, стр. 49—60.

принадлежит заселеніе верховьевъ Волги. Инициатива восточнаго направленія княжеской колонизаціи, стремленіе въ низовья Волги по Овѣ и ея притокамъ, принадлежит великимъ князьямъ Владимірскимъ и князьямъ Суздальскимъ⁽⁸⁸⁾.

По Клязьмѣ колонизація направлялась внизъ по ея теченію. Главными цѣлями этой колонизаціи были: во 1-хъ, утвержденіе на Овѣ, для защиты предѣловъ Ростовско-Суздальской земли отъ притязанія Рязанскихъ князей, и во 2-хъ, защищеніе пути изъ Владиміра на Волгу, старинную дорогу въ землю Болгарскую и въ Хвалисы. До сихъ поръ по Клязьмѣ, преимущественно по ея правому берегу, отъ Владиміра до впаденія Клязьмы въ Оку, существуетъ рядъ селеній, носящихъ названіе „городковъ“ и „городищъ“, вблизи которыхъ находятся остатки земляныхъ укрѣпленій; г. Равевскій, редакторъ „списва населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи“, насчитываетъ пять такихъ селеній, изъ которыхъ одно находится на лѣвомъ берегу Клязьмы, а четыре на правомъ ея берегу⁽⁸⁹⁾. Лѣтописи также упоминаютъ о существованіи городовъ по Клязьмѣ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ о Гороховцѣ, городеѣ на Клязьмѣ, состоявшемъ во владѣніи Владимірскаго Успенскаго Собора⁽⁹⁰⁾. Кромѣ Гороховца, лѣтопись называетъ еще Стародубъ и Ярополчъ⁽⁹¹⁾.

Колонизаціонное движеніе князей по Москвѣ-рѣкѣ шло на западъ, по ея верховью, и на востокъ, къ низовью, слѣ-

(88) Княжеско-военную колонизацію въ предѣлахъ собственно Ростовскаго княжества и его удѣловъ мы рассмотримъ подробно въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ, а здѣсь, для полноты общей картины бѣльшаго и бѣльшаго распространенія Великорусскаго племени въ землѣ Ростовско-Суздальской и постепеннаго расширенія этого племени на востокъ, — мы остановимся на колонизаціонномъ движеніи в. князей Владимірскихъ и князей Суздальскихъ.

(89) Сп. насел. мѣстъ Влад. губ., *введ.* с. 46. См. также Влад. Сборникъ. Тихонова, с. 63—64.

(90) Подъ 1237 г. лѣтопись въ первый разъ упоминаетъ «градъ св. Богородицы» Гороховецъ, въ числѣ городовъ, вятыхъ Татарами. П. С. Л. I, 198; VII, 144.—Въ позднѣйшемъ спискѣ городовъ Гороховецъ показанъ въ числѣ городовъ «Залѣскихъ». (Ibid. VII, 244).

(91) П. С. Л. VII, 125 и 241.—Погодина: Исслѣд., замѣчанія и лекціи. IV, 289.—Спис. сп. насел. м. Влад. губ. *введ.*, стр. 46.

дѣя исконному стремленію Славянъ, при утвержденіи на рѣкѣ завладѣвать ея верховьемъ и устьемъ. Вслѣдствіе этого стремленія Суздальскіе, а цѣломъ Московскіе князья стали добывать себѣ, прежде всего, Можайскъ, лежащій въ верховьи Москвы-рѣки, и Коломну, охранявшую устье этой рѣки на Окѣ—чѣмъ и объясняются непріязненные отношенія Суздальскихъ князей къ князьямъ Рязанскимъ, а Московскихъ князей къ Рязанскимъ и Смоленскимъ. При движеніи по верховьямъ рѣки Москвы, вѣроятно, въ періодъ времени XII—XIII вѣковъ основаны Звѣнигородъ и Руза. Звѣнигородъ былъ передовымъ стратегическимъ пунктомъ при этомъ движеніи. Это можно заключить изъ того, что мѣсто, на которомъ основанъ Звѣнигородскій Саввинъ монастырь, во второй полов. XIV в. называлось изстари „сторожами“, вслѣдствіе чего и самый монастырь назвался „Сторожевскимъ“⁽⁴²⁾. Городъ Бронницы, лежащій въ низовьи Моквы-рѣки, имя котораго впервые встрѣчается въ XV в., могъ быть однимъ изъ давнишнихъ укрѣпленій по Москвѣ-рѣкѣ⁽⁴³⁾. Самое имя „Бронницы“ указываетъ на военное значеніе этого поселенія.

Путемъ на Волгу Владимірскіе и Суздальскіе князья входили въ столкновеніе съ Болгарами⁽⁴⁴⁾ и съ Мордвою.

(42) Арх. Амвросія: «Ист. Росс. іерарх.» ч. II, с. 548 и слѣд.—А. Ратшина: «Поли. собр. ист. свѣд. овсѣхъ монаст. и примѣчат. церкв. въ Россіи». с. 218—220. Снес. Списки насел. мѣстъ Московск. губ., введ. стр. 16.

(43) Сп. насел. мѣстъ Московск. губ., введ. стр. 18.

(44) По мнѣнію Н. А. Фирсова, Болгары Волжскіе не были отдѣльнымъ народомъ, отличавшимся отъ сосѣдей происхожденіемъ. Болгары, по мнѣнію главнаго города страны, назывались всѣ вообще обитатели правобж. подчинившіеся власти Болгарскаго царя, а въ особенности тѣ, которые жили въ городахъ (См. Н. А. Фирсова: «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточн. Россіи въ Московскомъ государствѣ». Казань 1866 г., с. 7 и 8).

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ 103-мъ примѣчаніи ко 2-й главѣ нашихъ очерковъ, о Болгарахъ Волжскихъ. См. также: Н. Березина: «Булгары на Волгѣ», Уч. Зап. Каз. Университета 1852 г. кн. 3-я и П. С. Савельева: «Нов. источн. Болгарск. исторіи для объяснен. хронологіи и генеалогіи Болгарск. госуд. IX в.», Ж. М. Н. Пр., ч. XLII, отд. II, с. 152.—Снес. также Frehn'a: «Ibn-Forzlan's und andere Araber Berichte» Spb. 1823.

Въ 1164 году лѣтомъ Андрей Боголюбскій предпринялъ большой походъ въ землю Болгарскую. Съ нимъ пошли: братъ его Ярославъ, сынъ Изяславъ и Муромскій князь Юрій. Передъ походомъ боголюбивый князь Андрей причастился св. таинъ и, припадая со слезами къ иконѣ Владимирской Богоматери, просилъ у нея заступничества и побѣды на „безбожныя Агаряны Болгарскіе“. Икону, по своему обычаю, онъ велѣлъ нести передъ войскомъ священникамъ, облаченнѣмъ въ ризы. Князю Андрею былъ видѣнъ лучъ, исходящій отъ иконы и освѣщавшій его полкъ. „Се бысть новое чудо св. Богородицы Владимирской“, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ. Походъ былъ удаченъ вполне. Болгарскій городъ Брахимовъ былъ взятъ, а „предніи города“—сожжены. Болгарскій князь въ страхѣ убѣжалъ съ небольшимъ отрядомъ къ Великому городу. На Болгарь была наложена дань. Съ торжествомъ вернулся Боголюбскій во Владимиръ, благодаря Бога за побѣду.⁽⁴⁵⁾

Далеко не такъ удаченъ былъ зимній походъ на Болгарь въ 1172 г.; походъ этотъ едва не кончился совершенною гибелью войска Андрея Боголюбскаго и подручныхъ ему князей. „Бысть не любъ путь всѣмъ людемъ, говоритъ лѣтописецъ, негодно бо есть зимѣ воевати Болгарь“. Многие плакали, идя въ походъ по неволѣ⁽⁴⁶⁾. На этотъ разъ Андрей послалъ сына своего Мстислава. На устьи Оки онъ долженъ былъ ждать двѣ недѣли князей Рязанскаго и Муромскаго; люди его роптали, а потому Мстиславъ не дождавшись князей, съ малою дружиною двинулся на Болгарь, оставивъ главные войска и „нарядъ весь“ подъ начальствомъ воеводы Бориса Жидиславича. Первые подвиги Мстислава были удачны: захвативъ въ расплохъ Болгарь, онъ взялъ одинъ городъ и шесть большихъ селъ, перебилъ пропасть народу и набралъ много плѣнныхъ. Болгары, услышавъ, что у Мстислава малая дружина, собрали между тѣмъ 6000-ное войско, и чуть-чуть не настигли Мстислава, который еле-еле успѣлъ убѣжать отъ нихъ и соединиться съ Борисомъ Жидиславичемъ

⁽⁴⁵⁾ П. С. Л. I, 150—154; VII, 77; IX, 230; XV, 230—236.

⁽⁴⁶⁾ Ibid. I, 155; IX, 247.

на устьи Оки. Войска возвратились во Владиміръ „въ нуждѣ“, т. е. въ весьма плохомъ состояніи⁽⁴⁷⁾.

Въ 1183 г. Всеволодъ Юрьевичъ пошелъ на Болгаръ съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, Рязанскими князьями Романомъ и Игоремъ, и Муромскимъ княземъ Владиміромъ. Черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, бывшій въ то время съ Всеволодомъ въ пріязни, прислалъ къ нему сына своего Владиміра и племянника Мстислава Давидовича. Всеволодъ, — вѣроятно, помня опасность, въ которой находился въ 1172 г. Мстиславъ Андреевичъ, — принялъ всѣ мѣры предосторожности. Высадившись въ Исадахъ, онъ оставилъ тамъ, при лодкахъ одинъ Бѣлозерскій полкъ подъ начальствомъ воеводъ, Оомы Назавовича и Дорожая, — самъ же, съ остальными князьями и главнымъ войскомъ, двинулся вглубь земли Болгарской къ самому Великому городу, разсылая впередъ развѣдныя отряды. На пути пристали къ нему Половцы, „Емязове“ (какъ сказано въ лѣтописи), пришедшіе тоже воевать землю Болгарскую. При осадѣ Великаго города былъ тяжело раненъ Изяславъ Глѣбовичъ. Болгары собрали силу въ 5000 человекъ и направились къ Исадамъ, оставивши Всеволода осаждать Великій городъ. Подъ Исадами они потерпѣли отъ Бѣлозерскаго полка совершенное пораженіе и стали просить у Всеволода мира. Всеволодъ, простоявъ подъ Великимъ городомъ десять дней, и, видя что Изяславъ изнемогаетъ отъ раны, согласился на миръ и едва успѣлъ дойти до своихъ лодій, какъ Изяславъ умеръ. Съ тѣломъ племянника поѣхалъ Всеволодъ, сопровождаемый остальными князьями съ дружинами ихъ, во Владиміръ по Волгѣ, а конное войско было послано черезъ землю Мордовскую⁽⁴⁸⁾.

До конца жизни Всеволода (1213) Болгары не беспокоятъ Ростовско-Суздальскую землю своими набѣгами и противъ нихъ не предпринимается походовъ. Всеволодъ умѣлъ ладить съ своими грозными сосѣдями. Но едва онъ умеръ, — Болгары снова поднимаютъ голову. Въ 1218 г. Болгары явились подъ Устюгомъ и взяли его „лестью“ т. е. обма-

(47) Ibid. I, 153; II, 106—107; VII, 88; IX, 230.

(48) Ibid. I, 164—165; II, 123—126; VII, 96—97.

помъ; потомъ пошли къ Унжѣ, но унжане отбились отъ нихъ⁽⁴⁹⁾.

Черезъ два года, въ 1220 г. предпринимается опять огромный походъ на Болгаръ, такъ сказать цѣлая военная экспедиція. Главной, предводителемъ этого похода является Святославъ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрія. Съ нимъ послали свои войска: братъ его князь Переяславскій Ярославъ, Давидъ Муромскій и Юрій Рязанскій; послѣдніе двое послали сыновей своихъ. Всѣ эти войска двинулись Волгой и осадили г. Опель, который былъ зажженъ и взятъ приступомъ 15 июня. Множество богатствъ и плѣнниковъ досталось побѣдителямъ, и Святославъ, придя къ Исадамъ, велѣлъ на радостяхъ распустить стаги и играть музыкѣ. Изъ Исады на лодяхъ спустился онъ къ устью Камы, гдѣ соединился съ Ростовскимъ воеводою Воиславомъ Добрыничемъ, посланнымъ княземъ Ростовскимъ Василькомъ въ землю Болгарскую верховьями Камы. Воиславъ покорилъ по Камѣ много городовъ и селъ и плѣнилъ всѣ области. Во Владимірѣ на Клязьмѣ встрѣтилъ побѣдителя Святослава великій князь Юрій съ дѣтьми и „честь велику возда ему и всѣмъ воемъ за три дни“,—т. е. въ продолженіи трехъ дней былъ пиръ⁽⁵⁰⁾.

Зимой слѣдующаго 1221 г. великій князь Юрій сталъ самъ „рядиться“ на Болгаръ. Болгары, напуганные побѣдами Суздальцевъ въ прошломъ году, прислали къ Юрію пословъ съ челобитьемъ о мирѣ; онъ не принялъ ихъ челобитья и началъ собирать войска. Велѣвши Васильку, князю Ростовскому идти на Городецъ, онъ самъ пришелъ на Омутъ (?). Тамъ явились къ нему другіе послы Болгарскіе съ просьбой о мирѣ, но и тѣхъ Юрій отпустилъ безъ мира. Когда великій князь пришелъ въ Городецъ, Василько Ростовскій ждалъ уже его тамъ. Болгары посылаютъ къ Юрію третьихъ пословъ со многими дарами. На этотъ разъ Юрій, наконецъ, смиловался и „дасть имъ миръ по давному, какъ

(49) Ibid. I, 245; VII, 126.

(50) Ibid. XV, 330 и 331—самое подробное описаніе этого похода. Коротче въ Лаврентьевской Лѣтописи (I, 188) и въ Воскресенской (VII, 126).

было при отцѣ его Всеволодѣ“. Онъ послалъ привести Болгарь къ присягѣ, а самъ возвратился во Владиміръ⁽⁶¹⁾.

То былъ послѣдній, занесенный въ лѣтопись, походъ Суздальскихъ князей на Болгарь. Въ томъ же 1221 году на устьи Оки, около того мѣста, гдѣ сходились изъ разныхъ земель князія дружины на общаго врага—Болгарь, заложень великимъ княземъ Юріемъ Новгородъ—Нижній⁽⁶²⁾. Нижній съ одной стороны является результатомъ торжества надъ Болгарами, а съ другой—становится защитой отъ Мордвы, безпokoившей своими набѣгами окраины земли Ростовско-Суздальской.

Подробныя лѣтописныя сказанія о походахъ Ростовско-Суздальскихъ князей въ землю Болгарскую представляютъ любопытныя данныя для географіи и этнографіи этой земли.

Границей, или, лучше сказать, крайнимъ урочищемъ Болгарской земли къ землѣ Мордовской была рѣка Цѣвца, а на востокъ—рѣка Янъ⁽⁶³⁾. При устьи Цѣвци на Волгѣ былъ островъ Исады, служившій обыкновенной пристанью для лодій Суздальскихъ князей, на которыхъ они отправляли свои войска въ землю Болгарскую. Кромѣ Цѣвци въ лѣтописи упоминается еще въ землѣ Болгарской рѣка Черемисанъ, протекавшая около Великаго города, самаго замѣчательнаго изъ Болгарскихъ городовъ по своей обширности и торговлѣ. Городъ этотъ лежалъ на Волгѣ, противъ устья Камы, и развалины его до сихъ поръ напоминаютъ потомству о сильномъ въ дно время Болгарскомъ царствѣ. Кромѣ Великаго города было еще много городовъ, изъ которыхъ по именамъ извѣстны: Брахимовъ (на Камѣ), Тувчинъ (лежалъ въ Ростовско-Суздальской землѣ ближе Великаго города), Собекулъи, Челмать (на Камѣ, или на Волгѣ ниже Великаго города), Торцкій городъ (около

⁽⁶¹⁾ П. С. Л. XV, 332.—См. у Татищева: «Ист. Россіи». III, с. 418—421.

⁽⁶²⁾ П. С. Л. I, 189; XV, 334. Татищевъ (Ист. Росс. III, 428) говоритъ, что Нижній-Новгородъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ «издавна былъ градъ Болгарскій и отъ Русскихъ разорень».—Смачите Мельникова: «Очерки Мордвы». Р. В. 1867 г. кн. 6 стр. 497—примѣч. и наше 44-е примѣчаніе къ наст. главѣ.

⁽⁶³⁾ П. С. Л. I, 192. .

Волги, выше Великаго города) и Ошелъ, богатый торговлею, по преданію построенный Александромъ Македонскимъ (тоже выше Великаго города). Точное мѣстоположеніе всѣхъ этихъ городовъ опредѣлить невозможно.

Болгарскій городъ былъ обведенъ кругомъ *дубовымъ тыномъ*, или *острогомъ*, за которыми помѣщались, два *оплота*, отдѣленные одинъ отъ другаго *землянымъ валомъ*; эти оплоты, по всей вѣроятности, составлялись изъ сколоченныхъ бревенъ⁽⁸⁴⁾. Иногда, впрочемъ, оплоты ставились, вмѣстѣ того и передъ острогомъ, для защиты легкаго пѣшаго отряда⁽⁸⁵⁾. Кромѣ городовъ у Болгаръ были и *села*, отличавшіяся, по всей вѣроятности, только тѣмъ отъ города, что не были укрѣплены. Лѣтописи различаютъ разныя вѣтви Болгаръ, составлявшія независимыя другъ отъ друга области и управлявшіяся особыми князьями. Такъ имъ извѣстны: Болгары „Серебрянныя“, въ области которыхъ былъ Великій городъ, „Собѣвуляне“, „Чалмати“ и „Темтюзи“⁽⁸⁶⁾. Въ какомъ іерархическомъ отношеніи находились эти области и князья между собою?, какое было правленіе у Болгаръ?—на такіе вопросы лѣтопись положительно не даетъ ни какого отвѣта.

Съ XIII в. къ Болгарамъ начинается проникать Христіанство, по всей вѣроятности, изъ земли Ростовско-Суздальской. Лѣтопись рассказываетъ, что въ 1229 г., въ Великомъ городѣ былъ убитъ Болгарамъ христіанинъ, „торговый человекъ“ Авраамій, происхожденіемъ не русскій, „а инаго языка“. По словамъ лѣтописца, Богъ наказалъ Болгаръ за смерть Авраамія страшнымъ пожаромъ, истребившимъ почти весь ихъ богатый Великій городъ и всѣ склады товаровъ, въ немъ бывшіе. Авраамій былъ похороненъ въ Великомъ городѣ на кладбищѣ, *„идеже и прочіихъ христіанъ погребаху въ земль Болгарской“*⁽⁸⁷⁾.

⁽⁸⁴⁾ П. С. Л. XV, 330—331.

⁽⁸⁵⁾ Ibid. I, 164—165; VII, 96—97.

⁽⁸⁶⁾ Ibid. II, 126; XV, 530—331. «По Камѣ вѣдана многи грады, и села и области». (XV, 330).

⁽⁸⁷⁾ Ibid. I, 192; VII, 133.—Объ Аврааміи см. статью въ Казанск. губ. вѣд. 1847 г., № 19.

Столкновения съ Мордвой упоминаются въ лѣтописи съ Всеволода Юрьевича. Первое извѣстіе о недружелюбныхъ его отношеніяхъ къ Мордвѣ находится, какъ мы видѣли выше, въ описаніи его большого похода на Болгарь въ 1183 г. (**). Но молчаніе лѣтописи о столкновенияхъ до Всеволода не есть еще доказательство того, что столкновений этихъ не было. Молчаніе лѣтописи можетъ быть принято только какъ указаніе того, что столкновения эти не обращали на себя вниманія лѣтописца, а не обращали они его вниманія потому, что столкновения съ Мордвой были заслонены большими походами на Болгарь. О столкновенияхъ съ Мордвой Ростовско-Суздальскихъ князей еще при Андрѣе Боголюбскомъ можно уже заключить изъ того, что во время походовъ на Болгарь сборнымъ мѣстомъ княжихъ дружинъ было устье Оки, около котораго сѣздавна жила Мордва. На этомъ сборномъ мѣстѣ возникаетъ Нижній-Новгородъ. Столкновения съ Мордвой, вызвавшія построеніе Нижняго, о которыхъ молчитъ лѣтопись, закрѣплены за исторіей памятью народной. Народныя преданія, русскія и мордовскія, о возникновеніи Нижняго весьма любопытны по своимъ подробностямъ.

По одному русскому преданію, на томъ мѣстѣ гдѣ теперь Нижній, во времена стародавнія жилъ знатный, сильный Мордвинъ по имени Свворецъ, который былъ женатъ на 17-ти женахъ и имѣлъ отъ нихъ 70 сыновей; всѣ они жили вмѣстѣ, занимаясь скотоводствомъ. Свворецъ спросилъ о судьбѣ сыновей своихъ у чародѣя Дятела, тоже Мордвина, жившаго въ ущельи горъ, около Оки. Дятель отвѣчалъ, что если дѣти Свворца будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, то долго будутъ обладать этими мѣстами, если же поссорятся, то будутъ покорены Русскими, которые поставятъ здѣсь на Окѣ крѣпкій городъ. Послѣ этого отвѣта Дятель умеръ; за нимъ вскорѣ умеръ и Свворецъ. Сыновья и внуки Свворца жили между собою въ мирѣ, но потомки ихъ размножились и стали враждовать другъ съ другомъ. Предсказаніе Дятела исполнилось. Святой князь Андрей Боголюбскій согналъ ихъ съ устья Оки, а другой святой князь,

(**) П. С. Л. I. 165.

Георгій поставилъ на Дятловыхъ горахъ Нижній-Новгородъ (**).

Другое русское же народное преданіе говоритъ, что на устьѣ Оки, въ стародавнія времена жилъ Мордвинъ Абрама съ своими 17-ю сыновьями въ 17-ти домахъ. Онъ былъ „пановъ“ мордовскій. Когда Абрама услышалъ, что Русскіе собираются на Мордву, онъ укрѣпилъ свое селеніе, которое стало съ тѣхъ поръ зваться „Абрамовымъ городкомъ“. Русскіе взяли этотъ городокъ, сожгли его, а жителей перебили и поставили выше по Овѣ свой городокъ. Мордва, услыхавъ о гибели Абрама и его городка, выступила противъ Русскихъ; Русскіе отбились отъ нея, потому что были на коняхъ, а Мордва была пѣшая. Узнавъ объ этомъ, русскій великій князь самъ двинулся на Мордву и, завладѣвъ ея землями по Волгѣ и Овѣ, основалъ на Овѣ Нижній-Новгородъ (**).

Мордовское преданіе о подчиненіи Мордовской земли Суздальскому князю весьма характеристично; оно сохранилось въ формѣ былины о „*Мурзѣ—Московскомъ царѣ*“. На Дятловыхъ горахъ, говоритъ былина, молилась Мордва своему богу. По Волгѣ ѣдетъ Мурза—Московской царь и видитъ, что на Дятловыхъ горахъ „березникъ мотается, къ землѣ матушкѣ преклоняется“. Мурза посылаетъ своихъ слугъ посмотрѣть вблизи, что это за березникъ? Слуги пошли къ Дятловымъ горамъ и, возвратившись, объявили Мурзѣ, что это „не березникъ мотается, а Мордва своему богу молится, къ землѣ матушкѣ преклоняется“. Мурза спрашиваетъ слугъ о томъ, какъ молится Мордва? Они ему рассказываютъ подробно о мордовскомъ „молянѣ“. Мурза даритъ „мордовскимъ старикамъ“ боченокъ золота. Старикъ посылаетъ Мурзѣ—Московскому царю за его подарокъ въ даръ: *медъ*, *хлѣбъ* и *соль*. Послали они свои дары съ „молодыми ребятами“, которые, уставши, поѣли медъ, хлѣбъ и соль и вмѣсто нихъ навляли на блюдо *земли* и *песку* и поднесли ихъ Мурзѣ—Московскому царю. Онъ принялъ это за знакъ

(**) Ст. Мельникова: «Очерки Мордвы» Р. В. 1867 г. кн. 6-я стр. 494.

(**) Ibid. с. 495—498. и соответствующія имъ подстрочныя примѣчанія.

подчиненія себѣ земли Мордовской и восхвалялъ Бога. Поплылъ Мурза по Волгѣ и

„гдѣ бросить земли горсточку,—
быть тамъ градечку,
гдѣ бросить щепоточку,—
быть тамъ селеньицу“⁽⁶¹⁾.

Но Мордва не сразу подчинилась Великокорусскому племени. Она, напротивъ, возставала противъ непрошенныхъ гостей въ своей землѣ. Съ основанія Нижняго-Новгорода, съ 1221 г., тянется рядъ походовъ Суздальскихъ князей противъ Мордвы. Такъ, въ 1226 году ходили на Мордву братья Юрія, Святославъ и Иванъ⁽⁶²⁾. Въ 1228 г. Юрій послалъ туда Ростовскаго князя Василько Константиновича и своего „мужа“ Еремѣя Глѣбовича, но они должны были возвратиться изъ-за Нижняго „на предѣлахъ Мордовскихъ“ „зана погода ямъ не бысть и бяхуть бо дождеве велми день и ночь“⁽⁶³⁾. Зимой того же 1222 года былъ предпринятъ большой походъ на Мордву соединенныхъ князей Ростовскихъ, Суздальскихъ и Рязанскихъ. Въ немъ участвовали: великій князь Юрій Всеволодовичъ съ братомъ Ярославомъ, Ростовскіе князья, Василько и Всеволодъ Константиновичи и Муромскій князь Юрій Давидовичъ. Муромскій князь, идя изъ своей области, вошелъ въ Мордовской землѣ въ „Пургасову волость“ и предалъ ее полному раззоренію, такъ что „нашимъ князьямъ“, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ, „не бысть кого восвати“⁽⁶⁴⁾. Пургась, одинъ изъ племенныхъ старѣйшинъ Мордвы, волость котораго подверглась такому раззоренію, явился въ слѣдующемъ 1229 г. подъ Нижнимъ, но былъ отбитъ⁽⁶⁵⁾. Въ томъ же году былъ новый походъ на „Мордву Пургасову“ великаго князя Юрія съ братьею и Пургась былъ наконецъ укрощенъ⁽⁶⁶⁾. Подъ 1232 г. лѣтопись упоминаетъ послѣдній походъ Суздальскихъ и Рязанскихъ князей на Мордву, которой было много избито⁽⁶⁷⁾.

⁽⁶¹⁾ Ibid. с. 498—501.

⁽⁶²⁾ П. С. Л. I, 190; VII, 133.

⁽⁶³⁾ Ibid. I, 191.

⁽⁶⁴⁾ Ibid. 191—192

⁽⁶⁵⁾ Ibid. 192.

⁽⁶⁶⁾ Ibid. XV, 352.

⁽⁶⁷⁾ Ibid. I, 196.

Изъ довольно краткихъ лѣтописныхъ извѣстій объ этихъ походахъ мы можемъ все таки почерпнуть нѣкоторыя данныя для этнографіи и быта Мордвы въ XIII в.

Мордва, какъ видно изъ этихъ извѣстій, построениемъ Нижняго была отгѣснена гораздо далѣе за Оку; очевидно она отбѣжала вглубь своихъ лѣсовъ при водвореніи на Окѣ Суздальцевъ. Мордва раздѣлялась на нѣсколько козѣвъ, поволаѣній, имѣвшихъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, старѣйшинъ, изъ которыхъ лѣтопись называетъ Пургаса и Пурешу. Волость первая, очевидно, была ближе къ Муромскимъ предѣламъ, какъ мы видѣли выше, а Пуреша, какъ кажется, жилъ съ своимъ поволаѣніемъ ближе къ Волгѣ, ближе къ Болгарскимъ предѣламъ, потому что на него дѣлали нападенія князя Болгарскіе. Пуреша былъ „ротникъ“, т. е. присяжникъ великаго князя Юрія Всеволодовича (**). Пургасъ съ Пурешей жили между собою въ неладахъ; причину этихъ неладовъ очевидно слѣдуетъ искать въ подчиненіи волости Пурешы Суздальскому князю. Этими неладами пользовался Юрій для утвержденія среди непокорной Мордвы великорусскаго элемента: такъ изъ извѣстія Лаврентьевской лѣтописи подъ 1229 г. обь одной изъ усобицъ между Пургасомъ и сыномъ Пурешы, видно, что въ Пургасовской волости была какая то „Русь“; очень можетъ быть, что это была великорусская колонія (**). „Мордва Пургасова“, какъ видно изъ лѣтописи, занималась въ XIII в., не только охотою и звѣроловствомъ, но и скотоводствомъ и земледѣліемъ. У Мордвы были селенія, ни чѣмъ не защищенныя отъ непріятельскихъ вторженій, такъ что Мордва должна была укрываться въ этомъ случаѣ въ своей „тверди“, въ лѣсахъ. Сражаясь постоянно пѣшею, Мордва могла тамъ успѣшнѣе отбиваться отъ конныхъ дружинъ Ростовско-Суздальскихъ и Рязанскихъ князей⁽¹⁰⁾. Столкновеніями Великорусскаго племени въ Ростовско-Суздальской землѣ съ Мордвой открывалась вторая

(**) Ibid 191.—Г. Мельниковъ говоритъ, что Тургасъ жилъ на Мокшѣ («Очерки Мордвы». Р. В. 1867 г., 6, с. 501).—Нельзя ли, по этому, Пургасову волость почестъ за Мордву—Мокшу, имѣвшую, какъ мы видѣли, нѣкоторое соотношеніе къ Мери? (См. нашихъ очерковъ гл. I, стр. 22 и 23 и 49-е и 54-е примѣч.)

(**) Ibid. 192.

(10) Ibid. 190—192.

фаза этнографической истории этой земли. Въ первую фазу этнографической истории, претворивъ Мерю въ народность Велико-русскую, славянорусскій элементъ стремится далѣе на востокъ и на пути встрѣчаетъ другое чудское племя, Мордву. Эта вторая фаза заканчивается встрѣчей съ новымъ невѣдомымъ народомъ.

Въ 1223 году на югѣ Россіи появляется невѣдомый, страшный народъ—Татары. Разсказавъ о пораженіи южныхъ князей на Калкѣ этими Татарами, одинъ изъ Суздальскихъ лѣтописцевъ такъ заключаетъ свое повѣствованіе: „сихъ же злыхъ *Татаръ—Таурменъ* не свѣдаемъ откуда были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять, только Богъ вѣсть!“⁽¹⁾ Семь лѣтъ спустя прибѣжали въ землю Болгарскую Половцы снизу, а вслѣдъ за ними Болгарскіе сторожи съ Лика и объявили снова о Татарахъ.⁽²⁾ Вслѣдъ за этимъ, въ 1230 г. Татары пришли въ землю Болгарскую и зимовали тамъ, не дойдя до Великаго города⁽³⁾, а въ 1236 году—они взяли этотъ „славный“ Великій городъ, ограбили и сожгли его, избили всѣхъ отъ старца до младенца и „плѣниша всю землю Болгарскую“⁽⁴⁾. Общее несчастье соединяетъ враговъ. Лѣтописецъ позабылъ свою злобу въ Болгарамъ и съ участіемъ и сожалѣніемъ оплакиваетъ ихъ горькую участь, постигшую ихъ отъ „безбожныхъ Татаръ“.

Въ 1227 году Татары, „окаяннии кровопійцы“, плѣнили землю Ростовско-Суздальскую. Владиміръ былъ взятъ приступомъ и разрушенъ, в. князь Юрій палъ въ неравномъ бою съ Татарскими полчищами на берегахъ рѣки Сити. Ростовъ, Суздаль и всѣ города земли были преданы огню и мечу. Татары, какъ кипящая лава, разлились по всей землѣ. „Нѣсть мѣста, ни веси ни селъ тацѣхъ рѣдко,—говоритъ оторопѣвшій Владимірскій лѣтописецъ—идѣше не воеваша на Суздальской земли“⁽⁵⁾. „Сотворися велико зло Суж-

⁽¹⁾ Ibid. 219.

⁽²⁾ Ibid. 192.

⁽³⁾ Ibid. 195; XV, 359.

⁽⁴⁾ Ibid. 196. и 224; XV, 364.

⁽⁵⁾ Ibid. П. С. Л. I, 198.

дальской земли; яко же зло не было на отъ крещенія, яко же бысть нынѣ“.... (16)

Такъ началось татарское завоеваніе, называемое обыкновенно „игомъ монгольскимъ“. Владычество Татаръ надъ Русской землей тяготѣло почти два съ половиной вѣка. Это владычество, значеніе котораго въ исторіи нашего національнаго развитія до сихъ поръ еще не уяснено должнымъ образомъ, остановило начавшееся поступательное движеніе Великоорусскаго племени на востокъ. Поэтому въ исторіи колонизаціоннаго движенія этого племени періодъ такъ называемаго монгольскаго являетъ собою третью фазу. Эта фаза характеризуется двумя явленіями въ этнографической исторіи Великоорусскаго племени. Первое явленіе можно назвать отрицательнымъ, второе—положительнымъ. Отрицательное явленіе есть задержка дальнѣйшаго распространенія Великоорусскаго племени на востокъ; явленіе положительное—заключается въ обратномъ этнографическомъ движеніи Татаръ въ землю Ростовско-Суздальскую. Съ XV в., при разложеніи Золотой орды, возобновляется поступательное движеніе Великоорусскаго племени на востокъ; взятіемъ Казани во второй половинѣ XVI в. Великооруссы окончательно обезпечиваютъ себѣ перевѣсъ надъ восточкомъ.

Монастырская колонизація съ конца XII до первой половины XIII в. сосредоточивается преимущественно въ области верхняго теченія Волги, въ территоріи княжества Ростовскаго, а потому, мы коснемся ея ниже, при спеціальномъ разсмотрѣніи Ростовскаго княжества. Въ области Клязьмы и ея притоковъ колонизація монастырской нѣтъ почти вовсе. Здѣсь монастыри строятся преимущественно князьями въ городахъ: Владимірѣ и Суздальѣ.

Изъ монастырей, построенныхъ Андреемъ, извѣстны, кромѣ монастыря Боголюбскаго, Спасскій и Козьмодемьянскій, оба во Владимірѣ (17). Къ эпохѣ же Андрея Боголюбскаго можно отнести возникновеніе Переяславскаго монастыря, гдѣ под-

(16) Ibid. 197.

(17) А. Ратшинъ: «Поли. собр. ист. свѣд. о монаст. и церкв. въ Россіи», с. 43.

визался св. Никита Столпникъ, убитый въ 1186 году ⁽⁷⁸⁾. Всеволодъ, большое-гнѣздо и сынъ его Юрій украшали преимущественно Владиміръ, свой стольный городъ, а Юрій, кромѣ того, еще и Суздаль, составлявшій его удѣлъ ⁽⁷⁹⁾. Во вновь построенныхъ Юріемъ городахъ, кромѣ церквей, возникали и монастыри. Такъ мы видимъ Богородицкій монастырь въ Нижнемъ-Новгородѣ ⁽⁸⁰⁾. При Всеволодѣ и Юріѣ возникли слѣдующіе монастыри, построенные князьями: во Владиміръ—Успенскій, Вознесенскій, Рождественскій, Царьконстантиновъ и Княгининъ, женскій, въ которомъ построилась вдова великаго князя Всеволода; въ Суздаль—Рязоположенскій, женскій ⁽⁸¹⁾.

Мы уже замѣтили въ началѣ этой главы, что въ эпоху Андрея Боголюбскаго Христіанство окончательно утверждается въ Ростовско-Суздальской землѣ и что православіе начинаетъ пріобрѣтать съ этого времени, такъ сказать, политическое значеніе. Сознаніе земли Ростовско-Суздальской опредѣляется чудесами Владимірской иконы Божіей матери и заступничествомъ покровителя этой земли, св. Леонтія Ростовскаго.

Въ 1160 году въ Ростовѣ былъ пожаръ, истребившій всѣ церкви и въ томъ числѣ деревянную соборную церковь; вмѣсто нея была построена Андреемъ новая, каменная ⁽⁸²⁾. Во время этого пожара была открыта мощи святыхъ Леонтія и Исаи. Боголюбскій самъ отправился въ Ростовъ, по окончаніи постройки каменной церкви, и съ торжествомъ перенесъ мощи св. Леонтія въ новую церковь. Андрей былъ очень счастливъ открытіемъ мощей. Онъ со слезами припалъ къ рабѣ святаго и благодарилъ Бога за то, что Богъ сподобилъ его видѣть св. мощи въ области его царства^а.

⁽⁷⁸⁾ Ibid. стр. 32. Житіе св. Никиты Переяславскаго, въ Рубриконск. Сборн. Имп. Публ. Библ. № 640, л. 105—117. Снес. Филарета: «Русскіе святые», мѣсяцъ май, стр. 176—182.

⁽⁷⁹⁾ П. С. Л. I, 184, 185, 188, 189, 190, 191, 193—194; 196, 197; XV, 355, 360.—Снес. наме. примѣч. 91-е.

⁽⁸⁰⁾ П. С. Л. I, 192.

⁽⁸¹⁾ А. Ратшинъ: Полн. собр. ист. свѣд. о монаст. и церк. въ Россіи. с. 44, 43, 42, 40 и 41.

⁽⁸²⁾ Житіе св. Леонтія Ростовскаго. Пр. Собес. 1858, кв. 2-я. с. 311.

„Теперь я уже ни чѣмъ *неоужденъ* передъ другими“, восклицалъ Боголюбскій. Леонтій сталъ святымъ—покровителемъ всей Ростовско-Суздальской земли. Съ тѣхъ поръ начинается рядъ чудесъ у раки св. Леонтія и въ житіи его и церковной ему службѣ, составленныхъ по случаю открытія мощей, является такая похвала святому: „Римская земля хвалитъ Петра и Павла, Греческая земля—Константина-царя, Киевская—князя Владиміра; а Ростовская земля тебя, великій святителя Леонтіе, *ублажаетъ, сотворшаго дѣло равноапостольнаго*“⁽⁸³⁾. Исаія, мощи котораго были открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія, оставался до поры до времени „въ великомъ небреженіи“, по словамъ его житія. Мощи св. Исаи были скромно поставлены въ притворѣ церкви⁽⁸⁴⁾.

Старый Ростовъ, уступившій земское первенство Владиміру, своему пригороду,—получаетъ съ открытіемъ мощей св. Леонтія значеніе религіознаго центра земли, съ этого времени за Ростовомъ то религіозное значеніе, которое поставило его въ глазахъ благочестивыхъ нашихъ предковъ на ряду съ Киевомъ и Новгородомъ, старѣйшими вмѣстителями русской святыни,—то религіозное значеніе, которое мѣтко охарактеризовано въ народной пословицѣ: „бздилъ чортъ въ Ростовъ, —испугался крестовъ“.

Желаніе Андрея и Θεодора учредить отдѣльную митрополию во Владимірѣ, какъ мы видѣли, не удалось. За Ростовомъ сохранилось законное право церковно-іерархическаго главенства земли. Преемники Θεодора при Всеволодѣ, Лука и Іоаннъ живутъ только по временамъ во Владимірѣ и отличаются отсутствіемъ самостоятельности въ характерѣ. Лука, по словамъ лѣтописца, былъ молчаливъ, милостивъ, ласковъ и кротокъ, а Іоаннъ былъ назначенъ епископомъ изъ духовниковъ в. кн. Всеволода⁽⁸⁵⁾. Только Юрію Всеволодовичу удается получить отдѣльнаго епископа для Суздаля и Владиміра. Въ 1214 году Киевскій митрополитъ, по его желанію, поставилъ ему

⁽⁸³⁾ Ibid. с. 317 и 318.

⁽⁸⁴⁾ Житіе св. Исаія, *ibid.* кн. 3-я, стр. 446—447.

⁽⁸⁵⁾ Гр. М. Толстаго Др. Свят. Рост.-Вел.—Историческія свидѣнія объ архіереяхъ Ростовскихъ, стр. 69. Чт. М. Общ. Ист. и др. 1847 г. № 2.

въ епископа Симона, игумена Владимірскаго Рождественскаго монастыря⁽⁸⁶⁾. Съ того времени, когда начинается обособленіе княженій Ростовско-Суздальской земли, устанавливается обособленіе и епархій. Ростовская епархія существуетъ съ этого времени независимо отъ Суздальской и Владимірской, а впоследствии, въ концѣ XIII в., при усиленіи Тверскаго княжества, прежде принадлежавшаго къ Ростовской епархій, является и въ Твери особый епископъ. Это постепенное обособленіе княжествъ и епархій составляетъ отличительную черту княженій Ростовско-Суздальской земли. Стремленіе обособившагося княжества къ независимости церковной, къ отдѣленію епархій весьма понятно. Возвышающееся княжество жаждетъ имѣть и большее церковное значеніе, вслѣдствіе чего является у в. князей Владимірскихъ постоянное стремленіе къ утвержденію у себя митрополіи. Андрею Боголюбскому это стремленіе не удалось, но оно удалось Юрію Всеволодовичу. Кіевскіе митрополиты начинаютъ съ конца XIII в. посѣщать далекую, но сильную въ то время, землю Ростовско-Суздальскую. Митрополитъ Кириллъ умираетъ въ 1282 году въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, а преемникъ его, Максимъ митрополитъ поставляется въ Суздали и съ 1299 года утверждаетъ свое постоянное пребываніе во Владимірѣ⁽⁸⁷⁾. Въ это время усиливается Москва, и преемникъ Максима, св. Петръ переноситъ свою митрополитичью резиденцію въ Москву, способствуя тѣмъ еще большому возвышенію Москвы.

Андрею Боголюбскому, по выраженію лѣтописца, *приведе Богъ изъ встѣхъ земель мастеры*⁽⁸⁸⁾, которые обстраивали ему его волость церквами. Развитіе ремеселъ въ Ростовско-Суздальской землѣ съ Андрея усиливается все больше и больше. Въ распрю городовъ Ростовцы называютъ Владимірцевъ своими холопами, — *каменьщиками*, что показываетъ, что каменное издѣліе было распространено во Владимірѣ⁽⁸⁹⁾. Ан-

⁽⁸⁶⁾ П. С. Л, I, 185.

⁽⁸⁷⁾ Ibid. 208—Архіепископа Филарета: «Ист. Русск. Церкви», пер. 2-й, изд. 4-е. Черниг. 1862 г., с. 76—80.

⁽⁸⁸⁾ Ibid. 150; II, 88.

⁽⁸⁹⁾ Ibid. I, 159.

дрей Боголюбскій украшаетъ этотъ городъ каменными зданіями и церквами, обводитъ его каменной стѣной и воздвигаетъ много церквей каменныхъ по всей землѣ (**). Большое количество каменныхъ церквей, построенныхъ князьями послѣ Андрея показываетъ распространіе каменнаго дѣла (*); скорость постройки нѣкоторыхъ каменныхъ церквей показываетъ, что каменщицковъ было очень много. Такъ напр., въ 1218 г. Константинъ Всеволодовичъ заложилъ во Владимірѣ церковь Воздвиженія 6 мая, а 14 сентября церковь была уже освящена (**). Подъ 1194 г. въ Лаврентьевской лѣтописи находится любопытное извѣстіе, показывающее, какъ развились и упрочились мастерства въ Ростовско-Суздальской землѣ: въ городѣ Суздаль обновленная церковь Пр. Богородицы была покрыта оловомъ. „Не ища мастеровъ отъ Нѣмецъ, говоритъ лѣтописецъ, но налѣзе мастера отъ клвереть св. Богородицы и отъ своихъ“. Эти свои мастера были: литейщики олова, кровельщики и штукатуры (**). Въ 1283 г. эта церковь Св. Богородицы была „написана“, т. е. расписана по стѣнамъ и вымощена разноцвѣтнымъ мраморомъ (*). Въ 1230 г. Святославъ Всеволодовичъ разломалъ въ Юрьевѣ-Польскомъ каменную церковь, построенную Юріемъ Долгорукимъ и „созда чюдну рѣваннымъ камнемъ“.

(*) *ibid.* 150.

(*) 1192. Заложилъ кн. Всеволодъ церковь Рождества св. Богородицы во гр. Володимери—1195. Блаж. епископъ Іоаннъ заложилъ въ воргѣхъ св. Богородицы (во Владимірѣ) церковь камену во имя Аггиму и Анны.—1200. Всеволодъ заложилъ (тамъ-же) церковь Успенія Богородицы въ монастыри княгини.—1218. В. кн. Констан. Всево. заложилъ церковь камену во Владимери св. Вадвиженія.—1222. В. кн. Гюрги заложилъ церковь камену св. Богородицы въ Суздаль—1230. Святославъ князь въ Юрьевѣ создалъ церковь камену чюдну. (см. П. С. Л. I, 172, 174, 175, 186. 189, 193). Въ 1185 г., въ большой пожаръ во Владимірѣ, сгорѣло 32 церкви и соборная св. Богородицы; въ пожаръ 1193 г. сгорѣло 14 церквей; въ пожаръ 1199 сгорѣло 16 церквей; въ 1227 году сгорѣло 27 церквей (*ibid.* 165, 172, 175, 191).—Мы опустили число церквей въ Ростовѣ и Ярославѣ, потому, что объ этихъ городахъ будемъ говорить въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ.

(**) П. С. Л. I, 186.

(**) *ibid.* 173.

(**) *ibid.* 196.

Князь Святославъ, по словамъ лѣтописи, былъ самъ хорошимъ рѣшникомъ на камнѣ и собственноручно изукрасилъ свою церковь (**).

Всѣ эти лѣтописныя извѣстія показываютъ что украшеніе церквей въ Ростовско-Суздальской землѣ въ XII и XI в. уже переступало грань простаго ремесла, что въ украшеніяхъ церквей заботились объ изяществѣ.

Торговля велась попрежнему съ Новгородомъ. Новый Торгъ былъ, какъ и прежде, важнымъ торговымъ пунктомъ и блокада его Суздальскими князьями производила въ Новгородской землѣ „дороговъ“ и голодъ. Новгородскіе „гости“, купцы пріѣзжаютъ въ Ростовско-Суздальскую землю (**). Кроме Новгородскихъ купцовъ бываютъ тамъ и Смоленскіе, заѣзжающіе въ Ростовско-Суздальскую землю черезъ Новгородъ (**). Изъ туземцевъ является особый классъ купцовъ, что показываетъ, что торговля развилась гораздо больше сравнительно съ прежнимъ (**). Показателемъ развитія торговли того времени можетъ служить существованіе во Владимірѣ особаго *торговища* (**). Всѣ предметы вывоза изъ Ростовско-Суздальской земли намъ неизвѣстны. Извѣстно только, что хлѣбъ, который въ предшествующій періодъ не вывозился оттуда въ Новгородъ, въ рассматриваемую эпоху могъ вывозиться. Кроме хлѣба, изъ Ростовско-Суздальской области могли вывозить въ Новгородъ лёнъ и хмѣль (**).

(**) Тверск. П. С. Л. XV, 355.

(**) П. С. Л. I, 245.

(**) Ibid.

(**) Ibid. 163; II, 119; XV, 323; Лѣтописецъ Переясл.-Сузд., 91.

(**) П. С. Л. I, 186; XV, 326.

(***) Предметы вывоза изъ Ростовско-Суздальской земли въ Новгородъ и размѣры торговли съ Новгородомъ опредѣляются въ позднѣйшее время, начиная со 2-й полов. XIII в., въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ Тверскими князьями. Въ договорной грамотѣ 1305 г. съ Михаиломъ Ярославичемъ встрѣчается выраженіе, дающее намъ нѣкоторое право заключать, что и въ рассматриваемую эпоху торговля Новгорода съ Ростовско-Суздальской землей производилась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ началѣ XIV в. «А рубежъ ти, княже, читаемъ мы въ этой грамотѣ, между Суздальскою землей и Новгородскою дати ти старый, како было при отцѣ твоємъ Ярославѣ и при *прадѣдѣ твоємъ Ярославѣ*» (Собр. Госуд. Гр. и догов. т. I, № 8). Основываясь на этомъ выраженіи, мы, кажется безъ большой ошиб-

Урожай хлѣба, очевидно, были хороши въ Ростовско-Суздальской землѣ, п. ч. голодъ съ половины XII до половины XIII в. упоминается въ лѣтописи только однажды, подъ 1215 годомъ ⁽¹⁰¹⁾, а дурной урожай тоже одинъ разъ, подъ 1229 годомъ: „рожь не родися по всей нашей земли, говорить Суздальскій лѣтописецъ, и дорого бысть жито“ ⁽¹⁰²⁾.

Въ первой главѣ нашихъ очерковъ мы представили выводы графа А. С. Уварова и П. С. Савельева изъ курганныхъ раскопокъ Ярославской и Владимірской губерній ⁽¹⁰³⁾. Мы просимъ читателя просмотрѣть еще разъ эти выводы, п. ч. въ числѣ ихъ находится нѣсколько указаній относительно торговаго движенія въ землѣ Ростовско-Суздальской XII—XIII в. За невозможностью съ нашей стороны провѣрить этихъ указаній, мы воздержимся отъ всякихъ изъ нихъ заключеній. Торговая связь Ростовско-Суздальской земли съ Болгаріей подтверждается также лѣтописнымъ свидѣтельствомъ о „торговомъ человѣкѣ“ Аврааміѣ, убитомъ въ Великомъ городѣ Болгарскомъ, въ 1229 году ⁽¹⁰⁴⁾.

Границы Ростовско-Суздальской земли въ разсматриваемый періодъ измѣнились нѣсколько противъ предъидущаго періода. На сѣверо-западъ и сѣверъ въ предѣлахъ Новгородскимъ онѣ расширились по Волгѣ до Новаго-Торга, и по Сухонѣ и Югу въ сѣверной Двинѣ. Изъ Бѣлоозера шло выселеніе Суздальцевъ въ Двинскую землю, выселеніе, которое послужило

ки, можемъ воспользоваться данными относительно торговли между Новгородомъ и Суздальской землей, извлекаемыми изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ Тверскими князьями. Данные эти слѣдующія: во 1-х, Новгородцы вели торговлю по всей Суздальской землѣ, во 2-х, они вывозили оттуда *ленъ* и *жмѣль*; въ 3-х, товары эти привозились въ Новгородъ *водою* въ лодкахъ и *сухопутно* на возахъ. (См. Собр. Госуд. Грам. и догов. т. I. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8).

⁽¹⁰¹⁾ Лѣтописецъ Переясл.-Сузд., 112.

⁽¹⁰²⁾ П. С. Л. I, 192.

⁽¹⁰³⁾ См. въ 1-й главѣ нашихъ очерковъ, стр. 37—39 и примѣчанія 68—70.

⁽¹⁰⁴⁾ См. наст. главы стр. 131.

новымъ мотивомъ къ враждебнымъ отношеніямъ Ростовско-Суздальской земли къ Новгороду (100). На востокъ предѣлы земли перешли за Оку, подвигаясь къ Болгарской землѣ (100). На юго-востокъ, югъ и юго-западъ подвигалась, какъ мы видѣли, княжеско-военная колонизація, вслѣдствіе стремленія Ростовско-Суздальскихъ князей увеличить предѣлы своихъ волостей на счетъ волостей княжествъ Рязанскаго и Смоленскаго.

Число городовъ значительно возросло за это время. Мы слѣдили въ своемъ мѣстѣ за всѣми городами земли Ростовско-Суздальской по мѣрѣ ихъ возникновенія, а теперь подведемъ общій ихъ итогъ. Кромѣ старѣйшихъ городовъ земли, Ростова и Суздаля, въ нашествію Татаръ встрѣчаемъ мы слѣдующіе города: Владиміръ на Клязьмѣ, Переяславль, Ярославль, Угличе-Поле, Мологу, Константиновъ, Москву, Дмитровъ, Зѣвнигородъ, Рузу, Бронницы, Гороховецъ, Стародубъ, Ярополчъ, Нижній - Новгородъ, Радимовъ - Городецъ, Унжу, Кострому, Большія Соли, Галичъ-Мерскій, Чухлому, Устюгъ-Великій, Бѣлоозерскій городокъ, Клинь, Шешну, Дубну (101). При опустошеніи Ростовско-Суздальской земли Татарами лѣтописецъ насчитываетъ четырнадцать городовъ (102). Границы Ростовско-Суздальской земли всего болѣе измѣнялись къ Новгородскимъ владѣніямъ. Здѣсь онѣ не были постоянными. Города Новгородскіе захватывались Ростовско-Суздальскими князьями, преимущественно Переяславскими и Ростовскими, а города этихъ княжествъ Новгородцами.

Отношенія въ Новгороду за это время принимаютъ все болѣе и болѣе враждебный характеръ. Андрей Боголюбскій, опираясь на Суздальскую партію въ Новгородѣ, стремится владѣть имъ „на всей своей волѣ“. „Хочю искати Новгорода добромъ и лихомъ“, говоритъ онъ Новгородцамъ (103). Открытое столкновеніе съ Новгородомъ, начинается у Бого-

(100) Мы коснемся этого колонизаціоннаго движенія въ Двинскую землю въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ.

(101) См. выше, наст. главы стр. 134.

(102) П. С. Л. VII, 118, 119, 121, 124 и 141.

(103) Ibid. I, 199; VII, 144; XV, 369.

(104) Ibid. II, 88.

любскаго съ пораженія Суздальскихъ полковъ у Бѣлоозера. Эти полки посланы были Андреемъ для охраны Суздальскихъ колонистовъ въ Двинской землѣ, платившей издавна дань Новгороду. Новгородскій сборщикъ Данила Лазутичъ, придшедшій въ эту землю за данью, напалъ на Суздальскіе полки съ своимъ отрядомъ и разбилъ ихъ на голову. Суздальцы въ Двинской землѣ были обложены Новгородцами двойною данью. Въ отмщеніе за это пораженіе Андрей посылаетъ на Новгородъ огромное ополченіе изъ соединенныхъ полковъ семидесяти двухъ подручныхъ ему князей, подъ предводительствомъ сына своего Мстислава. Исходъ этого похода, бывшаго въ 1169 году, очень хорошо извѣстенъ. Новгородская икона знаменія Божіей Матери произвела чудо: Суздальское войско было поражено слѣпотой⁽¹¹⁰⁾. Этотъ походъ Андрея окончательно поселаетъ земскій антагонизмъ между Новгородомъ и землей Ростовско-Суздальской. „Оттолѣ отъяся честь и слава Суздальская“—говоритъ позднѣйшій Новгородскій лѣтописецъ⁽¹¹¹⁾. Послѣ трагической смерти Андрея Боголюбскаго, въ распрю городовъ и пригородовъ земли Ростовско-Суздальской, Новгородъ, становится на сторону старшаго города земли—Ростова. При Всеволодѣ, братѣ Андрея, Новгородъ повидимому сохраняетъ вполнѣ свою автономію, но это только повидимому. Всеволодъ, какъ говорится, обопелъ Новгородъ. Въ первое время княженія Всеволода Новгородъ отстаиваетъ свою автономію, приглашая къ себѣ Мстислава Ростиславича Храбраго, противника Андрея Боголюбскаго, „порывавшагося всегда на великія дѣла“, по словамъ лѣтописца. Послѣ Мстислава является въ Новгородѣ нѣсколько князей изъ рода Ольговичей, и Новгородцы начинаютъ наступательное движеніе на Ростовско-Суздальскую землю, опустошая поволжье. Всеволодъ употребляетъ уже извѣстный приемъ относительно Новгорода: онъ занимаетъ Новый Торгъ, сжигаетъ его и уводитъ жителей въ плѣнъ (1181). Въ этой войнѣ Всеволода съ Новгородомъ замѣчательна вражда Суздальцевъ къ Новгородцамъ, выступающая весьма рельефно. Новоторжцы покорялись Всеволоду и предлагали ему дань. Князь, быть можетъ, и согласился бы на

⁽¹¹⁰⁾ См. Н. И. Костомарова: «Сѣв.-Русск. народопр.» I, 71—76.

⁽¹¹¹⁾ Тверская лѣт. П. С. Л. XV, 247.

мировую, но дружина его не хотѣла этого. „Мы не цѣловать ихъ пріѣхали,—говорили дружинники о Новоторжцахъ—они, княже, Богови лжуть и тобѣ“⁽¹¹³⁾. Новый-Торгъ былъ взятъ и сожженъ.

Послѣ этого Всеволодъ какъ будто не обращаетъ вниманія на Новгородъ; онъ по видимому не вмѣшивается во внутреннія дѣла новгородскія, но тѣмъ не менѣе суздальская партія въ Новгородѣ дѣлаетъ свое дѣло. Въ 1199 г. сторонники этой партіи явились къ Всеволоду и просили у него сына въ князя Новгороду: „зане, говорили они, тобѣ отчина и дѣдина Новгородъ“⁽¹¹³⁾. Результатомъ этого посольства является именно тотъ образъ дѣйствій Всеволода, о которомъ мы позволили себѣ выразиться выше, говоря, что Всеволодъ обошелъ Новгородъ. Онъ назначилъ въ Новгородъ сына Святослава, черезъ шесть лѣтъ смѣнилъ его другимъ сыномъ Константиномъ, а пять лѣтъ спустя еще вывелъ Константина и посадилъ въ Новгородъ опять Святослава. Отпуская въ Новгородъ Константина, старшаго своего сына, Всеволодъ говорилъ ему: „на тебѣ положилъ Богъ старѣйшинство въ братья моей, а Новгородъ Великій имѣетъ старѣйшинство княженія во всей Русской земли“⁽¹¹⁴⁾. Этимъ Всеволодъ признавалъ старѣйшинство и независимость Новгорода. Но смѣной князей, замѣной одного сына другимъ безъ желанія Новгорода нарушалось основное право его относительно свободнаго выбора князя.

Послѣ смерти Всеволода княземъ въ Новгородѣ является меньшой сынъ его Ярославъ. Онъ, желая окончательно сломить самостоятельность Новгорода, утверждаетъ въ Новомъ-Торгѣ и задумываетъ этотъ пригородъ Новгородскій сдѣлать средоточіемъ власти всей земли Новгородской. Онъ задерживаетъ хлѣбъ въ Новомъ-Торгѣ, не пускаетъ его въ Новгородъ. Въ Новгородѣ зачинается голодъ, распространяется „печаль и вопль“. Спасителемъ Новгорода, борцемъ за его права является Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь Горопецкій, сынъ Мстислава Ростиславича Храбраго. Характеръ

⁽¹¹³⁾ П. С. Л. I, 163.

⁽¹¹³⁾ Ibid. 175.

⁽¹¹⁴⁾ Ibid. 177.

и подвиги этого типического выразителя уже вымиравшего въ то время идеала южнаго князя, этого рыцаря безъ страха и упрёка удѣльно-вѣчевой, родовой Руси, великолѣпно изображены талантливымъ, художественнымъ перомъ Н. И. Костомарова⁽¹¹⁵⁾. По этому мы не рѣшаемся дѣлать своей характеристики этого князя; припомнимъ только многозначительныя слова, сказанныя Мстиславомъ Новгородскому вѣчу: „да не будетъ Новый-Торгъ надъ Новгородомъ, ни Новгородъ надъ Торжвомъ, но гдѣ св. Софія тутъ Новгородъ. И въ многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда“⁽¹¹⁶⁾. Эта борьба была уже совершенно земскою борьбою Новгорода съ Суздалемъ, борьбою двухъ началъ власти: вѣчеваго и единовластительскаго. Липецкая битва, укрѣпившая на великокняжескомъ столѣ во Владимірѣ Константина Всеволодовича, была побѣдой начала вѣчеваго надъ единовластительскимъ.

Отношенія къ Смоленску Андрея, Всеволода и Юрія очерчены въ Суздальскихъ лѣтописяхъ весьма блѣдно. Изъ свидѣтельствъ этихъ лѣтописей можно только заключить, что подчиненіе Смоленскихъ князей великому князю Владимірскому обуславливалось отношеніями его къ югу. Земскихъ отношеній между землей Смоленской и Ростовско - Суздальской не существовало и не могло существовать по причинѣ, указанной нами въ первой главѣ нашихъ очерковъ⁽¹¹⁷⁾.

Отношенія къ Рязани выясняются всего болѣе во время распри городовъ, слѣдовавшей за убіеніемъ Андрея Боголюбскаго и въ княженіе брата его Всеволода. Эти отношенія характеризуются: 1) столкновеніемъ стремленій двухъ сосѣднихъ княжествъ къ взаимному расширенію своихъ территорій, одного на счетъ другаго, 2) стремленіемъ Рязанскихъ князей къ укрѣпленію своей власти въ Ростовско - Суздальской землѣ,

⁽¹¹⁵⁾ Костомарова: «Сѣв.-Русск. народопр.» I, 88—172.

⁽¹¹⁶⁾ 1-я Новг. л., 33.

⁽¹¹⁷⁾ См. 1-ю главу нашихъ очерковъ, стр. 46. Смольяне проникли только разъ въ Ростовско Суздальскую землю—въ войскѣ Мстислава Мстиславича Торосецкаго (1216 г.). Изъ лѣтописнаго свидѣтельства о Смольянахъ подъ этимъ годомъ видно, что Смольяне считали Ростовско-Суздальскую землю совершенно себѣ чуждою. (Лѣтописецъ Переяславля-Суик. с. 214. П. С. Л. I, 215).

3) стремленіемъ Всеволода къ подчиненію князей Рязанскихъ своей власти.

Мы уже замѣтили выше о столкновеніи территориальныхъ интересовъ Рязанскихъ и Суздальскихъ князей на Овѣ. Въ этихъ столкновеніяхъ пограничный рязанскій городъ Коломна игралъ аналогичную роль съ новгородскимъ пограничнымъ городомъ Новымъ-Торгомъ. Коломна подвергалась постояннымъ нападеніямъ Суздальскихъ князей и предавалась разрушенію. Рязанскіе князья отмщали за это нападеніями на Москву, которую они не разъ предавали огню⁽¹¹⁸⁾. Недружелюбныя отношенія Суздальскихъ князей къ Рязани не обуславливались одними между-княжескими, родовыми отношеніями. Такой исключительный характеръ имѣли они только при Андрѣе Боголюбскомъ. Въ эпоху городской борьбы, послѣдовавшей за его убіеніемъ, проявились земскія недружелюбныя отношенія. Владимірцы хотѣли было избрать себѣ въ князья одного изъ Рязанскихъ князей,—но потомъ опомнились, „убоявшись лести ихъ“⁽¹¹⁹⁾. Это извѣстіе лѣтописца можетъ навести на мысль, что Рязанцы въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Ростовско-Суздальской земли не отличались честными побужденіями. Народъ Ростовско-Суздальскій вообще, какъ видно, не любилъ ихъ. Всеволодъ Юрьевичъ долженъ былъ посадить Рязанскихъ князей въ „порубѣ“, чтобы защитить ихъ отъ ярости народной⁽¹²⁰⁾. Князь Рязанскій Глѣбъ умеръ въ этомъ порубѣ, а сынъ его Романъ, отпущенный Всеволодомъ на княженіе въ Рязань долженъ былъ „цѣловать врестъ“ Всеволоду въ совершенной покорности. Это было въ 1179 году. Съ тѣхъ поръ до смерти Всеволода Рязань была въ зависимости отъ Владимірскаго великаго князя. Всеволодъ вмѣшивается въ распри Рязанскихъ князей, опираясь на младшихъ противъ старшихъ. „Ты намъ отецъ, ты господинъ, ты братъ—говорять младшіе Рязанскіе князья Всеволоду“⁽¹²¹⁾. Они бывають у него на пирахъ и одаряются дарами⁽¹²²⁾. Въ Лаврентьевской лѣтописи

(118) П. С. Л. I, 162 и 163.

(119) Ibid, 158.

(120) Ibid., 163; II, 119.

(121) Ibid. I, 170.

(122) Лѣтописецъ Переясл.-Суд., 103.

помѣщено любопытное „сказаніе“ объ участіи Всеволода въ расприхъ Рязанскихъ князей съ Черниговскими. Это сказаніе весьма характеристично очерчиваетъ взглядъ Суздальцевъ на Рязанцевъ. Въ этомъ сказаніи видно большое сочувствіе къ Всеволоду, который называется „благосерднымъ“, а князья Рязанскіе называются „лѣстивыми“. Всеволодъ сажаетъ въ Рязань княземъ сына своего Ярослава. Но Рязанцы только показали видъ, что поворились великому князю, они „изымаше люди его и исковаша, а нѣхъ въ погребахъ засыпавше извориша“—и присылаютъ къ Всеволоду „бую рѣчь по своему обычаю и не покорству“⁽¹²³⁾.

Юрій Всеволодовичъ озаботился, прежде всего, дать свободу Рязанскимъ князьямъ, посаженнымъ въ „порубъ“ Всеволодомъ. Юрій одарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одарилъ и дружину ихъ и утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ⁽¹²⁴⁾. При нашествіи Татаръ на Ростовско-Суздальскую землю, Рязанскіе князья находятся уже не въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Юрію Всеволодовичу. Рязанскій князь Юрій Игоревичъ, собравъ свои военныя силы и видя ихъ незначительность для отпора Татарамъ, — посылаетъ двухъ сыновей своихъ за помощію къ сосѣднимъ князьямъ: къ великому князю Владимірскому и къ князю Черниговскому⁽¹²⁵⁾. Такое отношеніе къ великому князю Ростовско-Суздальской земли показываетъ, что Рязанскій князь считалъ его равнымъ себѣ, одинаково съ княземъ Черниговскимъ.

⁽¹²³⁾ П. С. Л. I, 181—183.

⁽¹²⁴⁾ Лѣтописецъ Переясл.-Суд., 111.

⁽¹²⁵⁾ Иловайскаго: Ист. Ряз. княж. с. 128.

IV.

Ростовское княжество и его удѣлы.

Ростовское княжество.—Характеристика перваго Ростовскаго князя Константина Всеволодовича.—Его сыновья: Василько, Всеволодъ и Владиміръ и ихъ удѣлы.—Ростовскій удѣлъ и Устюгъ-Великій.—Ярославское княжество.—Бѣлоозеро—Угличе-Поле.—Кострома и Галичъ-Мерскій.—Татары въ Ростовскомъ княжествѣ.—Общая судьба удѣловъ Ростовскаго княжества.

Автономія Ростова, выдѣленіе его въ особое независимое княжество, отдѣльная его земская самостоятельность отъ другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли начинается съ Воеволода Юрьевича. Въ 1107 году, за шесть лѣтъ до своей смерти, онъ отдаетъ Ростовъ, съ другими пятью городами, въ удѣлъ старшему своему сыну, Константину ⁽¹⁾. Лѣтописецъ не называетъ этихъ городовъ, но изъ позднѣйшихъ раздробленій Ростовскаго княжества можно заключить, что эти города были: Ярославль, Бѣлоозеро, Устюгъ-Великій, Угличе-Поле и Кострома.

Весьма много затрудненій представляетъ спеціальная исторія отдѣльнаго княжества, спеціальная характеристика того, или другаго князя. Лѣтописи рѣдко даютъ матеріалъ для этихъ любопытныхъ вопросовъ. Многіе исследователи приписываютъ это обезличеніе составителямъ лѣто-

(1) П. С. Л. I. 183.

писи, объясняя его поддѣйшимъ нивилирующимъ вліаніемъ Москвы. Но невольно приходитъ въ голову вопросъ: да была ли дѣйствительно рѣзкая разница между исторической формацией древнихъ нашихъ областей, могло ли существовать слишкомъ большое индивидуальное различіе между князьями? Конечно, вопросъ этотъ не можетъ имѣть мѣста, если его поставить шире. Несомнѣнно различіе и въ характерѣ исторіи, и въ характерѣ князей въ такихъ, на примѣръ, различныхъ мѣстностяхъ, по своимъ естественно-историческимъ, географическимъ и племеннымъ условіямъ,— какъ юго-западная Русь, Новгородъ и сѣверо-восточная Русь,— или въ такіа отдаленныя другъ отъ друга эпохи, какъ X, или XV столѣтія. Но тщетно стали бы мы искать рѣзкаго различія между болѣе мелкими дѣленіями областей, между эпохами болѣе близкими другъ къ другу. Исторія есть выраженіе движенія, культурнаго роста, прогрессивнаго стремленія впередъ; исторія есть разсмотрѣніе процесса органическаго развитія цивилизаціи, которая складается изъ взаимодѣйствія, изъ обоюднаго вліанія общественнаго роста на ростъ личности и роста личности на ростъ общественный. По этому рѣзкое, опредѣленное, типическое различіе въ ходѣ исторіи, въ развитіи индивидуальныхъ характеровъ составляетъ признакъ высокой цивилизаціи страны. Начало же цивилизаціи, эпоха ея, такъ сказ., зачаточной жизни представляетъ совершенно обратный видъ; здѣсь нѣтъ рѣзкихъ особенностей, ни въ общественномъ складѣ, ни въ личностяхъ. Это общій законъ органическаго развитія, по которому особенности явленія развиваются и опредѣляются все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ того, какъ самое явленіе растетъ и крѣпнетъ.

Напрасно стали бы мы искать по этому чего либо опредѣленнаго, ярею освѣщеннаго, рѣзко обозначеннаго въ такой отдаленной эпохѣ, къ какой мы приступаемъ, въ такомъ небольшомъ, тѣсномъ районѣ, какъ Ростовское княжество и его удѣлы, исторію которыхъ рассказать мы собираемся. Мы попытаемся исчерпать весь скудный матеріалъ, который даетъ намъ въ этомъ случаѣ лѣтопись, попытаемся собрать тѣ мелкіе элементы, изъ которыхъ слагалась простая и не хитрая общественная жизнь нашихъ предковъ XIII—XV вѣковъ и представителей этой общественной жизни, князей. Мы попытаемся уловить *нѣкоторыя* особенности, которыя мелькаютъ у лѣтописца въ характеристикахъ весьма не-

многих князей. Но все что мы скажемъ, по самому существу своему, будетъ носить на себѣ печать неопредѣленности.

Константинъ Всеволодовичъ, правнукъ Мономаха, является для Ростовскаго княжества такимъ же „начальнымъ“ княземъ, какимъ былъ его великій прадѣдъ для южной Руси. Потомство его дѣлается для Ростова такою же „благородною отраслю благороднаго корня“—такою было потомство Мономаха для Кіевлянъ. Много общихъ чертъ видимъ мы у прадѣда и правнука, но много и различія. Общія черты составляютъ фамиліальное наслѣдіе, различіе же полагается временемъ, обстоятельствами, мѣстомъ и условіями дѣятельности Мономаха и Константина.

И у Владиміра Мономаха и у Константина являются прежде всего, на первомъ планѣ—интересы ихъ земли, ихъ общественнаго служенія, ихъ миссіи; и того и другого одушевляетъ христіанское чувство; и тотъ и другой заботятся о сознательномъ проведеніи въ жизнь, въ практикѣ ихъ завѣтныхъ убѣжденій, состоящихъ, прежде всего, въ сознаніи долга князя, какъ главы земли, затѣмъ въ „блюденіи“ интересовъ „бояръ“, своихъ вѣрныхъ слугъ и пособниковъ, въ уваженіи служителей церкви, въ попеченіи о благолѣпнѣи церквей, въ призрѣніи нищихъ, убогихъ и сиротъ, въ утѣшеніи несчастныхъ; и тотъ и другой просвѣщаютъ свой умъ чтеніемъ, и въ книгахъ ищутъ указанія для житейскихъ дѣлъ; и тотъ и другой пользуются всеобщою любовью: и бояръ, и монаховъ, и „земцевъ“, и „большихъ“, и „молодшихъ“ людей; и тотъ и другой, наконецъ, отличные семьянины: они оба стараются въ дѣтахъ своихъ развить тоже нравственное направленіе, какое отличало ихъ самихъ, они оба почтительны къ старшимъ и свято чтутъ свои семейныя отношенія. На этомъ кончается сходство Мономаха и Константина.

Различіе ихъ, прежде всего, опредѣляется столѣтіемъ, ихъ раздѣляющимъ. Въ это столѣтіе историческая жизнь отхлынула съ береговъ Днѣпра къ берегамъ Волги. Кіевъ перестаетъ быть центромъ, въ которому стремились всѣ за-

вѣтныя помыслы южныхъ князей. Въ сѣверо-восточной Руси, въ землѣ Ростовско-Суздальской является свой центръ—Володимиръ на Клязьмѣ. Въ нему теперь направляется центро-стремительная дѣятельность Ростовско-Суздальскихъ князей. Князья осѣдаютъ на мѣстахъ, во *многихъ* областяхъ повторяется тоже, что въ эпоху Мономаха происходило въ *одной* южной Руси. Южная Русь раздробляется: въ Галицко-Волынскую землѣ, въ Смоленскѣ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ и Рязани повторяется тоже, что сто лѣтъ тому назадъ сосредоточивалось около Кіева. Въ каждой изъ этихъ областей являются свои центры, которые становятся яблокомъ раздора между князьями изъ-за родовыхъ счетовъ. Мы уже видѣли, что въ землѣ Ростовско-Суздальской происходитъ *ничто иное* чѣмъ на югѣ⁽²⁾, и это иное, начало, утвержденное Андреемъ Боголюбскомъ, начало „единовластиа“—полагаетъ второй видъ различія между Мономахомъ и Константиномъ. Но Константинъ лично былъ чуждъ этому началу; оно явилось только однимъ изъ стимуловъ для его дѣятельности: противъ этого начала боролся Константинъ съ братомъ своимъ Юріемъ. Арена дѣятельности Константина уже арены Мономаховой: у перваго Ростовско-Суздальская область, у втораго вся „земля Русская“.

Условія дѣятельности Мономаха и Константина также различны. Мономахъ, провозвѣстникъ княжескаго, родоваго старшинства, не встрѣчаетъ себѣ помѣхи въ осуществленіи этой идеи; Константинъ, защищая ту же идею—долженъ бороться изъ за нея, устанавливать ея торжество путемъ меча. Мономахъ получаетъ мирнымъ путемъ то, за что борется Константинъ. И это, повидимому мелкое обстоятельство, очень характеристично, п. ч. тутъ всего рельефнѣе выдвигается различіе между двумя князьями, между прадѣдомъ и правнукомъ. Константинъ по природѣ своей князь „мира“,—онъ натура далеко не воинственная; Мономахъ наоборотъ: онъ, какъ истый представитель юга—князь воинъ. Сравните т. наз. „Почуеніе Владиміра Мономаха“ съ наставленіями дѣтямъ передъ смертію Константина Всеволодовича. Какое различіе въ пониманіи „идеала князя“, которое рисуютъ вамъ тотъ и другой, какое различіе въ пониманіи своего служенія землѣ у

(2) См. 3-ью гл. нашихъ очерковъ, стр. 106, 110 и 122.

того и у другого! Мономахъ, проведшій свою многотрудную жизнь въ постоянныхъ бояхъ и усобицахъ съ иноплеменными Половцами и съ одноплеменными своими князьями, носившійся какъ вихрь по землѣ Русской, вездѣ устанавливая въ ней „нарядъ“ и любившій для отдыха позабавиться охотой на „буя тура“, или дикаго вепря—призываетъ на дѣтей своихъ миръ, любовь и совѣтуетъ имъ жить между собою дружно; но храбрость и умѣнье вести войну ставитъ первымъ условіемъ для „добраго князя“, и охоту почитаетъ самымъ приличнымъ для него развлеченіемъ. Константинъ, въ наставленіи своимъ дѣтямъ, прежде всего указываетъ на „миръ“,—спокойствіе. *Богъ мира да будетъ съ вами!* говоритъ онъ имъ и затѣмъ указываетъ на дѣла милосердія, благочестія и на книжное поученіе, какъ на главнѣйшія обязанности и заботы князя. Ни гдѣ ни слова о войнѣ, о дослѣхѣ, о „дѣлѣ ратномъ“, о забавѣ^(*).

Константинъ родился въ Ростовѣ и былъ любимъ Ростовцами, которые были кротки и не „держки въ бою“. Тихій, но энергическій Константинъ пришелся имъ по нраву. Въ назначеніи къ себѣ княземъ Константина, старшаго сына Всеволода, они видѣли, кромѣ личнаго расположенія къ Константину, признаніе ихъ земскаго старѣйшинства. По этому то Константинъ сталъ для нихъ „излюбленнымъ“ княземъ и его потомство стало для Ростовцевъ „благородною отраслюю благороднаго ворна“. Константинъ также былъ привязанъ къ своей родинѣ, Ростову, центру религіозной жизни земли. Этою нравственною связью князя съ его городомъ объясняются всѣ послѣдующія „нелюбви“ Константина, сначала съ отцомъ его Всеволодомъ, а потомъ съ братомъ Юріемъ,—нелюбви, перешедшія современемъ въ „усобицы“. Въ этихъ усобицахъ мы имѣемъ основаніе видѣть не одну только между-княжью распрю, но продолженіе той между-городовой, земской распри, которая проявилась впервые послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго, будучи, въ свою очередь, результатомъ всего земскаго строя Ростовско-Суздальской земли.

Въ 1212 году „Всеволодъ Юрьевичъ нача изнемогати“. Онъ послалъ въ Ростовъ за Константиномъ, желая его, какъ старшаго, „благословить“ великимъ княженемъ Владимір-

(*) П. С. Л. I, 187.

скимъ, а Ростовъ дать второму сыну, Юрію. Не полюбила такая „воля“ отцовская Константину Всеволодовичу. Онъ послалъ Всеволоду слѣдующій отвѣтъ: „отче чюдный и любезный, велѣлъ онъ сказать ему, „не вобрани на мя худаго, яко нехошу просить у тебя, аще даси ми тако, понеже много возлюби мя еси, и старѣйшаю мя сына имаши, и старѣйшину мя хоцещи устроить, то даждь ми старѣй, начальнѣй градъ Ростовъ, и къ нему Володимерь; аще ми не хоцеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и къ нему Ростовъ. Не презри моленія моего, отче, аще угодно ти есть“. Всеволодъ послалъ къ Константину во второй разъ, призывая его къ себѣ во Владиміръ, но Константинъ не послушался отца и во второй разъ. Третье приглашеніе Всеволода также не имѣло успѣха. Константинъ повторялъ все одно: „да ми даси и Володимерь къ Ростову“; князь же великій Всеволодъ не благослови его“ (*). Мотивы Константинова отвѣта Всеволоду весьма характеристичны: они совершенно тождественны съ мотивами земскаго главенства, которые заявляли Ростовцы во время между-городной распри, слѣдовавшей за убіеніемъ Андрея Боголюбскаго.

Упорство Константина, непослушаніе „воли“ отцовской очень встревожило Всеволода. Онъ созвалъ на совѣтъ бояръ и епископа Владимірскаго Іоанна „и много словесъ быша (о князѣ Константинѣ) и не може како устави о немъ. Бояре и епископы находили основательными доводы Константина, но Всеволодъ настоялъ на своемъ: Константинъ былъ лишенъ старѣйшинства. Великое княженіе Владимірское было отдано второму его брату Юрію, „Князь же Константинъ, говоритъ лѣтописецъ, услышавъ сія, разгорѣлся яростію и воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрія, брата своего и на всѣхъ думцевъ, иже здумаша сія тако сотворити. И много волнение и смущенія бысть о семъ, и мнози люди стоду и стоду отбежаху, мятущися“ (**).

(*) Никон. лѣт. изд. Акад. Н., т. II, с. 340—341.

(**) Ibid. 341. Одобреніе боярами и епископомъ доводовъ Константина мы позволяемъ себѣ выводить изъ пропуска въ Никоновской лѣтописи. Послѣ словъ: «и много совѣтоваша о семъ» въ Академическомъ изданіи поставлено прямо, послѣ точки съ запятой: «но убо князь великій Всеволодъ восхотѣ дати Володимерь другому сыну своему, князю Юрью».

Въ 1213 году Всеволодъ умеръ, не помирившись съ Константиномъ. При смерти „миродержца Суздальской земли“ находились сыновья его: Юрій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ и Іоаннъ, „а большій Константинъ не утагалъ бѣ вѣрѣхати на отца своего изъ Ростова“ (*).

Вслѣдъ за смертію Всеволода начинаются „усобицы“ между Константиномъ и Юріемъ. Поводомъ къ первой усобицѣ послужило бѣгство въ Ростовъ къ Константину одного изъ младшихъ его братьевъ, Святослава, отданнаго Всеволодомъ Юрію „на руки“. Причина бѣгства Святослава въ Ростовъ неизвѣстна. Извѣстно только, что послѣ смерти Всеволода была во Владимірѣ смута между его сыновьями. Кромѣ Святослава „неповорство“ къ Юрію выказывалъ и другой братъ его, Владиміръ. Смута можетъ быть произошла отъ стремленія Юрія къ „единовластію“ въ землѣ Ростовско-Суздальской. „То сему ли (Юрію) подобаетъ сѣдѣти на отнѣ столѣ, говорилъ Константинъ, а мнѣ большему—и нача ебирати воя съ братомъ Святославомъ на Гюрга“ (*).

Юрій, не будучи въ состояніи понять стремленія Константина къ земскому возвышенію Ростова и думая, что старшій братъ только изъ узкихъ эгонистическихъ цѣлей желаетъ получить себѣ великое княженіе,—уступалъ ему Владиміръ, а себѣ, вмѣсто него просилъ Ростовъ. Но Константинъ хотѣлъ вовсе не того. Онъ хотѣлъ, какъ мы видѣли, удержать за собою и Ростовъ и Владиміръ, а Юрію предлагалъ второй по старѣйшинству городъ земли, Суздаль (*).

Дальнѣйшій ходъ первой усобицы намъ неизвѣстенъ. Мы знаемъ только, что Константинъ съ Юріемъ помирились, и оба брата остались при прежнихъ волостяхъ: Константинъ владѣлъ Ростовомъ, а Юрій великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Но страсть къ захвату, къ увеличенію территории своего княжества не ослабла у Юрія. Въ 1214 году Константинъ Всеволодовичъ „пакы зачарать, отъязвъ у Гюрга Соль-великую, а Кострому пожьже, а у Яросла-

(*) Летописецъ Переясл.-Сузд., 110.

(*) Ibid 110 и 111.—О стремленіи Юрія къ единовластію въ Ростовско-Суздальской землѣ см. тамъ-же стр. 213.

(*) Ibid. 111.

ва отъя Нѣрохътъ“ (°). Кострома входила въ число городовъ, отданныхъ Всеволодомъ Константину. Весьма возможно предположить, что Юрій и его постоянный союзникъ, братъ его Ярославъ, видя неудачу завладѣть всѣмъ княженіемъ Ростовскимъ, отняли у Константина Соль-Великую, Кострому и Нерехту, которыя онъ и постарался возвратить себѣ. Союзникомъ Константина въ этой второй распрѣ является опять братъ его Владиміръ, а на сторону Юрія становятся: Ярославъ Всеволодовичъ, князь Переяславскій и Муромскій князь Давидъ. Усобица кончается примиреніемъ братьевъ.

Черезъ два года, въ 1216 году возгорѣлась новая усобица между Юріемъ и Константиномъ. Начало этой усобицы, ея, такъ сказать, инициатива шла на этотъ разъ изъ Новгорода. Мы коснулись выше Новгородскихъ событій того времени, въ которыхъ игралъ такую видную роль Мстиславъ Мстиславичъ Удалой (1°). Являсь въ Новгородъ заступникомъ за его вѣчевую независимость, борцомъ противъ притязаній Ярослава Переяславскаго, Мстиславъ Удалой объявилъ на Новгородскомъ вѣчѣ, что идетъ искать не только управы съ Ярославомъ, но и установить рядъ въ Суздальской землѣ (11). По призыву Мстислава на его сторону стали Псковичи съ братомъ его Владиміромъ и Смольняне съ Владиміромъ Рюриковичемъ. Союзные князья, дойдя до Твери и опустошивъ все поволжье, послали Смоленскаго боярина Явольда съ отрядомъ изъ Псковичей и Смольнянъ къ Константину Всеволодовичу Ростовскому, приглашая его присоединиться къ нимъ, Константинъ не сразу это сдѣлалъ. Сначала онъ послалъ къ князьямъ только 500 человекъ въ помощь, а къ себѣ просилъ прислать одного изъ Смоленскихъ князей — Всеволода, его шурина. Въ самую пасху, 9-го апрѣля, Константинъ Всеволодовичъ присоединился къ союзнымъ князьямъ. 21 апрѣля произошло между ними и Суздальскими войсками битва при р. Лилицѣ. Исходъ этой битвы хорошо извѣстенъ. Суздальцы были разбиты на голову. Юрій лишился великаго княженія и получилъ въ удѣлъ Радимовъ-Городецъ на Вол-

(°) Ibid. 111.

(1°) См. нашихъ очерковъ гл. 3-ю, стр. 146—147.

(11) П. С. Л. IV, 21.

гѣ, а потомъ, въ придачу къ нему, Суздаль (12). Константинъ Всеволодовичъ былъ торжественно встрѣченъ у Владиміра „священнымъ чиномъ“ и „всѣми людьми“. Константинъ одарилъ щедро князей и бояръ, а жителей Владиміра „привелъ ко кресту“ (13). Княжій Владимірскій лѣтописецъ такъ повѣствуетъ о побѣдѣ Константина. „Овоинный дьяволъ воздвиже нѣкую котору злу межи князи, сыны Всеволожи: Костянтиномъ и Юргемъ и Ярославомъ, и бишася у Юрѣва, и одолѣ Костянтинъ; но пакы Богъ и крестъ честный и молитва отца ихъ и дѣдня введе я въ великую лю-

(12) Подробное и художественное изображеніе Липецкой битвы и предшествующихъ ей событій см. въ книгѣ Н. И. Костомарова: Сѣв.-Русск. народоправства. т. I, с. 88—101. Снес. о Липецкой битвѣ 3-ю гл. нашихъ очерковъ, стр. 147. «Сказаніе о Липецкой битвѣ и о старѣйшинствѣ Константина» дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: *Новгородской* (1-я Новг. лѣт., с. 34—35; IV-я Новг., с. 20—26 и Тверск. лѣт., с. 316—325) и *Ростовской* (Троицк. лѣт.; с. 244—245). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ Владиміро-Суздальскаго лѣтописца этого сказанія не находится вовсе. Въ Волынской лѣтописи подъ 1216 годовъ, въ который происходила Липецкая битва, помѣщена отиѣтка: «бысть тишина». Самая подробная и боѣе расположенная къ Константину есть редакція Ростовская. Новгородская редакція составляетъ какъ бы сокращеніе ея съ выборкой только тѣхъ событій, которыя относятся до Новгородцевъ; эти событія разсказаны въ ней согласно съ Ростовской редакціей. О Суздальцахъ и о Константинѣ Всеволодовичѣ въ Новгородской редакціи разсказано гораздо короче, чѣмъ въ Ростовской. Такъ напр., тамъ нѣтъ разговора князя Юрія съ боярами въ его станѣ; самая Липецкая битва и ея результаты описаны въ Новгород. редакціи очень коротко. Эта редакція подробная свачала, при описаніи появленія Мстислава удалаго въ Новгородѣ и движенія союзныхъ князей въ Суздальскую землю, но нѣрѣ приближенія къ Липецкой битвѣ становится все короче и короче.

Добавленіемъ къ «сказанію о Липецкой битвѣ» можетъ быть почтено «сказаніе объ Александрѣ - Поповичѣ», одномъ изъ бояръ-богатырей Ростовскихъ, принимавшихъ участіе въ Липецкой битвѣ. (Пом. въ Тверской лѣтописи, стр. 336—338). Сказаніе это, къ которому мы еще разъ обратимся въ 5 й главѣ нашихъ очерковъ, весьма любопытно по даннымъ изъ него извлекаемымъ. Эти данныя суть: 1) Характеръ дружинниковъ сѣверо-восточной Руси. 2) Черты характера Константина Всеволодовича. 3) Любопытныя подробности объ отношеніяхъ Константина къ брату его Юрію и къ Ростову

(13) Троицк. лѣт., 245.

бовъ, и сѣде Константинъ въ Володимери на столѣ, а Юрги Суждали. И бысть радость велика въ земли Суждальствѣи, а дьяволъ единъ плаваше своєю погыбели“ (14).

Не долго привелось быть Константину Всеволодовичу на великомъ княженіи. Въ 1218 году онъ, предчувствуя свою смерть, послалъ старшаго своего сына Василько, которому шелъ только девятый годъ отъ роду, на княженъе въ Ростовъ (15), а втораго семилѣтнаго сына Всеволода—въ Ярославль (16) и, отправляя ихъ, далъ имъ такое наставленіе: „Возлюбленныя мои дѣти! будьте между собою въ любви; Бога бойтесь всею душою, заповѣди его во всемъ соблюдайте, и мои правила всѣ примите, дѣлайте все, какъ вы видѣли, я дѣлалъ: не презирайте вдовъ, сиротъ и нищихъ, церкви не отлучайтесь, любите монашество и священство, *слушайте книжное поученіе* и будьте въ любви между собою, и *Богъ мира да будетъ съ вами*. Имѣйте послушанье къ старшимъ васъ, которые васъ добру учать, п. ч. вы еще очень юны. Я предчувствую, дѣти, что отшествіе мое отъ свѣта сего приближается и поручаю васъ теперь Богу и пречистой его матери и брату и господину Юрію, который да будетъ вамъ вмѣсто меня“. Константинъ Всеволодовичъ крѣпко и нѣжно поцѣловалъ Василько и Всеволода и отпустилъ ихъ, каждаго въ свою область (17).

Предчувствіе Константина сбылось. 2 Февраля 1219 года, въ 7-мъ часу дня, онъ мирно скончался, тридцати съ небольшимъ лѣтъ отъ рожденія (18). Умирая, онъ назначилъ

(14) Лавр., 186.

(15) Василько родился въ декабрѣ 1209 г.—Лавр., 183.

(16) Всеволодъ родился въ Іюнѣ 1211 г.—Ibid. 184.

(17) Лавр., 187.

(18) Константинъ Всеволодовичъ родился 18-го мая 1186 года. (Лавр. 167).—Женатъ былъ на дочери Мстислава Романовича Смоленскаго Аннѣ. (р. 1187 г). Бракъ совершенъ въ 1196 г. Константину въ то время было 10, а ей 9 лѣтъ. (См. Никон. лѣт. изд. Акад. Н. III, 261.—Истор. Росс. Татищева III, 316.—Карамзина: Ист. Росс. гос. Ц. примѣч. 68). По смерти Константина, Анна постриглась въ монахини «надъ гробомъ мужа своего» и живши въ иночествѣ Агафьей. Умерла въ январѣ 1221. г. и положена въ Богородицкой церкви въ Ростовѣ. См. статью о ней въ Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 9.

Бѣлоозеро меньшему пятнадцатому сыну Владиміру (19). Владимірцы, услыхавъ о смерти Константина, стеклись въ огромномъ количествѣ на дворъ князей и „плавали плачемъ великимъ, бояре, какъ о заступникъ земли ихъ, слуги, какъ о кормителѣ и господинѣ, убогіе и чернецы, какъ о своемъ утѣшеніи и одѣяніи наготы ихъ—и всѣ вообще плакали о сѣборомъ лишеніи такого милостивца (20). Лаврентьевская лѣтопись передаетъ такую характеристику Константина Всеволодовича: Это былъ блаженный князь и щедро одаренный всѣми добрыми качествами; возлюбивъ Бога всею душею и всѣмъ желаніемъ, божій страхъ держалъ крѣпко въ сердцѣ и въ душѣ своей. *Не помрачилъ ума своего пустошиною славою „прелестною“ сею свѣта, но вперилъ все свое помышленіе туда, гдѣ жизнь безконечная, которую и достигъ своими милостынями и великимъ беззлобіемъ. Константинъ былъ правдивъ, кротокъ, щедръ, смиренъ, всѣхъ милуя и снабжая (необходимымъ) и любилъ больше всего „дивную и славную милостыню“ и церковное строеніе, заботясь о томъ день и ночь; „вонстину бѣ глазомъ слѣпымъ, ногой хромымъ и рукою немощнымъ; онъ часто читалъ книги съ прилежаніемъ, дѣлая все по писанному (21).*

Со смертію Константина Всеволодовича начинается раздробленіе Ростовскаго княжества на удѣлы. Старшій его сынъ Васильво, какъ мы видѣли, получилъ Ростовъ, „старѣйшій городъ“ земли, а по этому и мы начнемъ слѣдить за судьбою потомковъ Константина Всеволодовича съ старѣйшаго удѣла Ростовскаго.

(19) Владиміръ родился въ 1214 г. Лавр. 185.

(20) Лавр. 188.

(21) Ibid. 187—188.—Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Константинѣ Всеволодовичѣ см. въ монографіи И. Д. Бѣляева: великій князь Константинъ Всеволодовичъ мудрый. Врем. М. О. ист. и др. 1849 г. кн. III, отд. I, с. 59—78 и у М. П. Погодина: посл. замѣч. и лекціи, т. VI, с. 243—248.

Р о с т о в ь .

Биографія старшаго сына Константина Всеволодовича, Василько не представляет особаго интереса. Сводъ многочисленныхъ его дѣяній, состоящихъ, большею частію, въ походахъ на Болгарь и Мордву, въ которыхъ онъ участвовалъ по приказанію дяди своего Юрія,—интересующіеся ими могутъ найти въ „Исслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи“ М. П. Погодина (**). Одинъ изъ такихъ походовъ противъ „невѣдомаго народа, безбожныхъ Татаръ“ стоилъ Васильку жизни. Въ 1237 году, при общемъ переполохѣ отъ Татаръ, плѣнившихъ „всю землю Суздальскую“, князь Ростовскій умеръ мученическою смертію. Отдѣльное „сказаніе о кончинѣ князя Василька“, которое, можетъ быть, есть проповѣдь, произнесенная Ростовскимъ епископомъ Кирилломъ; при погребеніи князя,—такъ передаетъ подробности убіенія князя Василька.

Послѣ пораженія Суздальской рати на берегахъ Сити, гдѣ былъ убитъ великій князь Юрій Всеволодовичъ, Татары разошлись по всей землѣ Ростовско-Суздальской. Князя Василька повели они „со многою нужею“ до Шеренскаго лѣса, гдѣ расположились станомъ. „Проклятые, безбожные“ Татары стали принуждать князя къ своему „обычаю поганьскому“, къ полной покорности. Но Василько никакъ не хотѣлъ покориться ихъ „беззаконью“ и „много сваряша я“, говорилъ имъ: „о глухое царство скверное! ни како же мене не отведете Хрестыанской вѣры, аще и велми въ велицѣ бѣдѣ есмь; Богу же како отвѣтъ дасте, ему же многы душа погубили есте безъ правды?“... Татары „въскрежеташе зубы“ на князя Василька, „желающе насытитися крови его“. Василько былъ убитъ. Подъ мечами Татаръ онъ усердно молился Богу и оплакивалъ свою молодую смерть: „младая моя память желѣзомъ погыбаеть и тонкое мое тѣло увядаеть“. Василькѣ было съ небольшимъ 27 лѣтъ. Тѣло князя было брошено въ лѣсъ. Его увидала случайно одна женщина и сообщила о томъ „мужу богобоязненну, поповичю Андріану“. Андріанъ взялъ тѣло Василька, обвилъ его саваномъ и спряталъ въ

(**) Т. VI с. 326—327.

„скровнѣ мѣстѣ“. Епископъ Ростовскій Кириллъ и вдова Васильки Марія, дочь другаго мученика Христіанства, князя Михаила Черниговскаго, услыхавъ, что тѣло князя найдено, — послали за нимъ и съ честію принесли его въ Ростовъ. Изъ города вышло на встрѣчу печальной процессіи множество народа, „жалостныя слѣзы испущаючи, оставше такога утѣшенья“⁽²³⁾.

Наружность и нравственныя свойства Василька, этой „звѣзды свѣтоносной“, по выраженію современниковъ, лѣтописецъ изображаетъ въ слѣдующихъ чертахъ: „бѣ же князь Василько лицомъ красенъ, очима свѣтелъ и гровенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ (т. е. на охотѣ), сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; нието же бо отъ бояръ, кто ему служилъ и хлѣбъ его ѣлъ и чашю пилъ и дары ималъ, тотъ ни како же у иного князя можаше быти за любовь его: *излише же слуги свои любляше*. Мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходаста; *бѣ бо всему хитръ и гораздо умъ*“⁽²⁴⁾.

Съ 1239 года въ Троицкой лѣтописи начинается *краткій лѣтописецъ Ростовскихъ князей*. Лѣтописецъ этотъ отличается лаконизмомъ. Онъ весь состоитъ изъ простаго перечня по годамъ: рожденій, бракосочетаній и смертей Ростовскихъ князей, съ очень рѣдкими упоминаніями о нѣкоторыхъ народныхъ бѣдствіяхъ: пожарахъ, голодѣ, болѣзняхъ и о дѣлахъ, относящихся до „церковнаго строенія“. Этотъ лѣтописецъ есть единственный источникъ для исторіи Ростовскихъ князей отъ половины XIII в. до половины XIV в., т. е., до конца самостоятельнаго существованія Ростовскаго княжества⁽²⁵⁾. Поэтому наше изложеніе, въ основу котораго поло-

⁽²³⁾ Лавр., 198—199.

⁽²⁴⁾ Ibid., 199.—Сравни. вариантъ этого сказанія о князѣ Василькѣ въ 1-й Софійской лѣтописи (П. С. Л. V, 174). Снес. о страданіи кн. Василька у Филарета: Русскіе святые, мѣсяцъ мартъ, с. 32—45.

⁽²⁵⁾ Это можно заключить изъ слѣдующихъ данныхъ: во 1-хъ, князья Ростовскіе упоминаются по поводу ихъ рожденія, свадьбы, или смерти просто по именамъ, безъ означенія ихъ удѣла, тогда какъ князья другихъ земель означаются по именамъ ихъ удѣловъ. (См. П. С. Л. I, 226 и дал.) во 2-хъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ лѣтописяхъ упоминается земля Ростовская, или «градъ Ростовъ» въ Троицкой лѣтописи гово-

женъ этотъ краткій Ростовскій лѣтописецъ, по неволѣ должно ограничиться сухимъ перечнемъ весьма незанимательныхъ подробностей жизни князей, пассивно проходившей среди богомолья, домашнихъ, семейныхъ праздниковъ, „насилья отъ поганыхъ Татаръ“ и низпоклонства передъ ордынскими ханами.

Земское значеніе Ростова, уменьшаясь постепенно въ теченіе XIII - го в., въ XIV-мъ уничтожается окончательно. Старшіе сыновья князей не стремятся уже болѣе занять непрѣмѣнно столъ Ростовскій, а предпочитаютъ какой нибудь незначительный городокъ, Угличе-Поле—этому нѣкогда „старѣйшему“ городу, изъ-за котораго родоначальникъ Ростовскихъ князей, Константинъ Всеволодовичъ поссорился съ своимъ отцемъ Всеволодомъ, „миродержцемъ Суждальской земли“, вступивъ въ открытую вражду съ братомъ Юріемъ. Личный характеръ Ростовскихъ князей, потомковъ Василья, безцвѣтный и слабый, поддающійся произволу ордынскихъ хановъ и ищущій въ этомъ произволѣ опоры для своихъ эгоистическихъ, мелкихъ цѣлей — есть одна изъ основныхъ причинъ паденія земскаго значенія Ростова. Съ XIII-го столѣтія болѣе высокое земское значеніе получаетъ Ярославль, благодаря энергическимъ своимъ князьямъ: Феодору Ростиславичу „черному“ и внуку его Василю Давидовичу, „грозныя - очи“, а съ XIV-го вѣка возвышается надъ всѣми городами Москва. Позднѣйшая лѣтопись такъ начинается княженіе Московскаго великаго князя Ивана Даниловича, прозваннаго „Калитой“, съ котораго обыкновенно полагаютъ начало вызвышенія Москвы: „1332. г. Съѣде на великое княженіе в. кн. Иванъ Даниловичъ и бысть тишина велика христіаномъ по всей Русской земли на многа лѣта“ (*).

рится просто о событіи, безъ означенія мѣста, гдѣ оно произошло. Такъ напр., подъ 6770-мъ годомъ читаемъ: «Изгнаша поганыхъ (т. е. Татаръ) отъ всѣхъ городовъ, не терпя насилья ихъ. (Ibid). Изъ Лаврентьевской лѣтописи мы знаемъ, что Татары были изгнаны изъ многихъ городовъ Ростовско-Суждальской земли и, въ томъ числѣ, изъ Ростова. Подъ тѣмъ же годомъ въ Троицкой лѣтописи говорится о смерти Ростовскаго епископа Кирилла, который не названъ епископомъ Ростовскимъ; сказано просто: *преставися Кириллъ епископъ.* (Ibid.). Ср. К. Н. Бестужева-Рюмина: «о составѣ Русск. лѣтописей до конца XIV в.» стр. 40, 65—66.

(*). Воскр. лѣт., П. С. Л. VII, 201.

Умиrotвореніе земли, испытавшей такъ много „насилія“ отъ „безбожныхъ Татаръ“, столько опустошенія отъ ихъ частыхъ набѣговъ, отъ голода и мора—эта „тишина“, наставшая съ Калиты—сообщала возвышавшейся Москвѣ особенно-важное значеніе въ глазахъ позднѣйшихъ нашихъ дѣписателей.

Васильо Константиновичъ Ростовскій оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей: Бориса и Глѣба. Въ 1244 году дядя ихъ Владиміръ Константиновичъ, князь Бѣлоозерскій, и двоюродный братъ его Василій Всеволодовичъ Ярославскій поѣхали въ орду „про свою отчину“ и взяли съ собою молодыхъ Ростовскихъ князей. Передъ Батыемъ произошелъ у князей раздѣлъ, утвержденный ханомъ. Борисъ и Глѣбъ получили въ удѣлъ отцовское княжество Ростовское⁽²⁷⁾.

Въ 1248 году Борисъ Васильковичъ женился на дочери Муромскаго князя Ярослава, а въ слѣдующій, 1249-й годъ умеръ Владиміръ Константиновичъ и Бѣлоозерскій его удѣлъ отошелъ къ Глѣбу Васильковичу⁽²⁸⁾.

Княженіе Бориса Васильковича Ростовскаго отмѣчается въ лѣтописи слѣдующими событіями: Въ 1257 г. князь отправился въ орду на поклоненіе новому хану Улавчию; въ 1257 г. „бысть число“, т. е. первая народная перепись, произведенная Татарами, а въ 1262 году Татары были изгнаны изъ Ростова жителями, которые не могли сносить насилія ихъ; въ 1259 году былъ въ Ростовѣ в. князь Александръ Невскій, проѣздомъ изъ Новгорода во Владиміръ. Его „почтили“ Борисъ Васильковичъ и братъ его Глѣбъ, вдова Василька, княгиня Марія и епископъ Ростовскій Кириллъ, а

⁽²⁷⁾ Троицк. лѣт., с. 226.—Никон., изд. Акад. н., III, 33.—Марія, вдова Василька, умерла въ 1271 году и погребена въ Ростовѣ, въ основанномъ ею Спаскомъ монастырѣ. (Троицк., 226). См. о ней: у Карамзина; т. III, прим. 364., Гр. Толстаго: Др. свят. Ростова-вел., с. 41 и примѣч. 31 и статью неизв. автора, въ Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 16.

⁽²⁸⁾ Троицк., 226.—См. о Глѣбѣ Васильковичѣ: статью Муромцева, въ прилож. къ Ж. М. Н. Пр. 1846 г. и въ сочин. Гр. Толстаго: Древн. свят. Ростова-великаго, с. 12—13. Снес. также Карамзина: Ист. Гос. Росс. IV, прим. 160.

великій князь принялъ это почтеніе съ любовью, воздалъ князьямъ и епископу „честь велику“ и одарилъ ихъ дарами. Въ 1277 году Борисъ Васильевичъ поѣхалъ во второй разъ въ орду и тамъ умеръ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: Дмитрія (род. 1253) и Константина (род. 1255).

Послѣ Бориса въ Ростовѣ сѣлъ братъ его Глѣбъ, ходившій въ томъ же 1277 году, вмѣстѣ съ остальными князьями, на Ясовъ, Татарское племя, кочевавшее близъ Кавказскихъ горъ. Глѣбъ Васильевичъ провняжилъ въ Ростовѣ не долго. Въ слѣдующемъ 1278 г. онъ умеръ. До насъ дошла слѣдующая характеристика Глѣба Васильевича: „по плѣненіи Татарскомъ отъ юности своя служу Татаромъ, и многи христіаны обидимы отъ нихъ избави и печальныя утѣши“⁽²⁹⁾.

По смерти Глѣба, Борисовичи: Дмитрій и Константинъ сѣли въ Ростовѣ. Въ 1286 году у нихъ произошло „нелюбие“, и старшій Дмитрій перешелъ на княженіе въ Угличе - Поле, князь котораго Романъ Владиміровичъ умеръ бездѣтнымъ въ 1285 году⁽³⁰⁾. Въ 1289 году Дмитрій Борисовичъ снова сѣлъ въ Ростовѣ, а братъ его Константинъ ушелъ въ орду. Въ 1292 году всѣ князья были вытребованы въ орду и Константинъ Борисовичъ получилъ въ удѣлъ Угличе-Поле. По словамъ Нивоновской лѣтописи въ Ростовѣ приѣзжалъ великій князь Дмитрій Александровичъ и примирилъ враждующихъ братьевъ⁽³¹⁾. Въ 1294 г. Дмитрій, кн. Ростовскій умеръ, оставивъ послѣ себя только двухъ дочерей. Княземъ Ростовскимъ сталъ братъ его Константинъ, который Угличское княженіе передалъ сыну своему Александру⁽³²⁾.

Княженіе Константина Борисовича въ Ростовѣ ознаменовано: во 1-хъ, ссорой его съ Ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ, причина которой неизвѣстна; во 2-хъ, „нелюбой“ съ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Переяславскимъ, враждебный исходъ которой предупрежденъ епископомъ Семеномъ и въ 3-хъ, женитьбой князя Константина въ орду послѣ

⁽²⁹⁾ Татищева: Ист. Россіи, IV, 52.

⁽³⁰⁾ П. С. Л. V, 204. VII, 179.

⁽³¹⁾ Никон. лѣт., изд. Акад. н., III, 71.

⁽³²⁾ П. С. Л. VII, 181.

смерти первой его жены, въ 1302-мъ году. Въ 1307 Константинъ умеръ. Изъ отрывочныхъ свѣденій о немъ, занесенныхъ въ лѣтопись, можно заключить, что это былъ сварливый, непокойный князь, державшій сторону ордынскихъ хановъ и расположенный къ Татарамъ.

Его смертію заканчивается XIII-е столѣтіе въ исторіи Ростовскаго княжества и начинается XIV-е, которое, какъ мы замѣтили выше, есть эпоха окончательнаго паденія земскаго значенія Ростова. Въ XIV-е столѣтіе Ростовъ кончаетъ свое самостоятельное существованіе и присоединяется къ Москвѣ.

Иванъ Даниловичъ Калита, этотъ первый изъ Московскихъ „собирателей земли Русской“, наложилъ свою руку на Ростовъ. Потомство Василька Ростовскаго размножилось. Княжество Ростовское все болѣе и болѣе дробилось; князья, мало по малу, превращались въ мелкихъ владѣтелей—помѣщиковъ. Удѣлъ Ростовскій въ XIV вѣкѣ распадался на слѣдующія независимыя владѣнія: городъ Ростовъ, съ двумя отдѣльными княженіями: Стрѣтенской стороною, и Борисоглѣбской стороною; Приимково, Гвоздево, Пугиболы, Хохлово и мн. др. ⁽⁸²⁾. Кромѣ того независимымъ владѣніемъ въ Ростовскомъ удѣлѣ былъ Устюгъ-Великій ⁽⁸³⁾. Изъ-за Устюга

⁽⁸²⁾ См. «Историч. очеркъ Ярославск. губ.» Яросл. губ. вѣд. 1850 г., № 6.

⁽⁸³⁾ Въ Вокресенской лѣтописи подъ 1324 годомъ читаемъ: «Иде великій князь Юрьи Даниловичъ съ Новгородци на Заволочіе, и взяша градъ Устюгъ и подоша на Двину, и ту прислаша послы своя князи *Устюжскіе* къ великому князю и докончаша миръ по старинѣ (П. С. Л. VII, 199).—Что Устюгъ входилъ въ XIII в. въ предѣлы Ростовскаго княжества—видно изъ сопоставленія разныхъ шестъ лѣтописей о Ростовскихъ епископахъ. Отдѣльный отъ Суздаля и Владимира епископъ является въ Ростовѣ при Константинѣ Всеволодовичѣ. (Лавр., 185). При разказѣ о поставленіи въ епископы Ростову Кирилла III-го Лаврентьевская лѣтопись опредѣляетъ предѣлы Ростовской епархіи, называя Кирилла епископомъ *Ростову, Ярославлю и Улечу-Полю* (Ibid. 195). Одинъ изъ преемниковъ Кирилла, епископъ Тарасій освящалъ церковь въ Устюгѣ, (Троица., 227) слѣдоват. Устюгъ принадлежалъ къ Ростовской епархіи. Епархіи же въ то время всегда совпадали предѣлами своими съ удѣльными княжествами. Подъ 1396 г. въ Воскрес. лѣтописи записано: «Кирианъ митрополитъ постави на Москвѣ Григорія епископа *Ростову и Ярославлю и Бѣлозеру и Улечу-Полю и Юстюгу и Молозь*». (П. С. Л. VIII, 69).

были частыя стычки между жителями Бѣлоозерскаго приозерья и Новгородцами, не желавшими уступить сосѣдямъ Устюга, своей исконной колоніи, которая охраняла торговый путь по Сѣверной Двинѣ въ Бѣлое море⁽⁸⁸⁾. Иванъ Калита, извѣстный своимъ скопидомствомъ и важиточностью, сталъ скупать села и города у обѣдѣвшихъ Ростовскихъ князей⁽⁸⁹⁾. Эти князья, продавъ свои владѣнія, пользовались нѣкоторою частью своихъ доходовъ и даже имѣли право чеканить монету⁽⁹⁰⁾; они назывались *окупными князьями*⁽⁹¹⁾.

Въ 1330 году прибылъ въ Ростовъ намѣстникъ Московскаго князя бояринъ Василій Кочева, оставившій въ народѣ память о своей жестокости. „Увы, увы тогда граду Ростову, говорить составитель повѣсти о св. Сергіи Радонежскомъ,—паче же и княземъ его, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь и слава, и потягнуша въ Москвѣ. И изыде повеленіе великаго князя Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій воевода, единъ отъ вельможъ, именемъ Василій, прозвище ему Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда видоста во градъ Ростовъ, тогда возложиша велику нужу на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ Ростовецъ Москвичамъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сими противу того раны на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе... Толико дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяша, яко и епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возлежиша на ня рудъ свои, и оставиша поругана, точію жива. И бысть страхъ великъ на всѣхъ слышавшихъ ся, не токмо во градѣ Ростовѣ, но и во властѣхъ и селахъ“⁽⁹²⁾. Многіе бояре Ростовскіе, не стерпя самовластия Кочевы, переселились въ другіе города⁽⁹³⁾.

⁽⁸⁸⁾ См. П. С. Л. IV, 402, 403; V, 246. 250. 260; VIII, 63, 71, 89.

⁽⁸⁹⁾ Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 22.

⁽⁹⁰⁾ См. «Описаніе др. Росс. монетъ» М. 1834 г., стр. 134, табл. 16-я. Снес. «Оч. древн. ист. Ростова и политич. системы Рост. владѣт. князей». Яр. губ. вѣд. 1842 г. № 7.

⁽⁹¹⁾ См. «Ист. оч. Яросл. губ.», Яросл. губ. вѣд. 1850 г., № 4.

⁽⁹²⁾ Никон. лѣт. изд. Акад. н., II, 204.

⁽⁹³⁾ Филарета: Русскіе святые, мѣсяць сентябрь, с. 429—430. Карамзина: Ист. гос. Росс. IV, прим. 172.

Это печальное для Ростовцевъ событіе произошло въ княженіе Константина Васильевича, сына Василя Константиновича. О Василиѣ Константиновичѣ лѣтопись занесла на свои страницы только одно извѣстіе. „Въ 1316 году приде изъ орды князь Василій Ростовскій, и съ нимъ послы, Сабанчи и Казанчи—и много зла сотвори Ростову“⁽⁴¹⁾.

Константинъ Васильевичъ Ростовскій (р. 1291 г., ум. 1365) женился въ 1328 г. на дочери Ивана Калиты, Маріи. Опираясь на своего сильнаго тестя, Константинъ Васильевичъ, разумѣется, былъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ князей Ростовскихъ, которые дошли въ XIV ст. до таваго униженія, что ихъ „ограбиша въ ордѣ и пустише нагихъ“⁽⁴²⁾. Въ 1362 году произошла „усобица“ между Константиномъ Васильевичемъ и племянникомъ его Андреемъ Феодоровичемъ. Причина этой усобицы намъ съ точностью неизвѣстна; извѣстно только, что она находится въ связи съ внутренними нестроениями, происходившими въ то время въ ордѣ, и съ споромъ изъ-за великокняжескаго стола, бывшимъ между Димитріемъ Іоанновичемъ, вн. Московскимъ и Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ. Подъ 1359 годомъ въ лѣтописцѣ Ростовскихъ князей отмѣчено: „Ходиша вси князи въ орду“; подъ 1360 годомъ въ немъ же читаемъ: „Убиша царя (т. е. хана) Навруса и по немъ сѣде Ходирь, и да княженіе великое Димитрію Суздальскому и коемуждо князю отчину свою“; подъ 1361 годомъ: „Убиша царя Ходыря“. Въ слѣдующемъ 1362 году князь Димитрій Ивановичъ Московскій „сгони съ великаго княженія князя Суздальскаго Димитрія, а самъ сѣде на великое княженіе, и въ тотъ же годъ сотворися нелюбье межи князми Ростовскими: Константиномъ и Андреемъ“⁽⁴³⁾. Сторонникомъ Московскаго князя былъ Андрей Феодоровичъ, который и въѣхалъ въ Ростовъ въ 1363 году подъ прикрытиемъ Московскаго боярина Ивана Ржевскаго „съ силою великою“⁽⁴⁴⁾. Константинъ долженъ былъ уступить племяннику первенство и выѣхалъ изъ Ростова въ Устюгъ; но черезъ годъ онъ, вѣрно, помирился съ племянникомъ,

⁽⁴¹⁾ П. С. Л. VII, 187.

⁽⁴²⁾ Троицк. лѣт., с. 231.

⁽⁴³⁾ Ibid.

⁽⁴⁴⁾ Ibid.

п. ч. мы видимъ его тогда снова въ Ростовѣ. Въ 1364 году была сильная моровая язва въ Нижнемъ, Костромѣ, Ярославлѣ и Переяславлѣ. На слѣдующій 1365 - й годъ язва достигла Ростова. Отъ нея умерла жена Константина Марія, а вслѣдъ за нею и самъ Константинъ ⁽⁴⁵⁾.

Съ Дмитрія Ивановича Донскаго устанавливается полное подчиненіе Ростовскихъ князей Московскому великому князю. Они обязаны участвовать во всѣхъ его походахъ, держать его „честно и грозно“ и мыслить съ нимъ „какъ одинъ человекъ“. Такъ князь Ростовскій Андрей Феодоровичъ участвуетъ, вмѣстѣ съ остальными князьями Ростовско-Суздальской земли, въ походѣ Дмитрія Ивановича подъ Тверь въ 1375 году ⁽⁴⁶⁾. При нашествіи Тохтамыша на Москву въ 1382 году лѣтопись подробно исчисляетъ всѣ города Ростовско-Суздальской земли, которые пострадали отъ нашествия Татарскаго, или играли какую нибудь роль въ этомъ нашествіи, Ростова въ этомъ перечисленіи совсѣмъ не упоминается. Значеніе его пало окончательно ⁽⁴⁷⁾.

Перечисленіе князей въ Ростовскомъ лѣтописцѣ за XV-й вѣкъ является печальнымъ некрологомъ вымирающаго потомства Константина Всеволодовича. Этотъ некрологъ есть, по всей вѣроятности, синодикъ, внесенный въ лѣтопись. Князья, уступая свои владѣнія богатому великому князю Московскому, отрекаются отъ міра. Они всѣ передъ смертію поступаютъ въ монахи и постригаются въ схиму. Невольная грусть западаетъ въ душу, когда, припомнивъ гордые замыслы вѣча и бояръ Ростовскихъ XII-го в., мы встрѣчаемъ въ XV вѣкѣ только такого рода данныя о князьяхъ Ростовскихъ: 1404, представился благовѣрный князь Александръ Ростовскій, нарѣченный въ мнишескомъ чину Андрей, іюня 19-го; 1405, представился князь Михаилъ Юрьевичъ Ростовскій; 1407, представился благовѣрный князь Константинъ Андреевичъ Ростовскій, нарѣченный въ мнишескомъ чину Касьянъ, апрѣля 27-го; 1409, представился князь Андрей Феодоровичъ Ростовскій,

⁽⁴⁵⁾ Троицк., 231. См. также ст.: «Истор. оч. Яросл. губ.», Яросл. губ. вѣд. 1850 г. № 4, стр. 60.

⁽⁴⁶⁾ Воскрес. П. С. Л. VIII, 22.

⁽⁴⁷⁾ П. С. Л. VIII, 47.

нарѣченный въ мнишескомъ чину Аѳонасій; 1413, преставися благовѣрный князь Юрій Андреевичъ Ростовскій, нарѣченный въ мнишескомъ чину Герасимъ; 1415, преставися благовѣрный князь Константинъ Владиміровичъ Ростовскій, нарѣченный въ мнишескомъ чину Касьянъ (**).

Ярославль.

Ярославль, какъ мы видѣли выше, былъ отданъ Константиномъ Всеволодовичемъ второму его сыну Всеволоду. Продолжительное княженіе Всеволода Константиновича въ Ярославль (1216—1237) не отмѣчено ни чѣмъ въ лѣтописи. Извѣстно только, что въ 1226 году онъ ходилъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ на помощь Михаилу, князю Черниговскому, противъ Олега Курскаго (**). Въ 1237 году Всеволодъ палъ въ битвѣ на р. Сити вмѣстѣ съ великимъ княземъ (**).

Сыновья Всеволода: Василій и Константинъ, княжившіе въ началѣ зависимости Ростовско-Суздальской земли отъ Татаръ, по однимъ извѣстіямъ были убиты въ 1249 году, при опустошеніи Ярославля Татарами (**), а по другимъ умерли и похоронены во Владимірѣ (**).

Послѣ Василя Всеволодовича остались: вдова его Ксенія и дочь Марія. Если вѣрить поадрѣвнѣшему извѣстію Степенной книги, то княжна Марія, всего трехъ лѣтъ отъ роду, была провозглашена правительницей княжества Ярославскаго, а за ея мало-

(**) Троицк. 226.

(**) Лавр., 490.

(**) Ibid. 497.

(**) См. рукопись Ярославскаго Каменд. собора въ ст.: «Хронологическій очеркъ историч. событ. въ г. Ярославль, отъ основ. оного до вступл. Яросл. княжества въ сост. государства Россійскаго». Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 5. Снес. I. Троицкаго; «Исторія губ. гор. Ярославля», Яросл., 1853 г., с. 15, примѣч. 35.

(**) Никон. лѣт. изд. акад. н., III, 32.

лѣтствомъ, мать ея, Ксенія управляла княжествомъ на дѣлѣ⁽⁵³⁾. Около 1267 года Марія вышла замужъ за Теодора Ростиславича, князя Можайскаго, прозваннаго „чермнымъ“⁽⁵⁴⁾. Супружество это было не особенно счастливо. Черезъ десять лѣтъ Теодоръ, бывши въ ордѣ, влюбился въ дочь хана Менгу-Темира; но жениться на ней онъ не рѣшился, во 1-хъ потому, что она была язычница, а 2-хъ потому, что у него была жена, Марія. Когда Теодоръ возвратился изъ орды, Ксенія, его теща, не пустила его въ Ярославль и княземъ Ярославскимъ былъ объявленъ сынъ Теодора, Михаилъ. Вскорѣ послѣ этого умерла Марія. Теодоръ отправился въ орду, дочь Менгу-Темира приняла вѣщеніе, въ которомъ получила имя Анны, и была обвинена съ княземъ Ярославскимъ. Между тѣмъ Михаилъ умеръ. Князь Теодоръ отправился въ Ярославль съ женою и двумя сыновьями, рожденными въ ордѣ: Давидомъ и Константиномъ. Ярославцы не хотѣли принять къ себѣ князя, женатаго на „басурманкѣ“, но Теодоръ принудилъ ихъ къ покорности силою. Съ тѣхъ поръ Теодоръ Ростиславичъ былъ княземъ двухъ княжествъ: Ярославскаго и Смоленскаго. Последнее перешло къ нему съ 1280 году, послѣ смерти его братьевъ, Глѣба и Михаила. Онъ поручилъ Смоленскъ управленію племянника своего Александра Глѣбовича, а самъ остался въ Ярославлѣ⁽⁵⁵⁾. Изъ событій послѣднихъ лѣтъ его княженія лѣтопись упоминаетъ только объ участіи его въ усобицѣ изъ-за великокняжескаго стола, бывшей въ 1292 году между Андреемъ Александровичемъ, княземъ Суздальскимъ и братомъ его, Дмитріемъ Александровичемъ, княземъ Переяславскимъ. Теодоръ Ростиславичъ принимаетъ сторону Андрея Александровича противъ Дмитрія Александровича, который, находя себѣ помощь у хана Ногая, дѣйствовалъ непріязненно противъ сына Менгу-

(53) Степенн. кн. I, 393.

(54) Воскрес. II. С. Л. VII, 173.—Никон. лѣт., III, 62.

(55) Эти подробности о Теодорѣ Ростиславичѣ заимствованы нами изъ его позднѣйшаго житія (См. ниже примѣч. 58-е).—См. также Карамзина: Ист. гос. Росс. т. IV., примѣч. 181.—О Смоленскомъ княженіи, перешедш. къ Теодору Ярославскому см. Никон. лѣт., III, 68.

Темира, шурина Ярославскаго князя ⁽⁵⁶⁾. Въ 1299 году Теодоръ Ростиславичъ умеръ, принявъ передъ смертію схиму ⁽⁵⁷⁾. По словамъ древняго біографа Теодора Ростиславича, этотъ князь, воспитанный въ страхъ божіемъ, съ молодыхъ лѣтъ былъ боголюбивъ и отличался мужествомъ и отвагою въ дѣлѣ ратномъ ⁽⁵⁸⁾.

Теодоръ Ростиславичъ сталъ родоначальникомъ новаго дома Ярославскихъ князей, который впослѣдствіи, разросшись въ обширное поволеніе, распадался въ XV — XVI вѣкахъ на 40 различныхъ вѣтвей ⁽⁵⁹⁾. О сыновьяхъ князя Теодора: Давидъ и Константинъ нѣтъ никакихъ свѣденій въ лѣтописи, не смотря на то, что Давидъ княжилъ въ Ярославлѣ 22 года (съ 1299 по 1321 г.). Изъ житія кн. Теодо-

⁽⁵⁶⁾ П. С. Л. I, 382; III, 65; IV, 45. Никон. III, 89—92.—Объ усобицахъ въ Смоленскомъ княжествѣ между Теодоромъ Ростиславичемъ и племянникомъ его, Александромъ Глбовичемъ, которыхъ мы не касаемся, п. ч. онѣ происходили внѣ предѣловъ Ярославскаго княжества, см. П. С. Л., I, 382; IV, 44. Никон. III, 95.

⁽⁵⁷⁾ П. С. Л. IV, 46; V, 203; VII, 182.

⁽⁵⁸⁾ Теодоръ Ростиславичъ православною Церковью признанъ святымъ. Житіе его написано іером. Антоніемъ, при митрополитѣ Филиппѣ 1-мъ, вскорѣ послѣ открытія мощей св. князя, слѣдоват. около 1470 г. Это житіе, съ перемѣнами, помѣщено въ Степенн. книгѣ (I, 392—397) и въ Никон. лѣтописи (III, 62—68). Самый древній списокъ житія наход. въ Румянцевскомъ муз. (См. опис. рукоп. Рум. муз. А. Востокова, № 305).—По словамъ пр. Филарета, житіе кн. Теодора отличается цвѣтистымъ и язысканнымъ слогомъ и убѣждаетъ, что сочинитель его не зналъ многого о св. Теодорѣ.—(См. «Русскіе святые». м. сентябрь, с. 81, прим. 151). Московская редакція житія князя Теодора Ростиславича, состоящая изъ его родословной, подробнаго описанія его постриженія въ монахи, ковчины, открытія мощей и чудесъ отъ нихъ происходившихъ, помѣщена въ «Великихъ Минеяхъ-Четьихъ митрополита Макарія». См. 2-й вып. изданія Археограф. Комисс. подъ 19 мѣ сентябрьемъ. Кромѣ того о Теодорѣ Ростиславичѣ см. въ «Родословной росписи Ростовскихъ князей» въ рукописи. Сборникъ Е. В. Трехлѣтова, XVII в. Г. Трехлѣтовъ признаетъ эту «роспись» за мѣстное Ростовское произведеніе. Она издана С. А. Серебрянниковымъ въ Ярославскихъ губ. вѣд. 1851 г. № 36.

⁽⁵⁹⁾ См. означенную въ предъидущ. примѣч. «Родословную роспись Ростовскихъ князей».

ра известно только, что оба сына его были тоже святые и похоронены вмѣстѣ съ Теодоромъ, въ одномъ гробѣ⁽⁶⁰⁾.

Сынъ Давида Василій, „грозныя очи“ (внѣжилъ съ 1321 по 1344 г.), является, по мѣстнымъ Ярославскимъ преданіямъ, сильнымъ и самостоятельнымъ княземъ, не хотѣвшимъ уступить первенства въ Ростовско-Суздальской землѣ Московскому князю Иванѣ Калитѣ. Женатый на дочери Калиты, Евдокии, Василій Давидовичъ не подчинился ему такъ, какъ другой его зять, князь Ростовскій Константинъ Васильевичъ. Калита думалъ, вслѣдствіе этихъ родственныхъ связей, самовластно дѣйствовать въ княжествахъ Ростовскомъ и Ярославскомъ. Въ Ростовѣ какъ мы видѣли, ему это удалось⁽⁶¹⁾, но въ Ярославлѣ онъ не достигъ полного своего господства. Происходя отъ старшаго сына Мономахова, Мстислава, Василій Давидовичъ считалъ себя старше князя Московскаго, происходившаго отъ меньшаго Мономаховича, Юрія Долгорукаго⁽⁶²⁾. Онъ назвалъся „великимъ княземъ“ Ярославскимъ и, охраняя свои наслѣдственные и родовыя права, поставляющія его въ независимыя отношенія отъ Московскаго великаго князя,—вступилъ въ союзъ съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ, постояннымъ противникомъ Ивана Даниловича Калиты⁽⁶³⁾.

Неповорный Калитѣ, Василій Давидовичъ долженъ былъ однако покориться сыну и преемнику его, Семіону Ивановичу „гордому“, которому, по выраженію Ростовскаго лѣтописца, „все князи Русскіе подъ руку даны“ ханомъ Узбекомъ⁽⁶⁴⁾. Василій Давидовичъ не только сопровождаетъ Семіона Ива-

(60) См. Филарета. «Русскіе святые», мѣсяцъ сентябрь. с. 88.

(61) См. выше, въ настоящ. главѣ, стр. 166—168.

(62) Происходя отъ Смоленскихъ князей, всегда тяготѣвшихъ къ югу и чтившихъ родовыя традиціи, Василій Давидовичъ весьма легко могъ дѣйствовать на основаніи этихъ традицій въ землѣ Ростовско-Суздальской, гдѣ ихъ не было, а гдѣ, вмѣсто ихъ, какъ мы видѣли господствовала традиція самовластія.

(63) О Василіѣ Давидовичѣ см. ст. С. С(еребренникова) въ Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 30.—Кромѣ данныхъ лѣтописныхъ, авторъ воспользовался для своей монографіи «мѣстной рукописью». Намъ неизвѣстна эта рукопись, и какова ея историческая достовѣрность—судить не беремся.

(64) Карамзинъ. т. IV, прим. 330.

новича въ орду и содѣйствуетъ тамъ его усиленію, но и участвуетъ въ усмиреніи удѣльныхъ князей Ростовско-Суздальской земли, возставшихъ противъ Семіона и даже принимаетъ сторону Московскаго великаго князя въ его походѣ подъ Смоленскъ, въ которомъ княжили въ то время родственники Ярославскаго князя (**).

По смерти Василя Давидовича его владѣніе раздѣлилось между его сыновьями на три удѣла. Старшій сынъ Василя сталъ княземъ Ярославскимъ, второй сынъ Глѣбъ получилъ въ удѣлъ земли по Шекснѣ, „Пошехонье“ и, наконецъ, третій сынъ Романъ—земли по берегамъ Волги, на которой онъ основалъ городъ въ свое имя „Романовъ“ (**). Братъ Василя Давидовича Михаилъ Давидовичъ владѣлъ еще раньше, по смерти отца своего Давида, городомъ Мологою съ землями по р. Мологѣ (**). Такимъ образомъ въ половинѣ XIV в. въ Ярославскомъ княжествѣ были слѣдующія независимыя одно отъ другаго владѣнія: Ярославль, Пошехонье, Романовъ и Молога. Эти владѣнія подраздѣлялись по числу сыновей каждаго изъ князей на множество подѣловъ. Мы уже сказали выше, что потомство Θεодора Ростиславича было очень многочисленно. Второстепенныхъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей является въ XIV вѣкѣ такое множество, что перечислять ихъ всѣхъ было бы слишкомъ затруднительно, да и бесполезно. Мы позволимъ себѣ только для примѣра остановиться на родословіи князей Моложскихъ или Моложскихъ и затѣмъ, сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ подѣловъ удѣльныхъ Ярославскихъ княжествахъ.

Моложскіе князья, какъ видно, не имѣли достаточнаго количества земли, чтобы надѣлять ею всѣхъ многочисленныхъ членовъ своего дома, потому что изъ трехъ сыновей Михайла Давидовича: Θεодора, Ивана и Льва,—только старшій Θεодоръ получилъ удѣлъ. Старшая линія Моложскихъ князей, происходящая отъ князя Θεодора (ум. въ 1408 г.) пресѣлась въ третьемъ колѣнѣ внука Θεодора, князя Петра Дмитріевича.

(**) См. «Хронологич. оч. ист. событ. въ г. Ярославѣ». Яросл. губ. вѣд. 1843, № 5.

(**) Родосл. росписъ Ростовск. князей, Яр. губ. вѣд. 1854 № 36.

(**) С. С(еребрянникова): «Истор. взглядъ на г. Мологу». Яросл. губ. вѣд. 1842 г. № 40.

Сынъ Ивана Михайловича, тоже Теодоръ—является родоначальникомъ князей Сицкихъ, Ушатыхъ, и Прозоровскихъ⁽⁶⁶⁾. Отъ третьяго сына перваго Моложскаго князя Михаила,—Льва Михайловича произошли князья Дуловы. Сынъ этого Льва Александръ пытался было получить нѣкоторую долю въ удѣлахъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, сыновей Теодора Михайловича, но, не имѣя возможности достигъ желаемого по слишкомъ большой дробности Моложскихъ владѣній, а можетъ быть и отказавшись отъ своего намѣренія по незначительности этихъ владѣній,—отѣхалъ къ Тверскому князю⁽⁶⁷⁾.

Княжество Ярославское, утвердившееся въ родѣ старшаго сына Василя Давидовича, Василя Васильевича, не даетъ намъ повода остановиться на себѣ особенно. Исторія Ярославля при потомкахъ Василя Васильевича есть исторія земскаго разложенія этого княжества. Преемники Василя Васильевича, съ 1400 до 1471 года (Иванъ Васильевичъ, Теодоръ Васильевичъ и Александръ Теодоровичъ) являются въ лѣтописи блѣдными призраками; никакихъ чертъ индивидуальныхъ въ нихъ нельзя подмѣтить. Они всѣ—усердные „подручники“ Московскихъ великихъ князей: Василя Димитріевича, Василя Васильевича Темнаго и Ивана III-го. Послѣдній Ярославскій князь, Александръ Теодоровичъ отказываетъ свою „отчину“ и „дѣдину“—Ярославль въ „душевной своей грамотѣ“ сильному князю Московскому, а сынъ его Даниль Александровичъ, князь Ярославскій—является *служилымъ княземъ*, воеводою Ивана III-го, „великаго князя Московскаго и всея Руси“⁽⁷⁰⁾.

⁽⁶⁶⁾ О князьяхъ Ушатыхъ см. въ Акт. Ист. т. III, №№ 14, 26, 32 и 33.—Г. Троицкій полагаетъ что, кромѣ вышеназванныхъ княжескихъ родовъ, отъ Теодора Ивановича Моложскаго происходятъ еще фамилии: Шаминныхъ, Голычевыхъ и Шуморовскихъ. Эти фамилии, говоритъ онъ, были такъ бѣдны, что изъ нихъ только Шуморовскіе имѣли вотчину по р. *Шумръ*, впадающей въ Волгу. См. слѣдующ. примѣч.

⁽⁶⁷⁾ Кромѣ статьи Серебряникова о Моложскомъ княжествѣ см.: 1) Троицкаго: «Ист. Моложской страны, княжествъ въ ней бывшихъ и г. Мологи».—Яр. губ. вѣд. 1863 г., стр. 228 и 236. 2) «О Моложскомъ краѣ», въ Протокол. Яросл. статист. Комитета. *Ibid.*, 1865 г., стр. 133 и 141.

⁽⁷⁰⁾ Родосл. Яросл. владѣт. князей у Троицкаго, въ Ист. Ярославля, с. 36.—Историч. оч. г. Ярославля. Яр. губ. вѣд. 1850, № 6.—Након. лѣт., изд. ак. н. VI, 146, 165. 116.

Ярославское княжество въ теченіе 70-ти лѣтъ XV-го столѣтія раздробляется на безчисленное количество мелкихъ „вотчинъ“, изъ которыхъ извѣстны намъ: Курба, Заозерье, Новлень и Юхоть⁽⁷¹⁾.

Курба была наследственной вотчиною князей Курбскихъ, родословіемъ которыхъ такъ гордился знаменитый ихъ потомокъ, извѣстный противникъ грознаго царя, князь Андрей Михайловичъ Курбскій⁽⁷²⁾. Онъ происходилъ по прямой линіи отъ святаго князя Ярославскаго Теодора Ростиславича, въ пятомъ поколѣніи отъ Ивана, старшаго сына Василя Васильевича, князя Ярославскаго⁽⁷³⁾.

О Заозерскомъ княжествѣ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія: Владѣнія этого княжества находились около озера Кубенскаго, въ 22-хъ верстахъ отъ Вологды. Въ концѣ XIV в. „Заозерье“ (такъ назывались мѣста около Кубенскаго озера) составило удѣлъ третьяго сына Василя Васильевича Ярославскаго—Димитрія. Князь этотъ жилъ въ городѣ близъ устья р. Кубены, гдѣ нынѣ село Устье (въ 50 в. отъ Вологды). Противъ села Ила, при деревнѣ Чериковой, донынѣ стоитъ часовня, гдѣ, по преданію, находились дворы и терема князей Заозерскихъ. Заозерское княжество потеряло самостоятельность при великомъ князѣ Василю Васильевичѣ Темномъ за родство князя Галичскаго и Угличскаго Димитрія Шемяки съ Заозерскимъ княземъ Димитріемъ Васильевичемъ, дочь котораго была за Шемякой⁽⁷⁴⁾. Изъ договорной грамоты великаго князя Василя Васильевича Московскаго съ княземъ Можайскимъ Михаиломъ Андреевичемъ, 1447 г.—видно, что половину вотчинъ князей Заозерскихъ и боковой ихъ линіи, князей Кубенскихъ, великій князь Московскій отдалъ князю Можайскому съ обязательствомъ платить

(71) См. «Хронол. оч. ист. соб. въ г. Ярославѣ и т. д.» Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 5—и «Ист. оч. Яросл. губ.», Ibid. 1850 г. № 6.—Снес. «Родосл. роспись Ростовскихъ князей», Ibid. 1851 г. № 36.

(72) См. ст. «село Курба, отчина князей Курбскихъ, въ 25 в. отъ Ярославля». Москвит. 1852 г., № 17, отд. VII.

(73) Сказанія кн. Курбскаго. Изд 3-е, Спб. 1868 г. Родословіе князей Курбскихъ см. въ концѣ книги.

(74) Ст. С. С(еребрянникова): «Заозерское княжество». Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 3.

съ тѣхъ вотчинъ „царевъ выходъ“, т. е. ордынскую дань въ Ярославль (⁷⁵). Въ другой грамотѣ того же года половина Заозерья отдана Василиемъ Васильевичемъ князю Можайскому же Ивану Андреевичу (⁷⁶). При Иоаннѣ III-мъ Заозерское княжество окончательно вошло въ составъ Московскаго государства (⁷⁷).

Пошехонье, удѣлъ Глѣба Васильевича, было страной дикой и неводѣланной. По всей вѣроятности, только съ Глѣба Васильевича началась въ этой странѣ великорусская колонизація (⁷⁸). Глѣбъ Васильевичъ, по словамъ одного изъ мѣстныхъ изслѣдователей Ярославской старины, сталъ родоначальникомъ князей: Шахонскихъ, Солнцевиныхъ, Засѣвиныхъ, Щетининыхъ и Шаховскихъ (⁷⁹). Романъ Васильевичъ, какъ мы видѣли, основалъ на Волгѣ городъ Романовъ, который является исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей великорусской колонизаціи въ сѣверо-восточной сторонѣ поволжья, въ теперешнихъ уѣздахъ Даниловскомъ и Любимскомъ Ярославской губерніи. Но на этой дальнѣйшей колонизаціи поволжья мы остановимся въ 5-й главѣ нашихъ очерковъ, а здѣсь пора намъ наконецъ разстаться и съ Романомъ и съ Глѣбомъ Васильевичами и съ ихъ потомствомъ. Укажемъ только, что отъ Романа Васильевича, произошли слѣдующіе роды княжескіе и боярскіе: Охлябинины,

(⁷⁵) Собр. гос. гр. и догов. т. I. № 64.

(⁷⁶) Ibid. № 65.

(⁷⁷) Ibid. № 66.

(⁷⁸) Авторъ статьи: «Берегъ р. Шексны у с. Козмодемьянска», С. Деруновъ полагаетъ, что норманнская княжеско-военная колонизація началась въ Пошехонскомъ краѣ со 2-й полов. IX в., съ того времени, какъ Синеусъ пришелъ на Белоозеро. Г. Деруновъ выводитъ свое предположеніе изъ находящихся по берегамъ Шексны мѣстными крестьянами разныхъ металлическихъ вещей и желѣзнаго оружія.—См. Яросл. губ. вѣд. 1863 г. № 47.—О Пошехоньѣ см. 1-ю главу нашихъ очерковъ, на стр. 19 и примѣч. 42, а также ст. въ Яросл. губ. вѣд. 1853 г.: «Обычай при свадьбахъ въ Пошехонскомъ у.»

(⁷⁹) См. статьи: 1) Родосл. росписи Ростовскихъ князей». Яр. губ. вѣд. 1854 г. № 36. 2) Василій Давидовичъ, кн. Ярославскій. Ibid. 1843, № 30. 3) Истор. оч. Яросл. губ., Ibid. 1850. № 2—7.

Дѣвы, Вѣношныны, Зубатые, Мортѣины, Львовы, Шуховскіе, Безчестневы, Хворостинины⁽⁸⁰⁾.

Бѣлоозеро.

Княжество Бѣлоозерское, перешедшее, какъ мы видѣли выше, послѣ смерти Владиміра Константиновича къ Глѣбу Васильковичу⁽⁸¹⁾, — утверждается за потомствомъ этого князя, послѣ того, какъ онъ сталъ княземъ Ростовскимъ въ 1277 г.

Удѣлъ Бѣлоозерскій существуетъ самостоятельно до половины XIV в. Первый изъ Московскихъ „собрателей земли Русской“ Иванъ Даниловичъ Калита покупаетъ Бѣлоозерскій городъ у размножившихся и обѣдѣвшихъ Бѣлоозерскихъ князей⁽⁸²⁾. Нѣкоторые изъ Бѣлоозерскихъ князей становятся подручниками Москвы съ Димитрія Донскаго⁽⁸³⁾, Бѣлоозерскій городъ („се же было нѣколи княжене Бѣлоозерское“, прибавляетъ лѣтописецъ) отказываетъ Донской передъ смертію третьему своему сыну Андрею⁽⁸⁴⁾. Князья Бѣлоозерскіе, потомки Глѣба Васильковича продолжаютъ существовать, неимѣя никакого земскаго значенія, которое переходитъ на усиливающуюся Москву⁽⁸⁵⁾.

Въ 1488 году, послѣ смерти послѣдняго Бѣлоозерскаго князя Михаила Андреевича, — все Бѣлоозеро окончательно присоединено Іоанномъ III-мъ къ Московскому Государ-

⁽⁸⁰⁾ См. тѣ же статьи.

⁽⁸¹⁾ См. выше, наст. гл. наш. очерк. стр. 164.

⁽⁸²⁾ Димитрій Іоанновичъ Донской говоритъ въ своей второй духовной грамотѣ 1389 г. «сына своего князя Андрея благословляю куплю дѣда моего, Бѣлымъ озеромъ со всѣми волостми». — См. Собр. гос. гр. и догов. т. I, № 34, стр. 59.

⁽⁸³⁾ Въ 1380 г. на Куликовомъ полѣ палъ князь Бѣлоозерскій Теодоръ, сражавшійся въ войскахъ Московскаго великаго князя. (П. С. Л. VIII, 39).

⁽⁸⁴⁾ П. С. Л. VIII, 57.

⁽⁸⁵⁾ *Ibid.* 63.

ству⁽⁸⁶⁾. Длинный рядъ Бѣлоозерскихъ князей, княжившихъ въ своей „отчинѣ“ въпродолженіе 211-ти лѣтъ, съ конца XIII до конца XV в., не отмѣченъ никакимъ событіемъ, на которомъ стоило бы остановить свое вниманіе историкъ. Мы не желаемъ утомлять читателя этимъ сухимъ перечнемъ именъ и просимъ тѣхъ, для кого интересна родословная таблица князей Бѣлоозерскихъ, обратиться въ книгѣ Гр. Толстаго: „Древнія святыни Ростова-Великаго“, въ которой помѣщена эта таблица. Отъ князей Бѣлоозерскихъ происходили роды князей: Шелешпанскихъ, Сугорскихъ и Кемскихъ (въ настоящее время оба послѣдніе рода угасли), Ухтомскихъ, Андомскихъ (угасшихъ въ XVIII в.), Вадбольскихъ и Бѣлоозерскихъ-Бѣлоозерскихъ⁽⁸⁷⁾.

Послѣдній князь Бѣлоозерскій Михаилъ Андреевичъ (княж. съ 1436 по 1488 г.) есть единственный изъ Бѣлоозерскихъ князей, дѣятельность котораго отмѣчена на страницахъ исторіи. Отъ него дошло до насъ: семь жалованныхъ грамотъ Кирилло-Бѣлоозерскому монастырю, въ которыхъ находятся хозяйственныя распоряженія князя относительно этого монастыря, 6 ч. касательно рыбныхъ промысловъ⁽⁸⁸⁾, и три жалованныхъ грамоты Серапонтовой пустыни. Первая изъ этихъ послѣднихъ грамотъ, отъ 1437 г., касается освобожденія отъ дани и пошлинъ поселенныхъ на монастырскихъ пустошахъ крестьянъ на десять лѣтъ и подсудности ихъ игумену; вторая грамота, отъ 1438 г., дозволяетъ Серапонтовой пустыни вкупить пустошь у какого то Тупика, съ освобожденіемъ отъ княжескихъ дани и пошлинъ пришлыхъ и откупленныхъ людей на двадцать лѣтъ и опредѣляетъ ихъ подсудность игумену; наконецъ, третья грамота, отъ 1450 г., даетъ тѣ же льготы поселенцамъ на

(86) А. А. Э. I, № 124.

(87) Гр. Толстаго „Древн. свят. Ростова-великаго“, родосл. табл. Ростовск. князей, табл. III-я и соотв. ей примѣчанія.—По родословной таблицѣ П. И. Строева (см. Ключъ къ Ист. Росс. гос. Карамзина въ изданіи Эйнерлинга. Спб. 1844 г.), Бѣлоозерскіе владѣтельные князья являются въ слѣдъ порядкѣ: 1. Глѣбъ Васильевичъ († 1278), 2. Василий Глѣбовичъ († 1263), 3. Михаилъ Глѣбовичъ, 4. Романъ Михайловичъ, 5. Геодоръ Романовичъ († 1380), 6. Іоаннъ Геодоровичъ († 1380), 7. Константинъ Іоанновичъ.

(88) А. А. Э. I, №№ 30, 65, 66, 67, 100, 107 и 114.

Короткой - рѣчкѣ, бывшей во владѣніи Оерапонтовой пустыни⁽⁸⁹⁾.

Въ княженіе Михаила Андреевича Московскій великій князь Василій Васильевичъ начинаетъ „простирать свою руку“, какъ говорилось въ то время, на Бѣлоозеро. Въ 1450 г. въ Бѣлоозерѣ являются Московскіе намѣстники⁽⁹⁰⁾, но Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, сохранилъ до нѣкоторой степени независимость своей княжеской власти, п. ч. послѣ 1460 года онъ выдаетъ въ продолженіи 28 лѣтъ жалованныя грамоты монастырямъ отъ своего имени, и, кромѣ того, рядомъ съ намѣстникомъ Московскаго великаго князя, имѣетъ своихъ намѣстниковъ⁽⁹¹⁾. Иоаннъ III съ перваго года своего княженія, съ 1462 г. начинаетъ распоряжаться уже совершенно самовольно землями въ Бѣлоозерскомъ княжествѣ⁽⁹²⁾, а въ 1488 году появляется *Уставная Бѣлоозерская грамота*, свидѣтельствующая объ окончательномъ присоединеніи Бѣлоозера къ Московскому государству. „Се азъ князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси, читаемъ мы въ этой грамотѣ,—пожаловалъ есми *своихъ людей* Бѣлозерцевъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ, всѣхъ Бѣлозерцовъ: ето нашихъ намѣстниковъ у нихъ ни будетъ, и они ходятъ по сей по нашей грамотѣ⁽⁹³⁾“.

Угличе-Поле (Угличь).

Угличское княжество, вслѣдствіе бездѣтности его князей, не сформировалось въ наследственный удѣлъ, въ „отчину“. Составляя въ началѣ XIII в. владѣніе меньшаго сына Константина Всеволодовича, Владиміра, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ, Угличь, послѣ смерти этого князя въ 1249 г. переходитъ къ сыну его Андрею. По смерти бездѣтнаго Андрея въ 1261 году, княземъ въ Угличѣ является братъ Андрея св.

⁽⁸⁹⁾ А. А. Э. №№ 31, 36 и 47.

⁽⁹⁰⁾ Ibid. № 48, III.

⁽⁹¹⁾ Ibid. № 48, I.

⁽⁹²⁾ Ibid. № 73.

⁽⁹³⁾ Ibid. № 124.

Романъ, который умираетъ также бездѣтнымъ въ 1286 г.⁽⁹⁴⁾. На этомъ князѣ пресѣвается потомство меньшаго сына Константина Всеволодовича: Угличъ, какъ мы видѣли выше, переходитъ къ князьямъ Ростовскимъ⁽⁹⁵⁾. Калита, вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ, покупаетъ и Угличъ⁽⁹⁶⁾; съ Димитрія Донскаго назначаются туда „удѣльные князья“ изъ дома Московскихъ князей. Такъ съ 1384 по 1405 г. княжить въ Угличѣ сынъ Донскаго Петръ Димитріевичъ, которому Московскій великій князь „отказываетъ“ Угличъ по „душевной“ своей грамотѣ⁽⁹⁷⁾. Преемники Петра Димитріевича, князья Углицкіе изъ назначаемыхъ Московскихъ князей,—перечисляются г. Киселемъ, историкомъ г. Углича, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Донскаго, извѣстный герой и виновникъ Куликовской побѣды (съ 1405— по 1410), 2) и 3) сыновья его: Василій (1410—1414) и Андрей (1414—1426), 4) Юрій Димитріевичъ, сынъ Донскаго (1426—1432), 5) Константинъ Димитріевичъ, тоже сынъ Донскаго (1432—1434), 6) Димитрій Юрьевичъ *Шемяка*, сынъ Юрія Димитріевича (1435—1453), 7) Василій Ярославичъ, вн. Боровскій, внукъ Владиміра Андреевича (1453—1461), 8) Андрей Васильевичъ *Большой*, сынъ Василя *Темнаго* (1461—1491), 9) Димитрій Іоанновичъ, сынъ Іоанна III-го (1493—1521)⁽⁹⁸⁾.

Димитрій Іоанновичъ былъ послѣднимъ Угличскимъ княземъ изъ „посажениковъ“ московскихъ. Послѣ его смерти, въ 1522 году присланъ въ Угличъ *наместникъ* великаго князя Московскаго Василя Ивановича, Ѳома Колычевъ, котораго одна изъ Угличскихъ лѣтописей называетъ „нѣкимъ отъ вельможныхъ бояръ, князяго рода“. По смерти Васи-

⁽⁹⁴⁾ С. С(еребрянникова) «Оч. др. ист. г. Углича». Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 19.

⁽⁹⁵⁾ См. выше наст. главу наш. очерковъ, стр. 165.

⁽⁹⁶⁾ См. 2-ю духовную грамоту Димитрія Іоанновича, великаго князя Московскаго. «А сына своего князя Петра, говоритъ ояъ въ ней, благословяю куплю дѣда своего, *Улечемъ-Полемѣ* и что къ нему потягло». — Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 34, с. 59.

⁽⁹⁷⁾ П. С. Л. VIII, 57.

⁽⁹⁸⁾ Ѳ. Киселя: «Ист. г. Углича». Яросл. 1844 г., с. 113—202.

лія Ивановича, Колючевъ, пользуясь боярскими смутами, управлялъ Угличскою областію почти независимо и именованъ Угличскимъ княземъ, по словамъ одной мѣстной рукописи и хроникѣ Алексѣевскаго Угличскаго монастыря, имъ построенаго. Эту независимость сохранилъ Колючевъ и въ первую эпоху царствованія перваго царя Московскаго Іоанна Васильевича, который въ то время еще не былъ „грознымъ“. Колючевъ умеръ въ 1550 году, 80-ти лѣтъ отъ роду⁽⁹⁹⁾.

Здѣсь кончается самостоятельная исторія Углича. Съ грознаго царя Іоанна Васильевича Угличъ становится областію Московскаго государства, и при преемникѣ Іоанна, при „смирennomъ“ Теодорѣ выступаетъ на сцену всеобщей исторіи Россіи, являясь печальнымъ мѣстомъ убіенія меньшаго сына Іоанна грознаго, царевича Димитрія. Это убіеніе сопровождалось явленіемъ „названнаго царя Димитрія“, явленіемъ, до сихъ поръ должнымъ образомъ не разгаданнымъ, ключъ отъ котораго, по всей вѣроятности, навсегда потеряно для ислѣдователя.

Кострома и Галичь-Мерскій.

Кострома, по словамъ Татищева, отдана была Константиномъ Всеволодовичемъ старшему его сыну Васильку вмѣстѣ съ Ростовомъ⁽¹⁰⁰⁾; что же касается до Галича-Мерскаго то зависимость его отъ потомковъ Константина не достаточно подтверждается известными намъ источниками⁽¹⁰¹⁾. Впрочемъ, если принять свидѣтельство Татищева о томъ, что Кост-

⁽⁹⁹⁾ Ibid. с. 202—207.

⁽¹⁰⁰⁾ Татищева: Ист. Росс. II, 415 и примѣч. 600.

⁽¹⁰¹⁾ Г. Крживоблоцкій, составитель статист. описанія Костромской губерніи (Матер. для геогр. и статист. Россіи, собр. офицер. генер. шт., Костромская губ. Спб. 1864 г.), въ историческомъ введеніи къ своей книгѣ (на стр. 2) говоритъ, что Галичь былъ отданъ Константиномъ меньшому его сыну Владимиру, котораго Татищевъ называетъ Димитріемъ. Намъ неизвѣстно, откуда почерпнулъ эти свѣденія г. Крживоблоцкій. Ни у Татищева, ни у Карамзина, ни въ издаваемыхъ лѣтописяхъ не находимъ мы этого.

рома составляла часть Ростовскаго удѣла, то можно предположить, что и Галичь-Мерскій принадлежалъ къ этому же удѣлу⁽¹⁰²⁾.

Вслѣдъ за мученическою смертію Ростовскаго князя Восилька въ 1237 году Татары разошлись съ береговъ Сити по землѣ Ростовско - Суздальской двумя путями: одни двинулись на Переяславль, другіе пошли по Волгѣ къ Костромѣ и предали разоренію все сѣверо-восточное поволжье „и до Галича-Мерскаго,“⁽¹⁰³⁾.

По смерти Василька Кострома и Галичь переходятъ въ потомство Ярослава Всеволодовича, меньшаго изъ сыновей Всеволода, большаго-гнѣзда. Кострому отдаетъ онъ одному своему сыну Василию Ярославичу, прозванному *Кощей*, а Галичь—другому сыну, Константину Ярославичу⁽¹⁰⁴⁾.

Съ Василія Ярославича, съ 1247 года, исторія Костромы нераздѣльно связывается съ исторіею великокняжескаго города Владиміра, съ исторіею борьбы изъ-за стола великокняжескаго. По смерти Василія Ярославича, въ 1276 году, Кострома была присоединена къ великому княженію Владимірскому. Великій князь Димитрій Александровичъ начинаетъ съ этого года распрю изъ-за великаго княженія съ братомъ своимъ Андреемъ Александровичемъ. Распря эта кончается въ 1294 году, и Кострома переходитъ къ великому князю Димитрію Александровичу, который отдаетъ ее, вмѣстѣ съ Переяславлемъ - Залѣскимъ сыну своему Ивану Димитріевичу. По смерти Ивана Димитріевича въ 1302 году, Кострома достается дядѣ его Андрею Александровичу, который посылаетъ въ нее на княженіе сына своего Бориса. Въ 1303 году умираетъ Борисъ, а въ слѣдующемъ году—отецъ его Андрей Александровичъ, заслужившій ненависть современниковъ за разореніе земли Ростовско-Суздальской при помощи Татаръ. Зачинается новая распря изъ-за великокняжескаго стола, между Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ и Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Кострома въ этой распрѣ, принадлежа великому князю Московскому, держитъ сторону Твери. Юрій Даниловичъ посылаетъ въ Кост-

⁽¹⁰²⁾ См. выше наст. главу, стр. 157 и примѣч. 9.

⁽¹⁰³⁾ Воскр. П. С. Л. VII, 144.

⁽¹⁰⁴⁾ Ibid. 171, 173 и 174.

рому на княженіе брата своего Бориса Даниловича, съ московскими боярами. Бориса на дорогѣ схватываютъ бояре Тверскаго князя и отвозятъ въ Тверь, въ заточеніе. Въ Кострому являются одни бояре Московскіе безъ князя. Управление ихъ, вѣроятно, не отличалось мягкостью, по обычаю московскихъ боярѣ, и ч. противъ нихъ возстало костромское вѣче. Бояре были изгнаны, а двое изъ нихъ, Зерно и Александръ, даже убиты⁽¹⁰⁶⁾.

По убіеніи Михаила Ярославича Тверскаго въ ордѣ въ 1319 году, Кострома превляется передъ Москвою. Изъ „духовной“ грамоты Ивана Даниловича Калиты видно, что Кострома составляетъ полную собственность Московскаго великаго князя⁽¹⁰⁶⁾. Во время распри Дмитрія Ивановича Донскаго съ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ изъ-за великаго княженія, въ то время, когда юный Московскій князь выхлопатывалъ себѣ въ ордѣ грамоту на великое княженіе, при ревностномъ содѣйствіи митрополита Алексѣя—въ то время, Тверской князь Михаилъ Александровичъ взялъ Кострому и посажалъ въ ней своихъ намѣстниковъ⁽¹⁰⁷⁾. По возвращеніи Московскаго князя изъ орды, Кострома снова закрѣпляется за Москвою. Во время похода соединенной рати Московскаго великаго князя и подручныхъ ему князей подѣ Тверь, въ 1375 году, новгородскіе ушкуйники въ числѣ 1500 нападаютъ на Кострому; Московскій *намѣстникъ* въ Костромѣ Плещеевъ выходитъ противъ нихъ съ 5000 Костромичей, но Новгородцы его одолеваютъ. Кострома ограблена и сожжена⁽¹⁰⁸⁾. Костромичи участвуютъ съ этого времени во всѣхъ походахъ Московскаго великаго князя. Въ 1386 г. онъ предпринимаетъ грозный походъ на Новгородъ, выставляя причиной этого похода ограбленіе и сожженіе Костромы въ 1376 г. новгородскими ушкуйниками, или „разбойниками“, какъ ихъ называютъ Московскіе лѣтописцы⁽¹⁰⁹⁾.

⁽¹⁰⁶⁾ Воскрес. П. С. Л. VII, 184. — Татищева. Ист. Росс. III, 418.

⁽¹⁰⁶⁾ Собр. госуд. гр. и догов. т. I, № 22.

⁽¹⁰⁷⁾ Ив. Васькова: «Собр. историч. изв., относ. до Костромы». М. 1792, с. 20.

⁽¹⁰⁸⁾ IV-я Новг. лѣт., 71—72. П. С. Л. VIII, стр. 23 и 24.

⁽¹⁰⁹⁾ П. С. Л. VIII, стр. 25

Внѣшняя, княжеская исторія Галича-Мерьскаго покрыта совершеннѣйшимъ мракомъ. Г. Крживоблоцкій, въ историческомъ введеніи къ статистическому описанію Костромской губерніи, приводитъ родословную Галичскихъ князей по неизвѣстной намъ *Галичской летописи*. Но такъ какъ эта родословная, не очень извѣстная до настоящаго времени, хоть чѣмъ нибудь восполнить пробѣлъ во внѣшней исторіи одного изъ подъ-удѣловъ Ростовскаго княжества, то мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь, не принимая на себя, впрочемъ, отвѣтственности за ея достовѣрность ⁽¹¹⁰⁾.

Константинъ Ярославичъ.

Давидъ

Василій

Теодоръ

Теодоръ

Димитрій.

Послѣдній князь Галичскій Димитрій Теодоровичъ продалъ свое владѣніе Московскому великому князю Ивану Даниловичу Калитѣ ⁽¹¹¹⁾. Почти черезъ столѣтіе послѣ присоединенія къ Москвѣ, Галичъ является ареной распри изъ-за великокняжескаго стола Московскаго, сперва между Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ и дядею его Юріемъ Димитріевичемъ, а потомъ между Василіемъ Васильевичемъ и сыновьями Юрія: Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой. Но эта распра, длившаяся почти тридцать лѣтъ (съ 1423 по 1452 г.) и имѣющая весьма важное значеніе въ исторіи формации Московскаго государства, какъ послѣдняя княжеская распра, не являетъ въ себѣ никакихъ топографическихъ, мѣстныхъ подробностей собственно для исторіи Галича.

⁽¹¹⁰⁾ Матер. для геогр. и статист. Россіи, собр. офиц. генер. штаба, Костр. губ., стр. 7.

⁽¹¹¹⁾ Собр. госуд. гр. и догов. т. 1, № 34.

Въ - заключение нашего очерка внѣшней исторіи Ростовскаго княжества и его удѣловъ мы считаемъ необходимымъ коснуться печальнаго, но характеристическаго явленія эпохи—нашествія Татаръ на Ростовскія княженія и опустошенія ими этихъ княженій. Незанимательна грустная лѣтопись татарскихъ погромовъ и безсильныхъ возстаній жителей городовъ противъ „злыхъ бесерменъ“,—но и вся жизнь разсмотренныхъ нами княжествъ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Не въ интересѣ событій долженъ искать историкъ себѣ оправданія, а въ строго безпристрастномъ изображеніи эпохи, во всей ея будничной, ежедневной обстановкѣ, со всѣми ея надеждами и радостями, печалами и невзгодами.

Послѣ татарскаго разгрома всей Ростовско-Суздальской земли въ 1237 году, Татары не появляются въ предѣлахъ собственно Ростовскаго княжества до 1257 года. Въ эти двадцать лѣтъ сильная татарская рать, подъ предводительствомъ: Неврюя, Котьи и Олабухи, опустошила только городъ Переяславль и предѣлы Переяславскаго княжества⁽¹¹²⁾. Въ 1257 году зимой пріѣхали въ Ростовско-Суздальскую землю татарскіе численники: они переписали всѣхъ жителей земли, кромѣ духовенства, и назначили чиновниковъ для сбора дани: десатниковъ, сотниковъ, тысяцкихъ и томниковъ⁽¹¹³⁾.—„Се же бысть грѣхъ ради нашихъ“, прибавляетъ позднѣйшій лѣтописецъ⁽¹¹⁴⁾. Вскорѣ послѣ этого перечисленія дань была отдана Татарами на откупъ особымъ сборщикамъ, которыхъ лѣтописи называютъ „бесерменами“. Эти бесермены притѣсняли плательщиковъ и вымогали у нихъ дани; многіе, будучи не въ состояніи платить требуемаго, по неволѣ входили въ неоплатные долги; вообще было лютое „томленіе и насиліе христіанамъ отъ поганыхъ и многи душа разведени быша“—по словамъ лѣтописца. Не въ могоу стало терпѣть долге татарскаго насилія „кротвымъ“ жителямъ Ростовской области. Въ 1262 году Ростовцы показали примѣръ остальнымъ городамъ земли. Они созвонили вѣче и

⁽¹¹²⁾ Лавр., 159—160 и 202.

⁽¹¹³⁾ Ibid. 203.

⁽¹¹⁴⁾ Воскр. П. С. Л. VII, 161.

вѣчемъ изгнали изъ города „злыхъ бесерменъ“. Ихъ примѣру послѣдовали Ярославцы, а также Суздальцы, Владимірцы и Переяславцы ⁽¹¹⁶⁾.

Въ 1281 году, въ усобицу, бывшую между Димитріемъ Александровичемъ Переяславскимъ и братомъ его, Андреемъ Александровичемъ Городецкимъ изъ - за великаго княженія, предѣлы Ростовскаго княжества пострадали отъ татарскихъ опустошеній. Андрей Александровичъ опирался въ этой усобицѣ на силу татарскую и пришелъ изъ орды съ двумя татарскими военновачальниками: Ковадьемъ и Алчедаемъ. Князь Городецкій съ Татарами направился прямо въ Переяславлю и, не найдя тамъ Димитрія Александровича, сжегъ городъ; ограбивши сосѣднія села, онъ повернулъ въ Ростову и предалъ разграбленію села ростовскія. Въ слѣдующемъ 1282 году пришли изъ орды въ подмогу князю Андрею Тукатемиръ и Алынъ и снова произвели опустошенія въ Ростовско-Суздальской землѣ, но въ какихъ именно мѣстахъ—неизвѣстно. Димитрій Александровичъ смирился и отправился въ орду къ хану Ногаю ⁽¹¹⁶⁾.

Но этимъ не кончилась усобица между братьями. Въ 1285 г. Андрей Александровичъ приводитъ опять Татаръ въ Ростовско - Суздальскую землю. Онъ пришелъ изъ орды на этотъ разъ съ „царевичемъ“, т. е. съ сыномъ хана и „много зла сотвори христіанамъ“. Князь Димитрій Александровичъ, при помощи другихъ князей, прогналъ царевича и захватилъ Андреевыхъ бояръ ⁽¹¹⁷⁾. Въ 1289 году, послѣ смерти Ростовскаго князя Бориса Васильевича въ ордѣ,— было въ Ростовѣ много Татаръ. Ростовцы и на этотъ разъ выгоняютъ вѣчемъ своихъ притѣснителей, а имѣніе ихъ предають разграбленію ⁽¹¹⁸⁾.

На слѣдующій 1290-й годъ „заратишася Татарове“. Въ Ростовской области ждали бѣды. Затмѣнне луны, бывшее въ этотъ годъ, предвѣщало недоброе. По всей вѣроятности въ ордѣ жестоко-бы отомстили Ростовцамъ за изгнаніе и грабежъ

⁽¹¹⁶⁾ Лавр, 204; Воскрес. II. С. Л. VII, 163.

⁽¹¹⁶⁾ Тр., 227; Воскрес. Ibid., 175.

⁽¹¹⁷⁾ Тр., 227; Воскрес. 178—179.

⁽¹¹⁸⁾ Тр., 227; Воскрес. 179.

Татарь, но князья Ростовскихъ княженій предупредили нашествіе „безбожныхъ кровопійцъ“. Великій князь Андрей Александровичъ и съ нимъ князья: Димитрій Борисовичъ Ростовскій, Феодоръ Ростиславичъ Ярославскій и Константинъ Угличскій отправились въ орду. Въ 1293-мъ году они возвратились. Но вслѣдъ за ними пришелъ съ огромнымъ войскомъ самъ ханъ, царь Дюдень, чтобы въ конецъ смирить строптиваго князя Переяславскаго Димитрія Александровича. Татары не хотѣли знать, что они пришли въ Ростовско-Суздальскую землю только для того, чтобы уврѣпить на велико-княжескомъ столѣ Андрея Александровича, и когда онъ, испугавшись силы ордынской, бѣжалъ въ Псковъ,—Татары опустошили почти всю Ростовско-Суздальскую землю. Они взяли 14 городовъ и „много зла сотвориша“⁽¹¹⁹⁾. Жители были въ страшномъ переполохѣ и убѣгали въ лѣса⁽¹²⁰⁾. Въ одной изъ Угличскихъ лѣтописей находится подробное описаніе нападенія Татаръ на Угличъ въ 1293 году. „Зли Татарове“—читаемъ мы въ этой лѣтописи—„внезапу нападоша на Угличъ, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, гражданъ истребляя, имѣнія ихъ емлюще, и мало опустошиша, зѣло обогатишася; жителей овыхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ“⁽¹²¹⁾. Въ слѣдующемъ 1294 году прошелъ черезъ Ростовскую область въ Тверь „царь Татарскій“ Та в том ѣ р и „учинилъ людямъ много тягости“⁽¹²²⁾.

Начало XIV-го вѣка отрывается борьбою изъ-за велико-княжескаго стола Владимірскаго двухъ князей: Михаила Ярославича Тверскаго и Юрія Даниловича Московскаго. Эта борьба, продолжающаяся и послѣ смерти Михаила и Юрія, оканчивается полнѣйшимъ торжествомъ Москвы при братѣ Юрія, Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Въ эту долгую распрю между Тверью и Москвою, длившуюся четверть вѣка, Ростовско-Суздальская земля наводнялась татарскими полчищами, приводимыми то тѣмъ, то другимъ княземъ. Проходя

⁽¹¹⁹⁾ Ibid.

⁽¹²⁰⁾ Лавр., 208.

⁽¹²¹⁾ *Суновская лѣтопись* въ „Ист. г. Углича“ О. Киселя, с. 85.

⁽¹²²⁾ Лавр., 208.

изъ орды въ Тверь, Татары захватывали предѣлы Ростовскихъ княженій и не разъ предавали города этихъ княженій грабежу и опустошенію. Такъ, въ 1315 году Михаилъ Ярославичъ Тверской возвратился изъ орды съ послами: Тайсемеремъ, Махрожей и Индыемъ и много зла сотвори Ростову ⁽¹²³⁾. Въ 1318 году пришелъ лютой ордынскій посолъ Конча и убилъ у Костромы 120 человекъ; отсюда пошелъ онъ въ Ростову, разграбилъ тамъ Успенскій соборъ, пожегъ монастыри и села, а жителей плѣнилъ ⁽¹²⁴⁾. Въ 1320 г. въ Ростовѣ опять были злые Татары. Ростовцы ихъ снова изгнали ⁽¹²⁵⁾. Въ 1322 году Иванъ Даниловичъ Московскій, тогда еще не великій князь, выѣхалъ изъ орды и съ нимъ пріѣхалъ сильный посолъ ордынскій Ахмылъ и „всей землѣ Ростовско - Суздальской много пакости чини“⁶. Онъ выжегъ Ярославль „мало не весь“ и перебилъ много христіанъ ⁽¹²⁶⁾. Въ 1325 году выѣхалъ изъ орды Александръ Михайловичъ Тверской съ Татарами и во всей Ростовско - Суздальской землѣ было „много татоты“ ⁽¹²⁷⁾. Въ 1327 году, вслѣдъ за избіеніемъ Татаръ въ Твери, гдѣ неистовствовалъ ордынскій „посолъ“ Шевкаль, — пришла большая татарская рать въ землю Ростовско-Суздальскую, направляясь въ Тверь, и на пути къ ней положила „всю землю пусту“ ⁽¹²⁸⁾.

Со второй четверти XIV в., съ утвержденія на велико-княжескомъ столѣ Московскаго князя Ивана Даниловича Калиты „бысть тишина“; а въ концѣ XIV в. начинаются снова частыя нападенія Татаръ на Ростовско-Суздальскую землю, но уже только на ея восточные предѣлы, на княжество Нижегородское: вглубь земли, въ ея западными предѣлами, въ княженія Ростовскія — Татары проникаютъ рѣже и не въ такомъ большомъ числѣ, какъ прежде. Только въ 1383 году рать Тохтамышева опустошила всю землю Ростовско-Суздальскую, но на этотъ разъ предѣлы Ростовскихъ княженій, кажется, не были затронуты вовсе Татарами, п. ч. въ

⁽¹²³⁾ Трицк., 229.

⁽¹²⁴⁾ Ibid.—П. С. Л. VII, 488.

⁽¹²⁵⁾ Ibid.—VII, 198.

⁽¹²⁶⁾ Ibid.

⁽¹²⁷⁾ Новг. I-я, 73.

⁽¹²⁸⁾ Ibid. 74.

числѣ городовъ, опустошенныхъ Тохтамышемъ, не упоминается ни Ростова, ни Ярославля, ни Углича-Поля, ни другаго каваго города изъ княженій Ростовскихъ⁽¹²⁹⁾.

Въ XV вѣвѣ Ростовское княжество было только дважды жертвой татарскаго нападенія. Въ 1408 году было грозное нашествіе Едигея на Москву. Въ то время какъ Едигей самъ стоялъ подъ Москвою, Татары разошлись по всей землѣ Ростовско-Суздальской, городъ Переяславль сожгли, а въ Ростовѣ „много зла сотворили христіанамъ“, иныхъ перебили, а другихъ увели въ плѣнъ⁽¹³⁰⁾. Позднѣйшій лѣтописецъ такъ передаетъ объ этомъ страшномъ татарскомъ погромѣ: „И бысть тогда въ всей Руской земли всѣмъ христіаномъ туга велика, и плачь неутѣшимъ, и рыданіе и вричаніе; вся бо земля плѣнена бысть, наченъ отъ земля Рязанскія и до Галича и до Бѣлоозера; вси бо подвизошяся и вси смутшяся: многи бо напасти и убытки всѣмъ челоуѣкомъ съдѣшяся, и болшимъ и меншимъ, и ближнимъ и далнимъ, и не бысть такова, иже бы безъ убытка былъ, но вси въ тузѣ и скорби мнозѣ и печалію обдержими“⁽¹³¹⁾.

Въ 1429 году зимой Татары приходили къ Галичу, но города не взяли, а повоевали только волости Галичскія. На Крещенъ двинулись они къ Костромѣ и, взявши ее, отошли къ Волгѣ. Великій князь Московскій Василій Васильевичъ послалъ противъ Татаръ полки, которые преслѣдовали ихъ до Нижняго-Новгорода, но не успѣвъ настигнуть, не дали имъ сраженія и возвратились⁽¹³²⁾.

Самостоятельное, независимое существованіе Ростова и пяти городовъ: Ярославля, Устюга, Бѣлоозера, Углича-Поля и Костромы, отданныхъ Всеволодомъ въ удѣлъ старшему его сыну Константину, было весьма непродолжительно. Просматривая изложенную нами внѣшнюю исторію этихъ княженій, мы ви-

⁽¹²⁹⁾ П. С. Л. III, 92—93; VIII, 47

⁽¹³⁰⁾ Троицк., 234.

⁽¹³¹⁾ П. С. Л. VIII, 84.

⁽¹³²⁾ Ibid. 95.

димъ, какъ князья всѣхъ названныхъ нами городовъ мало по малу подпадаютъ „подъ руку“ усиливающагося князя Московскаго, какъ эти города одинъ за другимъ, начиная съ старѣйшаго города земли—Ростова - Великаго, склоняютъ голову передъ однимъ изъ самыхъ незначительныхъ, самыхъ младшихъ городовъ земли,—Москвою. Княженіе Ивана Даниловича Калиты (1328—1340) есть эпоха паденія главнѣйшихъ удѣловъ Ростовскихъ: самого Ростова, Ярославля и Бѣлоозера. Остальные три удѣла: Угличе-Поле, Кострома и Галичь - Мерскій, какъ мы видѣли, почти не имѣли вовсе никакой самостоятельности. При вступѣ Калиты, Дмитрій Ивановичъ Донскомъ Ростовъ, Ярославль и Бѣлоозеро окончательно входятъ въ составъ великаго княжества Московскаго. Князья этихъ княжествъ, сохраняя свой титулъ, становятся въ великимъ Московскимъ князьямъ въ одинакія отношенія съ ихъ служилыми чинами боярскими. Владѣнія князей Ростовскихъ, Ярославскихъ и Бѣлоозерскихъ составляютъ полную собственность Московскаго великаго князя и отдаются имъ по завѣщанію его дѣтамъ.

Пассивно, безъ борьбы присоединяются княженія Ростовскія къ Москвѣ. Князья почти всѣ сами „тянутъ“ къ Москвѣ, заискиваютъ расположенія у Ивана Даниловича Калиты и скрѣпляютъ свою связь съ нимъ брачными союзами. Василий Давидовичъ князь Ярославскій, по прозванію „грозныя очи“,— является единственнымъ исключеніемъ въ этомъ всеобщемъ самоподчиненіи князей сильному родичу. Онъ именуется даже „великимъ княземъ“ и считаетъ себя выше своего гордаго тестя, великаго князя Московскаго. Не будь у сына Калиты, Семіона Ивановича, твердаго и самовластнаго характера, будь у Калиты вмѣсто двухъ нѣскольکو сыновей—тогда бытъ можетъ Василий Давидовичъ и перебилъ бы первенство у Москвы, или, по крайней мѣрѣ, сталъ бы тягаться съ нею изъ-за великаго княженія, какъ позднѣе тягался изъ-за него съ малолѣтнимъ Московскимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Суздальскій князь Дмитрій Константиновичъ. Тогда, бытъ можетъ, это удалось бы Василию Давидовичу, и центромъ собиранія „земли Русской“ за-мѣсто Москвы сталъ бы Ярославль..... Но историкъ не имѣетъ права останавливаться на предположеніяхъ. Москва собрала Русскую землю. Это ея историческая заслуга, это историческій фактъ. Если мы дозволили себѣ вдаться въ предположенія, то только потому, что-

бы указать на то обстоятельство, что и у других князей Ростовско-Суздальской земли, кроме Московских, могли быть стремления къ объединенію Руси, но князья эти не могли исполнить своихъ замысловъ по своей земской слабости и по своему сосѣдству съ болѣе сильной Москвой.

Населеніе городовъ Ростовскаго княжества, также какъ и князья, относится пассивно къ московскому владѣчеству. Это объясняется тѣмъ, что населенію городовъ было нечего терять; напротивъ города выигрывали, поступая отъ обѣднѣвшаго, слабаго князя подъ руку богатаго и сильнаго князя Московскаго. Только Ростовъ, какъ мы видѣли, выражаетъ свою скорбь и печаль и плачется на насилія московскаго боярина Кочевы, а Кострома открыто возстаетъ противъ московскихъ бояръ.

Подъ московскимъ владѣчествомъ значеніе Ростова, старѣйшаго города Ростовско-Суздальской земли, совершенно уничтожается.

Герберштейнъ, представившій въ своей книгѣ обстоятельное географическо-этнографическое описаніе Московскаго государства XVI в., упоминаетъ о Ростовѣ только вскользь, замѣчая, что это одно изъ древнѣйшихъ княжествъ Россіи послѣ Великаго Новгорода; онъ удѣляетъ въ своемъ описаніи гораздо болѣе мѣста второстепеннымъ городамъ, удѣламъ Ростовскимъ: Бѣлоозеру и Ярославлю⁽¹⁸³⁾. Также мало говоритъ о Ростовѣ и другой наблюдательный иностранецъ, бывшій въ Россіи въ концѣ XVI в., — англичанинъ Флетчеръ⁽¹⁸⁴⁾.

Должность намѣстника Ростовскаго въ концѣ XVII в. является далеко не высокою должностію въ служебной іерархіи московскихъ бояръ. Въ провѣтѣ устава о служебномъ отаршинствѣ служилыхъ людей, составленномъ при царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ и раздѣленномъ на тридцать четыре степени, должность Ростовскаго намѣстника отнесена въ 29-й степени, послѣдней степени боярской службы, и находится въ ней на третьемъ мѣстѣ. Въ этой же степени

⁽¹⁸³⁾ Герберштейна: Записки о Московіи, перев. И. Анонимова, с. 118—124.

⁽¹⁸⁴⁾ G. Fletcher: La Russie au XVI Sіec. Trad. par Ch. du-Boutet. Paris 1864. t. I, p. 37, 40, 41.

выше Ростовскаго намѣстника стоятъ намѣстники Нижегородскій и Рязанскій⁽¹⁸⁵⁾.

Только въ церковно-іерархическомъ отношеніи Ростовъ сохраняетъ свое высокое положеніе въ Московскомъ государствѣ. Съ конца XIV в. архіереи Ростовскіе имѣютъ санъ архіепископа, а съ 1589 г., съ учрежденія въ Россіи патріаршества, Ростовская епархія возводится въ митрополию⁽¹⁸⁶⁾. Это высокое церковно-іерархическое положеніе Ростова было какъ бы исторической данью его во время оно видному земскому положенію въ землѣ Ростовско-Суздальской.

(185) Архивъ ист.-юридич. свѣденій отн. до Россіи, изд. Н. В. Калачова, кн. 1-я, отд. II, с. 23—33. Выше 29-й степени находится 10 намѣстническихъ степеней, въ числѣ которыхъ помѣщены даже намѣстники областей, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства позднѣе чѣмъ Ростовъ и его удѣлы, какъ напримѣръ, Великопермскій и Вятскій.

(186) См. Историч. свѣден. объ архіереяхъ Ростовскихъ въ книгѣ гр. Толстаго: Древн. свят. Ростова-Гел., с. 72 и 76.

V.

Внутреннее состояніе Ростовскаго княжества отъ начала XIII в. до подчиненія удѣловъ этого княжества Москвѣ.

Границы Ростовскаго княжества и его удѣловъ.—Города: Ростовъ, Ярославль и Угличе-Поле.—Общій обзоръ колонизаціи въ предѣлахъ Ростовскаго княжества съ XIII в.—Впловъ построенные города—Колонизація монастырская, монастыри и подвижники.—Жалованныя и льготныя грамоты монастырямъ.—Замѣчательныя личности изъ епископовъ—Церковная письменность и мѣстная литература.—Училища.—Промышленность и торговля—Характеристика общественнаго строя Ростовскаго княжества.

Ростовское княжество съ его удѣлами: Ярославлемъ, Бѣлоозеромъ, Угличе-Подемъ и Костромой занимало область средняго теченія Волги и ея сѣверныхъ притоковъ: Мологи, Шексны, Костромы, праваго берега Унжи и южнаго притока Волги—Которосли, совпадая большинствомъ своихъ удѣловъ съ предѣлами обитавшаго на этомъ пространствѣ Чудскаго народа Мери. Только Бѣлоозерскій удѣлъ выходилъ за эти предѣлы. Ростовское княжество граничило въ XIII—XV в. на западъ и сѣверъ съ землями Новгорода-Великаго, на востокъ—съ княжествомъ Нижегородскимъ, на югъ—съ княжествами Суздальскимъ и Переяславль-Залѣсскимъ.

Тщетно стали бы мы пытаться опредѣлить точныя границы этого княжества; но мы попытаемся намѣтить приблизительно тѣ природныя грани, которыя могли отдѣлять Ростовское княжество отъ княжествъ, сосѣднихъ съ нимъ. Приблизитель-

ная пограничная линия между Ростовскимъ княжествомъ и Новгородскими владѣніями на западѣ можетъ быть проведена слѣдующая: среднее теченіе р. Медвѣдицы, переволокъ отъ этой рѣки до истока рѣки Мологи изъ озера Веристова (Бѣжецкаго у. Тверской губ.) и р. Чагодоша. Затѣмъ граница могла идти неопредѣленно на сѣверо-востокъ къ Бѣлоозеру и далѣе рѣкою и озеромъ Ковжею къ р. Вытегрѣ. Сѣверная граница Ростовскаго княжества опредѣлялась Двинской землей, переходя за Кубенское озеро, гдѣ, какъ мы видѣли выше, находилось княжество Заозерское. Рѣка Сухона, вытекающая изъ Кубенскаго озера и впадающая въ Сѣверную Двину, открывала широкій путь великорусской колонизаціи въ Двинскую землю и дала возможность Ростовскимъ князьямъ завладѣть Устюгомъ Великимъ, лежащимъ при впаденіи Сухоны въ Сѣверную Двину.

На востокъ Ростовское княжество отдѣлялось отъ Нижегородскаго княжества р. Унжей. На югъ, между княжествами Суздальскимъ и Переяславль-Залѣскимъ, граница переходила на правый берегъ Волги, быть можетъ, между теперешнимъ г. Лукомъ Костромской губерніи и г. Шуйей, а далѣе къ западу—могла совпадать съ теперешней границей Ярославской губерніи съ губерніей Владимірской⁽¹⁾.

Если перенести это пространство на современную намъ географическую карту Россіи, то оно приблизительно займетъ три западныхъ уѣзда Тверской губерніи: Капшинскій, Бѣжецкій и Вельегонскій, крайнюю восточную часть Новгородской губерніи, а именно: треть уѣзда Бѣлоозерскаго и уѣзды—Устюженскій и Череповскій, Вологодскій и Грязевецкій уѣзды Вологодской губерніи, западную половину Костромской губерніи (уѣзды—Солигаличскій, Чухломской, три четверти уѣзда Кологривскаго, двѣ трети уѣзда Макарьевскаго и уѣзды: Кинешемскій, Перехотскій, Костромской, Буйскій и Галичскій) и всю Ярославскую губернію⁽²⁾.

На этомъ громадномъ пространствѣ находилось пять удѣльныхъ княжествъ: Ростовское, Ярославское, Бѣлоозерское,

⁽¹⁾ См. Географич. атласъ Росс. имперіи, расположенн. по губерніямъ на 70 листахъ. Спб. 1824. Листы: 17, 18, 30, 31, 32, 37 и 47, а.

⁽²⁾ Ibid.

Угличское и Костромское. Земли этихъ княжествъ отличались неправильностью территориальнаго распредѣленія и черезполосностью, какъ въ болѣе позднѣйшее время, въ XVI—XVII вѣкахъ, земельныя владѣнія Московскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Такъ напримѣръ, мы видѣли, что Устюгъ - Великій принадлежалъ къ Ростовскому удѣлу; а между тѣмъ территория этого удѣла не шла сплошь отъ Ростова до Устюга. Между Ростовомъ и Устюгомъ находились удѣлы Ярославскій и Угличскій. Бѣлоозеро и Кострома, какъ мы видѣли, также одно время принадлежали къ Ростовскому удѣлу.

Исслѣдователи мѣстной старины Ярославской губерніи пытаются, впрочемъ, опредѣлить во что бы то ни стало границы удѣльныхъ ростовскихъ княжествъ. Такъ неизвѣстный авторъ статьи „о Заозерскомъ княжествѣ“ предполагаетъ, что удѣлъ Ярославскій занималъ всю сѣверо-восточную часть теперешней Ярославской губерніи, по лѣвую сторону Волги и по обѣимъ берегамъ Мологи, переходя въ южную часть теперешней Вологодской губерніи. Онъ опредѣляетъ пространство Ярославскаго удѣла въ XIII и XIV вѣкахъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ г. Ярославля къ востоку на 30 верстѣ, къ югу на 25 в., къ западу на 170 сличномъ верстѣ и къ сѣверу на 200 верстѣ до оз. Кубенскаго. (*).

Угличскій удѣлъ, находившійся въ юго-западной части теперешней Ярославской губерніи, захватывалъ, по словамъ историка г. Углича г. Киселя, часть теперешней губерніи Тверской, именно уѣзды—Кашинскій, Бѣжецкій и Весьегонскій (*).

Древнѣйшими городами Ростовскаго княжества, центрами трехъ его старѣйшихъ удѣловъ, были: Ростовъ, Ярославль и Угличе-Поле.

(*) Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 3.

(*) О. Кисель „Ист. г. Углича“, с. 74. Г. Кисель называетъ слѣдующіе города, входившіе въ составъ Угличскаго удѣла въ концѣ XIII в.: 1. Угличъ, 2. Кашинъ, 3. Бѣжецкій верхъ, 4. Желтанный Устюгъ (теперешн. Устюжна), 5. Дмитровъ, 6. Звѣнагородъ, 7. Романовъ. Крімъ того слободы: Борсоглазскую, Рыбную и Мологскую, «Угличскій летописецъ прибавляетъ, говорить г. Кисель, «что Угличское княжество по числу семи городовъ и городовъ именовалось».

Мы имѣемъ весьма мало данныхъ для восстановленія внѣшняго вида этихъ городовъ, для опредѣленія ихъ размѣра, для исчисленія ихъ населенія. Лѣтописныя извѣстія о пожарахъ, большею частію весьма неопредѣленныя, и о построеніи церквей князьями, да весьма незначительное количество вещественныхъ памятниковъ, оставшихся отъ древней эпохи— вотъ тѣ немногочисленныя данныя, на которыхъ мы можемъ основывать наши соображенія. Вещественныхъ памятниковъ отъ городовъ Ростовскаго княжества дошло до насъ очень мало. Частые и опустошительные пожары, истреблявшіе эти города (*), разрушительные набѣги Татаръ въ XIII и XIV вѣкахъ а, позднѣе, въ XVII-мъ столѣтіи, Поляковъ, предавшихъ страшному разграбленію Ростовъ и Ярославль,—представляли весьма неблагоприятныя условія для сохраненія вещественныхъ древностей изъ эпохи, нами разсматриваемой. Гр. Толстой, тщательно ислѣдовавшій Ростовскія древности, говоритъ, что древности, существующія въ настоящее время, не восходятъ далѣе второй половины XVII в. (*).

Ростовъ, какъ всѣ наши древніе города, состоялъ изъ трехъ частей: *рубленнаго города, города землянаго и предгордія (посады и слободы)* (*). Кромѣ этого дѣленія, Ростовъ, какъ Новгородъ-Великій, раздѣлялся еще на *концы*. Сколько было этихъ концовъ и какъ они назывались—неизвѣстно. Мы знаемъ только, что одинъ изъ концовъ назывался *Чудскимъ*, напоминая своимъ названіемъ аборигеновъ-туземцевъ, Чудь-Мерю (*). По пространству и населенію Ростовъ, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ первыхъ городовъ русскихъ, наравнѣ съ Клевомъ и Новгородомъ. Это можно заключить изъ назва-

(*) Самые большіе пожары были: въ Ростовѣ въ 1160, 1212 и 1408. (Никон. лѣт. по изд. Акад. н. II, 191, П. С. Л. I, 184. Кирилоск. лѣт. въ Синод. библ. № 351. (Цитата у гр. Толстаго 4-я). Житіе св. Леонтія, еп. Ростовскаго въ Миней XVI в., рукоп. библ. Каз. Дух. Акад., бывш. Соловецк., № 514, мѣс. май. л. 765 и 766). Въ Ярославлѣ были пожары въ 1221, 1237 и 1501 году. См. ст. «замѣчат. пожары въ Ярославлѣ». Яр. губ. вѣд. 1843 г., № 47).

(*) Др. свят. Ростова-Вел. стр. 22 и 30.

(*) Ростовъ въ 1802 г.—Яр. губ. вѣд. 1853 г., стр. 505.

(*) Житіе св. Авраамія Ростовскаго. Пам. стар. русск. литературы в. I, с. 221.

ніа „великій“, котрымъ онъ пользовался еще въ XII в. (°), и изъ выраженія, употребленнаго въ житіи Исидора Твердислова, Ростовскаго святаго XV в. Въ житіи Исидора Ростовъ названъ „славнымъ и многонароднымъ градомъ“ (1°). Въ житіи св. Игнатія, Ростовскаго епископа XIII в., также сказано, что на погребеніе его „стечеса весь градъ Ростовъ, множество безчисленно народа“ (11).

Теперешній Ростовскій кремль, обведенный каменною стѣною съ 10-ю круглыми башнями, отстроены Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сисоевичемъ въ XVII ст. Рядомъ съ кремлемъ,halbво отъ него находится древняя соборная церковь Успенія, а на право—мѣсто прежнихъ княжихъ палатъ. Кромѣ того, въ числѣ зданій самаго кремля находятся двѣ палаты: одна, называющаяся *красной*, была мѣстомъ парадныхъ приемовъ Ростовскихъ архіереевъ, а другая—*бѣлая*, по предположенію гр. Толстаго, могла быть дворцомъ Ростовскихъ князей. На это, между прочимъ, указываетъ находящаяся близь этой палаты Борисоглѣбская церковь, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ на *княжемъ дворѣ* (12). Все это заставляетъ предполагать, что теперешній Ростовскій кремль, если не совпадаетъ совершенно съ прежнимъ рубленнымъ городомъ, то, по крайней мѣрѣ, находится вблизи того мѣста, гдѣ находился этотъ городъ. Въ рубленномъ городѣ, по обычаю древнихъ нашихъ городовъ, находились: палаты архіерейскія и княжія и соборная Успенская церковь.

Соборная Успенская церковь, сосредоточіе мѣстной святыни, защита „вроткихъ“ Ростовцевъ отъ земскихъ бѣдъ и напастей, была первоначально построена Андреемъ Боголюбскимъ на мѣстѣ деревянной, дубовой церкви, сгорѣвшей въ пожаръ 1160 года. Каменная церковь Боголюбскаго обрушилась въ 1213 г. и на мѣстѣ ея въ томъ-же году Константинъ Всеволодовичъ заложилъ новую. До окончанія постройки этой церкви онъ не дожилъ. Она была окончательно отстроена и освящена епископомъ Кирилломъ только при Васильѣ

(°) П. С. Л. II, 61.

(1°) Цитир. выше Мисей XVI в., № 514 л. 422.

(11) Ibid., л. 972.

(12) Др. свят. Рост. - Вел., с. 33. — 34. — См. также «кр. обзор. Ростовск. архіер. дома». Яр. губ. вѣд 1842 № 22.

Константиновичъ 2 февраля 1231 года, въ годовщину смерти Константина Всеволодовича ⁽¹³⁾. Церковь Успенія очень обширна для того времени: длиною она 14 саж, шириною 9, а высотой, отъ помоста до главы съ востомъ, 23 сажени ⁽¹⁴⁾. Епископъ Кириллъ „наполнилъ“ эту церковь иконами, книгами и облаченіемъ церковнымъ ⁽¹⁵⁾. Преемники его, епископы Ростовскіе, также ревностно заботились объ украшеніи Успенской церкви. Епископъ Игнатій вымостилъ ее разноцвѣтнымъ мраморомъ ⁽¹⁶⁾, который впоследствии взятъ былъ въ Московскій Благовѣщенскій соборъ Иоанномъ Грознымъ ⁽¹⁷⁾. Ростовская Успенская церковь сильно обгорѣла въ большой пожаръ 1408 года и была возобновлена въ 1411 году епископомъ Григоріемъ ⁽¹⁸⁾.

Главной святыней Успенской церкви были: мощи покровителя Ростовско-Суздальской земли, епископа Леонтія и икона Божіей Матери, пожертвованная, по преданію, Владиміромъ Мономахомъ и писанная извѣстнымъ въ XI в. иконописцемъ Алипіемъ. Объ этой „чудной“ иконѣ говоритъ Симонъ, епископъ Владимірскій, въ своемъ посланіи къ Поликарпу, а Печерскій патерикъ—передаетъ сказаніе о томъ, что написана она была посредствомъ особаго чуда ⁽¹⁹⁾. Икона Божіей Матери осталась невредимой во всѣ три большіе пожара Ростовскіе. До сихъ поръ икона эта очень почитается мѣстнымъ населеніемъ и называется Владимірскою, въ память жертвователя Владиміра Мономаха ⁽²⁰⁾.

Послѣ мощей св. Леонтія и Владимірской иконы, святынями Успенскаго собора были мощи двухъ другихъ епископовъ Ростовскихъ: св. Исаи, преемника св. Леонтія, и св. Игнатія, скончавшагося въ 1288 г. При этомъ Игнатіи, въ 1274 году

⁽¹³⁾ Лавр. лѣт., 195—196.

⁽¹⁴⁾ Др. свят. Рост.-Вел., с. 20 —Кр. ист. опис. собори. церкви Успенія Пресв Богородицы въ Ростовѣ, Яр. губ. вѣд. 1842. № 16.

⁽¹⁵⁾ Лавр. лѣт., 195.

⁽¹⁶⁾ Др. свят. Рост.-Вел., с. 24.

⁽¹⁷⁾ Мельникова: Опис. Ростова, стр. 3.

⁽¹⁸⁾ Карамзина. Ист. гос. Росс. IV, примѣч. 182.

⁽¹⁹⁾ См Калайдовича: Памятц. Росс. слов. XII в. стр. 15. Житія св Алипія въ Патерикѣ Печерскомъ.

⁽²⁰⁾ См. ст.: «Крестные ходы съ чудотв. иконами Бож. Матери въ Ярославской губерніи».—Яр. губ. вѣд. 1849, стр. 281.

были перенесены мощи Исаи изъ притвора церковнаго, гдѣ онѣ были оставлены въ „великомъ небреженіи“ въ продолженіи болѣе чѣмъ столѣтія, переложены въ новый гробъ и поставлены около южныхъ дверей ⁽²¹⁾.

Кромѣ соборной церкви Успенія, въ Ростовѣ было много церквей. Онѣ издавна славилась обиліемъ храмовъ божіихъ, но по именамъ мы имѣемъ возможность назвать этихъ церквей немного. Намъ извѣстны по именамъ только церкви Іоанна Предтечи, бывшая на епископскомъ дворѣ и сгорѣвшая въ пожаръ 1211 года, Спасская церковь, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 г. и имъ же построенныя на княземъ дворѣ—Михаила Архангела и Бориса и Глѣба ⁽²²⁾.

Въ самомъ городѣ Ростовѣ было два монастыря: мужской Аврааміевъ—Богоявленскій, основанный, какъ мы видѣли, въ XI в. и Рождественскій, женскій, учрежденный первымъ Ростовскимъ архіепископомъ Теодоромъ въ концѣ XIV в. Вблизи Аврааміева монастыря, почти въ чертѣ города, находилъ монастырь Петровскій, возникшій въ XIII в.

Топографія Ярославля болѣе разработана мѣстными археологами, чѣмъ топографія Ростова. Это, какъ намъ кажется, зависитъ отъ того, что Ярославлемъ, какъ губернскимъ городомъ, мѣстные изслѣдователи занимаются болѣе прилежно и старательно, чѣмъ уѣздными городами Ярославской губерніи. По словамъ одного изъ этихъ изслѣдователей, Ярославль занималъ первоначально оконечность мыса, омываемаго Волгой и Которослю, образуя треугольникъ между этими рѣками и притокомъ Которосли—Медвѣдицей. Этотъ треугольникъ, обнесенный деревянною бревенчатою стѣною, назывался *рубленными городомъ*. Впослѣдствіи стали являться поселенія за Медвѣдицей и образовали *земляной городъ*, окопанный кругомъ канавой съ землянымъ валомъ, по которому шелъ деревянный тынъ, съ деревянными же башнями. Въ такомъ видѣ Ярославль былъ въ XIII в. Въ XV в., вслѣдствіе размноженія населенія, въ Ярославлѣ возникли *слободы* за землянымъ городомъ. ⁽²³⁾ Въ земляной городъ вели 4 воротъ,

⁽²¹⁾ Житіе св. Исаи, Прав. Соб. 1858, кн. III, с. 476.

⁽²²⁾ Лавр. лѣт., с. 183, 184 и 185—ст.: «Спасская ружная церковь въ Ростовѣ. Яр. губ. вѣд. 1851, № 35 и 39.

⁽²³⁾ «О мѣстоположеніи, древн. укрѣпленіяхъ и распростр. Ярославля. Яр. губ. вѣд. 1843 г. № 24.

названія которыхъ сохранились до второй половины XVIII в.: Семеновскіе, Власьевскіе, Угличскіе и Волгскіе, или Волжскіе (**).

Въ рубленномъ городѣ находилась каменная соборная церковь Успенія Божіей Матери, построенная Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1215 г. и освященная при сынѣ его Всеволодѣ въ 1219 г. (**). Близъ этой церкви, на самой оконечности крутого берега Волги, при впаденіи въ нее Которосли, помѣщался деревянный княжій дворъ (**). Ближе къ земляному городу, около рѣчки Медвѣдицы, стояла деревянная церковь пророка Іліи, по преданію построенная еще Ярославомъ Владиміровичемъ, при основаніи города Ярославля (**).

Въ земляномъ городѣ, въ югозападномъ углу его, находился Спасскій монастырь, съ деревянной оградой и двумя каменными церквами (**). Обѣ эти церкви, Спасская и входа въ Іерусалимъ, построены Константиномъ Всеволодовичемъ въ 1216 и 1218 годахъ. Въ Спасскомъ монастырѣ, по мѣстному преданію, находилось училище, изъ котораго Константинъ бралъ учителей для вновь заводимыхъ имъ школъ (**).

О большомъ числѣ церквей вообще въ Ярославлѣ можно заключить изъ лѣтописнаго извѣстія о пожарѣ 1221 года, въ который погорѣло 17 церквей, при чемъ Ярославль сгорѣлъ „мало не весь“ (**). Изъ всѣхъ князей Ярославскихъ, послѣ Константина Всеволодовича, отличался особою ревностью въ построеніи церквей князь Феодоръ Ростиславичъ Чермный, который „многo поставилъ церквей по своей волости“ (**).

(**) «Ярославль въ послѣдн. вр. воеводства» (1768 — 1777) изъ совр. рукописи, сообщ. И. С. Аксаковымъ. Ibid. 1850, № 13.

(**) Лавр. лѣт., 185.

(**) Ibid., См. также ст., ozn. въ примѣч. 23-мъ.

(**) «О мѣстопол., древн. укрѣпл. и распростр. Ярославля.—Яр. губ. вѣд. 1843, № 24.

(**) Ibid.

(**) Лавр. лѣт., 186 — «Хронологич. оч. истор. событій въ г. Ярославлѣ, отъ основ. онаго до вступя Яросл. княжества въ сост. госуд. Россійскаго». Яросл. губ. вѣд. 1843 г., № 5.

(**) Лавр. лѣт., 189.

(**) Архіепископа Филарета: Житія русск. святыхъ, мѣсяць сентябрь, стр. 85.

Вторая его жена, дочь хана Ногай, Анна увѣковѣчила свою память также построениемъ церкви. Около 1300 года она построила каменную церковь Михаила Архангела на мѣстѣ бывшей прежде деревянной церкви на берегу Которосли (82).

Угличъ (Углече-Поле), по народному преданію, былъ очень обширенъ и многолюденъ до роковаго для него 1591 года, когда былъ убитъ въ немъ царевичъ Димитрій. Жестокая кара постигла Угличъ. До 200 угличанъ было казнено, а еще большее число было сослано въ Пелымскій острогъ. До 1591 года, по народному преданію, *въ прежнія времена* было въ Угличѣ до 150 церквей и 30,000 жителей. Какъ онъ былъ великъ въ разсматриваемое нами время, въ XIII—XV вѣка, конечно, рѣшить невозможно (83). Не смотря на это, мѣстный историкъ города Углича, г. Кисель, пытается опредѣлить его пространство въ XIII в. и говорить, что Угличъ, раздѣляясь на рубленный и земляной городъ, простирался на пять верст (84).

Дальнѣйшее колонизаціонное движеніе въ Ростовскомъ княжествѣ шло съ XIII в. почти исключительно по лѣвой луговой сторонѣ Волги. Это движеніе не могло быть сильно по качеству почвы мѣстности. Лѣвая сторона Волги, отъ Мологи до р. Обноры, изобилуетъ въ западной своей части болотами, весьма обширными даже въ настоящее время, а въ восточной части лѣсами. Болотъ въ особенности много между Мологой и Шексной (85). Поэтому главными мѣстами для заселенія могли быть только побережья Волги, Мологи, Сити, Шексны, Согожи, Костромы съ ея притоками и Унжи. По Шекснѣ колонизаціонное движеніе проникало въ Бѣлоозеру и распространялось отъ него далѣе въ Двинскую землю (86).

(82) С. Серебрянникова. «Церковь Михаила Архангела въ Ярославѣ.—Яросл. губ. вѣд., 1851, № 14

(83) См. статью: «Угличъ въ 1802 г.»—Яр. губ. вѣд. 1854, с. 52.

(84) Ист. г. Углича, с. 63.

(85) Артемьева предисловіе къ списку населенныхъ мѣстъ Ярослав. губ., с. 13 и 14.

(86) Движеніе колонистовъ изъ сѣверо-западныхъ предѣловъ Ростовско-Суздальской земли (гдѣ въ XIII в. образовалось Ростовское княжество) началось еще при Андрѣе Боголюбскомъ (см. наш. очерк. стр. 145). 1-я

Мы указали выше на главнѣйшіе виды колонизаціи въ землѣ Мери.⁽⁸⁷⁾ Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ въ Ростовскомъ княжествѣ эти виды въ общихъ чертахъ не измѣнились. Преобладающимъ характеромъ колонизаціи и здѣсь является вольный характеръ передвиженія населенія, главный притокъ котораго идетъ по прежнему изъ Новгорода. Эта вольная колонизація, проходя по Волгѣ и по ея притокамъ, сталкивается съ вольнымъ колонизаціоннымъ движеніемъ, идущимъ ей на встрѣчу изъ Двинской земли. Вольными Новгородскими колонистами, по всей вѣроятности, около XIII-го в., было основано поселеніе на р. Мологѣ, которое Герберштейнъ называетъ Холопымъ Городкомъ. Онъ рассказываетъ о возникновеніи этого поселенія преданіе, напоминающее греческую легенду объ основаніи Тарента, относя начало Холопьяго города въ X-му в. Новгородскіе рабы, по словамъ Герберштейна, воспользовались въ отсутствіе своихъ господъ ихъ супружескими правами, а по возвращеніи господъ бѣжали на Мологу и тамъ построили укрѣпленіе, въ которомъ отчаянно защищались противъ обиженныхъ господъ-супруговъ, но наконецъ были взяты силою.⁽⁸⁸⁾

Княжеская колонизація въ Ростовскомъ княжествѣ теряетъ свой первоначальный военный характеръ, съ которымъ она является въ IX в., въ началѣ исторіи земли Ростовско-Суздальской и которымъ отличается въ XIII, XIV и XV вѣкахъ въ княжествахъ Суздальскомъ и Нижегородскомъ. Эти княжества, составляя восточную и восточную украины Ростовско - Суздальской земли, имѣли необходимость входить въ столкновеніе съ Татарами и Мордвой. Вблизи Ростовскаго княжества не было

Новгородская лѣтопись говоритъ, что Новгородцы, побѣдивши Суздальскую рать Андрея, «взяша съ Двинской земли всю дань, а на *Суздальскихъ смердахъ* другую». (П. С. Л. III, 15). Подъ Суздальскими смердами здѣсь возможно разумѣть поселенцевъ, колонистовъ изъ Суздальской земли. (Снес. М. П. Погодина. Вел. кн. Андрей Юрьев. Боголюбскій, Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. LXIV, с. 14).

⁽⁸⁷⁾ См. наш очерковъ, сср. 49—52, 64, 65, 81 и 82.

⁽⁸⁸⁾ Герберштейнъ, Записки о Московіи, перев. Анонимова. с. 116 и 118.—Преданіе, передаваемое Герберштейномъ, не подтверждается нашими лѣтописями. О Холопьемъ городкѣ: см. книгу Графа А. И. Мусина Пушкина: «Историч. замѣчанія о началѣ и мѣстоположеніи древняго Россійскаго, т. наз., Холопья города», (съ картою) М. 1810,—и статью неизвѣстнаго автора, въ С. От. 1818 г., № 14.

враждебнаго инородческаго населенія, и князьямъ Ростовскихъ княженій не предстояло необходимости укрѣплять свою власть среди этого населенія построениемъ вѣрностей. Въ княжеской колонизаціи Ростовскаго княжества, напротивъ, замѣчается тотъ земледѣльческо-хозяйственный оттъновъ, который отличаетъ собою первоначальную, вольную колонизацію Новгородскихъ земскихъ бояръ. Колонизаціонною дѣятельностью отличаются князья Ярославскаго удѣла. Глѣбъ Васильевичъ начинаеть заселять Пошехонье, а братъ его, св. Романъ, основываетъ на Волгѣ городъ Романовъ, который, по всей вѣроятности, былъ митрополіей дальнѣйшихъ бережныхъ поселеній у Волги.

Монастырская колонизація направляется въ разсматриваемую нами эпоху преимущественно на востокъ въ предѣлы Костромскаго и Галичскаго удѣловъ и города, возникающіе тамъ, обяваны своимъ началомъ почти исключительно аскетамъ-подвижникамъ.

Промышленно-торговая колонизація направляется преимущественно на сѣверъ и сѣверо-востокъ въ Двинскую землю.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, какъ часты были нашествія Татаръ на Ростовское княжество. Довольно большое число поселеній въ теперешнихъ уѣздахъ Ярославской губерніи: Ростовскомъ, Ярославскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ, Угличскомъ и Мышкинскомъ, сохранившихъ татарскія названія и поселенія съ названіями: Баскаково, Баскачево, Баскачи и Баскачь—даютъ право предполагать, что въ этихъ уѣздахъ, соответствующихъ прежнимъ удѣламъ: Ростовскому, Ярославскому и Угличскому—существовали оеѣднія татарскія поселенія, началомъ своимъ восходящія, по всей вѣроятности, къ XIII—XV вѣкамъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ при с. Карашъ до сихъ поръ сохранилось обширное татарское кладбище; раскопки, произведенныя въ немъ въ 1855 г. П. С. Савельевымъ, открыли, что похороненныя здѣсь Татары вообще принадлежали къ зажиточному классу (**). Всѣ эти данныя даютъ намъ возможность заключить что, въ XIII—XV в.

(**) Предисл. къ списку населенныхъ мѣстъ Ярославск. губ. стр. 30 и уѣзды Романово-Борисоглѣбскій, Ярославскій, Угличскій и Мышкинскій самаго списка; а также №№ списка: 1319, 1524, 2039, 2324, 6711, 6853, 7281, 7420, 7825, 8823 и 9333.

в. существовала въ Ростовское княжество колонизація татарская.

При распространеніи Великорусскаго племени въ Ростовскомъ княжествѣ въ XIII—XV вѣкахъ самое видное мѣсто занимаетъ колонизація монастырская. Новые монастыри, возникшіе въ періодъ времени отъ начала XIII в. до исхода XV и раздвинувшіе предѣлы великорусскаго населенія въ Ростовскомъ княжествѣ, можно раздѣлить на *три группы*, принимая за основу раздѣленія сѣверо-западную, сѣверную и сѣверо-восточную окраины княжества. Въ эти окраины: Бѣлоозеро, Заозерье и Костромскую сторону, отдаленныя отъ главныхъ центровъ княжества: Ростова, Ярославля, Угличе-Поля и отъ многоводной Волги, стремились благочестивые подвижники, богатыри христіанства. Тамъ они находили непочатый край, дикіе непроходимые лѣса, въ которые не достигала волна житейскаго моря.

Въ *Бѣлоозерской сторонѣ* древнѣйшимъ монастыремъ былъ *Троицкій Усть-Шехонскій*, основанный въ 17-ти верстахъ отъ Бѣлоозерскаго города первымъ Бѣлоозерскимъ княземъ Глѣбомъ Васильковичемъ въ 1251 году. На томъ мѣстѣ, гдѣ основанъ монастырь, стояла прежде бѣдная деревянная Троицкая церковь, въ которой находилась чтимая въ округѣ икона св. Троицы. Мѣстное преданіе говоритъ, что сынъ князя Глѣба Михайлъ получилъ изцѣленіе отъ этой иконы отъ слѣпоты. Князь Глѣбъ, украсивъ чудотворную икону, перестроилъ церковь и основалъ при ней общежительный монастырь, управленіе которымъ поручилъ Геннадію, монаху изъ Валаамскаго монастыря (*).

Въ XIV-е столѣтіе являются въ Бѣлоозерской сторонѣ одинъ вслѣдъ за другимъ два монастыря: *Кирилловскій* и *Берантовоѣ*. Первый изъ нихъ основанъ въ 1397 году знаменитымъ ученикомъ Сергія Радонежскаго (*), Кирилломъ

(*) Лѣтописецъ Усть-Шехонскаго монастыря у Амвросія, въ исторіи Росс. іерархіи т. VI, с. 584—587.

(*) Непосредственными учениками Сергія Радонежскаго, уроженца Ростовской области, основано до двадцати монастырей. Такимъ образомъ его Троицкій монастырь является обильнымъ расадникомъ монастырской колонизаціи въ сѣверо-восточной Руси. (См. историч. опис. свято-троицкія—Сергіевы Лавры. М. 1842, стр. 144—146 и Филарета: Русскіе святыя, мѣс. сент. с. 151).

и получилъ въ послѣдствіи громадное значеніе въ религіозной и политической жизни Московской Руси. Второй монастырь, возникшій годомъ позже Кирилловскаго, въ 1398 году, основанъ другомъ Кирилла, монахомъ Московскаго Симоновскаго монастыря Терапонтомъ.

Жизнь Кирилла и Терапонта весьма замѣчательна и характеристична. Оба они, по словамъ ихъ биографовъ, происходили изъ боярскихъ семей. Оба съ молодыхъ лѣтъ были склонны къ уединенію и самоуглубленію. Пытливый умъ ихъ не удовлетворялся свуднымъ будничнымъ содержаніемъ боярской жизни того времени и оба они искали идеала созерцательной жизни въ монастырской келіи. Оба они въ молодыхъ лѣтахъ поступили въ Московскій Симоновъ монастырь, гдѣ настоятелемъ былъ Теодоръ, племянникъ Сергія Радонежскаго. Тамъ ихъ стала преслѣдовать еще больше та „мірская суетность“, отъ которой они бѣжали изъ дома. Когда Теодоръ въ 1390 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ Ростовскимъ, Кирилла, помимо его желанія, Симоновскіе монахи избрали въ архимандриты; онъ недолго оставался главой монастыря и, сложивъ съ себя званіе архимандрита, заперся въ своей келіи. Несмотря на это, Кирилла осаждали монахи просьбами о совѣтахъ и наставленіяхъ и новый архимандритъ сталъ коситься на Кирилла. Вслѣдствіе этого Кириллъ удалился на старое Симоново. Терапонта еще прежде этого посылалъ настоятель Симонова монастыря въ Бѣлоозерскую страну, и разсказъ его о лѣсистой озерной странѣ, гдѣ нѣтъ почти вовсе жилья человѣческаго, плѣнилъ его друга Кирилла. Житіе Кирилла повѣствуетъ, что разъ усердно молясь Божіей Матери и прося ее указать ему мѣсто для подвижничества, Кириллъ услышалъ голосъ: „иди на Бѣлоозеро!“ — Вслѣдъ за голосомъ Кириллъ увидѣлъ въ окно своей келіи мѣсто на дальнемъ сѣверѣ, озаренное яркимъ свѣтомъ. Кириллъ болѣе не раздумывалъ и ушелъ съ Терапонтомъ на Бѣлоозеро. Тамъ его плѣнило высокое мѣсто у озера Сиверскаго, окруженное густымъ лѣсомъ, и онъ водрузилъ на этомъ мѣстѣ крестъ, вблизи котораго друзья выкопали землянку. Въ этой землянкѣ Кириллъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ одиночествѣ, изрѣдка навѣщаемый двумя крестьянами изъ сосѣднихъ деревень. Наконецъ, три монаха Симонова монастыря, очень привязанные къ Кириллу, розыскали его и пришли въ дальнюю сторону къ своему учителю, и Кириллъ построилъ при ихъ содѣйствіи церковь

въ честь Успенія Божіей Матери въ 1397 г. Эта церковь послужила оспованіемъ монастырю ⁽⁴³⁾.

Оерапонтъ вскорѣ оставилъ Кирилла и удалился далѣе за 15 верстъ, гдѣ построилъ въ 1398 году церковь Рождества Божіей Матери при помощи людей, начинавшихъ къ нему сходитьсѣ. Самъ онъ отказался отъ настоятельства въ возникшемъ монастырѣ и передалъ начальство надъ сходцами монахами одному изъ старцевъ—іромонаховъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ другими ⁽⁴³⁾.

Въ XV в. возникъ Спасскій монастырь на островѣ Вожа, основанный *Мартиніаномъ*, монахомъ Кирилловскаго монастыря, удалившимся на этотъ островъ по смерти учителя своего Кирилла въ 1427 году ⁽⁴⁴⁾. Въ томъ же XV столѣтіи возникъ монастырь *Череповскій - Воскресенскій*, основанный двумя монахами—*Еодосіемъ* и *Афанасіемъ*, пришедшими, по предположенію преосв. Макарія, изъ Сергіевской лавры ⁽⁴⁵⁾.

Въ Заозерѣ, за предѣлами Кубенскаго озера и по сю сторону этого озера, раньше XIII в. было три монастыря: *Кайсаровскій* близъ Вологды и въ Устюгѣ два: *Троицкій Гледенскій* и *Архангельскій* ⁽⁴⁶⁾. Въ XIII в. возникъ на каменномъ островѣ Кубенскаго озера Спасскій монастырь, называвшійся *Каменнымъ*. По позднѣйшему сказанію Паисія Ярославова о Спасо-Каменномъ монастырѣ, возникъ онъ слѣдующимъ образомъ: Глѣба Васильевича, князя Бѣлозер-

⁽⁴³⁾ См. Архiep. Макарія. Ист. русск. ц. т. IV, кн. 1-я, приложение № XXI. Житіе ст. Кирилла Бѣлозерскаго, составленное Пахоміемъ Логоветомъ въ XVI в. со словъ учениковъ св. Кирилла и помѣщенное въ Минеѣ митр. Макарія; см. у Филарета: Русскіе святые, мѣс. Іюнь, с. 40—58. О св. Кириллѣ и его монастырѣ см. также въ книгѣ С. П. Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. М. 1850, ч. II, с. 1—26.

⁽⁴³⁾ О св. Оерапонтѣ говорится въ житіи Кирилла. См. у Макарія (цит. 42) и у Филарета. Русскіе святые, мѣс. май, с. 182—186.—Ист. Росс. Іерархія VI, 849.

⁽⁴⁴⁾ Житіе Мартиніана Бѣлозерскаго, напечатанное съ рукописи Имп. Публ. библ., № 39., см. въ лѣтописи занятій Археограф. Коммис. 1864 г., в. 1-й, отд. II, стр. 1 и 2.—У Филарета, (Русскіе святые, мѣс. январь, с. 63) по рукописи Троицк.-Сергіевой Лавры. Ист. Росс. Іерархія III, 572.

⁽⁴⁵⁾ Ист. Росс. Іерархія, VI, 656—659.

⁽⁴⁶⁾ Ibid. I, 312 и 692. Опис. рукоп. Рум. Муз., с. 249

скаго, въ проѣздъ его на лодѣхъ отъ Бѣлоозера къ Устюгу, застигла страшная буря на Кубенскомъ озерѣ; испуганный князь далъ обѣтъ построить церковь и монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ пристанеть къ берегу Каменнаго острова. Глѣбъ Васильковичъ нашель на островѣ двадцать трехъ монаховъ, не имѣвшихъ по бѣдности у себя церкви и собиравшихся для молитвы въ часовню. Онъ велѣлъ построить церковь во имя Преображенія Господня и деревянныя келіи. Это было около 1260 года (*').

Въ XIV в. на берегу Кубенскаго озера былъ основанъ монастырь *Николаевскій* на *святой лукѣ*, возстановленный Діонисіемъ Глушицкимъ, постриженникомъ Спасо-Каменнаго монастыря (**). Около 1370 года возникъ близъ Вологды, въ 60 верстахъ отъ нея къ востоку, *Троицкій-Авнежскій* монастырь, построенный Стефаномъ Махрицкимъ и учениками его Григоріемъ и Кассіаномъ, въ то время какъ Стефанъ долженъ былъ скрываться изъ своего монастыря по неприяностямъ, бывшимъ у него съ сосѣдами Махрицкаго монастыря Юрковскими (**). Въ 1371 году близъ города Вологды при *лукѣ*, образуемой волѣномъ рѣки Вологды—возникъ монастырь *Спасо-Прилуцкій*, построенный при помощи Вологжанъ Димитріемъ, ученикомъ Сергія Родонежскаго, удалившимся изъ Переяславля - Залѣскаго (*'). Около того же времени возникъ на р. Обнорѣ *Воскресенскій* монастырь,

(*) Правосл. Собес. 1861, I, 199—202.

(**) Ibid. 203.

(*) Ист. Росс. Иерархія, III, 59.—Филарета: Русскіе святые, м. июль, 87 и июнь, 92.—Вологда упоминается впервые въ лѣтописи подъ 1237 годомъ (см. у Барсова: Матер. для Ист. Геогр. Словоря Россія. Вильно 1865 г. с. 38). Въ это время она принадлежала къ Новгородской области. Въ началѣ XIV в. въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ Вологда упоминается также въ числѣ Новгородскихъ волостей (см. Собр. гос. гр. и догов. I, № 8). Вологда была окончательно присоединена къ Москвѣ при Василіѣ Васильевичѣ Темномъ. Колонизація монастырская въ окрестностяхъ Вологды идетъ изъ Ростовскаго княжества, вслѣдствіе чего и монастыри, основаны въ окрестностяхъ Вологды подчиняются епископу Ростовскому, а не Новгородскому.

(*) Филарета: Русск. святые, мѣс. февраль, с. 76.

построенный также ученикомъ Сергія Радонежскаго, Сильвестромъ⁽⁶¹⁾.

Въ теченіе XV-го столѣтія по сю сторону Кубенскаго озера, близъ Вологды возникло восемь монастырей. Митрополіей пяти изъ этихъ монастырей былъ монастырь Спасо-Каменный. Постриженникъ этого монастыря Діонисій, прозванный *Глушицкимъ* по глухой мѣстности, въ которой онъ основывалъ монастыри, основалъ два мужскихъ и одинъ женскій монастырь. По возобновленіи имъ Никольскаго монастыря на *Святой луки* Кубенскаго озера, Діонисій удался изъ него, ища уединенія, на восточную сторону озера, гдѣ мѣста отличались совершенною глушью. На р. Глушицѣ, въ 15 верстахъ отъ Святой луки, Діонисій поставилъ себѣ въ лѣсу хижину. Скоро слухъ о пустынникѣ распространился по окрестности; къ Діонисію стали приходить благочестивые люди и, желая его наставленій, селились вокругъ хижины. Въ 1403 году построена была церковь Покрова Богородицы, которая и послужила основаніемъ общежительному монастырю, устроенному Діонисіемъ по совѣту Ростовскаго архіепископа Григорія. Лѣтъ черезъ семнадцать Покровскій монастырь сталъ до того многолюденъ, что Діонисій, по прежнему стремясь къ уединенію, покинулъ свой монастырь и удался дальше въ непроходимую дѣбрь. Въ сосновомъ лѣсу онъ соорудилъ себѣ келью, а впослѣдствіи выстроилъ близъ нея маленькую церковь во имя Іоанна Предтечи: эта церковь послужила началомъ новаго монастыря—*Сосновскаго-Предтечева*. Такъ какъ къ Діонисію приходили и жен ины для назиданія его духовными бесѣдами, то онъ построилъ церковь во имя Ростовскаго святаго Леонтія въ двухъ верстахъ отъ Покровскаго монастыря и основалъ при этой церкви общежительный женскій монастырь.

Кромѣ монастырей Діонисій строилъ церкви въ деревняхъ и на незаселенныхъ еще мѣстахъ. Такъ изъ житія его извѣстно, что имъ построены церкви въ деревнѣ Двиницѣ по просьбѣ бѣдныхъ жителей этой деревни и въ 18-ти верстахъ отъ Глушицкаго монастыря на р. Сухонѣ⁽⁶²⁾.

⁽⁶¹⁾ Смирнова: «Преп. Сильвестръ Обдорскій». Душенолезн. чтенія 1861 г., № XI, с. 229—269.

⁽⁶²⁾ Житіе Діонисія Глушицкаго у Филарета: Русскіе святые, мѣс. Іюнь, с. 11—18.

Дѣятельность строгаго аскета-подвижника Діонисія была очень благотворна для края. Онъ проводилъ свою почтенную подвижническую жизнь въ постоянномъ трудѣ, показывая тѣмъ достойный примѣръ новымъ поселенцамъ, близъ его монастырей. Діонисій занимался плотничнымъ и портняжнымъ ремеслами и писаніемъ иконъ. Иконы его работы сохранились до нашего времени въ монастыряхъ: Сосновскомъ, Кирилло-Бѣлоозерскомъ и Прилуцкомъ⁽⁶⁶⁾. Монастыри Діонисія при жизни ихъ основателя пользовались большимъ уваженіемъ Бѣлоозерскихъ князей и Ростовскихъ архіереевъ: Григорія, Діонисія и Ефрема. Первые щедро снабжали монастыри землями, а послѣдніе считали Діонисія примѣрнымъ монахомъ-подвижникомъ⁽⁶⁷⁾.

Два другіе постриженника Спасо-Каменнаго монастыря: Александръ и Евѣмій—основали въ XV в. два монастыря близъ Вологды: первый—*Александровъ - Успенскій* на р. Куштѣ въ 40 в. отъ города, а второй *Спасо - Евѣмиевъ* въ 120 верстахъ⁽⁶⁸⁾.

Сергій, пришедшій съ Аѳонской горы и бывшій ученикомъ св. Сергія Радонежскаго, основалъ около 1408 монастырь на р. Нурмѣ въ 60 верстахъ отъ Вологды, а въ 50 верстахъ отъ нея возникъ въ 1414 году монастырь другаго ученика Сергія Радонежскаго—Павла Обнорскаго⁽⁶⁹⁾. Около же Вологды въ 1426 г. основанъ монастырь выходцемъ изъ Галича, происходившимъ изъ тамошней боярской фамиліи Лопотовыхъ—Григоріемъ Пелшемскимъ⁽⁷⁰⁾.

Главнымъ центромъ монастырской колонизаціи въ *Костромской сторонѣ* является Галичъ-Мерскій. Починъ этой колонизаціи владеть тамъ въ XIV вѣкѣ Авраамій, ученикъ св. Сергія и постриженникъ его Троицкаго монастыря.

⁽⁶⁶⁾ Ист. Росс. Іерарх., III, 703, 704 — Древности Кириллова монастыря въ Чтен. М. Общ. Ист. и др. 1859 г. кн. III, с. 9 — 12, 87, 88 — А. Раткина: Полн. Собр. истор. свѣд. о монаст. и церквахъ въ Россіи, с. 60.

⁽⁶⁷⁾ Амвросія: Ист. Росс. Іерархія III, 704 — 706, 699 и 700; V, 566—569.

⁽⁶⁸⁾ Ibid. III, 88; IV, 96.

⁽⁶⁹⁾ Ibid. V, 355, 428.

⁽⁷⁰⁾ Ibid. V, 21.

Прійдя для подвижничества въ дикую сторону Галичскую, Авраамій долго жилъ въ совершенномъ одиночествѣ на Чухломскомъ озерѣ. Князь Дмитрій Θεодоровичъ Галичскій, провѣдавъ о пустынникѣ и услыхавъ объ иконѣ Божіей Матери, явившейся въ пустынѣ Авраамію, призвалъ его въ себѣ въ Галичь и далъ ему средства построить монастырь въ честь Успенія Божіей Матери на мѣстѣ явленія иконы. Житіе Авраамія, написанное не раньше половины XVI в., говоритъ, что „Чудь“, среди которой находился монастырь Авраамія, пребывала еще въ язычествѣ и отличалась большою грубостью нравовъ. Чудеса, бывшія отъ иконы Божіей Матери, по словамъ этого житія, заставляли язычниковъ принимать крещеніе. Когда Авраамій увидѣлъ, что монаховъ въ его Успенскомъ монастырѣ стало много, онъ, назначивъ въ настоятели монастыря ученика своего Порфирія, удалился въ лѣсныя дебри и сталъ вести отшельническую жизнь въ 36-ти верстахъ отъ своего монастыря, въ красивой мѣстности на берегу небольшого озера. Нѣкоторые изъ монаховъ Успенскаго монастыря розыскали Авраамія въ его уединеніи и поселились вмѣстѣ съ нимъ. Такъ возникъ новый монастырь въ честь положенія пояса Богородицы, который впоследствии, прославивъ имя Авраамія, сталъ называться „великой Аврааміевой пустынью“. Послѣ этого монастыря Аврааміемъ основаны еще два: Собора Божіей Матери на р. Вочѣ и Покровскій въ 13-ти верстахъ отъ этой рѣки на горѣ, извѣстной подъ именемъ „Чудскаго городка“. Причина основанія обоихъ монастырей—таже: Авраамій всякій разъ убѣгалъ отъ многолюдства, которое было не по душѣ строгому аскету-подвижнику, искавшему уединенія (**).

Современникъ Авраамія, преп. Пахомій Нерехотскій основалъ Троицкій монастырь близъ Костромы на урочищѣ называемомъ *Сытаново* (**), а ученикъ Сергія Радонежскаго Іаковъ учредилъ общежительный монастырь *Галичскій*—

(**) Житіе Авраамія Чухломскаго у Филарета: «Русскіе святые» мѣс. іюль, с. 118—122. По предположенію преемв. Филарета, житіе это написано въ половинѣ XVI в. игуменомъ Чухломскаго монастыря Протасіемъ.—Ист. Росс. Іер. I, 63 и 748.

(**) Ист. Росс. Іерархія, VI, 339.

Предтечевъ въ 40 верстахъ отъ Галича близъ селенія Желѣз-
ный-Борокъ ⁽⁶⁰⁾.

Около половины XV вѣка возникли одинъ вслѣдъ за
другимъ три монастыря, основанные въ восточной сторонѣ
Костромскаго княжества Ма варіемъ, монахомъ Нижегород-
скаго Печерскаго монастыря: *Богоявленскій* на р. Лухѣ, *Троиц-
кій* при озерѣ Желтыя воды и *Макарьевскій* на правомъ
берегу рѣки Унжи ⁽⁶¹⁾.

Внутри Ростовскаго княжества появилось въ теченіе XIII—
XV вѣковъ также много новыхъ монастырей. Такъ въ самомъ
городѣ Ростовѣ были основаны: въ XIII в. *Петровскій*—ор-
динскимъ царевичемъ Петромъ во время епископа Ростовскаго
Игнатія, *Спасскій*, женскій—Ростовскою княгинею Маріею
женою князя Василья, и *Иоанновскій* (вѣмъ основанъ—неиз-
вѣстно) ⁽⁶²⁾, въ XIV в. *Григорьевскій-Зачатьевскій*, основан-
ный около 1389 года епископомъ Ростовскимъ св. Іаковомъ,
и *Рождество - Богородицкій*, основаніе котораго приписы-
вается первому Ростовскому архіепископу св. Θεодору ⁽⁶³⁾.

Близъ Ростова возникло нѣсколько монастырей: *Троицкій-
Варницкій* въ 3-хъ верстахъ отъ Ростова, построенный
на мѣстѣ бывшихъ здѣсь соляныхъ варницъ въ первой
четверти XV в., по мѣстному преданію возникъ на томъ
мѣстѣ, гдѣ былъ вотчинный дворъ родителей св. Сергія Радонежскаго ⁽⁶⁴⁾; въ 7-ми верстахъ отъ Ростова *Благоустицкій*
монастырь, время основанія котораго съ точностью не из-
вѣстно, но который, по мѣстному преданію, очень древень ⁽⁶⁵⁾;
Борисоглебскій монастырь на р. Устьѣ близъ Ростова, основан-
ный Θεодоромъ и Павломъ, учениками св. Сергія Радонежскаго,
на мѣстѣ избранномъ ихъ учителемъ ⁽⁶⁶⁾. Въ Ярославѣ,

⁽⁶⁰⁾ Ibid. IV, 116.

⁽⁶¹⁾ Ibid. IV, 107, V, 30, 39.

⁽⁶²⁾ Ibid V, 534. Карамзинъ Ист. Гос. Росс., т. IV, примѣч. 179.

⁽⁶³⁾ Карамзинъ. Ист. т. V, примѣч. 64. Гр. Толстаго: Др.
святыни Ростов-Вел., стр. 49, 80.—Описаніе Ростовскаго Спасо-Яковлев-
скаго монастыря Спб- 1849. стр.3—8.

⁽⁶⁴⁾ См. статью объ этомъ монастырѣ въ Яросл. губ. вѣд. 1848 г.
№ 10.

⁽⁶⁵⁾ См статью объ этомъ монастырѣ Ibid. 1858 г., стр. 5 и 14.

⁽⁶⁶⁾ Ист. Росс. Іерархія III, 424.

кромѣ основаннаго въ XII в. *Петропавловскаго* монастыря, въ XIII в. является монастырь *Спасо - Преображенскій* ⁽⁶⁷⁾, а въ XIV в. возникаетъ въ 8 - ми верстахъ отъ Ярославля монастырь Толгской иконы Божіей Матери, на мѣстѣ явленія этой иконы епископу Ростовскому Прохору, близъ рѣки Толги, впадающей въ Волгу. Позднѣйшее мѣстное сказаніе такъ повѣствуетъ объ этомъ явленіи:

Въ 1314 году 7-го августа, епископъ Прохоръ, объѣзжая свою епархію, возвращался съ Бѣлоозера и, застигнутый ночью подъ Ярославлемъ, остановился на правомъ берегу Волги, гдѣ теперь село Иваньково, на мѣстѣ совершенно пустомъ и незаселенномъ, и раскинулъ дорожный шатеръ. Епископа, вставшаго ночью для молитвы, поразили необыкновенный свѣтъ, проходившій черезъ полотно шатра; это привлекло любопытство Прохора и онъ вышелъ изъ шатра. Онъ увидѣлъ противъ шатра на лѣвомъ берегу Волги огненный столпъ отъ земли до облаковъ, въ которому вель черезъ Волгу мостъ. Сотворивъ молитву, пошелъ епископъ черезъ мостъ и, достигши мѣста, на которомъ былъ огненный столпъ, увидѣлъ, что столпъ этотъ происходитъ отъ иконы Божіей Матери, чудно держащейся на воздухѣ, аршинъ на 5-ть отъ земли. Епископъ со слезами умиленія палъ ницъ и послѣ усердной молитвы возвратился въ шатеръ, гдѣ напелъ свиту свою сиящую. На другой день, когда епископъ собирался въ дорогу, нигдѣ не могли найти его посоха. Тогда рассказалъ онъ своей свитѣ о видѣніи, вспомянувъ, что когда онъ ходилъ за Волгу, то съ нимъ былъ посохъ. Онъ указалъ мѣсто, гдѣ было ему видѣніе, и приказалъ сѣвать черезъ Волгу за посохомъ. Посланные увидѣли на указанномъ мѣстѣ икону Божіей Матери, но уже не на воздухѣ, а на землѣ между деревьями. Поклонившись иконѣ, они вернулись и объявили епископу Прохору о видѣнномъ. Прохоръ отправился къ иконѣ и, узнавъ въ ней именно ту, которая явилась ему въ чудномъ видѣніи ночью, началъ немедленно съ своими спутниками рубить лѣсъ и заложилъ небольшую церковь, которая была докончена ярославскими жителями и въ ней помѣщена явленная икона ⁽⁶⁸⁾.

⁽⁶⁷⁾ Житіе св. Никиты Переяславскаго у Филарета: «Русскіе святые», мѣс. май стр. 184.—Ист. Росс. Іерарх., IV, 225.

⁽⁶⁸⁾ Приведенное преданіе взято изъ одной рукописи Толгскаго монастыря и напечатано въ статьѣ С. Серебрянникова: «Краткое исто-

Болѣе чѣмъ на полстолѣтіе раньше, именно въ 1249 году, явилась въ Костромѣ также икона Божіей Матери, извѣстная подъ именемъ Теодоровской. Эта икона, по словамъ позднѣйшей повѣсти XVII в., была найдена Костромскимъ княземъ Василіемъ Квашней въ лѣсу, въ дуплѣ дерева близъ Костромы, во время княжей охоты. Князь съ торжествомъ перенесъ икону въ Костромскую соборную церковь Теодора Стратилата⁽⁶⁹⁾.

Въ Костромѣ же возникъ въ XIV в. *Ипатьевскій* монастырь, получившій извѣстность въ XVII в., вслѣдствіе пребыванія въ немъ Михаила Теодоровича Романова, избраннаго въ цари всей землей Русской. Монастырь этотъ былъ основанъ Татарскимъ мурзою Четомъ, предкомъ Бориса Годунова. Преданіе такъ рассказываетъ о возникновеніи Ипатьевского монастыря. Въ 1330 году мурза Четъ плылъ Волгою изъ орды въ Москву. Проѣзжая близъ Костромы, онъ плѣнился красивымъ мѣстоположеніемъ и, высадившись тутъ, раскинулъ свои шатры. Вскорѣ онъ опасно занемогъ и смерть угрожала ему; чудное видѣніе иконы св. Ипатія исцѣляетъ его и Четъ даетъ обѣтъ принять Христіанство. Въ Москвѣ онъ принимаетъ крещеніе, въ которомъ получаетъ имя Захарія, и въ благодарность за изцѣленіе строитъ на мѣстѣ видѣнія монастырь въ честь Троицы съ придѣлами св. Ипатію и апостолу Филиппу⁽⁷⁰⁾.

Въ XV столѣтіи близъ Углича возникло три монастыря: *Покровский*, *Никольскій* и *Богоявленскій*, основателемъ которыхъ былъ мѣстный подвижникъ монахъ Пансій⁽⁷¹⁾.

рическое описаніе Ярославскаго Толгскаго мужскаго первокласснаго монастыря.—Яр. губ. вѣд. 1845 г. №№ 3 и 7.—Въ преданіи этомъ епископъ названъ Трифономъ, но, по лѣтописнымъ извѣстіямъ съ 1311 по 1328 годъ, Ростовскимъ епископомъ былъ Прохоръ. (См. Гр. Толстаго. Др. свят. Рост.-Вел., с. 71 и Карамзина, Исторіи т. IV, прим. 328)

⁽⁶⁹⁾ См. повѣсть и сказаніе о Теодоровской иконѣ Божіей Матери, составленная въ XVII в., въ книгѣ П. Островскаго: *Ист. опис. Костромск. Успенскаго каедральн. собора*. М. 1855 стр. 1—XV, 1—5 и 14 и въ *Ист. Русск. Церкви* преосв. Макарія, т. III, кн. I, с. 302—303.

⁽⁷⁰⁾ *Отеч. Зап.* изд. П. Свиньина 1820, мѣс. май, № 4.—Спец. Кн. А. Козловскаго: *Взглядъ на исторію Костромы*, М. 1840., с. 30.

⁽⁷¹⁾ *Ист. Росс. Іерарх.* V, 585.—*Ист. изв. объ Угличскомъ Покровскомъ монастырѣ*. Яр. губ. вѣд. 1849 №№ 12 и 13.

Большое количество поселеній въ теперешней Ярославской губерніи, носящихъ названіе: „пустыни“, православныхъ праздниковъ и именъ святыхъ — показываетъ, что число монастырей въ предѣлахъ Ростовскаго княжества было несравненно больше того, какое сохранилось до настоящаго времени ⁽⁷²⁾.

Примѣръ мурзы Чета, принявшаго Христіанство и основавшаго монастырь, не былъ одиночнымъ явленіемъ въ разсматриваемую эпоху. Вліяніе Христіанства на Татаръ и претвореніе христіанской религіей татарскаго элемента въ Великорусскую народность — представляетъ одно изъ замѣчательныхъ характеристическихъ проявленій ассимилирующаго значенія Христіанства въ этнографической исторіи Великоруссовъ и того земскаго самосознанія этого племени, выразителемъ котораго служить православіе. „Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ“, мѣстное Ростовское произведеніе, писанное не позже второй половины XV в., представляетъ весьма любопытныя данныя для уясненія того вліянія, какое оказывало Христіанство на Татаръ ⁽⁷³⁾. Кроме того это сказаніе представляетъ весьма много любопытнѣйшихъ подробностей бытовой жизни, которыя еще ждутъ тщательнаго критическаго изслѣдованія. Мы позволимъ себѣ изложить сказаніе о царевичѣ Петрѣ въ довольно полномъ извлеченіи, чтобы яснѣе указать и на эти бытовые подробности и на ассимилирующее значеніе православія.

По словамъ сказанія, даровитый юноша, племянникъ хана Берке, который управлялъ золотой ордой послѣ Батые (съ 1257 по 1266 г.), — пораженный христіанской проповѣдью Ростовскаго епископа Кирилла, бывавшаго неоднократно въ ордѣ, раздалъ имѣніе свое нищимъ и уѣхалъ съ епископомъ въ Ростовъ. Здѣсь епископъ Кириллъ крестилъ Ордынскаго царевича и назвалъ его Петромъ. Вскорѣ послѣ крещенія Петра, Кириллъ умеръ и Петръ остался подъ руководствомъ преемника Кирилла, Игнатія. Петръ отличался большимъ благочестіемъ, соблюдая строго посты и принося Богу „плачевныя молитвы“ денно и ночью; но вмѣстѣ

⁽⁷²⁾ Списокъ насел. мѣстъ Яросл. губ. № № 213, 512, 841, 967, 1949, 1959, 2151, 2327, 2454, 2826, 3505, 3740, 4464, 4519, 4770, 5657, 6456, 7081, 7279, 7446, 7585, 7903, 8659, 8899, 9176, 9589.

съ тѣмъ онъ не убѣгалъ и развлеченій, въ которыхъ привыкъ у дяди своего Берке: Петръ любилъ охотиться ловчими птицами на берегу Ростовскаго озера.

Разъ, послѣ такой охоты, утомившись въ вечеру, Петръ заснулъ у озера. Во снѣ ему предстали два свѣтлыхъ мужа и дали ему два мѣшка: одинъ съ золотомъ, другой съ серебромъ, велѣвъ вымѣнить на торгу три иконы: Божіей Матери, св. Димитрія и Николая чудотворца. Петръ палъ ницъ отъ страха, но свѣтлые мужи объявили ему, что они апостолы Петръ и Павелъ, и говорили царевичу: „друзе Петре! не бойся, мы посланы къ тебѣ отъ Бога, въ котораго ты увѣровалъ и крестился, и посланы для того, чтобы укрѣпить родъ твой, и племя, и внуковъ твоихъ до скончанія міра“. Царевичъ подумалъ сначала, что свѣтлые мужи въ *Татарахъ племя ему укрѣпляютъ*, но узнавъ ихъ имена, онъ понялъ истину. Апостолы велѣли Петру явиться въ епископу и ихъ именемъ приказать ему построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ спалъ царевичъ. Когда церковь была выстроена, Ростовскій князь Борисъ Васильевичъ, глумясь, говорилъ царевичу Петру: „владыка тебѣ церковь устроилъ, а я мѣста не дамъ, что тогда будешь дѣлать?“ Петръ отвѣчалъ, что онъ, по повелѣнію апостоловъ, купитъ столько земли, сколько князь ему уступитъ. Борисъ Васильевичъ очевидно только и ждалъ такого отвѣта отъ царевича, богатство котораго смущало князя. Видя мѣшки Петровы съ золотомъ и серебромъ въ епископіи, Борисъ Васильевичъ допытывался у царевича, сколько именно онъ дастъ за землю? дастъ ли столько сколько далъ за иконы? дастъ ли онъ девять литръ серебра, а десятую золота? Царевичъ не далъ положительнаго отвѣта, а обѣщалъ посоветываться съ епископомъ Игнатіемъ, п. ч., говорилъ онъ, мнѣ св. апостолы повелѣли дѣлать то, что велитъ владыка. Игнатій посоветывалъ Петру не *шадитъ родителей имѣнія* и дать князю за землю столько, сколько тотъ захочетъ. Борисъ Васильевичъ отвелъ царевичу Петру мѣсто у церкви, обведя его веревкой по землѣ; но Петръ попросилъ окопать мѣсто ровомъ, *какъ въ ордѣ бываетъ*, чтобы „не погубило то мѣсто“. Тогда Петръ началъ власть по границѣ отведенной ему земли деньги по одиночѣ, вынимая изъ мѣшковъ девять литръ серебра, а десятую золота. Деньгами наполнили возы до того, что лошади едва трону-

ли съ мѣста; между тѣмъ мѣшки были такъ же полны, какъ и прежде. Князь и епископъ дивились великому чуду.

Борисъ Васильевичъ и епископъ Игнатій стали дорожить царевичемъ Петромъ. „Если этотъ мужъ царскаго племени уйдетъ въ орду, будетъ не ладно нашему городу“— говорили они. Рѣшено было женить царевича, чтобы его окончательно привязать къ Ростову. Князь выбралъ царевичу невѣсту отъ *оликихъ вельможъ татарскихъ*, которые тогда находились въ Ростовѣ. Царевичъ Петръ и князь Борисъ стали неразлучными друзьями. Князь постоянно держалъ царевича близъ себя, не могъ безъ него ни ѣсть, ни пить и занималъ его ястребиной и кречетовой охотой и другими утѣхами, *дабы въ нашей вѣрѣ утвердился*. Борисъ Васильевичъ пожаловалъ Петра многими землями, закрѣпивъ ихъ за нимъ грамотами и наконецъ побратался съ нимъ въ церкви, при епископѣ. И прозвался Петръ братомъ князю, и народились у него сыновья. Вскорѣ умеръ Борисъ Васильевичъ, умеръ и епископъ Игнатій, а дѣти Бориса звали Петра царевича дядею до старости.

Внуки Бориса Васильевича, забывъ царевича Петра, начали отнимать землю у дѣтей Петровыхъ. Тогда сынъ Петра Лазарь отправился въ орду и, объявивъ себя тамъ ханскимъ родственникомъ, былъ съ почестью принятъ ханомъ; онъ возвратился въ Ростовъ съ „посломъ царевымъ“, который разсмотрѣлъ его грамоты и утвердилъ за нимъ землю. Сыновья Лазаря отличались благочестіемъ и богатствомъ, и своимъ вліяніемъ въ Ростовѣ совершенно затѣняли убогихъ потомковъ Бориса Васильевича. Особенно выдавался сынъ Лазаря Юрій. Ростовскіе князья завидовали внукамъ Петра царевича и хотѣли скомпрометировать ихъ въ глазахъ Ростовцевъ ихъ татарскимъ происхожденіемъ, желая выставить свой родъ, хоть и обѣдѣвшій, выше ихняго богатаго. „*Это родъ татарскій, а кость не наша, что это намъ за племя*“— говорили Ростовскіе князья о потомкахъ Петра. Главная же причина злобы Ростовскихъ князей противъ нихъ заключалась въ томъ, что потомство Петра пользовалось въ ордѣ значеніемъ, тогда какъ князья Ростовскіе терпѣли тамъ, какъ мы видѣли, большія оскорбленія. Ростовскіе князья стали запрещать потомкамъ Петра царевича ловить рыбу въ Ростовскомъ озерѣ. Юрій пошелъ въ орду и привелъ съ собою грознаго баскака, наведшаго на князей большой страхъ. Онъ произвелъ судъ

между князьями и потомками Петра, присудивъ послѣднимъ право пользованія водою въ Ростовскомъ озерѣ на основаніи покупки Петромъ у Бориса Васильевича земли близъ озера; присудилъ, по выраженію сказанія, *по земль и воду*.

Послѣднее событіе, занесенное въ сказаніе, относится къ первой четверти XIV в., ко времени епископства Прохора (1311—1328). Въ это время Ростовское княжество было опустошаемо татарами подъ предводительствомъ Ахмыла, Ярославль былъ имъ сожженъ. Оттуда онъ двинулся на Ростовъ; князья Ростовскіе со страху бѣжали. За ними хотѣлъ послѣдовать и епископъ Прохоръ. Его остановилъ правнучъ Петровъ, сынъ Юрія, Игнатій и принудилъ его силою идти съ нимъ противъ Ахмыла. Игнатій вмѣстѣ съ епископомъ встрѣтилъ грознаго хана у самаго вѣзда въ Ростовъ, близъ монастыря своего предка и, назвавшись родственникомъ Ахмыла, привѣтствовалъ его дарами. Епископъ Прохоръ исцѣлилъ больного сына Ахмылова. Ростовъ былъ пощажень.

На этомъ событіи прерывается сказаніе, оканчиваясь похвалою всему роду царевича Петра (*).

Современникомъ Петру, царевичу ордынскому, былъ другой Татаринъ, баскакъ Багу, принявшій крещеніе въ Устюгѣ. Житіе Провопія Устюжскаго передаетъ о Багу слѣдующія подробности (**). „Багу взялъ себѣ силою въ наложницы дочь одного устюжанина, по имени Марію; этимъ поступкомъ баскака народъ былъ сильно возмущень и хотѣлъ его убить; тогда по совѣту своихъ сторонниковъ Багу принялъ Христіанство и въ крещеніи названъ Іоанномъ. Іоаннъ и Марія стали образцомъ согласной, тихой, семейной жизни и Устюжане чтутъ ихъ память, какъ праведныхъ“.

(*) При изложеніи «Сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ» мы пользовались изданіемъ этого сказ., помѣщ. въ Правосл. Собес. 1859 г., (мартъ, с. 360—376), которое издаю по двумъ спискамъ: XVI в.—Каз. дух. академія и XVII в.—профес. В. И. Григоровича,—и изложеніемъ сказанія въ ст. Ѳ. И. Буслаева: «Смоленская легенда о св. Меркуріи и Ростовская о св. Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ», въ его Истор. оч. Русск. нар. слов. и искусства, т. II, с. 159—164 См. также отрывки изъ житія ордынскаго царевича Петра у Макарія, Ист. Русск. Церкви, т. IV, кн. 1-я прилож. № XVII.

(**) См. Филарета: житія Русскихъ святыхъ, мѣсяць іюнь стр. 52—53.

Такимъ образомъ, православіе, путемъ распространенія монастырей и обращенія въ Христіанство инородцевъ, раздвигало все шире и шире предѣлы Великорусскаго племени, давало этому племени все болѣе и болѣе силы и крѣпости.

Рядомъ съ такимъ полнымъ вліяніемъ Христіанства мы встрѣчаемъ явленіе совершенно обратное: обращенія изъ Христіанства въ магометанство. Явленіе это, впрочемъ, какъ кажется, было очень исключительнымъ и не обыденнымъ, потому то оно и было занесено въ лѣтопись. Во время поголовнаго восстанія городовъ Ростовскаго княжества противъ „злыхъ бесерменъ“ татарскихъ въ 1262 году, былъ убитъ въ Ярославлѣ монахъ Засима, принявшій магометанство. Лѣтописецъ отзывается о немъ весьма рѣзко: „Засима преступникъ—мнихъ образомъ точію, сотонѣ же сосудъ. Бѣ бо пѣнница и студословецъ и празднословецъ и кошунникъ.“ Тѣло его было брошено на съѣденіе собакамъ^(*).

При разсмотрѣніи вновь основываемыхъ монастырей мы достаточно познакомились съ преобладающимъ направленіемъ Христіанства въ предѣлахъ Ростовскаго княжества. Это направленіе было — пустынножительство, простилавшее изъ аскетическаго стремленія подвижниковъ въ удаленію отъ міра и отъ людей и приводившее, помимо воли этихъ подвижниковъ, въ большему и большему притоку къ нимъ тѣхъ самыхъ людей, отъ которыхъ они убѣгали, въ большему и большему заселенію страны. Рядомъ съ этимъ аскетическимъ направленіемъ въ религіозномъ сознаніи тогдашнихъ благочестивыхъ людей развиваются еще два направленія: *Христа-ради юродствующее* и *миссіонерское*. Первое направленіе проявилось въ первый разъ на Руси въ Ростовскомъ городѣ Устюгѣ-Великомъ въ лицѣ Прокопія Устюжскаго^(**), второе произошло изъ того же Устюга. Представителемъ его былъ просвѣтитель Зырянъ, святой Стефанъ Великопермскій. Послѣдователемъ Прокопія Устюжскаго въ юродствѣ былъ Ростовскій святой, жившій въ концѣ XV в., Исидоръ—признанный *Твердиславо*мъ. Онъ былъ родомъ отъ западныхъ странъ „отъ латинскаго языка“, также

(*) П. С. Л. I, 204 и VII, 163.

(**) См. Филарета; Русскіе святые, мѣс. июнь, с. 51—60.

кавъ и Провопій Устюжскій. Изъ чудесъ св. Исидора самое замѣчательное есть чудо, случившееся при его жизни. Одинъ Ростовскій купецъ ѿкалъ на корабль съ товарами по морю „куплю творити.“ Корабль внезапно остановился и его начало разбивать волнами. Всѣ ждали уже смерти, но корабельщики, по старинному народному повѣрью объ умилостивленіи подводнаго божества, рѣшили кинуть жребій, чтобы узнать по чьей винѣ остановился корабль; жребій палъ на купца. Его немедленно посадили на доску и бросили въ море. Корабль двинулся съ мѣста, а купецъ беспомощно боролся съ волнами и сталъ наконецъ тонуть. Тогда предсталъ передъ нимъ св. Исидоръ и спасъ его; онъ посадилъ его на доску и скоро причалилъ доску къ кораблю⁽⁷⁷⁾. Будучи самъ до своего юродства купцомъ, св. Исидоръ является покровителемъ купцовъ и спасителемъ ихъ отъ напасти.

Св. Стефанъ родился въ Устюгѣ-Великомъ послѣ 1330 года. Отецъ его Симеонъ Храпъ былъ причетникомъ соборной Устюжской церкви. Стефанъ „быстропамятенъ сущій“; по выраженію одного его житія, очень легко и скоро постигъ грамоту и черезъ годъ послѣ начала ученія былъ уже канонархомъ соборной церкви въ Устюгѣ. Около 1365 года онъ поступилъ въ Григорьевскій Ростовскій монастырь для большаго наученія. Здѣсь онъ обучился греческому языку и принялся за переводъ богослужебныхъ книгъ съ греческаго и славянскаго языковъ на зырянскій, который онъ зналъ еще въ Устюгѣ. Цриготовившись надлежащимъ образомъ къ великому дѣлу христіанской проповѣди, Стефанъ, въ 1378 году, былъ посвященъ въ Москвѣ въ іеромонахи и оттуда, снабженный охранными грамотами Коломенскаго епископа Герасима, временно управлявшаго митрополіей,—отправился въ Пермскую землю проповѣдывать Зырянамъ евангеліе⁽⁷⁸⁾.

⁽⁷⁷⁾ См. Миней XVI в. рукоп. Казанской духовн. акад. № 514 л. 424 об. и 425.—О времени, когда жилъ св. Исидоръ см. у Филарета Обл. Русск. духовн. литерат., Уч. Зап. II отд. Акад. н., III, 148.—Чудо св. Исидора весьма схоже съ эпизодомъ изъ быяны о Садкѣ, купцѣ Новгородскомъ. (См. Костомарова: «Сѣв.-Русск. народпр. II, 246).

⁽⁷⁸⁾ О св. Стефанѣ см. въ житіи его по списку Синодальной рукописи XVI в., навѣч. въ Пам. стар. Русск. литер., III, стр 120—122, въ Воскресенской лѣтописи (П. С. Л. VIII, 69), въ Исторіи Русск. церкви преев.

Современникъ Стефана Великопермскаго, св. Сергій Радонежскій, общественная дѣятельность котораго принадлежитъ Московскому князеству и имѣеть важное значеніе въ исторіи Россіи вообще, былъ также уроженцемъ Ростовскаго княжества⁽⁷⁹⁾. Троицкій монастырь, имъ основанный, сталъ, какъ мы видѣли выше, митрополіей большаго числа монастырей и слава „великаго чудотворца“ Сергія облетѣла всю Велико-россію, закрѣпляя за нимъ то великое значеніе на сѣверо-востоку, которое получили на югѣ основатели Кіевопечерской лавры, св. св. Антоній и Феодосій. Ростовское княжество, такимъ образомъ, теряя свою политическую самостоятельность, подчиняясь въ политическомъ отношеніи усиливающейся Москвѣ, все болѣе и болѣе получало значенія въ смыслѣ расадника христіанскаго просвѣщенія. Потому то Ростовская епархія имѣла такое высокое значеніе не только въ глазахъ современниковъ, но и въ позднѣйшую эпоху.

Монастыри въ сѣверо-восточной Руси, какъ извѣстно, владѣли большими земельными участками съ населенными селами и деревнями. Эти участки отдавались въ монастыри благочестивыми предками нашими на поминъ души, послѣ ихъ смерти или же при жизни, въ видѣ дара и велада въ монастырь. Великіе и удѣльные князья, по своему общественному положенію, стояли во главѣ благочестивыхъ жертвователей въ монастыри. Границы монастырскихъ поземельныхъ владѣній въ жалованныхъ грамотахъ князей опредѣлялись такъ: „до того мѣста, гдѣ топоръ и коса ходила“. Владѣя многочисленными земельными вотчинами, монастыри имѣютъ большое значеніе въ пробужденіи и развитіи хозяйственно-промышленной и экономической дѣятельности нашего сѣверо-востока. Кромѣ пожертвованій въ монастыри населенныхъ земель, князья давали монастырямъ разнаго рода льготы относительно суда княжаго и разныхъ пошлинъ платимыхъ ими въ княжюю казну, иногда совсѣмъ освобождая ихъ отъ этихъ пошлинъ. Изъ дошедшихъ до насъ льготныхъ грамотъ монастырямъ Ростовскаго княжества, са-

Макарія, т. IV, кн. I, прилож. № XVIII и въ изслѣдованіи П. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, первоверховній Пермскій», Учен. Зап. Казанскаго Унив. 1868 г., т. IV, с. 32—38.

⁽⁷⁹⁾ О св. Сергій Радонежскомъ см.: у Макарія, Ист. Русск. церкви, т. IV, кн. 1-я, прилож. № № XIX и XX, и у Филарета: Русскіе святые, мѣс. сентябрь с. 125.

мая древняя, сколько намъ извѣстно, есть льготная грамота Ярославскому Спасскому монастырю Ярославскаго князя Василія Давидовича. Въ этой грамотѣ Василій Давидовичъ, ссылаясь на примѣръ дѣда своего Феодора Ростиславича чернаго, назначаетъ монастырскимъ людямъ жалованье по два рубля въ годъ, освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ и пошлинъ и затѣмъ, опредѣляетъ порядоки суда игуменскаго и суда смѣстнаго при (**). Изъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Археографической комиссіи: Актахъ Археографической Экспедиціи, Актахъ историческихъ и Дополненіяхъ къ нимъ помѣщено довольно много жалованныхъ грамотъ князей Ростовскихъ удѣловъ мѣстнымъ монастырямъ. Самая древняя изъ этихъ грамотъ, большинство которыхъ относится въ XV в., есть льготная грамота конца XIV ст. в. вн. Дмитрія Іоанновича Троицкому-Сергіеву монастырю объ освобожденіи вотчинъ этого монастыря отъ пошлинъ и повинностей, монастырскихъ людей отъ княжскаго суда въ татьбахъ и разбояхъ (*').

Троицкій монастырь св. Сергія Радонежскаго является съ самаго своего основанія главнѣйшей святыней земли Ростовско-Суздальской, и поэтому ему жалуются князьями и землей и льготъ гораздо больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ монастырямъ этой земли. Угличскій князь Владиміръ Андреевичъ даетъ въ 1414 году Троицкому монастырю льготную грамоту, которой онъ опредѣляетъ сроки для хлѣбнаго оброка съ крестьянъ принадлежащаго монастырю селенія Удинскаго съ деревнями, находящагося близъ Углича-Поля, и освобождаетъ отъ всѣхъ пошлинъ новопришлыхъ людей изъ другихъ княженій, которые поселятся на земляхъ этого селенія (**). Изъ жалованной грамоты Угличскаго князя Дмитрія Юрьевича Троицкому-Сергіеву монастырю отъ 1434 года видно, что монастырь этотъ владѣлъ въ Угличскомъ княжествѣ уже не однимъ селеніемъ Удинскимъ съ деревнями, а тремя селами съ принадлежащими къ нимъ деревнями, тремя отдѣльными деревнями и нѣсколькими пустошами (**). Изъ грамоты того же князя 1440 г. видно, что Троицкій мона-

(**) Карамзинъ: Ист. Гос. Рос. IV, прим. 328.

(*) А. А. Э. I, № 7.

(**) Ibid. № 19.

(**) Ibid. № 27.

стырь владѣлъ селомъ Присѣвниѣ въ Бѣжецкомъ-Верхѣ (**). Во 2-й половинѣ XV в. Троице-Сергіевъ монастырь не довольствовался даренными селами и землями, а покупалъ ихъ. Такъ онъ купилъ въ Угличскомъ княжествѣ деревню Татаринскую съ землями у боярина Филиппа Васильевича Нивитина съ братьями (**). Изъ жалованной грамоты вел. кн. Василія Васильевича Троице-Сергіеву монастырю отъ 1453 года видно, что земельныя владѣнія этого монастыря въ Угличскомъ княжествѣ были очень обширны и что, кромѣ пожалованья князьями и покупкою, отказывались монастырю населенныя земли и частными лицами (**).

Изъ грамоты того же вел. князя отъ 1453 г. узнаемъ, что Троице-Сергіевскій монастырь владѣлъ земельными имѣніями и въ Ростовскомъ княжествѣ, отданными въ монастырь вдовою нѣкоего Владиміра Андреевича Взворыбина, на поминъ ея мужа (**). Троицкому монастырю принадлежали также солянныя варницы близъ Галича (***) и заселенныя земли по Шекснѣ (**).

Послѣ Троице-Сергіевскаго монастыря, первое мѣсто по количеству земельныя владѣнія занимаетъ монастырь Кирилло-Бѣлоозерскій. Мы замѣтили уже выше о жалованныхъ ему грамотахъ Бѣлоозерскаго князя Михаила Андреевича (**). Кромѣ этихъ грамотъ, въ Актахъ Археографической Экспедиціи находится грамота Кириллову монастырю вел. кн. Василія Васильевича объ освобожденіи призванныхъ въ село Ивановское людей отъ князей дани (**).

Спасокаменный монастырь владѣлъ большимъ количествомъ земель. Изъ восьми жалованныхъ грамотъ этому монастырю одна относится въ послѣднимъ годамъ княженія Василія Васильевича; всѣ же остальные принадлежать въ

(**) Ibid. № 37.

(**) См. жалованную грамоту Угличскаго князя Андрея Васильевича въ «Актахъ Историческихъ», т. I, № 74.

(**) А. А. Э. I, № 56.

(**) Ibid. № 51.

(**) Ibid. № 52.

(**) Ibid. № 38.

(**) См. выше IV-ю гл. наш. отч. стр. 179.

(**) А. А. Э. I, № 60.

эпохѣ Іоанна III-го (**). Чухломскому Покровскому монастырю были пожалованы вел. кн. Васи́ліемъ Васи́льевичемъ земли въ Усольской волости и солянныя варницы близъ Чухломы (**). Толгскому монастырю близъ Ярославля Ярославскій князь Теодоръ Теодоровичъ пожаловалъ около 1400 года деревню Кукольцыно (**).

Самостоятельность Ростовской епископіи совпадаетъ съ началомъ политической автономіи Ростовскаго княжества при Константи́нѣ Всеволодовичѣ, въ началѣ XIII в. Первымъ отдѣльнымъ епископомъ Ростовскимъ является Пахомій, изъ игуменовъ, какъ говоритъ лѣтопись, св. Петра (по всей вѣроятности Ярославскаго Петропавловскаго монастыря), бывшій духовникъ Константина Всеволодовича. Въ 1214 году князь послалъ его въ Кіевъ для рукоположенія въ епископы, а въ 1215 г. Пахомій вошелъ въ свою Ростовскую епископію. По словамъ лѣтописи, Пахомій былъ „блаженный епископъ, избранникъ Божій, а не наемникъ“. Лаврентьевскій лѣтописецъ передаетъ такую его характеристику: „Пахомій былъ агнецъ, а не волкъ, не хищничалъ изъ чужихъ домовъ богатства, и не собиралъ его, и не хвалился богатствомъ а, напротивъ, обличалъ грабителей и мздоимцевъ, подражая Іоанну Златоусту; пребывалъ въ постоянныхъ трудахъ и заботился о сиротахъ и вдовицахъ; былъ очень милостивъ къ убогимъ, вротокъ и исполненъ книжнаго ученья“ (**).

Списокъ преемниковъ Пахомія помѣщенъ въ Воскресенской лѣтописи. Они перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: Симонъ, Кириакъ, Митрофанъ, Кириллъ, другой Кириллъ, Тарасій, Игнатій, Симеонъ, Прохоръ, Антоній, Іаковъ, Іоаннъ, Парфеній, Арсеній князь, Матѣй гречинъ, архіепископъ Теодоръ и Григорій, Діонисій, Теодосій, Ефремъ, Трифонъ, Вассіанъ рыло, Іоасафъ Оболенскій, Тихонъ (**).

(**) Дополн. Акт. Ист. I, № № 10, 14, 15, 16, 17, 18, 20 и 21.

(**) Ак. Ист. I, № 49.

(**) А. А. Э. I, № 15.

(**) П. С. Л., I, 185 и 176.

(**) Ibid. VIII, 69. Каталогъ Ростовскихъ епископовъ начинается съ Теодора; св. Леонтія поставленъ 7-мъ епископомъ. Отъ Леонтія до Пахомія включительно 8 епископовъ. Всего въ каталогъ перечислено 42 епископа.

Мы остановимся на самых замѣчательныхъ личностяхъ изъ этихъ преемниковъ Пахомія.

Кирилль I-й, изъ монаховъ Суздальскаго Дмитріева монастыря, былъ епископомъ съ 1216 года. „Кирилль былъ очень богатъ кунами и сѣлами, и всѣмъ товаромъ, и книгами; такъ былъ богатъ, какъ ни одинъ епископъ въ Суздальской области,“—говоритъ о немъ Лаврентьевская лѣтопись (*). Въ 1229 году онъ оставилъ епископскую кафедру и принялъ въ своемъ Суздальскомъ Дмитріевскомъ монастырѣ схиму, назвавшись Кириакомъ. Причина схимничества Кирилла заключается въ нравственномъ потрясеніи, постигшемъ его отъ потери всего богатства, которое было отнято у него по суду великаго князя Владимірскаго Ярослава Всеволодовича; это такъ разстроило Кирилла, что онъ заболѣлъ. Лѣтописецъ сравниваетъ его съ Іовомъ, а отобраніе имѣнія у епископа называетъ „искушеніемъ“ (**).

Преемникъ I-го Кирилла, Кирилль II-й былъ особенно замѣчательнымъ епископомъ Ростовскимъ. О немъ лѣтописцы разсказываютъ особенно много, а подробное сказаніе о немъ, помѣщенное въ Лаврентьевской лѣтописи, всего болѣе говоритъ о томъ вліяніи, какое оказывалъ Кирилль на современниковъ. Кирилль, будучи еще архимандритомъ во Владимірскомъ Ростовскомъ монастырѣ и духовнымъ отцемъ Ростовскаго князя Василька, по всей вѣроятности, пользовался большимъ почетомъ и извѣстностью, п. ч. въ 1230 году, немедленно послѣ смерти схимника Кириака, князя Ростовскій—Василько, Ярославскій—Всеволодъ и Белоозерскій—Владимір, послали

Сравнивая этотъ каталогъ съ извѣстіями о Ростовскихъ архіереяхъ болѣе ранней лѣтописи Лаврентьевской, прерывающейся на исходѣ XIV в.,—мы находимъ въ немъ большія неувѣрности. Такъ на примѣръ, Леонтій былъ первымъ исторически-достовернымъ епископомъ въ Ростовѣ, между тѣмъ какъ въ каталогѣ Воскресенской лѣтописи онъ поставленъ 7-мъ. Порядокъ епископовъ Ростовскихъ отъ св. Леонтія до Пахомія также перепутанъ. Такую же путаницу находимъ мы относительно позднѣйшихъ епископовъ Ростовскихъ XV в. до Тихона включительно (Тихонъ оставилъ епархію въ 1503 году). См. Гр. Толстаго: Др. свят. Рост.-Вел. стр. 74.—Другой каталогъ Ростовскихъ архіереевъ находится въ IV-й Новгородской лѣтописи (П. С. Л. IV, 62). Онъ сходенъ съ Воскресенскимъ.

(*) П. С. Л., I, 186 и 192.

(**) Ibid., 192.

къ дядѣ своему, великому князю Владимірскому и епископу Митрофану просить Кирилла въ епископы Ростову. Когда дозволеніе архимандриту Кириллу отъ великаго князя и епископа было дано и Кириллъ ѣхалъ въ Ростовъ, то навстрѣчу ему, за предѣлы города, вышли князь Василько Константиновичъ съ княгинею, бояре и всѣ „мужи“ Ростовскіе, игумены Ростовскихъ монастырей, священники и клирики соборной Успенской церкви и вообще всѣ граждане отъ мала до велика и ввели Кирилла съ великою честью въ соборную церковь⁽⁹⁹⁾. Въ слѣдующемъ 1231 г. архимандритъ Кириллъ былъ отправленъ Ростовскимъ княземъ на посвященіе въ епископы въ Кіевскому митрополиту Кириллу. Составитель „сказанія о епископѣ Кириллѣ“ передаетъ подробно посвященіе его въ Кіевѣ. По словамъ сказанія, Кіевскій князь Владиміръ Рюриковичъ устроилъ по случаю посвященія Кирилла большой пиръ, на который съѣхались сосѣдніе князья; „многое множество людей *преизлиха злы*“ было на этомъ праздникѣ, такъ что нельзя было всѣхъ перечестъ. Отпущенный Кіевскимъ митрополитомъ съ великою честью, епископъ Кириллъ былъ торжественно встрѣченъ въ Ростовѣ княземъ, боярами, духовенствомъ и народомъ уже какъ излюбленный ихъ епископъ,—„и бысть радость велика во градѣ Ростовѣ“, прибавляетъ составитель „сказанія“⁽¹⁰⁰⁾.

Епископъ Кириллъ былъ знаменитый проповѣдникъ. Это рѣдкое явленіе въ сѣверо-восточной Руси, по новизнѣ своей, привлекало множество благочестивыхъ людей въ Ростовскій Успенскій соборъ не только изъ мѣстныхъ городскихъ жителей, но и изъ другихъ, ближайшихъ, городовъ. Приходили не только князья и вельможи, но и простые люди: и священники, и игумены, и монахи—всѣ приходили слушать „ученіе Кирилла отъ святыхъ книгъ“ и удивлялись „любовному ученію и тщанію честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покорствомъ слушающаго“⁽¹⁰¹⁾.

До насъ дошло нѣсколько проповѣдей Кирилла. По мнѣнію преев. Филарета, нѣкоторые изъ этихъ проповѣдей

⁽⁹⁹⁾ П. С. Л. I, 192 и 193; XV, 354.

⁽¹⁰⁰⁾ П. С. Л. I, 194 и 195.

⁽¹⁰¹⁾ Ibid. 195.

приписываются Кириллу Туровскому. Преосв. Филаретъ полагаетъ, что Кириллу Ростовскому несомнѣнно принадлежать два поученія: 1, Слово о томъ, яко забывать учителей своихъ (Рукоп. Царскаго XVI в., № 371.) 2, Слово о мытарствахъ (издано Калайдовичемъ между словами Кирилла Туровскаго стр. 92; новое изданіе въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи наукъ, IV, 178—184). Относительно же одного „слова въ недѣлю 7-ю о зборѣ св. отецъ на Арыя еретика“, принадлежащаго по языку къ XIII в., (изд. въ Ж. М. Нар. Просв. 1854 г., декабрь) преосв. Филаретъ допускаетъ только вѣроятіе о принадлежности его еп. Кириллу Ростовскому⁽¹⁰³⁾.

При Кириллѣ въ Ростовской Успенской церкви пѣли на два влроса: на одномъ по гречески, а на другомъ по-русски⁽¹⁰³⁾. Вообще Кириллъ „много добродѣтелей“ показа богохранимому граду Ростову“⁽¹⁰⁴⁾. Но дѣятельность его не ограничивалась однимъ Ростовомъ, ни даже однимъ попеченіемъ о благѣ его епархіи. Кириллъ объѣзжалъ свою епархію и, въ скорбную для всей Ростовско-Суздальской земли годину нашествія на нее Татаръ въ 1237 году, хлопоталъ объ увеличеніи числа воиновъ для отпора „злымъ воровпїцамъ“⁽¹⁰⁵⁾. Когда Русь должна была склонить голову передъ татарскими ханами, то Кириллъ не только заботился о смягченіи тяжелой зависимости своей родной земли отъ Татаръ, но и ихъ самихъ старался просвѣтить свѣтомъ Христіанства. Изъ „сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ“ мы знаемъ, что Кириллъ неоднократно бывалъ въ ордѣ, и что его христіанская проповѣдь имѣла тамъ большой успѣхъ. Ханъ Берке, самъ уже начинавшій сомнѣваться въ истинности первобытной

⁽¹⁰³⁾ Филарета: «Объ. Русск. духовн. литерат.» въ Учен. Зап. II отд. Акад. н., кн III, с. 54 и 55. Гр. М. Толстой полагаетъ, что Кириллу II-му принадлежитъ ненапечатанное *Почуеніе Попомъ*, (Др. свят. Ростова-Вел., с. 70).

⁽¹⁰⁴⁾ «Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ», Правосл. Собесѣдн. 1859 г. кн. III, с. 362.

⁽¹⁰⁵⁾ П. С. Л., I, 195.

⁽¹⁰⁶⁾ Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1238 годомъ отмѣчено: «Идушу же съ Бѣлоозера блаженному епископу Кириллу, изыышу тамо ратныхъ, и приде на мѣсто идеже убиша великаго князя Юрія.. и т. д. П. С. Л., VII, 142.

религии Татаръ (106), съ радостью слушалъ рассказы епископа Кирилла о св. Леонтіи Ростовскомъ, о томъ какъ онъ водворилъ Христианство въ Ростовско-Суздальской землѣ и какія чудеса совершаются отъ его мощей, а также и поученія отъ „евангельскихъ указаній“. Значеніе Кирилла въ ордѣ усилилось еще больше послѣ того какъ онъ изцѣлилъ больнаго хана Берке. Разсказанное нами выше преданіе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, всего лучше характеризуетъ силу значенія Кирилла въ ордѣ. Замѣчательно то обстоятельство, что ханъ Берке не дѣлалъ никакихъ разслѣдованій о побѣгѣ своего племянника изъ орды, тѣмъ менѣе не предпринималъ никакого угрожающаго похода на Ростовское княжество. Весьма вѣроятно, что Петръ ушелъ въ Ростовъ и крестился тамъ съ вѣдою Берке (107). Кириллъ умеръ въ 1262 года, управлявъ епархією Ростовскою слишкомъ тридцать лѣтъ.

О преемникѣ Кирилла II-го св. Игнатіи (1262—1288) лѣтопись передаетъ весьма немного. Мы знаемъ только, что онъ до епископства былъ архимандритомъ Аврааміева Богоявленскаго монастыря въ Ростовѣ, что, будучи епископомъ, дважды ходилъ въ орду „за причетъ церковный“, и что Кириллъ, митрополитъ Кіевскій, по оклеветаніи ему Игнатія, разгнѣвался на Ростовскаго епископа, но разсмотрѣвъ дѣло „паки благослови его,“ (108). Причина гнѣва митрополита заключалась въ поступкѣ Игнатія съ тѣломъ князя Глѣба Васильковича Ростовскаго. Игнатій, похоронивши князя Глѣба съ честію въ Успенскомъ соборѣ, черезъ девять недѣль велѣлъ выбросить тѣло Глѣба съ позоромъ въ самую полночь и просто закопать его въ землю въ Спасскомъ женскомъ монастырѣ. Почему поступилъ такъ Игнатій—неизвѣстно (109). Игнатій, какъ мы

(106) Правосл. Собесѣдн. 1859 г., кн. III, стр. 362.

(107) См. Сказаніе о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, Правосл. Собес. 1859, Ibid.

(108) П. С. Л. I, 226, 227.

(109) П. С. Л. VII, 174. Карамзинъ (Ист., т. IV, прим. 179) думаетъ, что Игнатій предалъ тѣло Глѣба Васильковича поруганію потому, что тотъ при жизни своей ревностно служилъ Татарамъ, а Гр. М. Толстой (Др. свят. Ростова-Вел. стр. 14, въ примѣчаніи) объясняетъ этотъ поступокъ Игнатія угодиливостью его передъ сыновьями Бориса Васильковича, отгнавшими въ то время волости у сына Глѣбова Михаила

видѣли въ повѣсти о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ, былъ весьма близокъ къ князю Ростовскому Борису Васильевичу и пользовался большимъ значеніемъ въ Ростовѣ⁽¹¹⁰⁾.

Ростовская епископія возведена въ 1390 году на степень архіепископіи. Первымъ архіепископомъ Ростовскимъ былъ св. Феодоръ, племянникъ св. Сергія Радонежскаго, основатель и первый архимандритъ Московскаго Симонова монастыря. Съ его времени исторія Ростовской Іерархіи сливается съ исторіею Московской митрополіи и затѣмъ съ исторіею Московскаго государства⁽¹¹¹⁾.

Въ XIII в., въ княженіе Константина Всеволодовича и сына его Василья Константиновича, въ Ростовѣ усиливается самостоятельная книжная письменность.

Татищевъ, ссылаясь на потерянную теперь лѣтопись Симона, говоритъ, что Константинъ Всеволодовичъ наученъ былъ многимъ наукамъ, имѣлъ при себѣ ученыхъ людей, которые переводили для него книги на русскій языкъ. Для книгъ онъ не жалѣлъ издержекъ и покупалъ многія изъ нихъ за дорогую цѣну; въ его библиотекѣ однѣхъ греческихъ книгъ было болѣе тысячи, которыя частію были куплены имъ самимъ, частію получены въ даръ отъ патріарховъ, слышавшихъ о его мудрости. Константинъ собиралъ и описывалъ дѣла древнихъ князей, при помощи ученыхъ сотрудниковъ⁽¹¹²⁾.

Мы видѣли выше,⁽¹¹³⁾ что и Лаврентьевскій лѣтописецъ отзывался съ похвалою о книжности Константина, о томъ, что этотъ князь любилъ читать книги „съ прилежаніемъ“, дѣлая все „по писанному“. Что же касается до лѣтописи, составленной въ Ростовѣ, то существованіе ея въ настоящее время вполне доказано. Она не дошла только до насъ въ

⁽¹¹⁰⁾ См. выше, стр. №№. Житіе св. Игнатія, составленное долго спустя послѣ его кончины (когда именно—намъ неизвѣстно), является въ позднѣйшихъ рукописяхъ. См. Минею XVI в. Рукоп. библ. Каз. Дух. Акад. № 514, л. 971 об.—973 и рукоп. сборникъ той же библ. № 229. Житіе преподобнаго, говоритъ составитель его, не предано бытъ писанію и доселѣ.

⁽¹¹¹⁾ Гр. Толстаго: Др. свят. Ростова-Вел., с. 72—80.

⁽¹¹²⁾ Татищева: Ист. Россіи, III. 416 и прилѣч. 601 и 602.

⁽¹¹³⁾ См. IV-ю главу нашихъ очерковъ стр. 160.

первоначальномъ составѣ, какъ не дошла ни одна изъ мѣстныхъ лѣтописей. Извѣстно, что всѣ лѣтописи, до насъ дошедшія, суть своды, лѣтописныя компіляціи, составители которыхъ пользовались первоначальными мѣстными лѣтописцами. Въ этихъ сводахъ замѣчаются остатки Ростовскаго лѣтописца, который весьма легко могъ быть составленъ, если не самимъ Константиномъ Всеволодовичемъ, то вѣмъ нибудь изъ его сторонниковъ, и затѣмъ продолжался при сынѣ его Васильѣ.

Ростовская лѣтопись велась и до Константина: епископъ Владимірскій Симонъ, въ посланіи своемъ къ печерскому монаху Поливарну, упоминаетъ о „старомъ лѣтописцѣ Ростовскомъ“ (114). Она продолжалась и при потомкахъ Василья Константиновича въ XIV и XV вѣкахъ, какъ мы видѣли выше (115).

Ростовскій лѣтописецъ нигдѣ не называетъ себя по имени, но изъ многихъ мѣстъ можно заключить, что записыванье ростовскихъ событій велось современникомъ. Такъ подъ 1160 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи говорится, что сгорѣла Успенская Ростовская церковь, „дивная и великая“, „якоже не было, ни будетъ“ (116). Въ той же лѣтописи подъ 1231 годомъ, при описаніи украшеній во вновь выстроенной Успенской церкви епископомъ Кирилломъ II, лѣтописецъ говоритъ: „бысть убо украшенье ея чудно зѣло, якоже не бысть о прежившихъ епископѣхъ, а по немъ Богъ въ или будетъ“ и далѣе: „много бо попеченье створи о церкви св. Богородица, ... еже есть и до сего дне“ (117). Подъ тѣмъ же годомъ въ той же лѣтописи, тоже лице говоритъ: „любовному ученью же тщанью дивися сего честнаго святителя Кирилла, съ страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ написанья собѣ одахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати“ (118). Начиная съ Константина Все-

(114) Памятн. Росс. Словесн. XII в., изд. К. Кагайдовичемъ. М. 1821, стр. 256.

(115) См. IV-ю главу нашихъ очерковъ, стр. 162 и примѣч. 25 е и стр. 169. 170.

(116) П. С. Л. I. 150.

(117) Ibid. 195.

(118) Ibid.

володовича, летопись Ростовская постоянно восхваляет его и его потомство. Приведенные нами выше подлинныя мѣста летописныхъ отрывковъ о Константинѣ Всеволодовичѣ ясно показываютъ, что такъ писать могъ только его современникъ⁽¹¹⁹⁾. Всего полнѣе и подробнѣе Ростовскій летописецъ описываетъ время съ 1205 до 1237 года, т. е. время Константина Всеволодовича и сына его Василька.

Ростовская летопись по частямъ дошла до насъ въ слѣдующихъ летописныхъ сборникахъ: въ Лаврентьевскомъ, писанномъ для великаго князя Дмитрія Константиновича Суздальскаго въ 1377 году, въ Троицкомъ, писанномъ въ XV в., по всей вѣроятности въ Троицко-Сергиевой лаврѣ, въ Ипатьевскомъ, изданномъ археографической комиссией по рукописи конца XIV, или начала XV в.—въ двухъ сводахъ XVI-го вѣка: Воскресенскомъ и Тверскомъ и въ летописныхъ сводахъ XVII в., извѣстныхъ подъ именами Ростовской и Нивоновской летописи⁽¹²¹⁾.

Части Ростовской летописи, сохранившіяся въ этихъ сборникахъ, могутъ быть раздѣлены на *два группы*: краткихъ погодныхъ замѣтокъ и отдѣльныхъ сказаній. Краткія погодныя замѣтки сводятся къ слѣдующимъ пяти категориямъ: 1) извѣстія о князьяхъ Ростовскихъ, начиная съ сыновей

⁽¹¹⁹⁾ См IV гл. наш. очерковъ, стр. 152—160.

⁽¹²⁰⁾ П. С. Л. I, 209 и предисл., стр XV.

⁽¹²¹⁾ Летописный сводъ, изданный археографической комиссией подъ именемъ *Тверской летописи*, составленъ неизвестнымъ сельчаниномъ Ростовской области въ 1534 году. Онъ названъ Тверской летописью потому, что въ немъ находятся болѣе подробныя свѣденія о Тверскомъ княжествѣ, чѣмъ въ другихъ летописныхъ сборникахъ.

Ростовскій летописецъ принадлежитъ къ разряду т. наз. Воскресенской редакціи Московскихъ сводовъ. Онъ составленъ во второй половинѣ XVII в. и представляетъ собою позднѣйшую переработку Воскресенской летописи. Единственный его списокъ начала XVIII в., принадлежавшій князю С. Д. Кантемиру, а потомъ Н. Н. Бантышу-Каменскому, находится въ настоящее время въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ списокъ принятъ вариантомъ Воскресенской летописи при ея изданіи археографической комиссией. О Ростовскомъ летописцѣ см. въ предисловіи къ VII му тому П. С. Р. Л. с. VIII и IX, и въ книгѣ М. И. Сухомлинова «о древней Русской летописи, какъ памятникѣ литературномъ», стр. 17—21.

Василька: Бориса и Глѣба, 2) извѣстія о епископахъ, 3) замѣтки о пострѣніи церквей, 4) замѣтки о пожарахъ въ городахъ и 5) упоминанія о физическихъ явленіяхъ и народныхъ сѣдствіяхъ.

При внимательномъ изученіи погодныхъ замѣтокъ мы приходимъ къ заключенію, что это раздробленныя части нѣсколькихъ отдѣльныхъ лѣтописцевъ, именно: краткихъ княжихъ лѣтописцевъ Ростовскихъ князей и лѣтописца, быть можетъ веденнаго при Ростовской соборной Успенской церкви⁽¹²²⁾. Отдѣльныя сказанія, которыя, по тону своихъ отношеній къ князьямъ и по подробностямъ, могущимъ быть извѣстными только мѣстному жителю Ростова, суть слѣдующія: 1) Сказаніе объ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго, помѣщенное въ Тверской лѣтописи, 2) Сказаніе о Константинѣ Всеволодовичѣ, 3) Сказаніе о Липецкой битвѣ, 4) Сказаніе о князѣ Василькѣ, 5) Сказаніе объ Александрѣ Поповичѣ, 6) Сказаніе о епископѣ Кіриллѣ II-мъ⁽¹²³⁾.

⁽¹²²⁾ О князехъ Ростовскомъ лѣтописцѣ мы говорили въ IV-й главѣ (см. выше, стр. 162). Подтверженіемъ предположенія о томъ, что въ Ростовѣ существовала особая церковная лѣтопись, могутъ служить: 1) подробныя извѣстія объ Успенской Ростовской церкви. См. Воскрес. л. (П. С. Л. VI, 313—314), Тверск. (Ib. XV, 45). Лаврентьевск. (Ib. I, 150) 2) Извѣстія о первыхъ Ростовскихъ епископахъ (Русск. Времени. I, 53; Степени. кн. I, 153). 3) Списокъ Ростовскихъ епископовъ, изв. въ двухъ редакціяхъ: 1) въ Воскресенской лѣт. (П. С. Л. VII, 313—314). 2) тоже въ Воскресенской (Ibid. VIII, 69) и въ IV-й Новгородской (Ibid. IV, 102) О списокѣ Ростовскихъ епископовъ смес. наше 96 примѣч. къ наст. главѣ.

⁽¹²³⁾ Мы пользовались всѣми этими отдѣльными сказаніями въ подлежащихъ мѣстахъ нашихъ очерковъ и касались подробно ихъ литературнаго состава. См. наш. очерковъ стр. 114, примѣч. 18, стр. 152—160, стр. 188, примѣч. 12, стр. 161—162 и стр. 244, примѣч. 174. Характеристика Константина Всеволодовича (152—155) составлена нами, главнымъ образомъ, на основаніи отдѣльнаго о немъ сказанія. Это сказаніе не дошло до насъ вполне въ первоначальной своей редакціи, но, что разрозненныя части отзывовъ о Константинѣ Лаврентьевской лѣтописи составляли нѣкогда одно цѣлое—это не подлежитъ сомнѣнію. Намъ убѣждаетъ въ этомъ совпаденіе двухъ лѣтописей въ описаніи причинъ назначенія Всеволодомъ Константиномъ на княженіе въ Новгородъ и событій, бывшихъ послѣ возвращенія Константина изъ Новгорода. Эта ошибка лѣтописей очевидна изъ путаницы въ годахъ 1205, 1206 и 1207, замѣчаемыхъ въ Лаврентьевской лѣтописи. Доказательства

Кромѣ Ростова велись лѣтописи и въ другихъ городахъ Ростовскаго княжества. Г. Кисель, въ своей „Исторіи г. Углича“, говоритъ объ Угличскихъ лѣтописяхъ ⁽¹²⁴⁾. Онъ раздѣляетъ эти лѣтописи на *древнія* и *новыя*. Къ первымъ, на которыя онъ весьма часто ссылается, онъ причисляетъ двѣ лѣтописи: *Серебрянниковскую* и *Супошевскую* ⁽¹²⁵⁾. Изъ мѣстныхъ подробностей исторіи Углича г. Киселя видно, что онъ весьма усердно пользовался Угличскими лѣтописями, а изъ многихъ мѣстъ его книги можно заключить, что онъ пользовался ими съ нѣкоторыми критическими приемами, сличая свидѣтельства этихъ лѣтописей съ свидѣтельствами Нивоновской лѣтописи и разныхъ лѣтописцевъ по примѣчаніямъ въ исторіи Карамзина ⁽¹²⁶⁾. Но г. Кисель нигдѣ не говоритъ

тому слѣдующія: Во 1-хъ, подъ 1206 годомъ Лаврентьевская лѣтопись подробно рассказываетъ объ отправленіи Всеволодомъ Константиномъ Всеволодовичемъ въ Новгородъ на княженіе. Во 2-хъ, вслѣдъ за этимъ рассказомъ подъ 1205 г. помѣщены слова Всеволода Новгородца, сказанныя имъ до отправленія Константина въ Новгородъ. «Въ землѣ вашей ходитъ рать, говорилъ Всеволодъ Новгородца, а сынъ мой, а вашъ князь Святославъ малъ, а вѣду вы слыгъ мой старѣйшій князь Константинъ» (Лавр., 179). Въ 3-хъ, вслѣдъ за тѣмъ идетъ опять 1206 г. и описывается возвращеніе Константина изъ Новгорода во Владимиръ. Въ 4-хъ, далѣе подъ 1207 год. (стр. 181) говорится о томъ, что когда Ольговичи навели Половцевъ на Русскую землю, то Всеволодъ «посла по сына своего Константина въ Новгородъ» и т. д.

⁽¹²⁴⁾ Г. Кисель, учитель исторіи въ Угличскомъ уѣздномъ училищѣ, «собиралъ и съ жадностью читалъ», по его собственнымъ словамъ, «получившіе рукописи о древнихъ событіяхъ Углича». (Ист. Углича, с. 11).— Объ Угличскихъ лѣтописяхъ г. Кисель упоминаетъ на слѣд. страницахъ своей книги: 13, 18, 19, 21, 27, 33, 34, 37, 43, 50, 64, 69, 72, 77, 85, 94, 99, 104, 106, 121, 123, 125, 131, 137, 164, 179.

⁽¹²⁵⁾ Ист. Углича, стр. 18, 69, 85 и 101.

⁽¹²⁶⁾ См. напр. стр. 64. На стр. 123 г. Кисель говоритъ: «лѣтописцы Угличскіе ни слова не говорятъ объ этомъ князѣ (Василѣ Владиміровичѣ), а потому заимствуемъ о немъ изъ примѣчаній къ V т. Ист. Гос. Росс. Карамзина».— На стр. 145: «Угличскіе лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ князьяхъ, а потому подробности ихъ княженія намъ неизвѣстны» — Стр. 87: «Послѣ опустошенія Углича Татарами въ 1293 г. въ Угличѣ является пропастъ мелкихъ князей, часто сличаемыхъ другъ другомъ и пропастъ мелкихъ событій, которыя лѣтописцы упоминаютъ на столько коротко и неясно, что изъ нихъ нельзя ничего вывести. Лѣтописцы упоминаютъ за разъ нѣсколько Угличскихъ князей». — На стр. 94: «Съ 1294 по 1394,

опредѣленно къ какому именно времени принадлежать древнія Угличскія лѣтописи и каковаго они состава.

Г. Трефолевъ, Ярославскій библиоманъ и знатокъ мѣстныхъ древностей, упоминаетъ о мѣстныхъ лѣтописяхъ Ярославскихъ⁽¹²⁷⁾.

Книжная дѣятельность въ Ростовѣ въ XIII в. не ограничивалась веденіемъ одной лѣтописи. Въ библиотекѣ Троице-Сергіевой лавры хранится пергаменная рукопись „житія Нифонта“, переписаннаго, а можетъ быть и переведеннаго съ греческаго въ Ростовѣ. Въ концѣ этой рукописи находится слѣдующая приписка: „Господи помози рабомъ своимъ Іоанну и Алексію, написавшима книги сія, и гдѣ соутъ памяти, исправя чтите. Въ лѣто 6730 (1222) кончены быша книги си мѣсяца мая въ 21 день на память святаго мученика Иереміа въ градѣ Ростовѣ, при вязы при Васицѣ, при сыну Костянтиновѣ, а внуцѣ Всеволожи. Святая Госпожа Богородице, святіи апостолы, пророцы, мученицы, святый Нифонте, помозите господину Василю и мене грѣшнаго раба своего Кюрила избавите въ день судный отъ вѣчныхъ мукъ“⁽¹²⁸⁾. Судя по этой припискѣ, переписчиками этой книги были Іоаннъ и Алексій, о личности которыхъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, а Кириллъ, упоминаемый въ ней долженъ быть епископъ Рос-

на цѣляхъ 35 лѣтъ Угличъ исчезаетъ изъ Исторіи Карамзина, а Угличскіе лѣтописцы не говорятъ ничего дѣльнаго объ этомъ времени. — Г. Шевыревъ считаетъ «Исторію г. Углича» г. Киселя книгою вполне ученою. (См. поѣздку въ Кирилло-Бѣлоозерскій монаст., II, с. 126).

⁽¹²⁷⁾ Е. Трефолева. Ст. «о Туговой горѣ». Ярослава. Губ. вѣд. 1848, № 49.—Въ Тотмѣ около 1847 г. Н... іій нашелъ старинную рукопись подъ заглавіемъ: «Русскій лѣтописецъ». Тамъ описаны происшествія отъ Рюрика до 1668 г. Изложеніе краткое до XVI в., съ XVI в. подробное; письмо рукописи начала XVIII в. Разнообразіе слога и приписки на поляхъ показываютъ, что «Русскій лѣтописецъ» есть выборка изъ нѣсколькихъ одновременныхъ лѣтописцевъ. Первая половина рукописи заключаетъ въ себѣ общезвѣстныя событія русской исторіи, но во второй половинѣ, начиная съ XIII в., встрѣчаются мѣстные замѣтки, касающ. Вологды и Ростова, и это обстоятельство указываетъ на то, «что въ Русскій лѣтописецъ», вошли мѣстныя лѣтописи Вологды и Ростова.—См. Описание Русскаго лѣтописца и извлеченія изъ него въ Яросл. губ. вѣд. 1850 г., №№ 25, 26 и 27.

⁽¹²⁸⁾ Филарета. Обз. Русск. Дух. Литературы въ III кв. Учен. Зап. II отд. Акад. Н., стр. 53.

товскій Кириллъ 1-й, который, какъ мы видѣли выше, имѣлъ много книгъ ⁽¹²⁰⁾. Кромѣ этого житія въ Ростовѣ переведена была Діоптра, списокъ которой хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ ⁽¹²¹⁾.

Константинъ Всеволодовичъ, по словамъ Татищева, основалъ училище при княземъ дворѣ во Владимірѣ ⁽¹²²⁾. Въ Ярославѣ при Спасскомъ монастырѣ было также училище, по преданію, основанное имъ же, изъ котораго онъ бралъ учителей для другихъ училищъ ⁽¹²³⁾. Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ объ училищахъ въ Ростовѣ, но приведенные нами факты о развитіи книжной письменности въ Ростовѣ указываютъ на то, что образованность въ Ростовѣ была распространена въ XIII—XIV вѣкахъ довольно сильно. Еще болѣе говорятъ въ подтвержденіе распространенія тамъ образованности въ разсматриваемое время свидѣтельства сказанія о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ и житія св. Стефана Велико-Пермскаго. Изъ перваго мы узнаемъ, что въ XIII в. въ соборной Ростовской церкви пѣли на правомъ клиросѣ по русски, а на лѣвомъ по гречески ⁽¹²⁴⁾, а изъ втораго, что Стефанъ научился по гречески въ Ростовскомъ Григорьевскомъ монастырѣ ⁽¹²⁵⁾.

Промышленность Ростовскаго княжества, обусловливаясь природными условіями края, почва котораго отличалась неплодородіемъ, лѣсностью и обиліемъ водъ: рѣкъ, рѣчекъ и озеръ—распадалась на слѣдующіе виды: звѣроловство, рыбо-

⁽¹²⁰⁾ Пр. Филаретъ полагаетъ, что Кириллъ, упоминаемый въ припискѣ, есть Кириллъ 2-й, епископъ Ростовскій. (*Ibid.*) Но въ годъ, выставленный въ припискѣ, епископомъ въ Ростовѣ былъ 1-й Кириллъ, а не 2-й (См. выше, нашихъ очерковъ стр. 225) — Подробное изложеніе житія Нифонта и критическую его оцѣнку см. у Н. И. Костомарова въ статьѣ: Мистическая повѣсть о Нифонтѣ, въ I т. его Мнографій, с. 291—325.

⁽¹²¹⁾ Костомарова *Мнографіи* т. I. 294.

⁽¹²²⁾ Татищева: *Ист. Россіи*, III, с. 382.

⁽¹²³⁾ «Хронологич. оч. истор. событ. въ г. Ярославѣ, отъ осн. оваго до вступл. Яросл. княж. въ сост. госуд. Россійскаго». — Яр. губ. вѣд. 1843; № 5.

⁽¹²⁴⁾ *Правосл. Собес.* 1859 г. кн. III, стр. 362.

⁽¹²⁵⁾ П. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, еп. Великопермскій». *Уч. Зап. Каз. Унив.* 1868. т. IV, стр. 36.

ловство, огородничество, солевареніе, добываніе желѣза. Земледѣліе не было развито и главными его представителями были: разведеніе льна и хмѣля. Ленъ и хмѣль вывозились въ Новгородскую область⁽¹³⁵⁾.

Звѣроловство особенно процвѣтало въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ княжества: у Бѣлозера, въ Заозерьѣ и въ Костромской сторонѣ, гдѣ было болѣе большихъ лѣсовъ. Житія всѣхъ подвижниковъ—колонизаторовъ этихъ окраинъ наполнены извѣстіями о дивныхъ звѣряхъ, жившихъ въ этихъ лѣсахъ. Близъ Ярославля и Углича водились бобры⁽¹³⁶⁾. Рыболовствомъ, кромѣ Волги и ея притоковъ, особенно славилось Ростовское озеро. Село Порѣчье, близъ Ростова, издавна называлось *рыбнымъ* и въ XVII в. было дворцовымъ *ловецкимъ* селомъ⁽¹³⁷⁾. Ростовское озеро неразрывно связывалось въ народномъ представленіи съ изобиліемъ рыбы, что, между прочимъ, видно изъ позднѣйшей народной сатиры на московскіе приказные порядки и сутяжничество, о Ершѣ Щетинниковѣ⁽¹³⁸⁾. Огородничество также издавна было самымъ распространеннымъ промысломъ у Ростовцевъ⁽¹³⁹⁾. Относительно солеваренія въ предѣлахъ Ростовскаго княжества мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства источниковъ. Имя города Костромскаго княжества—Соль-Великая (теперешн. посадъ Большая Соль), упоминаемое въ лѣтописи еще въ началѣ XIII в., ясно указываетъ на развитіе тамъ солянаго промысла⁽¹⁴⁰⁾. На то же близъ Ростова указываетъ названіе Варницкимъ, монастыря

⁽¹³⁵⁾ Собр. госуд. гр. и договор. т. I. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8.

⁽¹³⁶⁾ Ист. Росс. Іерархіи, VI. 229. А. А. Э. I, № 43.

⁽¹³⁷⁾ См.: «Порѣчье Рыбное», Яросл. губ. вѣд. 1848, № 43.

⁽¹³⁸⁾ А. Н. Аванасьева: Русск. народн. сказки, в. III, с. 61; в. IV, с. 94—105.

⁽¹³⁹⁾ См. брошюры: 1) А. Ушакова: «Очеркъ характера Ростовской сборной ярмарки и промышленности Ростовскаго уѣзда» М. 1861. 2) И. Хранилова: «Ростовскій уѣздъ и городъ Ростовъ». 3) *Ею же* статью: «Огородничество въ Ростовскомъ уѣздѣ». С. О. 1852, № 4. 4) П. Островскаго: «Сельско-хоз. и статистическое описаніе Ростовскаго, Угличскаго и Романово-Борисоглѣбскаго уѣздовъ».

⁽¹⁴⁰⁾ См. брошюру описани. Е. Лаговскаго: «Описаніе Большихъ Солей, посада Костромск. губ.» Кострома 1861.—Спец. Крживоблодскаго: «Статистич. опис. Костромской губерніи» стр. 631.

лежавшаго недалеко отъ Ростова (¹⁴¹). Въ XV вѣкѣ Троицкому Сергіеву монастырю принадлежало три соляныхъ варницы въ Галичѣ (¹⁴²). Добываніе желѣзной руды производилось въ предѣлахъ Бѣлозерскихъ и Костромскихъ (¹⁴³).

Изъ ремеслъ были особенно развиты плотничье и каменное, что можно заключить изъ приведенныхъ нами выше данныхъ о состояніи городовъ въ Ростовскомъ княжествѣ въ XIII—XV вѣкахъ и, въ особенности, изъ лѣтописныхъ извѣстій о построеніи и украшеніи каменныхъ церквей.

Относительно торговли Ростова и другихъ городовъ этого княжества въ XIII—XV вѣкахъ мы имѣемъ весьма мало данныхъ. Извѣстно только, что Ростовская ярмарка, бывающая въ такъ наз. сборное воскресенье (начало 2-й недѣли великаго поста), восходитъ своимъ началомъ къ очень отдаленной эпохѣ. Нѣкоторые писатели относятъ начало этой ярмарки даже ко временамъ язычества (¹⁴⁴). Компиляторъ конца XVII в., дьяконъ Холопьяго монастыря близъ г. Мологи, Тимофей Каменевичъ-Рвовскій, составившій въ 1699 году книгу: „О древностяхъ Россійскаго государства“, передаетъ любопытныя подробности о торговлѣ въ г. Мологѣ въ XV вѣкѣ, которая онъ слышалъ отъ своихъ предковъ. На ярмарку въ Мологу, по его словамъ, съѣзжались купцы изъ отдаленнѣйшихъ странъ: изъ Германіи, Польши, Литвы, Греціи, Италіи и Персіи. Ярмарка продолжалась 4 мѣсяца. Предметами торговли на ней были преимущественно дорогіе, „красныя“ товары и виноградное вино (¹⁴⁵).

На Бѣлозерѣ производилась торговля „житомъ“ и „всякимъ

(¹⁴¹) См. выше, нашихъ очерковъ стр. 212.

(¹⁴²) А. А. Э. I, № 52.

(¹⁴³) Близъ Бѣлозера находился Желѣзный Устюгъ (впоследствии Устюжна-Желѣзнопольская), самое названіе котораго указываетъ на нахожденіе въ этихъ мѣстахъ желѣзной руды. На существованіе желѣзныхъ рудъ въ Костромскихъ предѣлахъ указываетъ названіе одного селенія близъ Галича: *Желѣзные Борки*. (См. Ист. Росс. Iер. IV, 116).

(¹⁴⁴) Снегиревъ. Р. прост. прайдн. III, 157. Незвѣстный авторъ статьи: «Извѣстія о Ростовск. ярмаркѣ». — Ж. М. Вн. Д. 1829, № 3.

(¹⁴⁵) См. выписку изъ Каменевича-Рвовскаго въ ст.: «Холопій городокъ». С. О. 1818 г. № 14.

товаромъ, съ Новгородомъ и Поволжьемъ⁽¹⁴⁶⁾. Въ XIII—XV вѣкахъ велась торговля съ Новгородомъ и Смоленскомъ въ Твери и Переяславѣ⁽¹⁴⁷⁾. Весьма вѣроятно, что Ростовъ и Ярославль, соединенные воднымъ сообщеніемъ съ Переяславлемъ, участвовали въ этой торговлѣ. По незначительнымъ въ настоящее время рѣчкамъ: Которосли и Нерли могли проходить въ то время суда⁽¹⁴⁸⁾. Восточная торговля съ Болгарами Волжскими и Арабами продолжалась, хотя не рѣдко суда хлѣбныхъ торговцевъ по Волгѣ грабились Татарами⁽¹⁴⁹⁾. Въ XIV в. Русскіе торговцы являются въ землѣ Болгарской и въ золотой ордѣ⁽¹⁵⁰⁾, а въ Москву доставляются изъ Сузожа

⁽¹⁴⁶⁾ См. таможенную Бѣлозерскую грамоту 1497 г. А, А. Э. I, № 134 «въ Бѣлозерской волости Углахъ быти торгу *по старинѣ*»

⁽¹⁴⁷⁾ О торговлѣ Переяславля и Твери съ Новгородомъ и Смоленскомъ см. Троицк. лѣтоп., стр. 213, Договорн. грамоты Новгорода съ Тверскими князьями въ Собр.н. гос. гр и догов. въ 1 т. Свас. Н. И. Костомарова Сѣв.-Русск. народопр., т II, стр. 216—223 И. Д. Бѣльева Разсказы изъ Русск. Ист. т. II., Н. Я. Аристова: Промышл. древн. Руси, стр. 178 и 179.

⁽¹⁴⁸⁾ Въ 1700 году Петру Великому Ростовскіе посадскіе люди подали челобитную, въ которой жаловались, что р. Которосль застроена водяными мельницами, вслѣдствіе чего сталъ невозможенъ по этой рѣкѣ «струговой и лодочной ходъ», который бывалъ по ней *изстарм, мекомъ и вѣчно*. «*Изстарм*, писали челобитчики,—весною и лѣтомъ и въ осень изъ Ростова до Ярославля, и въ Нижній - Новгородъ, и въ иные грады былъ струговой и лодочный ходъ. Также государь и въ Ростовъ изъ Нижнева и изъ Перни, изъ Балахны и изъ Галича, изъ Костромы и изъ иныхъ городовъ струги и лодки съ хлѣбомъ, и солью, и рыбою астраханскою и съ иными со всякими товары тою рѣчкою Которослью ходили, и всякихъ чиновъ торговые люди приходили въ Ростовъ. Далѣе челобитчики упоминаютъ, какъ они подавали о томъ же челобитную царю Алексію Михайловичу, а потомъ въ 1687 году Петру и что царь Петръ велѣлъ всѣ мельницы по р. Которосли сломать, но эти мельницы до сего времени, 1700 года, не сломаны.—См. Яросл. Губ. вѣд. 1855 г., № 5—Въ приведенномъ нами выше чужѣ Исидора Твердислова говорится даже о торговлѣ Ростовскихъ купцовъ по морю, т. е. о заграничной. (См. наш. оч. стр. 220).

⁽¹⁴⁹⁾ Такъ напр., въ 1273 г. вадорожалъ въ Новгородѣ хлѣбъ и «на Костромѣ товаръ отымаша».—Никон, лѣт. по изд. акад. н., III, 57.

⁽¹⁵⁰⁾ П. С. Л. IV, 65; V, 230; VIII, 14, 23 42; Никон. по изд. Акад. Н., IV, 54, 132.

товары, известные съ тѣхъ поръ подь именемъ *Сурожскихъ*, или *Суровецкихъ* ⁽¹⁵¹⁾. Былина о Суровцѣ-Суздальцѣ можетъ дать основаніе для предположенія, что эта торговля велась не съ одной только Москвой, но и съ другими городами Ростовско-Суздальской земли, въ числѣ которыхъ весьма легко могли быть Ростовъ, Ярославль и Угличъ.

Кромѣ Татаръ, Новгородскіе ушкуйники въ XIII—XV в., въ свои походы по Волгѣ безъ новгородскаго слова, опустошали побережные города и грабили по Волгѣ купцовъ. Эти набѣги не могли имѣть благотворнаго вліянія на развитіе торговли по Волгѣ.

Въ 1360 г. ушкуйники, которыхъ лѣтописи Воскресенская и Никоновская называютъ разбойниками, напали на Болгарскій городъ Жувотинъ и ограбили тамъ Татаръ; за это Татары ограбили христіанскихъ купцовъ въ землѣ Болгарской. Князя Жувотинскіе пожаловались на ушкуйниковъ въ орду хану Ходыру и ханъ прислалъ къ князьямъ Ростовско-Суздальской земли трехъ пословъ: Уруса, Каирмѣка и Алтынцы-бея съ приказомъ переловить разбойниковъ и доставить къ нему, хану. По этому случаю былъ съѣздъ князей въ Костромѣ; разбойники были переловлены и выданы ордынскимъ посламъ ⁽¹⁵²⁾. Въ 1366 году было новое нападеніе ушкуйниковъ. На этотъ разъ они дошли только до Нижняго и избили подь этимъ городомъ много бесерменъ и по Волгѣ ограбили московскихъ „гостей“ ⁽¹⁵³⁾. Въ 1369 года осенью Волгой шло 10 ушкуевъ и нѣсколько ушкуевъ Камою. И тѣ и другіе были разбиты подь Болгарами ⁽¹⁵⁴⁾. Въ 1370 году новгородскіе ушкуйники ходили по Волгѣ дважды и „много зла сотвориша“. Они взяли Кострому и Ярославль ⁽¹⁵⁵⁾. Въ 1375 году былъ особенно большой набѣгъ на Поволжье ушкуйниковъ въ количествѣ 1500, подь предводительствомъ Провопа.

⁽¹⁵¹⁾ П. С. Л. V, 233. VI, 99. Никон, изд. Акад. в. III, 207.—
въ перечнѣ фамилій Сурожанъ, взятыхъ Дмитріемъ Донскимъ при его походѣ на Мамаю «повѣденія ради дальнихъ странъ» видно, что эти Сурожане были Русскіе. См. «Р. Ист. Сб.» т III, 25—26.

⁽¹⁵²⁾ П. С. Л. VIII, 41., Никон. III, 246.

⁽¹⁵³⁾ П. С. Л. III, 88; IV, 64.

⁽¹⁵⁴⁾ Ibid., IV, 66.

⁽¹⁵⁵⁾ Ibid.—Никон., IV, 30—34.

Въ этотъ годъ, какъ мы видѣли выше, „дружина Прокопа“, какъ называется Новгородская лѣтопись этихъ ушкуйниковъ, напала снова на Кострому (156). Любопытны подробности о взятіи и разграбленіи Костромы ушкуйниками, передаваемая IV-й Новгородской лѣтописью. Эти подробности указываютъ намъ на богатство Костромы въ XIV в. Костромичей вышло противъ Новгородцевъ 5000. Взявши городъ, ушкуйники оставались въ немъ цѣлую недѣлю, выскывая всевозможный *товаръ* и разныя сокровища и предаваясь необузданному грабежу. Они не имѣли возможности взять съ собою все награбленное; взяли только самыя драгоценныя и болѣе легкія вещи—все же остальное побросали въ Волгу, или сожгли (157). Взявши множество плѣнниковъ, мужчинъ, женъ и дѣвицъ, ушкуйники отправились изъ Костромы внизъ по Волгѣ. Ограбивъ Нижній, они повернули въ Каму и, спустившись далѣе по Волгѣ въ Сараево, грабили христіанскихъ „гостей“, а „бесерменъ“ побивали. Они дошли до самаго устья Волги, до города Хозьторожана, гдѣ были всѣ до единого избиты мѣстнымъ княземъ Сальчіемъ, а имѣніе ихъ подѣлили бесермены (158). Подъ 1409 годомъ встрѣчается въ Воскресенской лѣтописи послѣднее извѣстіе объ ушкуйникахъ новгородскихъ, пришедшихъ Волгою. Въ этомъ году новгородецъ Анфалъ пошелъ въ 250 насадахъ къ Болгарамъ; 100 насадовъ шло Камою и 150 Волгою. Татары напали на камскій отрядъ и разбили его, а волжскій отрядъ не успѣлъ соединиться съ камскимъ (159).

Кромѣ новгородскихъ ушкуйниковъ и татарскихъ опустошеній, на экономическое положеніе Ростовскаго княжества оказывали неблагоприятное вліяніе разнаго рода физическія бѣдствія: пожары, голодъ и неизбѣжные спутники голода—повальные болѣзни.

О пожарахъ городовъ мы уже говорили выше (160). Но кромѣ городовъ выгарали въ Ростовскомъ княжествѣ лѣса и даже болота, которыми оно такъ изобиловало. Такъ подѣ

(156) См. выше. наш. очерк. стр. 184.

(157) П. С. Л. IV. 74.

(158) Ibid. 72

(159) Ibid. VIII, 85.

(160) См. выше. наш. очерк., с. 197.

1223 годомъ въ Лаврентьевской лѣтописи читаемъ: „лѣто бѣ ведро велики и мнози борове и болота загарася и дымове силни бяху, яко недалече бѣ видѣти человекомъ; бѣ бо яко мгла въ земли прилегла, яко и птицамъ по аеру не бѣ лѣзъ летати, но падаху на землю и умираху“ (161). Въ XIII в. лѣтописецъ упоминаетъ только однажды о сильномъ голодѣ, бывшемъ во всей Суздальской землѣ, подъ 1214 годомъ: „ови бо ядаху дубовую кору, а ини мохъ, а ини солому тлъкоуче, а ини конину ядахуть и въ великое говѣніе, и много людѣи тогда изомроша отъ глада“ (162). Въ 1420 году лѣтомъ выпалъ глубокой снѣгъ впродолженіи трехъ дней и трехъ ночей и совершенно прибилъ въ землѣ ржаной и яровой хлѣбъ. Вслѣдъ за этимъ бѣдствіемъ, околó самаго Успенья, открылся сильный моръ на людей въ Ростовѣ, Ярославѣ, Костромѣ и Галичѣ. Люди вымирали такъ сильно, что не кому было сжаты и испорченный хлѣбъ (163). Сильный голодъ продолжался два года; цѣны на хлѣбъ поднялись весьма значительно: въ Костромѣ оковъ ржи продовалась за два рубля; люди принуждены были ѣсть мертвечину, вслѣдствіе чего явился снова моръ (164). Пропастъ людей перемерло, а нѣкоторые переселялись въ Литовскую землю и умирали на пути (165).

Отмѣтимъ здѣсь встати замѣтки лѣтописцевъ о землетрясеніяхъ и небесныхъ знаменіяхъ, которыя, по суевѣрному мнѣнію нашихъ древнихъ грамотниковъ, всегда предзнаменовали народныя бѣдствія.

Въ 1230 году 3-го мая было сильное землетрясеніе, не только во всей Ростовско-Суздальской землѣ, но и на югѣ Руси (166). Въ томъ же году 10 мая нѣкоторые видѣли рано поутру, что восходящее солнце имѣетъ видъ треугольника, „яко коврига“; черезъ нѣсколько времени солнце приняло видъ звѣзды и скрылось, а немного спустя, „опять взиде въ своемъ чину“ (167). 14 мая произошло настоящее затменье солнца,

(161) П. С. Л., I, 189.

(162) Лѣтоп. Переясл. Сузд., 112.

(163) П. С. Л., VIII, 90.

(164) Ibid., V, 262; VIII, 91.

(165) Ibid., V, 262.

(166) Ibid., I, 193; XV, 354.

(167) Ibid., I, 193.

которое видѣли уже всѣ: солнце было „яко мѣсяць“, впродолженіи трехъ дней (?). Многіе приняли его даже за луну, п. ч. въ то время было „межемѣсячье“; а иные вообразили, что солнце пошло назадъ, т. е. отъ запада въ востокъ, п. ч. по небу, съ сѣвера на югъ, шли очень быстро частыя, но малыя облава, закрывая собою солнце⁽¹⁶⁸⁾.

Въ - заключеніе нашего очерка внутренняго состоянія Ростовскаго княжества намъ остается сказать нѣсколько словъ объ общественномъ строѣ этого княжества.

Припоминая факты исторической жизни Ростова, выразившейся особенно рельефно въ многознаменательную борьбу городовъ Ростовско-Суздальской земли и затѣмъ въ эпоху Константина Всеволодовича,—мы невольно останавливаемся на заключеніи, что общественный строй Ростовскаго княжества имѣлъ нѣкоторыя отличія отъ того единовластно-вотчиннаго общественнаго склада, въ который типически кристаллизировалось княжество Московское.

Ростовъ, древняя колонія Новгородская, свято чтитъ вѣчевыя традиціи своей митрополии. Сила вѣча и слабость княжеской власти—вотъ тѣ особенности общественнаго строя Ростовскаго княжества, которыя, какъ намъ кажется, отличаютъ его отъ общественнаго строя Московскаго.

Земскіе бояре, имѣвшіе большую власть въ безкняжее время въ землѣ Ростовско-Суздальской,—составляютъ главнѣйшую силу Ростовскаго вѣча. Владимірскій лѣтописецъ, преданный интересамъ великаго князя и нерасположенный къ Ростову,—прямо отождествляетъ вѣче съ боярами⁽¹⁶⁹⁾, а по теперешнимъ мѣстнымъ преданіямъ Ростовъ издавна славился буйными боярами⁽¹⁷⁰⁾.

Сила Ростовскихъ бояръ измѣряется тѣми отзывами объ отношеніи князей къ боярамъ, которыми лѣтописецъ въ похвалѣ князьямъ Ростовскимъ старается болѣе возвысить ихъ

⁽¹⁶⁸⁾ Лавр., 171.

⁽¹⁶⁹⁾ Ibid 161.

⁽¹⁷⁰⁾ Нѣчто о Ростовскихъ древностяхъ.—Яросл. губ. вѣд. 1848, № 12.

заслуги. Ласковость Ростовскаго князя къ боярамъ, „хранителямъ земли“, и заботливость его объ ихъ интересахъ, по возрѣнію Ростовскаго лѣтописца, составляетъ первое достоинство князя, между тѣмъ какъ Владимірскій лѣтописецъ привязанность Ростиславичей къ боярамъ ставитъ этимъ князьямъ въ вину⁽¹⁷¹⁾.

Княжеская власть въ Ростовѣ и другихъ городахъ Ростовскаго княжества ослаблялась все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени не только отъ преобладанія вѣча и бояръ, но и отъ другой, какъ мы видѣли, причины. Эта причина—естъ многочисленность княжескаго потомства. Раздробленные на множество независимыхъ владѣтельныхъ линій, Ростовскіе князья, также какъ князья Ярославскіе и Бѣлозерскіе, невольно попадали подъ сильную руку богатыхъ Московскихъ князей-вотчинниковъ⁽¹⁷²⁾.

Въ разсматриваемое время *селеніе и волость*—различаются уже отъ *города* на всемъ сѣверо-востокѣ Руси. По всей вѣроятности тоже различіе существовало и въ Ростовскомъ княжествѣ. Городъ въ XIII—XV вѣкахъ являлся уже не въ первоначальномъ своемъ значеніи *огороженнаго мѣста*, а въ значеніи земскаго, княжескаго, административнаго и военнаго центра. Устанавливается различіе между *большимъ* и *малымъ*,

⁽¹⁷¹⁾ Лавр. лѣт., 161.

⁽¹⁷²⁾ Собственно отъ удѣльныхъ Ростовскихъ князей, потомковъ старшаго сына Константина Всеволодовича Василька, произошло *семнадцать* отдѣльныхъ вѣтвей. Изъ нихъ только одна вѣтвь въ родѣ Владиміра Андреевича, правнука Константина Васильевича, жившаго во второй половинѣ XV в., сохранила простое именованіе *князей Ростовскихъ*; остальные шестнадцать вѣтвей именовались по прозвищу родоначальниковъ, или же по названію удѣловъ съ прибавленіемъ—Ростовскій. Такъ произошли фамиліи князей Голениныхъ-Ростовскихъ, Щепиныхъ-Ростовскихъ, Примиковыхъ-Ростовскихъ, Бахтеяровыхъ-Ростовскихъ, Гвоздевыхъ-Ростовскихъ, Пужбольскихъ-Ростовскихъ, Бритыхъ-Ростовскихъ, Хохомковыхъ-Ростовскихъ, Катывыхъ-Ростовскихъ, Буйносовыхъ-Ростовскихъ, Губинныхъ-Ростовскихъ, Темкиныхъ-Ростовскихъ, Ластяныхъ-Ростовскихъ, Голубыхъ-Ростовскихъ. Всѣ эти вѣтви въ настоящее время угасли. Представителями потомковъ Василька Константиновича въ настоящее время состоятъ два княжескихъ рода: Лобановыхъ-Ростовскихъ и Касаткиныхъ-Ростовскихъ (См. Гр. М. Толстаго: Др. свят. Ростова-Вел., с. 83 и 84).—О княжескихъ родахъ, происшедшихъ отъ князей Ярославскихъ и Бѣлозерскихъ см. наш. очерковъ, стр. 176—179.

старымъ и новымъ городомъ, между городомъ и пригородомъ. Въ городѣ собирается вѣче; рѣшенія его обязательны и для пригородовъ, которые „тянутъ“ къ своему городу; въ городѣ живетъ князь, а въ пригородахъ гдѣ нѣтъ князя—на мѣстнѣхъ князей; въ городѣ имѣеть постоянное пребываніе княжая дружина ⁽¹⁷³⁾.

Служилое сословіе Ростовскаго княжества, дружина князя—представляетъ полную аналогію съ служилымъ сословіемъ княжествъ: Московскаго, Тверскаго и друг. Любопытныя подробности о правѣ свободного перехода дружинниковъ отъ одного князя къ другому находимъ мы въ „сказаніи объ Александрѣ Поповичѣ“. Этотъ дружинникъ-богатырь, Ростовецъ родомъ, служилъ сначала Всеволоду Юрьевичу, а когда великій князь отдалъ Ростовъ сыну своему Константину, то перешелъ въ дружину этого князя. Александръ Поповичъ усердно сражался въ рядахъ Константинова войска за Ростовъ и за своего князя. Онъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ Константина съ Юріемъ и особенно отличился въ битвѣ Липецкой. По смерти Константина, Александръ Поповичъ задумался о своей судьбѣ, подгадая что Юрій Всеволодовичъ будетъ мстить дружинникамъ Константина за свое пораженіе, и въ особенности ему, Александру, убившему у Юрія много храбрыхъ мужей. Александръ, „всворѣ смысливъ“, посылаетъ своего слугу, который зналъ храбрыхъ дружинниковъ, бывшихъ въ то время близъ Владиміра, и велитъ ему ихъ созвать къ себѣ. Александръ собираетъ ихъ въ городъ подъ Гремячемъ володцемъ на рѣкѣ. Гдѣ и совѣтуется съ храбрыми дружинниками. На этомъ совѣтѣ постановляется такое рѣшеніе: если они, дружинники, станутъ служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, то они совсѣмъ сгинутъ, п. ч. „вняземъ въ Руси великое неустройство и части боеве“, а потому служить имъ всѣмъ одному великому князю въ *матери городовъ*—Кіевѣ ⁽¹⁷⁴⁾.

Это любопытное извѣстіе показываетъ, во 1-хъ, организацию княжеской дружины и во 2-хъ, что въ XIV в. на сѣверо-востокѣ Руси дружина должна была уступить мѣсто осѣдлому элементу служилаго класса—дворянамъ.

⁽¹⁷³⁾ Подробности см. у В. И. Сергѣевича: *Вѣче в князь*, стр. 23—32, 86—92, 33, 336, 389.

⁽¹⁷⁴⁾ П. С. Л. XV, с. 336—338.

Изъ позднѣйшихъ жалованныхъ грамотъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ княженій видно, что эти князья имѣли, какъ и князья другихъ нашихъ княжествъ, *бояръ, намѣстниковъ и тиуновъ* (176).

Относительно судопроизводства въ Ростовскомъ княжествѣ мы имѣемъ мало извѣстій. Есть, впрочемъ, извѣстie, приводимое Татищевымъ, что въ Ростовѣ, въ эпоху его самостоятельнаго существованiя, были свои особые мѣстные законы. Онъ говоритъ, что Московскiй великiй князь Василiй Васильевичъ Темный велѣлъ Ростовскимъ боярамъ судить *по ихъ старымъ законамъ* (176). Въ одномъ изъ чудесъ св. Леонтiя передается весьма любопытный и характеристическiй юридическiй обычай при спорахъ о земельныхъ межахъ. Епископомъ посылался священникъ съ вѣстомъ св. Леонтiя, который ставился на спорную землю и свидѣтели должны были по совѣсти, удостовѣряясь вѣстомъ первоученика Ростовскаго, опредѣлить кому изъ двухъ тяжущихся сторонъ должна принадлежать земля. Такимъ образомъ *разводъ земли* производился въ Ростовѣ по совѣсти, „а не такъ какъ въ другихъ мѣстахъ“, говоритъ описатель чуда, „гдѣ обыкновенно суды и тяжбы производились и лилась кровь“ (177). Изъ сказанiя о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ мы видѣли, какъ опредѣлялись въ Ростовѣ границы первоначально отводимой во владѣнiе кому нибудь земли. Изъ того же сказанiя мы узнаемъ, что въ случаѣ спора о владѣнiи земли по жалованнымъ грамотамъ, верховный судъ принадлежалъ ханскимъ посламъ и что владѣнiе земель распространялось и на воды, бывшiя въ границахъ земельного участка, или присуждалась *по землѣ и водѣ*, какъ мѣтко выражается составитель сказанiя (178).

Относительно частнаго быта князей Ростовскихъ мы можемъ замѣтить, что самымъ любимымъ ихъ препровожденiемъ времени, послѣ богомолья въ церквахъ и монасты-

(176) А. А. Э. т. I. №№ 28 и 38.

(176) Предисл. къ «Русской Правдѣ» въ продолж. Др. Росс. вивлиофики. Ч. 1-я.

(177) Ф. И. Буслаева: Ист. Оч. Русск. народн. словесн. и искусства. т. II стр. 100.

(178) См. выше наш. очерковъ стр. 218.

ряхъ, была охота. Окрестности Ростова располагали къ ней. Одинъ современный намъ путешественникъ по Ростовскому уѣзду говоритъ, что въ живописной мѣстности около Ростова князья любили отдыхать, „ловы дѣя“. Онъ полагаетъ, что многія изъ селеній ближайшихъ къ Ростову, какъ на примѣръ: Звѣринецъ, Соколово, Львы и Львиная гора—своими названіями прямо указываетъ на то, что въ нихъ, или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся теперь эти селенія, бывали остановки и роздыхи князей охоты, или помѣщались охотничіе князие „пути“ (179).

Мы считаемъ возможнымъ кончить на этомъ исторической очеркъ одного изъ старѣйшихъ княжествъ въ землѣ Ростовско-Суздальской.

Вслѣдъ за Ростовскимъ княжествомъ постепенно обособляются, одно вслѣдъ за другимъ, княжества: Переяславское, Суздальское, Городецкое, Нижегородское, Московское и Тверское. Исторія всѣхъ этихъ княжествъ намъ извѣстна очень мало. Русскіе историки слѣдили до сихъ поръ почти исключительно только за судьбою одного Московскаго княжества, поглотившаго всѣ остальные и разросшагося въ „Московское царство“. Это царство до сихъ поръ заслоняетъ своей гигантской фигурой судьбу остальныхъ княжествъ Ростовско-Суздальской земли, точно такъ же какъ, по мѣтвому выраженію М. П. Погодина, гигантская личность Петра Великаго заслоняетъ собою, въ свою очередь, царство Московское.

Если позволять обстоятельства, то мы намѣрены впоследствии изложить исторію всѣхъ остальныхъ княжествъ земли Ростовско-Суздальской.

(179) См. Яросл. Губ. Вѣд. 1848 г. № 37.

ПОЛОЖЕНІЯ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ ДИССЕРТАЦИИ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„МЕРЯ И РОСТОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО“,

ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ФАКУЛЬТЕТЪ КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Д. А. КОРСАКОВЫМЪ.

1.

Меря, исчезнувшій народецъ Чудскаго, или Финнскаго племени обиталъ на пространствѣ теперешнихъ губерній: Ярославской, Костромской, Владимірской и частію Нижегородской, Московской и Тверской.

2.

Источниками для изученія Мери могутъ служить: а) свидѣтельства лѣтописей и актовъ, б) изслѣдованіе современнаго намъ великорусскаго населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обитала Меря, с) изслѣдованіе языка, религіи и быта Мордвы и Черемисъ и d) курганныя раскопки и археологическія находки.

3.

Эти источники далеко не разработаны критически, а потому выводы относительно Мери въ настоящее время не могутъ восходить далѣе гипотезъ.

4.

Славянская колонизація въ землю Мери началась гораздо ранѣе призванія князей въ Новгородъ.

II

5.

Эта колонизация направлялась главнымъ образомъ изъ Новгорода Волгой и ея притоками.

6.

Славянская колонизация въ землю Мери распадается на *четыре* главнѣйшія категоріи: а) вольную, б) княжескую, с) монастырскую и д) промышленно-торговую.

7.

Ростовъ-Великій и Суздаль являются одними изъ древнѣйшихъ поселеній Славянъ въ землѣ Мери.

8.

Въ періодъ времени съ 862 по 1157 г. чудской народецъ Мери поглощается Славянами. Земля этого народа получаетъ названіе земли Ростовско-Суздальской. Въ этой землѣ зарождается особое Славянское племя, извѣстное въ исторіи нашего народа подъ именемъ Великорусскаго.

9.

Эпоха Юрія Долгорукаго въ исторіи земли Ростовско-Суздальской есть эпоха установленія элементовъ гражданственности этой земли: власти князя и Христіанства.

10.

Эпоха Андрея Боголюбскаго есть эпоха окончательнаго сформированія отличительныхъ особенностей Великорусскаго племени: а) выраженія власти князя въ началѣ единовластія, б) земскаго (народнаго) значенія Православія, с) дальнѣйшаго поступательнаго движенія Великоруссовъ на востокъ.

11.

Этнографическая исторія Великоруссовъ въ до-московскій періодъ вообще представляетъ собою *три* фазы: а) претвореніе Мери въ Великорусское племя, б) торжество этого племени надъ Мордвою и с) задержка Татарами дальнѣйшаго распространенія Великоруссовъ на востокъ и движеніе Татаръ въ землю Ростовско-Суздальскую.

III

12.

При Всеволодѣ Юрьевичѣ начинается обособленіе княженій (удѣловъ) въ землѣ Ростовско-Суздальской. Обособленіе это идетъ по порядку старѣйшинства городовъ этой земли. Первымъ обособляется Ростовъ.

13.

Константинъ Всеволодовичъ, первый князь Ростовскій, былъ чуждъ стремленію къ единовластію, которымъ отличались Андрей Боголюбскій, Всеволодъ Юрьевичъ и сыновья Всеволода: Юрій и Ярославъ. Константинъ Всеволодовичъ является представителемъ идеи княжескаго родоваго старѣйшинства и защитникомъ земской самостоятельности Ростова и его главенства въ землѣ Ростовско-Суздальской. Княженіе Константина Всеволодовича есть цвѣтущая эпоха въ исторіи Ростовскаго княжества.

14.

Исторія Ростовскаго княжества послѣ Константина есть исторія постепеннаго паденія этого княжества. Съ 1219 г. до начала XV в. оно раздробляется на большое число удѣловъ и подудѣдовъ. Потомки Константина не отличаются силой характера. Эти *два* причины приводятъ Ростовскіе удѣлы къ окончательному ослабленію и къ постепенному ихъ подчиненію все болѣе и болѣе возвышающейся Москвѣ.

15.

Ярославскій удѣлъ Ростовскаго княжества усиливается въ XIV в. при Смоленской династіи Феодора Ростиславича чермнаго и въ особенности при внузѣ его Василіѣ Давидовичѣ, который пытается заявлять Москвѣ свою независимость, но эта попытка ему не удается.

16.

Главнѣйшій источникъ для исторіи собственно Ростовскаго удѣла въ XIII, XIV и XV вв. есть Ростовская лѣтопись, дошедшая до насъ частію въ отрывкахъ, вошедшихъ въ составъ другихъ лѣтописей, частію же въ переработкѣ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ XVI и XVII вѣковъ.

IV

17.

Въ теченіе XIII, XIV и XV вв. въ Ростовскомъ княжествѣ распространяется дѣятельная монастырская колонизація, которая, раздвигая предѣлы Велиборусскаго племени, направляется преимущественно на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

18.

Промышленность въ Ростовскомъ княжествѣ, опредѣляясь природными условіями края, была развита довольно сильно. О развитіи торговли въ этомъ княжествѣ мы не имѣемъ достаточныхъ указаній; частыя татарскія опустошенія и набѣги новгородскихъ повольниковъ не представляли благоприятныхъ условій для ея развитія.

19.

Общественный складъ Ростова отличался отъ склада Московскаго княжества преобладаніемъ власти вѣча и бояръ надъ личной властью князя. Относительно особенностей общественнаго склада остальныхъ городовъ Ростовскаго княжества мы не имѣемъ опредѣленныхъ историческихъ свидѣтельствъ.

20.

Въ Московскомъ государствѣ Ростовъ окончательно теряетъ свое земское значеніе и сохраняетъ видное положеніе только въ церковно-іерархическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ расадниковъ Христіанства въ землѣ Русской.

~~~~~

Печатано съ разрѣшенія Историко-Филологическаго факультета, 5 февраля 1872 г.

Деканъ *И. Оирсовъ*.

<i>Стр.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано</i>	<i>слѣдуетъ читать</i>
71	4 сверху	наконень	наконедь
78	3 —	жело	жѣло
85	13 снизу	наказуеши	наказуя
94	14 сверху	Иторію	Исторію
100	4 —	земли, Ростовско-Суздальской	земли Ростовско Суздальской
—	22 —	Великаго Новгорода, остаются	Великаго Новгорода остаются
—	24 —	доводять, наконецъ	доводять наконецъ
116	1 —	та	эта
118	17 —	на	по
122	19 —	земскимъ	земскихъ
126	11 снизу	имѣни	имени
130	5 —	построивъ	построенъ
142	6 сверху	XII	XIII
151	1 —	нивелирующимъ	нивелирующимъ
—	14 снизу	яснѣ,	яснѣ
154	8 —	но	но и
157	11 сверху	1218	1216.
159	4 —	Константину	Константину
162	6 —	такаго	такого
163	14 —	вступивъ	и вступилъ
166	9 —	Въ	Въ
177	2 —	Въ	По
183	5 —	Восилька	Василька
184	3 —	Тверскова	Тверскаго
195	16 —	Нижегородскаго	Нижегородскаго
203	10 снизу	поселенцовъ	поселенцевъ
206	24 сверху	на	въ
207	13 —	Рускіе	Русскіе
211	5 —	въ	къ
219	6 снизу	Стефанъ	Стефанъ.
222	8 сверху	смѣстнаго при	смѣстнаго
224	2 снизу	поставленъ	поставленъ
225	23 сверху	Ростовскомъ	Рождественскомъ
227	18 снизу	татарскими	татарскими
229	9 —	№ №	215—217.
233	15 —	полунствѣшіе	полунствѣшія
234	2 сверху	они	онѣ
239	7 снизу	перечня	перечня
240	18 сверху	Хозьторокана	Хазьторокана

ВАЖНѢЙШІЯ ИЗЪ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

<i>Стр.</i>	<i>строка</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
1	9 сверху	раскоповъ	раскопокъ
3	18 —	археолги	археологн
6	20 —	опредѣленія	опредѣленіе
8	5 —	никакихъ	никакимъ
—	13 снизу	comitantu	comitantur
12	21 сверху	освящено	освѣщено
—	3 снизу	сгруппировать	сгруппировать.
13	17 сверху	четертая	четвертая
14	5 —	представляюся	представляются
17	11 —	наращеніемъ	наращеніемъ
18	17 —	названія	пазванія
—	5 снизу	названіяхъ	названіяхъ
23	12 сверху	видоизмененіе	видоизмѣненіе
26	12 снизу	для	дня
29	4 —	простонародные	простонароднымъ
—	1 сверху	мордовскія	мордовскія
31	4 —	стрѣмленіе	стремленіе
—	14 —	ими	послѣдними
—	6 снизу	наблюденія	наблюденія
37	4 сверху	персонофикація	персонификація
40	9 —	дѣвались	дѣвались
41	7 —	губерніи	губерніи
48	2 снизу	ироническія	ироническія
—	1 —	двухъ, выводовъ	двухъ выводовъ,
50	4 сверху	значительнымъ	значительнымъ
53	3 —	Кавжи	Ковжи
—	19 —	ввѣрхъ	вверхъ
59	19 —	дервни	дервни
61	1 —	смотрѣвшее	смотрѣвшее
63	2 —	военнй	военной
65	10 снизу	эманация	эманация
67	12 сверху	Гарѣлинъ	Гарелинъ
—	5 снизу	Гарѣливъ	Гарелинъ